

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/91

1992 год — год Обезьяны

Гуманизм и экология

Пекинские встречи
после августа 91-го

Дальневосточный
регионализм

Теневая экономика
и политика

Диалог Сталина
с Мао Цзэдуном

Праздники
четырёх времен года

Зим - 91

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Научный и общественно-политический журнал выходит шесть раз в год на русском и английском языках.

Издается с марта 1972 г.

Москва.
Издательство «Прогресс»

6/91

ПУЛЬС РЕГИОНА

ИДВ АН СССР — Стэнфордский университет: совместная программа 3
М. Л. Титаренко. Гуманистические проблемы экологической ситуации 7
В. Б. Воронцов. Август 91-го: размышления во время пекинских встреч 12
В. Э. Молодяков. Взгляд на СССР с Японских островов 18

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

В. Б. Воронцов, А. А. Мурадян. Дальневосточный регионализм 21
Е. Л. Мотрич. Демография и экономика ДВЭР 28
В. П. Каракин, А. С. Шейнгауз. Природопользование: проблемы и перспективы 35

ШАГИ И УРОКИ РЕФОРМЫ

В. Е. Зотов. Теневая экономика и политическая борьба 44
А. С. Мугрузин. «Груз прошлого» и современный Китай 58

БИЗНЕС-КЛУБ

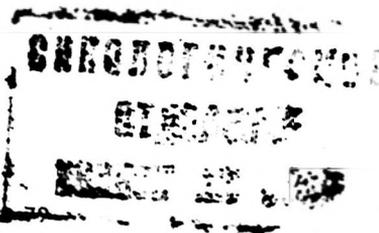
Е. Ф. Авдокушин. Китайский валютный рынок 70
И. А. Балюк, М. А. Балюк. Подступы к реформе торговли в КНР 79

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И. В. Ковалев. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном 83
А. М. Кайгородя. Маньчжурия: август 1945 94
А. Н. Ланьков. Северная Корея 1945—48 гг.: от освобождения до провозглашения 104
А. А. Азаренков, Э. М. Щагин. Страницы истории Дальневосточной республики 113

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Дж. Чэпман. Рихард Зорге и война на Тихом океане 122
Е. Хияма. Планы покушения на Сталина (продолжение) 136

КЛУБ КОНФУЦИЯ

Л. С. Переломов. Жизнеописание Конфуция (продолжение) 151

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

С. Р. Белоусов. Дважды перевербован (продолжение) 160

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

В. Я. Сидихменов. 1992 год — год Обезьяны 176

М. В. Солнцев, Б. П. Рычило. Праздники четырех времен года 182

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Конференция по уйгуроведению в Алма-Ате 175, 181

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Г. Д. Сухарчук. На пересечении цивилизации 190

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале, не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции: Москва,
117848 ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), **В. И. ГЛУНИН**, **А. М. ГРИГОРЬЕВ**, **А. П. ДЕРЕВЯНКО**, **В. Н. КАШИН**, **А. П. МОРОЗОВ**, **С. Н. МОРОЗОВ**, **А. А. МУРАДЯН** (зам. главного редактора), **В. С. МЯСНИКОВ**, **Л. С. ПЕРЕЛОМОВ**, **Д. В. ПЕТРОВ**, **В. Я. ПОРЯКОВ**, **С. С. РАЗОВ**, **И. А. РОГАЧЕВ**, **Б. Л. РИФИН**, **Г. С. САДВАКОВ**, **А. И. СЕНАТОРОВ**, **Б. Н. СЛАВИНСКИЙ** (зам. главного редактора), **В. Ф. СОРОКИН**, **Г. Д. СУХАРЧУК**, **М. Л. ТИТАРЕНКО**, **Н. С. ТИХОНОВ** (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1991

СОВМЕСТНАЯ ПРОГРАММА

Института Дальнего Востока АН СССР и Центра
международной безопасности и контроля
над вооружениями при Стэнфордском университете

Принято 9 июля 1991 года в г. Владивостоке

Предисловие

После опубликования совместного заявления ИДВ АН СССР и ЦМБКВ при Стэнфордском университете по проблемам мира и безопасности в Азии* произошли огромные перемены. СССР, США и все государства Европы заявили, что «холодная война» окончена и они более не являются противниками. На смену конфронтации и разногласия между Востоком и Западом приходит практическое конструктивное сотрудничество, нацеленное на перестройку всей международной системы.

Ситуация в Азии отмечена значительным улучшением советско-китайских отношений, установлением дипломатических и торговых отношений между СССР и Республикой Корея, активизацией советско-японских отношений, выходом межкорейского диалога на уровень переговоров между премьер-министрами. Оба корейских государства подали заявку на вступление в ООН. Более самостоятельную роль в делах региона играют малые и средние страны АТР, интересы которых уже не столь тесно связаны с СССР и США.

Процесс оздоровления отношений между Востоком и Западом мог бы принять необратимый характер, если бы он развивался более или менее в равной степени целенаправленно и интенсивно как в Европе, так и в Азии. Следовательно, необходимо усилить внимание к поискам решений острых проблем АТР. Новая ситуация позволяет применять новые подходы к проблемам региональной безопасности, реализация которых ранее не представлялась возможной. Качественный поворот в характере отношений между Востоком и Западом свидетельствует о возможности создания нового международного политического порядка, основанного на универсальных принципах, признаваемых ныне большинством международного сообщества.

Мы надеемся, что ученые и политики обогатят этот документ новыми идеями и окажут содействие в практической реализации предлагаемой программы. Решения, которые будут приняты в ближайшие годы, предопределят перспективы мира и партнерства в регионе, а может быть, и судьбу человечества.

* Программа укрепления безопасности и снижения риска войны в азиатско-тихоокеанском регионе (ИДВ АН СССР — МИСИ при Стэнфордском университете. Стэнфорд, 2 октября 1987 г.). Об укреплении безопасности и развития сотрудничества на Корейском полуострове (ИДВ АН СССР — МИСИ при Стэнфордском университете. М., 20 июня 1988 г.).

Советско-американское сотрудничество и новая структура международных отношений в Северо-Восточной Азии

7—8 июля 1991 г. во Владивостоке состоялась встреча ученых Института Дальнего Востока АН СССР и Центра международной безопасности и контроля над вооружениями при Стэнфордском университете, на которой был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с развитием военно-политической ситуации в АТР. Исходя из результатов совместных исследований, ведущихся в течение пяти лет, участники этой встречи достигли согласия по ряду позиций: в принципе признали необходимость оказывать содействие нынешним позитивным изменениям в регионе, и пришли к выводу, что окончание «холодной войны» должно обеспечить дальнейший прогресс в поисках решения существующих конфликтов. Была поддержана идея о том, что успех реформ в Советском Союзе и Китае отвечает бы интересам всех государств региона. Нынешняя ситуация открывает новые серьезные возможности для решения давно назревших проблем. В целях закрепления и реализации этих возможностей участники рабочей встречи в полной мере сознавали все своеобразие сложной военно-политической ситуации в регионе, отличающейся по многим важным аспектам от обстановки в Европе, предлагают программу двусторонних (советско-американских) и многосторонних мер, которые наполнили бы реальным содержанием перспективы прочного мира и сотрудничества в Азии.

Главная трудность ситуации состоит в отсутствии единой комплексной структуры для решения многочисленных острых проблем. Данная программа разработана с учетом особенностей региона, а также насущной потребности в проявлении уважения к интересам каждой страны, и нацелена на то, чтобы привлечь внимание к необходимости выработки новых подходов к проблемам региона, которые могут быть решены в духе реализма.

Советско-американское сотрудничество в сфере безопасности в АТР

СССР и США могли бы придать необходимый стимул поискам путей к укреплению мира и сотрудничества в АТР, и в то же время активизировать дальнейшее улучшение своих двусторонних отношений путем реализации следующих двусторонних мер доверия:

- обязательство проводить (на уровне контактов между военными двух стран) регулярные обзоры военных доктрин, стратегий и общих программ военных маневров СССР и США;
- обязательство регулярно осуществлять обмен данными о вооруженных силах, в том числе о размещении военно-воздушных, военно-морских и сухопутных сил в регионе;
- обязательство изучить вопрос о снижении уровня опоры на ядерное оружие в регионе, в том числе возможности заключения соглашения о неразмещении и последующей ликвидации ядерного оружия на советских и американских надводных кораблях;
- обязательство не применять и не угрожать применением ядерного оружия против стран—участниц договора о нераспространении, действующих в соответствии с положениями договора и не в обход его;
- ежегодные встречи между командующими Тихоокеанского флота СССР и Тихоокеанских сил США для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес.

Многосторонние меры по укреплению безопасности в АТР

В ходе встречи также предложено рассмотреть возможность реализации многосторонних мер с участием СССР, Китая, США, КНДР, Республики Корея и Японии. Данные меры могут обсуждаться и осуществляться как в двустороннем, так и в многостороннем порядке и применяться в региональном масштабе:

- рассмотрение и возможное осуществление различных мер доверия и безопасности в СВА с использованием опыта, накопленного в ходе успешной подго-

товки и реализации советско-американских соглашений о предотвращении инцидентов на море и о предотвращении опасной военной деятельности;

— создание механизма переговоров между военными представителями стран Северо-Восточной Азии для обсуждения военных доктрин и обмена данными о размещении сухопутных, воздушных и морских сил в регионе и вокруг него;

— обмен данными о военных бюджетах по принципу аналогичных обменов в рамках СБСЕ.

Приоритетные сферы сотрудничества в СВА

1. Корея.

Исходя из стремления поддерживать возможные соглашения по мерам доверия и сокращения вооружений между Севером и Югом Кореи, СССР, США, Китай и Япония также могли бы заявить о своем намерении:

— действовать в соответствии с решениями, принятыми корейскими сторонами, о неразмещении ядерного, химического и биологического оружия в Корее;

— уважать любые решения об ограничении военной техники в Корее, принятые корейскими сторонами;

— приветствовать и уважать соглашение о неприменении силы между Северной и Южной Кореей;

— поддержать процесс мирного урегулирования в Корее и мирного объединения страны.

2. Передача военной технологии и военной техники.

С тем, чтобы улучшить понимание позиций друг друга, СССР, Китай, США и Япония могли бы изучить вопрос о регулировании передачи военной технологии и технологии двойного назначения. Со временем стороны могли бы разработать основные принципы контроля над распространением высокотехнологичной технологии военного назначения. Хотя другие группы стран уже обсуждают проблемы передачи вооружений, этот вопрос мог бы также стать предметом рассмотрения на форуме четырех держав. Например, было бы целесообразно обсудить вопрос об ограничениях на экспорт вооружений на Ближний Восток, включая экспорт лицензий на производство ракет класса «земля-земля». В обсуждении подобных вопросов, наряду с четырьмя державами, могли бы принять участие и другие заинтересованные страны.

3. Политические консультации.

Помимо названных выше более узких и конкретных вопросов безопасности, представляется целесообразным проводить политические консультации, имеющие конечной целью создание системы, нацеленной главным образом не на создание возможностей для односторонних акций, а на выработку решений, обеспечивающих интересы всех заинтересованных государств без ущерба интересам третьих стран.

В связи с тем, что политическое взаимопонимание достигается медленнее, чем согласие по более четко определенным и требующим постоянного внимания задачам обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии, представляется полезным создание в регионе «зонтичной» структуры, в рамках которой можно было бы по мере необходимости создавать специальные группы для решения возникающих конкретных проблем.

Мощь по-прежнему присутствует в мире, но ее роль и место в отношениях между государствами могут быть разумно ограничены политикой сотрудничества между крупными державами. Военная сила не должна превышать необходимые уровни обороны: эти уровни следует устанавливать в ходе международного диалога в АТР, как уже имеет место в других регионах мира. Принятие решений по вопросам безопасности в АТР на основе многостороннего сотрудничества должно постепенно дополнять и по возможности заменять привычные пути принятия решений в двустороннем и одностороннем порядке. В данном случае цель состоит в том, чтобы обеспечить режим безопасности в духе сотрудничества между госу-

дарствами Северо-Восточной Азии, который позволил бы снизить значение и роль баланса сил и обеспечил бы поиск баланса интересов безопасности указанных крупных держав.

Наличие возможностей для проведения согласованной политики в сложных вопросах безопасности делает реальным создание стабильной структуры отношений между СССР, Китаем, США и Японией. Уже в ближайшем будущем такие совместные усилия, без сомнения, принесут всем странам региона конкретные позитивные результаты.

В регионе, особенно в Северо-Восточной Азии, может быть налажено новое, позитивное и многообещающее советско-американское взаимодействие. Советско-американское сотрудничество должно соответствовать общепринятым принципам Устава ООН. Будущая международная структура должна носить открытый характер и отвечать устремлениям всех народов и стран региона.

Владивосток, 9 июля 1991

Гуманистические проблемы экологической ситуации

М. ТИТАРЕНКО

Человечество всегда связывало свои надежды на лучшее будущее с научно-техническим прогрессом, уровень которого в различных странах планеты определяет степень социально-экономического развития государств. Особенно эти тенденции получили большое развитие в последние 30 лет, когда в ряде районов планеты (Западная Европа, Северная Америка, страны азиатско-тихоокеанского региона) произошел скачок в развитии новых наук и качественно новых технологий во всех отраслях общественного хозяйства, что усилило господство технократического подхода к отношениям с природой как в странах с рыночной, так и госплановой экономикой. Продолжают доминировать взгляды на развитие человеческой цивилизации как на сообщества людей, основанные на достижении технического прогресса, на стремлении преодолеть зависимость человеческой деятельности от «стихийных сил» природы, на установлении господства человека над природой. Развитие и совершенствование духовного, нравственного начала в самом человеке, этические, традиционные ценности людей все более отодвигаются на периферию общественной мысли и уклада жизни. Привычными становятся представления о приоритете материального перед духовным и этическим, о получении любой ценой, в том числе за счет разрушения природы, некоего максимального комфорта. Человеческая цивилизация все больше скатывается к технократическим поискам господства над природой и «ловли кайфа». Можно утверждать, что безудержный «кайфизм» стимулирует технократизм и потребительство, а это в свою очередь ведет к прогрессирующему разрушению окружающей среды.

Сейчас, когда предметом особой тревоги является постоянно ухудшающаяся экологическая обстановка на всей планете, все более становится явным природное единство людей. Превращение «философии вражды» в «философию зависимости»¹ — вот величайшее требование высших общечеловеческих интересов выживания, что принуждает к взаимодействию в глобальном масштабе всех типов социальных систем и обществ.

Особое внимание привлекает экологическая ситуация в Азии и АТР, где в условиях ускоренного экономического развития ряда стран региона уровень антропогенного давления на природу достиг опасной черты.

Складывающаяся в 80-е годы в АТР региональная система разделения труда, формирующиеся механизмы регионального экономического сотрудничества, высокие экономические темпы развития ряда стран постоянно нуждаются в кооперации рационального использования природных ресурсов региона и охраны окружающей среды. Новое политическое мышление требует учета полной картины региональных экономических и экологических отношений, их рассмотрения в диалектическом единстве и взаимосвязи. Поэтому выдвинутые в ряде выступлений советских руководителей идеи формирования новой шкалы общечеловеческих ценностей в АТР включают в себя как одну из основных — проблему обеспечения надежной предсказуемости дальнейшего хода экологических процессов и оптимизации взаимоотношений человеческого общества с природой как основы его устойчивого социально-экономического развития.

Титаренко Михаил Леонтьевич, директор Института Дальнего Востока АН СССР, доктор философских наук.

Все науки до экологии развивались и удовлетворяли за счет природы все новые и новые потребности человека; экология — первая наука, поставившая вопрос об ограничении этих потребностей. Это особенно необходимо осуществить в АТР, где экономическое развитие поощряет любое потребление, потребление ресурсов во все больших количествах, в том числе и потребление совершенно ненужных и вредных веществ. Тем не менее модель «тихоокеанского сообщества» XXI в. в малой мере соотносится с потребностями каждого отдельного человека и не соответствует потребностям человечества в целом. Экология как наука, как образ жизни, как норма поведения — вот идеал, который остался незапятнанным и безупречным.

Тем большую тревогу вызывает неоспоримый факт, что состояние окружающей среды в АТР продолжало ухудшаться в 80-е годы в результате роста интенсивных хозяйственных связей и других форм деятельности человека, которые традиционно считались мирными и созидательными. Предсказания ряда ученых и политиков о превращении АТР в XXI в. в центр передового технологического производства и международной торговли могут не исполниться, так как опасность разрушения среды в ряде стран Азии (КНР, СССР, МНР, ряд стран, АСЕАН Тайвань) разрослась до таких масштабов, что может подорвать богатую природно-ресурсную базу региона².

В тихоокеанском бассейне сконцентрировано 60 % населения мира, производящего 60 % мирового валового продукта. На долю стран этого региона приходилось $\frac{2}{3}$ объема пристома продукции в период с 1980 г. По некоторым оценкам, к 2000 г. совокупный продукт стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии будет соизмерим с североамериканским. Однако чрезмерный оптимизм по поводу тихоокеанских перспектив ряда специалистов считается нереальным из-за непредсказуемых перемен в экономике, окружающей среде, демографической ситуации и т. д.³ В последнее время обострение экологической ситуации в ряде районов региона все более проявляется в четырех сферах: демографической, загрязнении среды, охране природных ресурсов и продовольственной проблеме⁴.

Особую остроту в АТР приобретает проблема обеспечения возрастающего населения продовольствием, так как в ряде районов темпы пристома продовольствия уступают росту населения. В азиатско-тихоокеанском районе проживает около 60 % населения земного шара, а общее производство зерновых составляет только 44 % мирового. Поэтому 90-е годы могут стать переломными в перестройке хозяйственной структуры, внедрении достижений науки и техники, расширении международного сотрудничества в области рационального использования природных ресурсов.

Примером разрушения экологической среды в АТР является ситуация в крупнейших странах региона СССР и КНР, которые оказывают большое влияние на архитектуру формирования системы экологической безопасности в регионе. Обострение экологических проблем порождает необходимость развития и укрепления более тесного сотрудничества наших стран в этой сфере.

Китайские специалисты отмечают, что в результате чрезмерной человеческой деятельности без учета ее влияния на окружающую среду будет нарушен предел равновесия множества биосистем ряда районов Китая, поддерживающих существование самовоспроизводства природы. КНР уже сейчас имеет численность населения, превышающую имеющиеся экономические возможности: в идеале она должна быть не более 800—950 млн. человек, а не 1,14 млрд. (на конец 1990 г.). По расчетам ученых и Академии наук Китая, с точки зрения земельных ресурсов, численность населения не должна превышать 1 млрд. человек, обеспеченности пресной воды — 450 млн. человек, экологии — 700 млн. — 1 млрд. человек, наличия энергетических ресурсов — 1,15 млрд. человек, производства зерна — 1,16 млрд. человек.

По данным статистических органов, в 1985—1988 гг. ежегодно потери от выброса ядовитых веществ в атмосферу, водные источники, скопления твердых веществ и мусора соответственно составляли 7,98; 38,25; 10,27 млрд. юаней, потери от нерационального использования природных ресурсов составляют 20,42 млрд. юаней, ущерб от экологического разрушения — 86 млрд. юаней. Все затраты (по оценке 1988 г.) составили 163 млрд. юаней, или 12 % валового национального продукта КНР⁵. В то же время в 1988 г. затраты на охрану среды составляли 42,2 млрд. юаней⁶. Таким образом, в 80-е годы нагрузка на экологическую среду в Китае достигла угрожающих размеров и грозит огромными экономическими и социальными потерями. Изменяются и клима-

тические условия. Так, причину беспрецедентных в истории КНР наводнений весной 1991 г., когда экономические потери составили 40 млрд. юаней, китайские экологи видят в неожиданном перемещении на 300 км к северу «пояса дождей», которые обычно идут в это время на юге страны. Ряд ученых связывают это с изменениями в экологии планеты, вызванными последствиями войны в Персидском заливе, пожарами на нефтяных скважинах Кувейта, а также парниковым эффектом и активностью вулканов на планете.

Многие аналогичные ситуации происходят и в СССР, где технократический и узковедомственный подход к развитию производительных сил страны при игнорировании законов природы, равно как и духовной, нравственной сущности бытия, обусловил возникновение противоречий между обществом и природой. По мнению советских ученых, экономический ущерб от разрушения природы и ухудшения здоровья населения достигает 45—50 млрд. в год, а затраты государства на охрану среды — 10—12 млрд. рублей⁷. Недаром проблемы экономики и экологии являются преобладающими в обсуждениях на последних съездах и совещаниях в ряде республик СССР. Советский Союз, где $\frac{3}{4}$ территории (70 млн. человек) находится в Азии и на берегах Тихого океана, глубоко заинтересован в наличии условий для стабильного социально-экономического развития.

Поэтому формирование новых региональных экологических отношений в АТР обеспечивает сохранность, рациональное использование, воспроизводство и повышение качества окружающей среды в интересах устойчивого и безопасного развития всех государств региона и создания благоприятных условий для жизни каждого человека.

Советские и зарубежные ученые в основном сходятся в своих оценках в необходимости выработки эффективных и действенных мер по оздоровлению экологической обстановки в АТР. По данным ООН, в мире каждую минуту на военные цели тратится 2,0 млн. долл. Эта продолжающаяся гонка вооружений, которая ежегодно поглощает более 900,0 млрд. долл., значительные материальные, интеллектуальные и природные ресурсы, что создает условия для роста загрязнения и в последнее время осложняет отношения между государствами. В перспективе маячит опасность возникновения «экологических противоборств» за распределение и пользование невозобновляемыми природными ресурсами⁸.

Именно на этой основе все более обостряется экономический и экологический разрыв между развитыми и развивающимися странами, которые вынуждены использовать отсталые промышленные технологии доиндустриального и индустриального общества. В последние годы усилилась тенденция к вывозу на территории ряда стран вредных отходов производства и самих предприятий⁹. Однако, поскольку природа на Земле едина, экологическое неблагополучие в отдельном районе неизбежно окажет влияние и на другие регионы. В этом плане особое внимание заслуживает опыт природоохранной деятельности Японии, которая выделяет значительные средства (до 3 млрд. долл.) на программы восстановления тропических лесов в ряде стран АСЕАН. В то же время Япония могла бы оказать неоценимую помощь многим странам в передаче и внедрении новых природосберегающих технологий, что создаст благоприятный экологический климат для ее дальнейшего экономического развития.

Мы полагаем, что долг ученых помочь общественности стран АТР осознать последствия неконтролируемого роста промышленного производства в азиатско-тихоокеанском сообществе. Чрезмерные производственные нагрузки на отдельные районы Сибири, в Кузбассе и Средней Азии, неразумное использование на орошение вод рек, впадающих в Арал, привело к гибели этого уникального моря, заболачиванию одних районов Узбекистана и опустыниванию других. Неразумная, если не сказать преступная, с точки зрения сохранения чистоты Байкала, хозяйственная деятельность ведется в районе этого озера¹⁰.

Все это выдвигает задачу обеспечения общегосударственного контроля за разумно допустимыми объемами промышленного производства на основе его интенсификации и перехода на ресурсосберегающие технологии. Реальность этой задачи подтверждается опытом Японии, накопленным в последние 20 лет. Так, по данным специалистов, Япония имеет самый низкий уровень расхода энергии на 1 доллар ВНП. В 1988 г. он составил для Японии 9,7 мегаджоуля, тогда как для Великобритании — 17,2, США — 19,3, ФРГ — 11,8, СССР — 32,3. В Советском Союзе на уровне Академии наук СССР и Верховного Совета СССР также предпринимаются усилия по выработке рациональ-

ной программы природопользования и охраны природы.

При формировании системы региональной экологической безопасности в АТР, думается, надо учитывать тот большой и богатый традиционный опыт большинства народов Азии взаимодействия человека с природой, общепhilософские, этические и религиозные системы взглядов о единстве и гармонии человека и природы, которые особенно ярко проявились в конфуцианстве, буддизме и синтоизме. Трудно найти общий для всех народов рецепт борьбы против разрушения природы, он будет просто нереальным. «Едва ли можно сомневаться, что выдержавшая тысячелетия, оставшись живой, слившись с единой мировой наукой, мудрость и мораль конфуцианства скажется глубоко в ходе мирового научного мышления, так как этим путем в него входит круг новых лиц более глубокой научной традиции, чем западноевропейская цивилизация. Это должно проявиться прежде всего в понимании основных научных представлений, пограничных с философскими концепциями»¹¹.

Крестьяне, которые представляют собой подавляющее большинство населения Азии, сформировали свое целостное понимание мира и природы как средства, дающего жизнь и продолжение рода. Поэтому можно сказать, что успехи Китая, Индии, Вьетнама, Южной Кореи, Тайваня, Таиланда в области сельского хозяйства в начале и в конце 80-х годов тесно связаны со спецификой восточного общества, традициями иерархичности его организации и сознания людей. Для восточного крестьянина и ремесленника демократия и любовь к природе — это прежде всего свобода на своем участке земли, право беспрепятственно распоряжаться продуктами труда, возможность выбора форм хозяйствования. Все это означает особый экономический путь в условиях сокращения природных ресурсов в Азии.

Экологическая безопасность в АТР, по нашему мнению, может строиться на признании и воплощении в жизнь следующих основных принципов:

— каждое государство региона имеет право на использование окружающей среды и природных ресурсов для целей развития и обеспечения нужд и интересов своих граждан;

— экологическое благополучие любого государства не может обеспечиваться за счет других государств без учета их интересов;

— последовательное осуществление мер разоружения, особенно ликвидация оружия массового уничтожения, включая все виды ядерного, вакуумного, нейтронного и др., является не только одним из условий выживания человечества, но и источником надежного обеспечения экологической безопасности и сохранения экосреды;

— каждое государство должно проводить всестороннюю оценку экологических последствий хозяйственной деятельности, осуществляемой на его территории, и предоставлять ее в распоряжение других заинтересованных государств региона и международных организаций;

— недопустимы любые виды хозяйственной и иной деятельности, экологические последствия которой непредсказуемы;

— должен быть обеспечен свободный и беспрепятственный международный обмен научно-технической информацией по проблемам окружающей среды и передовой природосберегающей технологией;

— государства региона должны оказывать друг другу помощь в преодолении и предотвращении чрезвычайных экологических ситуаций;

— во всех государствах региона от низшей школы до вузов должна проводиться последовательная и систематическая работа по экологическому воспитанию и образованию населения и распределению знаний в области рационального природопользования.

На наш взгляд, решение этих проблем может быть только на основе объединения усилий всех государств АТР, международных организаций, общественных организаций и научных работников. Обеспечение охраны природы в глобальном масштабе наряду с проблемами международной безопасности должно стать одним из важнейших направлений деятельности ООН и СБ.

Конечно, обеспечение создания системы экологической безопасности требует проведения крупных мероприятий, опираясь на уже накопленный международный опыт, содержащийся в одобренных Генеральной Ассамблеей ООН документах, таких, как «Всемирная хартия природы», доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», «Экологическая перспектива на период до 2000 года и далее» и т. д.

Важно оказывать содействие воплощению в жизнь Программы ООН по охране окружающей среды или ее региональному отделению в АТР, которая выступала бы координатором всей деятельности стран по охране окружающей среды. Большое значение сыграло бы создание целевого фонда (фонда экологической безопасности АТР) для обеспечения экологической безопасности, особенно слаборазвитых стран, финансовые ресурсы которого складывались бы из добровольных взносов государств и организаций, а также за счет отчислений средств, высвобождаемых от сокращения военных расходов в результате мер разоружения.

Научные организации региона могут внести свой вклад в разработку ряда важных экологических проблем, которые приняли особенно угрожающее положение в ряде районов АТР: изменение озонового слоя, загрязнение Мирового океана, изменение физических свойств атмосферы, деградация почв, опустынивание, облесение, исчезновение видов флоры и фауны, кислотные дожди, утилизация отходов, обезвреживание и захоронение опасных отходов, генетические эффекты, засорение космического пространства, распространение экологически безопасных технологий и т. д.

СССР, в котором возник ряд крайне опасных экологически кризисных очагов (Чернобыль, Арал, Ладога, Кузбасс), в той или иной степени испытывает на себе их влияние и должен активно участвовать в расширении международного сотрудничества, проведения в жизнь региональной стратегии охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

Есть виды человеческой деятельности, которые максимально эффективны только на окраине континента, особенно в береговой зоне. Именно они, при разумной организации природопользования, должны стать основой развития экономики Дальневосточного региона СССР и КНР. Экономические успехи в Дальневосточном районе СССР в значительной степени будут зависеть от характера участия Советского Союза в международном экономическом разделении труда, в обеспечении международной безопасности в АТР.

Институт Дальнего Востока АН СССР предлагает представителям международных научных организаций рассмотреть возможности налаживания сотрудничества по следующим направлениям.

1) Подготовка научно-информационных материалов об экологической ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе к Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию (1992 г.). При этом можно было бы в качестве главной взять изучение проблемы обеспечения надежной предсказуемости дальнейшего развития экологических процессов в АТР и выработку рекомендаций по оптимизации взаимоотношений человеческих обществ с природой как основы устойчивого социально-экономического развития региона.

2) Разработка концепции устойчивого и экологически безопасного развития региона.

3) Содействие практической реализации концепции региональной системы мониторинга состояния окружающей среды с использованием космических средств, материалов экологических, этнографических, культуроведческих экспедиций. Необходима разработка и реализация мер по совершенствованию, унификации и согласованию методов экологических наблюдений, стандартизация экологических требований и данных.

Наш Институт приветствует те благородные усилия, которые прилагают храмы науки и культуры в АТР — университеты и научные институты, — по развитию сотрудничества между учеными, педагогами, учителями молодежью в деле сохранения мира, сохранения культуры и сохранения природы в этой колыбели человеческой цивилизации.

¹ Вопросы экономики.— 1990.— № 11.— С. 9.

² Проблемы теории и практики управления.— 1990.— № 4.— С. 91.

³ Джим Дейтор. Каким будет «Тихоокеанское столетие»? // Проблемы теории и практики управления.— 1990.— № 4.— С. 98.

⁴ Ляован.— 1989.— № 44.— Р. 36.

⁵ Хуанцзин баоху.— 1990.— № 10.— С. 7.

⁶ Там же.— С. 6.

⁷ Вопросы экономики.— 1990.— № 11.— С. 73.

⁸ Труд.— 1991.— 15 августа.

⁹ Синьхуа. 1991.— 15 января.

¹⁰ Вопросы экономики.— 1990.— № 11.— С. 71—72.

¹¹ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.— С. 78.

Август 91-го: размышления во время пекинских встреч

В. ВОРОНЦОВ

Меняется мир, меняемся мы, меняется, естественно, и наш великий сосед Китай. Это поездка редактора ПДВ в удивительную страну, поражающую своим многообразием и в то же время бросающейся в глаза монолитностью, что на поверхности проявляется прежде всего в огромном, устремленном вперед движении, в преодолении в обществе нервозности, возникающей в условиях обострения, достигающего порой, казалось бы, наивысшего своего накала, социальных проблем. Ну и открытие! — воскликнет читатель. Но сегодняшние перемены в политической атмосфере чувствуются, отличаются — пусть иногда едва заметными, однако весьма примечательными в свете эволюции окружающего мира нюансами.

Событием в научной жизни КНР стала конференция в Пекине, организованная Институтом глобальных конфликтов и сотрудничества (IGCC) при Калифорнийском университете и Институтом американских исследований при Академии общественных наук КНР (5—7 сентября 1991 г.). Собравшиеся на конференцию представители интеллектуальной бщины семи стран (Китая, США, Советского Союза, Японии, Австралии, Канады, Таиланда) обсуждали вопросы взаимосвязи экономики и политики, внутренней политики и национальной безопасности, мер доверия и контроля над вооружениями в азиатско-тихоокеанском регионе. Но разве можно оценивать международную, региональную, да и национальную безопасность, не принимая во внимание политические процессы в нашей стране? Огромен интерес к поражающим многих своим драматизмом поворотам, которые имели место в Советском Союзе и происходят в Союзе суверенных республик. Ученые различных стран пытаются вникнуть в суть происходящего в Москве, по-разному, конечно, спрашивают они коллег из России: по-деловому — необходимо получить как можно больше информации — с искренней озабоченностью за судьбы многонациональной страны, с состраданием, с сочувствием, с желанием выяснить, каким образом, учитывая, конечно, собственные возможности, оказать содействие народам России, населению всех республик Союза, помочь им выбраться из тупика, в котором оказались они отнюдь не по своей воле. Были, конечно, усмешки вслед, но не чувствовалось одного — безразличия.

Конференция безусловно заслуживает особого разбора, но думаю, что это лучше сделают ее наиболее активные организаторы и участники — Сюзэн Шерк, Милс Каллер, Джонатан Поллак (США), У Чжан (КНР). Автор хотел бы поделиться с читателем прежде всего своими размышлениями после этой конференции, многочисленных сопутствующих встреч с представителями китайской науки, печати, с зарубежными читателями нашего журнала.

Российский август 1991 г., ушедший в историю, но оставивший глубокий след в памяти и деяниях мыслящих китайцев, по-разному отзывался в различных слоях китайского общества — одни вздрогнули от неожиданности, другие решились осмыслить, не поддаваясь эмоциям, крушение в Европе эксперимента, к осуществлению которого призывали коммунистические партии XX в. С самого начала встреч поражало многообразие точек зрения, но главное, пожалуй, состояло в том, что китайские специалисты, в отличие от западных и советских, продолжали рассматривать движение своего общества по социалистическому пути, сойти с которого означало бы, как отмечалось в официальной печати, величайшую катастрофу для нации.

* Спонсорами поездки автора в Пекин стали Институт глобальных конфликтов и сотрудничества (Калифорнийский университет) и Институт американских исследований АОН КНР.

Вопросов возникало у наших друзей довольно много, и автору хотелось бы остановиться на наиболее характерных. Так что ж, по вашему мнению, означает социализм? — спрашивают меня в одном из институтов. Казавшийся нам когда-то довольно легким ответ теперь приобрел — особенно после августа 1991 г. — сложное общественно-политическое звучание. Благородная идея, впитавшая в себя высокие религиозные, нравственные ценности, распространилась по всему миру, захватив мышление американского интеллигента первой половины XX в. Американский либерализм не раз обращался к мировоззрению популистов, к мечте о создании общества более гуманного, чем когда-либо рожденного в истории, с разумным распределением благ, моральным усовершенствованием человека. Это должно было, как тогда мыслилось, излечить болезненные язвы промышленного века. Гоминьдановское движение, рожденное в борьбе за независимость и единство Китая, не могло не испытать на себе влияние социалистической идеи, которую в своем видении представил народу лидер Синьхайской революции Сунь Ятсен. Октябрь 1917 года в измученной, израненной войной России привел к попытке создания международного братства людей, к самопожертвованию ради скорейшего воцарения на планете всеобщего социалистического рая, что и воплотилось в рождении Коминтерна. Конечно, в пылу обострения политических страстей и безумия силового противостояния — упаси бог от его повторения! — в России могли появиться и появились лозунги с призывами к всеобщей войне со всеми коммунистами, к новому трибуналу, типа Нюрнбергского, над ними. Нет, не могут понять наши китайские коллеги этакого лихого, я бы сказал буденновского, отношения некоторых ретивых реформаторов к истории — громить так громить, миловать так миловать. Знакомо, убийственно знакомо. Взрывали на российской земле вековые храмы, придумали клеймо «враг народа» и бросили миллионы безвинных за колючую проволоку, разрушали памятники, сжигали ценнейшие произведения древнейшей китайской цивилизации, всячески унижали мыслящих представителей китайской нации и уничтожали их во времена «культурной революции». И делалось все это под предлогом борьбы за социализм. Нет, не могли быть носителями высоконравственной социалистической идеи люди, облеченные неконтролируемой, по существу, властью, с руками, обогранными кровью невинных. Да и как можно было называть полотовскую Кампучию социалистической?! В попытках разрушить христианскую культуру после Октября 1917 г. в России некоторые ультрапатриоты увидели происки мирового сионизма. Но как же тогда найти виновников разгрома буддистских пагод в Кампучии — древнейшего культурного наследия кхмеров? А многочисленных памятников культуры в Китае?

Нет, говорю я своим китайским коллегам, не было наше общество социалистическим. Желаемое принималось за действительность. Претворение в жизнь социалистической идеи должно было привести — и об этом, кстати, мыслил В. И. Ленин — к торжеству демократических институтов, к устранению эксплуатации человека человеком. Утопическая мечта?! Да. Но без красивой, высоконравственной по провозглашенным ценностям мечты не осуществлялась ни одна революция в истории.

Как могло случиться, что в одночасье перестала существовать одна из самых многочисленных компартий мира? Этот вопрос интересует здесь всех. И в поисках ответа на него еще будет проведено немало исследований. Автор, отвечая на него, высказывал лишь свое, личное мнение — мнение политолога. Большевики, выдержавшие и пошедшие на, казалось бы, невероятные по своей жестокости схватки гражданской войны, стали образовывать послевоенные партийные структуры, по существу, по армейскому образцу. На этих структурах, как на хорошо унавоженной почве, и стал разрастаться чертополох сталинской диктатуры. Общество, не знавшее демократии, не готовое следовать, хотя бы в минимальной степени, ее принципам, восприняло сталинщину, как воспринимало оно незадолго до этого в течение столетий самодержавие. Болезнь «казарменного социализма» с 20-х годов пронизывала, словно раковая опухоль, поры партаппарата, опухоль разрасталась по мере того, как все больше людей, в том числе и простых членов партии, убеждалось в несоответствии слов и дел партийных лидеров. Зачитывали, словно по трафарету, подготовленные доклады о победе социализма, о развивающемся, развитом, реальном социализме, а докладчики в это же время увязали в трясине взяточничества, вымогательства, спекуляций. Разрушалась российская деревня, а на народные деньги сооружались дворцы и виллы для партийных боссов, торжествовал принцип родственных связей. И это уже было в истории Китая. Тогда, в начале 20-х, в Китай по просьбе Сунь Ятсена прибыл коминтерновец Александр Бородин (о нем писали мы в своем журнале — см. № 6 1990 г. и № 1 1991 г.), немало сделавший для реорганизации Гоминьдана и, возможно, искренне надевавшийся,

по крайней мере в начале своей китайской эпопеи, на успех. Но Гоминьдан не выдержал испытания временем, провозглашенные Сунь Ятсеном идеи китайского социализма не остановили партию от язвы разложения. Крах наступил не столько от ударов, наносимых КПК, а скорее от глубоко политического кризиса всех коррумпированных структур, возникших на основе этих структур семейных кланов и милитаристских альянсов.

В публикуемой сегодня в нашем журнале статье Владимира Зотова, статье безусловно дискуссионной и посвященной анализу взаимосвязи неформальной экономики и политической борьбы, просматривается, на взгляд автора, более диалектический, нежели это было ранее, подход к оценкам роли неформальной хозяйственной деятельности. В. Зотов рассматривает конструктивные и деструктивные функции теневой экономики, причем первая проявляет себя преимущественно на крутых поворотах в движении за образование новой системы рыночного типа. Но кто они, предприниматели первой волны, вырывающиеся на полных парусах к, казалось бы, неведанной рыночной стихии? Кто находится в авангарде процесса приватизации? Это преимущественно те, кто многие годы пользовался неограниченными привилегиями, опирался на родственные, клановые связи, приобрел опыт накопления в условиях процветавшего в годы застоя черного рынка. Сознание миллионов людей, воспитанных десятилетиями в духе иллюзорной по своей сути концепции всеобщего равенства, с трудом воспринимает, если вообще воспринимает, резкий взлет в неравенстве доходов, рост организованной преступности, которая проявляет себя в Союзе гораздо в большей мере, нежели в Китае (мафиозные структуры) и т. п. Несомненно, наследие от того, с чем было связано разочарование в партийных структурах, миллионов людей, в том числе честных коммунистов, на этом витке общественного развития стран, именовавшихся ранее социалистическими, может стать — и становится — стимулом для дискредитации идеи движения к рынку в массовом сознании.

Как бы хотелось, чтобы котел наполнился бы для всех, все сообща стали бы зажиточными! Такая устремленность подталкивала воспитанное в эгалитаристском духе население на поддержку реформ. Но когда стало ясно, что рынок потребовал ужесточения в труде, привнес в жилище китайцев угрозу увольнения, безработицы, вот тогда эйфория сменилась сначала настороженностью, а затем и сопротивлением реформам как в экономике, так и в политике.

В Советском Союзе до августа 1991 г. призывы к радикализации реформы не могли быть реализованы, поскольку на пути их реализации оказалось такое препятствие, как традиционный стереотип: если увеличивается дефицит, то дели его «справедливо», всем поровну. При этом проявили себя и иждивенческие настроения — государство должно обеспечить, должно наладить. Это сковывало и не может не сковывать предпринимательскую деятельность.

Август в России лишь предоставил повод для разрушения отжившей структуры.

Почему именно в настоящее время развивается активный процесс становления суверенитетов национальных республик? Процесс роста национализма в современном мире настолько стремителен, что слишком сложно, наталкиваясь на все новые и новые неожиданности, осмысливать его диалектику, давать сравнительный анализ возникающих в движении за суверенность республик все новых и новых ситуаций. Этот вопрос видится автору, как историку, он имеет, несомненно, глубокие корни. Партия ВКП(б), созданная по типу военизированной организации, в идеологическом плане исповедовавшая пролетарский интернационализм, что в концентрированной форме нашло свое выражение в Коминтерне, создала, используя военно-политические и идеологические рычаги, своеобразный каркас, который цементировал «союз нерушимый республик свободных».

Диктатура Сталина поддерживала насильственными методами этот каркас, на вершине которого сформировался бюрократический центр, единолично принимавший политические решения, в том числе и в сфере межнациональных отношений, — переселение народов, преследование «инородцев» и т. п., что обнажало глубочайшие противоречия между провозглашенными целями политики и ее великодержавной сущностью. Таким образом наращивался — длительное время подспудно — потенциал горючего материала, способного взорвать при благоприятных условиях сложившуюся за многие годы систему межреспубликанского, межнационального общения. И эти условия появились на рубеже 90-х гг.

Один из ведущих наших экономистов А. Г. Аганбегян, вернувшись из поездки в Китай в 1989 г., выступил в ИДВ. Он говорил о «негативных» моментах, которые неизбежны при осуществлении экономической реформы и которые следовало бы нам учесть в качестве «уроков». Как об одном из «уроков» упоминались издержки излишней децентра-

лизации в Китае, когда в ходе реформы многие важные функции центра были переданы на места. Абел Гезович призывал к осторожности. «В Югославии,— говорил он (это было в 1989 г.) каждая республика, получившая особые права, наделала много долгов. В этом кроется большая опасность. Опыт децентрализации Китая — для нас важный урок». Ну как было не вспомнить эти предупреждения, когда вспыхнула гражданская война в Югославии, когда обострились межнациональные отношения в нашей стране. Суверенность — священное право республик, но экономик не прощает принятых в духе кавалерийских наскоков решений, она обязательно отреагирует — пусть не сразу, потом — на волюнтаризм в хозяйственной политике, хорошо, если эта реакция не будет толкать страну в пучину гражданской войны, как это случилось в Югославии.

Большинство участников конференции IGCC, китайских собеседников разделяли позицию о серьезных, сугубо специфических особенностях в развитии как Союза, так и Китая. Различий между нами действительно много. Они и в традициях общественно-политической жизни, и в сложившейся за многие века психологии народа, в структуре национального состава и т. д. Даже на Западе немало специалистов отмечают невозможность в связи с этим обращаться в отношениях с КНР к принципам «прав человека», поскольку, говоря о китайских, поражающих иногда своей уникальностью условиях, целесообразно, по их мнению, учитывать необходимость «управления социальным развитием».

Обостряющихся на фоне внутренних и внешних факторов (а август 1991 г. стал одним из них) коллизий здесь множество. Это, конечно, реакция населения, имеющего относительно низкие доходы, на рост растущего имущественного неравенства, на возросшие доходы сравнительно узкой прослойки общества. Безусловно, управление обществом с помощью манипулирования идеологическими постулатами, как это наиболее ярко проявилось в годы «культурной революции», составляло простейшую форму функционирования авторитарного, основанного на принуждении режима. Один из наиболее популярных лозунгов того времени: «Пусть все будут бедными, но равными», да и идеи «большого котла и плоски» находили отклик в среде огромной массы китайского населения, сознание которого формировалось веками под влиянием традиционного конфуцианского мышления. Именно конфуцианство — не забудь читатель о специальной рубрике в журнале — призывало как правителей, так и подданных вести скромный образ жизни, веками этим незыблемым этическим установкам должны были следовать, казалось, все.

«Регулирование общественных отношений» выполнявшим «волю неба императором» в условиях феодального Китая позволяло немногим более 30 млн. семей господствующего класса, включая служивую бюрократию с их челядью, пребывать в роскоши, оседлав ведущую производительную силу общества — китайское крестьянство. Регулирование общественных отношений на основе почитания конфуцианских ценностей, уважения к традициям, ведущим свое начало с древнейших форм общественного строя Китая, рассматривалось и гоминьдановскими идеологами в качестве одной из важнейших функций всей партии, как надгосударственной структуры. Что может цементировать китайскую нацию в единое целое? Чан Кайши, отвечая на этот вопрос, обращался к основным моральным заповедям конфуцианства, он уподоблял Китай «пространству зыбкого песка», то есть безмолвной пустыне. Правитель, согласно конфуцианским канонам «Цзя — юй», находится во взаимоотношениях с народом, как всадник с лошадью, т. е. располагает «уздой» и «вожжами» — чиновниками и законами. Члены китайского общества или «разрозненные песчинки», полагал Сунь Ятсен еще во времена широкой активности Гоминьдана, наделены чрезмерной свободой, поэтому в обществе царствуют вседозволенность и разобщенность. Об этом нельзя было не вспомнить, слушая многочисленные вопросы и выступления китайских коллег. Крушение существующего порядка, на основе которого сооружалось, совершенствовалось здание китайской государственности, казалось немислимым в свете формировавшегося в традиционном духе массового сознания.

Нет, нам такой хаос, как у вас, не нужен! — говорят мне мои китайские собеседники. Не всегда легко гражданину КНР, даже представителю ее интеллигенции, понять происходящее в нашей стране.

Одной из важных, специфических особенностей развития китайского общества является стремление центра к контролю над политизацией общества, которое усиливается в результате влияния реформ и международно-политических факторов. Интересы доминирующих не один десяток лет властных структур, являющихся гарантами стабильности, столкнулись с объективной необходимостью признания повышения роли общества в деле

осуществления реформ. Речь, конечно, идет прежде всего об опасениях центра лишиться управления слабо интегрированной экономикой, где значительную долю составляет мелкое натуральное, слаботоварное хозяйство. Гарантом стабильности в этих условиях выступила КПК¹.

Наиболее организованной силой, как и в других развивающихся странах, стала в Китае армия, тесно взаимодействующая с КПК и также выполняющая роль одного из столпов, поддерживающих партийно-государственные структуры, обеспечивая политическую стабильность на многонаселенной территории Китая.

При чтении сегодня старых записей, сделанных после поездки в КНР в декабре 1989 г., совпавшей по времени с событиями в Румынии, с крахом режима Чаушеску, автор натолкнулся на заметки, которые говорили о наблюдательности, я бы сказал, прозорливости многих наших китайских коллег. Уже тогда они обратили внимание на роль армии в политических кризисах Восточной Европы, США и КНР. Поднимали и вопросы о степени стабильности руководства, возглавляемого М. С. Горбачевым, о возможности при определенных условиях вмешательства армии, использования военной силы в Прибалтике и т. д. И роль армии в обществе у нас и в Китае, хотя и имеет ряд общих черт, характерна все же большей специфичностью, нежели общностью характеристик. На армию в Китае традиционно были возложены более широкие, нежели это было в Советском Союзе, внутриполитические функции. Китайские вооруженные силы, являясь частью общества, несомненно, всегда испытывали глубочайшее влияние конфуцианской культуры, ее морально-этических принципов поведения, исключавших ослушание вышестоящему руководству. Отсюда, наверно, и наиболее часто возникавший в беседах вопрос: как могли ваши офицеры и солдаты не подчиниться приказу, нарушить присягу?! Да, действительно, почему? Видимо, в нашей стране появились фундаментальные предпосылки для преодоления культурно-психологического барьера между обществом и демократическим мышлением, армия в нашей стране, как и других стран Восточной Европы, не могла не испытать влияние нового мышления.

Реакция, хотя и не прямая, на август 91 г. в материалах китайских средств массовой информации довольно полно отражена на страницах «Жэньминь жибао» от 2 сентября с. г. Идея социалистического развития, согласно этой статье, остается основополагающей при проведении реформ. «В стране с 1,1 млрд. населения, со слабо сбалансированным развитием в различных районах и окруженной капиталистическими странами, — подчеркивается в статье, — дезинтеграция общественной системы собственности и утеря государством контроля над экономикой может привести лишь к трагическому хаосу»². Как на один из аргументов в пользу приоритета общественной собственности указывается на возможность «появления нового правящего класса, представляющего малую долю населения страны — миллионеров и частных владельцев, обладающих большей частью национальных богатств», в то время как рабочие и крестьяне превратятся лишь в «рабов капитала и пополнят ряды безработных». Комбинация правительственного планирования с рыночным регулированием стала, как отмечается, частью партийной теории строительства социализма с китайской спецификой.

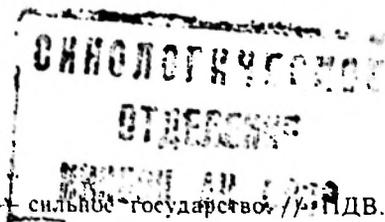
Китайские специалисты пытаются проникнуть в сущность происходящих в нашей стране событий, их реакция неоднозначна. Одни полагают, что либерализация со ссылками на необходимость реформ, многопартийность, плюрализм в основополагающей идеологии повергнут Китай к капитализму. С другой стороны, коррупция в государственном аппарате, теневая экономика, интенсивная эксплуатация труда, в том числе детского в «специальных экономических зонах» и другие подобные явления дискредитируют в глазах миллионов тружеников жесткие идеологические установки, призванные обеспечить беспереывное функционирование громоздкого государственного механизма, могут, как здесь мыслят многие, увести Китай от «декларированного пути».

Проблема взаимозависимости экономического развития и политической стабильности в Китае нашла свое отражение в выступлении на конференции Чэн Цзимао (Шанхайский институт международных отношений). Чэн Цзимао сразу же отверг выдвигаемое некоторыми западными политологами положение, что в социалистических странах АТР могут последовать такие же драматические изменения, как в Восточной Европе. Аргументы? Они были приведены в этом докладе. Китай удвоил к настоящему времени после 1979 г. свой ВВП, в основном разрешил проблему обеспечения населения товарами первой необходимости, что позволяет, по мнению Чэн Цзимао, говорить о политической стабильности в

стране. Стабильность сохранялась, как подчеркивалось, даже в условиях невиданных наводнений 1991 г., когда пострадали десятки миллионов людей¹.

Драматические события августа 1991 г. в Москве, как и срывы политической реформы в Китае, не поддаются простейшим объяснениям, таким, как, скажем, недальновидность, ошибки, даже преступления отдельных — пусть наиболее влиятельных — государственных деятелей. Слабость, скорее отсутствие, необходимых, прошедших испытание временем, превратностями общественного развития демократических институтов, низкая культура населения — вот, что скорее всего тормозит процесс демократизации как у нас в стране, так и в КНР. Статьи в официальной китайской печати ориентируют читателя на изучение реформ, поскольку Китай с их осуществлением вступил на новый путь, направляют мысль соотечественников на решение проблем, возникающих на этом пути. Во время встреч в Пекине мы искренне желали коллегам из КНР пройти этот путь со своим народом как можно с меньшими потерями, учитывая уроки своей, полной драматизма и замечательных свершений истории, а также опыт соседей, деливших с китайским народом общее бремя ушедшего в былое «социалистического лагеря».

Пекин — Москва, сентябрь 1991

¹ См.: Сухарчук Г. Д. Славный народ — сильное государство // ПДВ. — 1991. — № 4.

² China daily. 1991. September 6.

³ Chen Qimao. Economic Development and Security issues on Asia — Pacific Region. P. 5—6.

Взгляд на СССР с японских островов

В. МОЛОДЯКОВ

Итоги визита весной 1991 г. Президента СССР М. С. Горбачева в Японию еще долго будут обсуждаться в обеих странах. Время окончательных выводов еще не наступило, ибо сразу и однозначно оценить первый визит главы советского государства в Японию едва ли возможно. Не все эмоции и страсти еще улеглись — а их было предостаточно. Очевидно, что итоги состоявшихся в ходе визита переговоров многих в Японии не удовлетворили, но представители самых различных взглядов, самых крайних течений сходятся в одном — в признании исключительной, можно сказать исторической важности этого события. Даже «недовольные» считают его началом нового периода в советско-японских отношениях, а так это или не так, покажет время. Мнение советской стороны — общественных и политических деятелей, публицистов и обозревателей — уже в полной мере «выплеснулось» в средства массовой информации во всем своем многообразии. Думаю, для читателя будет интересно и мнение японской стороны, услышанное непосредственно из первых рук.

В первой половине мая, вскоре после окончания визита Президента СССР, автору этих строк довелось посетить Японию в составе делегации, принимавшей участие в первом советско-японском молодежном семинаре «Мир во всем мире и советско-японские отношения», который был организован общественной организацией «Всемирная деревня». Насыщенная до предела программа не ограничивалась лекциями и семинарами, она включала встречи и беседы с политическими деятелями, представителями деловых кругов, дискуссии с учеными. В центре внимания, разумеется, были проблемы нынешнего состояния отношений между двумя странами, оценка роли СССР и Японии в АТР. Разговор велся открыто и нелицеприятно, хотя исключительно выдержанно и корректно, несмотря на остроту обсуждаемых проблем.

Оживленный обмен мнениями развернулся в штаб-квартире Либерально-демократической партии, кстати, штаб больше похож на самый обычный оффис, нежели на «святая святых» правящей бессменно более 30 лет партии. И здесь в выступлении генерального секретаря ЛДП К. Обути, обратившегося к делегации с кратким вступительным словом, и в докладе председателя Советско-японской ассоциации депутатов парламента от ЛДП С. Сакураи (он также занимает пост председателя Строительного комитета парламента) звучала несомненная неудовлетворенность сегодняшним уровнем японо-советских отношений и в частности результатами переговоров на высшем уровне. Основные пункты уже известны: нерешенность территориальной проблемы, вопрос о бывших японских военнопленных и недостаточность извинений Президента СССР по этому поводу. Хочу отметить, что руководители ЛДП проявили исключительную корректность в столь деликатных вопросах и не акцентировали внимание на деталях, упомянув лишь о наличии проблем по существу и об их серьезности. К. Обути, покинувший встречу вскоре после своего выступления ввиду чрезвычайной занятости, адресовал нашей молодежной делегации слова уверенности в том, что новое поколение успешно и ко взаимной выгоде решит накопившиеся проблемы и расчистит путь к долгосрочному сотрудничеству.

С. Сакураи был задан вопрос о перспективах межпартийных отношений между ЛДП и КПСС. Он ответил, что приветствует любое развитие истинно человеческих отношений в любых проявлениях и сферах, а для этого необходимо прежде всего расширение непосредственных контактов между людьми, вспоминались встречи и беседы в Москве с руководителями КПСС лидеров ЛДП — покойного С. Абэ, К. Одава, К. Обути. Однако С. Сакураи критически отозвался о позиции КПСС по поводу событий в Прибалтике и о конфронтации

союзных республик с центром. «Думаю, что нам еще трудно быть настоящими друзьями», — не без сожаления отметил он.

Благородная сдержанность, доброжелательность, продуманность и значительность каждого слова отмечали беседу с нашей делегацией бывшего премьер-министра и одного из лидеров ЛДП Я. Накасонэ, которая состоялась в его официальной резиденции 9 мая. Разговор как-то сразу принял доверительный характер, и Накасонэ с улыбкой заметил: «Я что-то неожиданно откровенен с вами, так что задавайте вопросы без стеснения». Наша печать прошлых лет неизменно представляла его как «ястреба», а он категорически поддержал политику советского Президента, отнеся себя к «фракции Горбачева», по аналогии с фракциями внутри ЛДП.

— Что бы Вы сделали, оказавшись на месте Горбачева?

— Я не хотел бы вмешиваться в ваши внутренние дела, но я бы первым делом протянул руку Ельцину.

— Ваше мнение о перспективах перестройки?

— Перестройка представляется мне как бы в виде двухэтажного здания. Первый этаж Горбачев уже прошел, а подняться на второй у него не хватает сил, и он остановился. Чтобы подняться наверх, ему необходима опора с двух сторон. С одной — Ельцин и его сторонники, с другой — КГБ, армия и консервативные силы. Без этого движение вперед невозможно.

— Эпоха Вашего пребывания на посту премьер-министра стала уже историей. А какова нынешняя главная цель Вашей политической деятельности?

— Обеспечить надежный порядок в мире. Война в Персидском заливе показала, что это совершенно необходимо. ООН не способна справиться с такой задачей. Поэтому нужны новые международные политические структуры, которые не допустят появления таких людей, как Саддам Хусейн.

Разговор коснулся одной из крупнейших экономических акций кабинета Накасонэ — приватизации государственных железных дорог. Говорилось, что нам будет полезен его опыт в осуществлении экономических реформ, и Я. Накасонэ рассказал о многочисленных приглашениях посетить Советский Союз для чтения лекций. Увы, интенсивная политическая деятельность почти не оставляет времени для подобных поездок.

Особо хочется отметить его блестящий английский язык, который не часто услышишь в Японии, и безукоризненное произношение. Вопросы задавались ему по-японски, по-английски и по-русски (через переводчика), и Накасонэ свободно переходил с японского на английский. Многим памятно сообщения печати о его встречах с Р. Рейганом с глазу на глаз, без участия переводчика. Фотография, запечатлевшая один из таких разговоров, висела на стене комнаты, в которой он принимал нас. На другой стене — фотография встречи с М. С. Горбачевым в Кремле, о которой Я. Накасонэ вспоминал с большой теплотой.

Столь же насыщенным и конструктивным был диалог с представителями Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн), основанной в 1946 г. крупнейшей предпринимательской организации страны. Один из ее видных деятелей Т. Моримото, отвечая на наши вопросы, настойчиво развивал мысль о том, что экономические реформы возможно эффективно провести в жизнь только демократическим путем, и крайне отрицательно отнесся к идее экономической перестройки авторитарными методами. Последний вариант он не исключал для Советского Союза и крайне негативно оценил его, что сказалось и на его в целом скептическом взгляде на перспективы сотрудничества двух стран. После этого буквально посыпались вопросы: а как же Южная Корея? Сингапур? Тайвань? Чили? Т. Моримото заметил, что во всех этих странах авторитарным экономическим реформам предшествовало уже установившееся господство частной собственности на средства производства, поэтому их опыт для СССР не пригоден.

Явным контрастом к остальным беседам была лекция профессора университета Цукуба Э. Като. Профессор Като не нашел добрых слов ни для миролюбивой политики СССР, ни для несомненного стремления советской стороны улучшить отношения с Японией, а его оценка визита Президента СССР в Токио свелась к давно известным претензиям, к тому же выраженным достаточно бестактно по отношению к главе нашего государства. Такого же характера были и решительные требования об одностороннем разоружении СССР и безоговорочном следовании западным экономическим моделям. Оратор, безусловно, выразил мнение многих японских политиков и ученых, но сделал это столь резко и безапелляционно, что рассчитывать на какое-либо понимание и одобрение было трудно. В лекциях о современной Японии и японцах он рассказал немало интересного, тем более что боль-

шинство членов делегации были не японцы. Однако не обошелся без недружественных и даже несколько циничных слов: «Японцы, в отличие от русских, просто физически не могут стоять по три часа на морозе в очереди за продуктами», — усмехаясь, сказал он. Конечно, «сытый голодного не разумеет», но правила гостеприимства следует соблюдать всем, тем более что японцы по справедливости славятся этим. Разумеется, мнение Като — мнение далеко не всей Японии, а людей, оценивающих все происходящее в «черно-белом» спектре, достаточно везде.

Встречи и беседы в Токио в полной мере убеждают, что советско-японские отношения находятся в начале нового этапа, поворот к которому, кажется, уже совершился. Проблем накопилось слишком много, и откладывать их решение «на потом» нельзя. Но нельзя и исключительно замыкаться на них. Выступая на пресс-конференции в Москве, в Советском комитете защиты мира 30 мая 1991 г. вице-президент влиятельной японской общественной организации «Сока гаккай интернэшнл» Х. Ямадзаки исключительно высоко оценил визит в Японию советского Президента и его «содержательные и doskonaльные» переговоры в Токио. Коснувшись территориальной проблемы, он отметил, что «делать окончательные выводы преждевременно» и «необходимо время, чтобы ее решить». Но особенно примечательны его слова о том, что сейчас «есть более важные вопросы» — глобальные проблемы, от решения которых зависит судьба всей нашей цивилизации. Подобный подход вселяет надежду на победу приоритета гуманистических, общечеловеческих ценностей в советско-японских отношениях.

В. ВОРОНЦОВ, А. МУРАДЯН

Прорвал августовского путча, крушение «имперского» центра, стремительные темпы демократизации общественной жизни России — все эти события последних месяцев обостряют интерес к вопросу о том, какими будут отношения российских краев, областей и автономий с Москвой, с новыми демократическими структурами власти в столице. В прошлом эти отношения вызывали острое недовольство на местах. Сейчас открываются перспективы для принципиально новых, равноправных, взаимно-уважительных отношений по линии Москва — российские регионы. Нам, работников журнала, прежде всего интересует судьба российского Дальнего Востока.

Журнал ПДВ постоянно обращается к такой животрепещущей теме, как развитие Дальневосточного экономического района, и это вполне естественно. Судьбы России, народов, населяющих ее, российской государственности всегда неразрывно были связаны с тем, что происходило в восточных районах страны, где создавались предпосылки державных побед и где формировались уникальные по своим масштабам острова лагерно-казарменного хозяйства. Все, что происходит в стране, сказывается и, возможно, в большей степени, нежели где-либо еще, на хозяйственной и социально-экономической обстановке Дальневосточного экономического района (ДВЭР).

Болезнь хозяйственного организма дальневосточных районов страны берет свое начало в 30—40-е годы, когда стала резко возрастать их роль как военного плацдарма, как источника природных ресурсов, когда определились весьма специфические, прямо скажем, неравноправные взаимоотношения региона с остальными территориями страны. Обострение заболевания особенно дало себя знать в условиях охватившего страну экономического кризиса, при которых прерваны действовавшие, хотя и со сбоями, установившиеся десятилетиями хозяйственные связи, когда обнажаются язвы, связанные с однобокостью структуры производства, низкой степенью производственной диверсификации.

Переход на новые формы взаимоотношений по линии центр — республики с самого начала таил в себе тяжелые последствия для ДВЭР, центр тяжести по формированию социальной, структурной, инвестиционной и экологической политики переносился на республиканский уровень, даже на уровень местных советов. Ответственность — без необходимых ресурсов. Такого рода тенденция находила отражение в росте неудовлетворенности в среде дальневосточников состоянием экономических отношений по линии «центр — периферия». Приведем несколько примеров сказанного из недалекого прошлого. Не так давно в газете «Красное знамя» (г. Владивосток) было опубликовано заявление коллектива местного предприятия «Эра», в котором в частности говорилось: «Союзное правительство, развивавшее наш край как форпост страны на Дальнем Востоке, в сложившейся сложнейшей обстановке бросило нас на произвол судьбы»¹.

Но были и более красноречивые свидетельства беспокойства и недовольства общественности в связи с ухудшающейся экономической обстановкой в стране и регионе. В прессе Приморского края, других областях появлялись тревожные публикации о том, что «иллюзиями сыт не будешь», бесполезно надеяться «на помощь Москвы», когда «на повестку дня поставлен вопрос выживаемости в условиях наступающего голода». Выражалось недовольство ценовой политикой центра, в результате которой рыбаки и рыбообработчики Дальнего Востока платили за произведенную ими продукцию (а регион дает 40 % добычи рыбы по стране) больше, чем жители других регионов страны. «Это на каком цивилизованном капиталистическом рынке, — ставился вопрос в одной газетной публикации, — можно найти такое

парадоксальное явление, когда цена в районах промысла и обработки на рыбопродукцию выше, чем в континентальной части страны?» И далее автор, не скрывая своих эмоций, заключал: «Такие перекосы можно найти только в экономических взаимоотношениях колоний».

Впрочем, и в центральных газетах можно было увидеть аналогичную характеристику одного из крупных сибирских регионов: «Фактически это колония, другого слова не подберешь. Здесь это нагляднее, чем в других добывающих регионах». К такому выводу корреспондент газеты пришел после поездки в Якутию, в районы добычи золота. «Здесь классический колониальный вариант: во-первых, золото, во-вторых, уж слишком убогие жилища и условия жизни», — подводил итог своим наблюдениям столичный журналист³.

Следует ли удивляться, что в самых широких общественных слоях Сибири и Дальнего Востока нарастало раздражение и недовольство политикой центра. Оно прорывалось на крупных политических форумах. Так, один из руководителей Томской области, анализируя в июле 1991 г. кризисную экономическую ситуацию и намечая направления выхода из нее, отмечал: «Давно пробивается идея о том, чтобы 15—20 процентов всего производимого в регионе оставалось в местном распоряжении. Власти пьются к этому, но в режиме торможения, думая, что таким образом можно увеличить производство, забирая все. Нет... это только яма становится больше, когда из нее больше берут. В экономике дело обстоит по-другому».

Последствия ставшего по существу хроническим заболевания непосредственно сказывались на положении немало испытывавшего на своем веку дальневосточника. Ведь Дальневосточный район, Забайкалье значительно отстали по уровню жизни — обеспеченности жильем, основными видами культурно-бытового обслуживания и отдыха, потреблению продуктов питания и т. п. — и занимают в этом смысле одно из последних мест среди областей, краев, автономных республик РСФСР.

Немало практиков-специалистов, ученых, публицистов открыто обсуждают — в том числе и на страницах нашего журнала — пути и средства лечения больной экономики, выхода из охватившего страну кризиса, который с наибольшей остротой проявляет себя в дальневосточных районах страны. Знакомясь с мнением самих дальневосточников по указанным вопросам, остро ощущаешь, насколько они назрели и перезрели, сколь велика была неудовлетворенность людей медлительностью центра. Вот одна из характерных позиций, кстати сказать, ровно год назад изложенная на страницах нашего журнала. Эмоциональность автора, выступавшего от имени населения одной из областей Дальнего Востока нам близка и понятна: «Мы не можем больше ждать, пока в Москве разберутся, что рыночная экономика не может быть плановой и что понятие регулируемая рыночная экономика продолжает путаницу, ибо неизвестно, в чьих интересах она регулируется. Никто не знает, сколько нужно времени, чтобы наши академики, блуждающие по коридорам власти осознали, что нам нужна социально направленная рыночная экономика, короче говоря, нам нужна социальная рыночная экономика. Мы не можем больше ждать, пока падет система неразумных юридических законов, подзаконных актов, инструкций, пока министерства ослабят свою мертвую хватку»⁴.

Не нужно быть дипломированным психологом, чтобы читая этот и другие документы, ощутить степень разочарованности населения Дальнего Востока политикой центра прошлых лет, жажду самостоятельной деятельности. «Мы не можем больше ждать!» — это поистине лозунг дня для региона.

Впрочем, лед уже тронулся.

В результате обсуждений, непосредственного или опосредованного обмена мнениями рождается концепция дальневосточного регионализма, которая из академической сферы перемещается в область практики, что проявляется прежде всего в движении к региональной консолидации на различных уровнях. Так, в мае с. г. в Хабаровске прошло совещание координационного совета ассоциации Советов народных депутатов Дальнего Востока, на котором рассматривалась новая концепция экономического и социального развития Дальнего Востока, Бурятской ССР и Читинской области до 2000 г. Существенным симптомом нарастания указанных тенденций является создание Экономической ассоциации краев и областей Дальнего Востока, призванной консолидировать усилия в рамках всего региона в сфере народного хозяйства.

Принято Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР о создании свободной экономической зоны «Сахалин». Оно предусматривает льготный налоговый и

таможенный режим и упрощенный порядок осуществления экспортно-импортных операций в зоне, создание Администрации СЭЗ и Государственной инвестиционной корпорации по освоению природных ресурсов. Решения по созданию СЭЗ ранее были приняты по г. Находке и Чите. Но это одна сторона дела. Не менее важен факт нарастания общественных настроений в регионе в пользу приобретения областями и краями и регионом в целом большей самостоятельности и независимости от центра.

Могут ли регионы заработать себе на жизнь, в состоянии ли они преодолеть многолетнюю инерцию, тормозившую развитие дальневосточного потенциала, вовлечение дальневосточной экономики в международное разделение труда? С верой в собственные силы один из народных депутатов России провозглашает лозунг: «Если нет денег, дайте регионам свободу»⁶. Что могут дальневосточники противопоставить своими непредсказуемыми последствиями тенденции затухания в регионе экономической активности и снижения уровня жизни населения? Рабочая группа ассоциации дальневосточных Советов народных депутатов подготовила концепцию выхода из кризиса и стимулирования социально-экономического развития ДВЭР и Забайкалья в период до 2000 г. Знакомо, — может воскликнуть читатель, — сколько мертворожденных программ сеяли иллюзии в спасительную силу планирования к 2000 г.! Давайте на этот раз не будем столь категоричны. И мы не завели бы, правда, этот разговор на страницах журнала, если бы перед нами лежала очередная отписка центральных ведомств. Но упоминавшаяся концепция — плод длительной исследовательской работы научных коллективов, действующих на Дальнем Востоке и в Забайкалье, опирающихся на местный материал и стремившихся следовать интересам проживающего там населения. В небольшом материале, конечно, невозможно подробно прокомментировать вышеназванный документ, но с отдельными его положениями мы все же познакомим читателя⁶.

Прежде всего отметим объективность оценки экономического потенциала региона, который производит 98 % алмазов, 80 % олова, 90 % борного сырья, 50 % золота, 14 % вольфрама, более 40 % рыбы, морепродуктов и сельскохозяйственных продуктов, 86 % производства соевых бобов, 13 % целлюлозы. На Дальний Восток приходится 18 % грузооборота морских портов. Этот парад цифр можно было бы продолжить, но не хотим утомлять читателя. И так ясно, что ресурсный потенциал региона огромен. Но как он используется? Приведем еще одну цифру из анализируемого документа: доля экспорта в товарной продукции промышленности района составила 3,7 % в середине 80-х гг. Мизерная цифра, свидетельствующая об архаичной структуре производства Дальнего Востока.

Авторы концепции совершенно правы, утверждая, что концентрируясь только на первичном секторе промышленности, передавая в другие регионы сырье для дальнейшей обработки, Дальний Восток «теряет потенциальные доходы в виде добавленной стоимости, которая создается на других территориях, а потом ввозится в регион в виде потребительских и производственных готовых товаров и полуфабрикатов... В результате завышается уровень издержек и занижается рентабельность регионального производства»⁷. Говоря простыми словами, все это действительно, смахивает на формулу не вполне равноправных взаимоотношений «метрополия — периферия».

Регион, согласно предложенной концепции, относится к числу слабо развитых социально-экономических систем, эффективное развитие которых невозможно без создания адекватной инфраструктуры, модернизации производства и обустройства социальной сферы. В общегосударственных интересах — не закрепление за регионом роли сырьевой колонии, а налаживание всесторонней экономической кооперации с соседними странами АТР. Преодоление узкотоварной ориентации, расширение внешнеэкономической деятельности позволили ДВЭР несколько стабилизировать хозяйственную и социальную ситуацию в 1988—1989 гг. Обнадеживают в этом плане уже первые шаги администрации и деловых людей на Сахалине. Проведены встречи с представителями иностранного банковского и промышленного капитала. Среди последних — одна из ведущих производственно-финансовых компаний Японии «Идемицу» и многопрофильная южнокорейская компания «Санквонд».

Зарубежные предприниматели заинтересованы в разработке нефтегазоносных месторождений на шельфе Сахалина, в организации крупного газохимического производства. Среди последних такие гиганты нефтяного бизнеса, как британо-голландская корпорация «Ройял датч-шелл», американские «Экссон», «Амоко ойл» и «Мобил ойл», японские торговые фирмы «Итотю сиадзи» и «Мицуи буссан», южнокорейская «Хёндэ», австралий-

ская «Би-эйч-пи петролеум» и другие всемирно известные компании. Некоторые из них объединяются в консорциумы, другие предпочитают вести борьбу за получение контрактов на разработку нефти и газа на шельфе Сахалина в одиночку. Совершенно очевидно, что объявление Сахалина свободной экономической зоной повысило к нему интерес крупного международного капитала. И не только задействованного в нефтяном бизнесе. Японские сталелитейные фирмы из группы «Тоехиро Сайко» проявили интерес к поставкам лома черных металлов за свободно конвертируемую валюту и т. д.⁸

Налаживается деловое сотрудничество предприятий в г. Южно-Сахалинске с партнерами в городе-побратиме Яньцзи в Китае. Китайский «побратим» — небольшой городок (280 тыс. человек населения), расположен в Яньбинском корейском национальном округе пров. Цзилинь. По уровню развития он весьма похож на Южно-Сахалинск, кстати, в обоих городах имеется значительный контингент корейского населения. В Яньцзи — 75 %, в Южно-Сахалинске — 7. Как же предполагают сотрудничать «отцы» советского и китайского городов? Речь идет о создании совместного советско-китайского предприятия, его первым подразделением становится магазин в областном центре Сахалина. Он будет торговать китайскими товарами за советские рубли. Последние будут вкладываться в дальнейшее расширение совместной экономической деятельности. Далее, намечено открыть совместные предприятия по переработке рыбы, чтобы продавать их продукцию на Сахалине, и в Китае, и в других странах.

Еще одна интересная договоренность — об открытии авиалинии между городами-«побратимами». В Яньцзи есть аэродром, способный принять самолеты класса АН-24, а сахалинцы подготовили два самолета с экипажем для выполнения этих рейсов, планируется четыре рейса в месяц. Они нужны не только для пассажирских перевозок, но и для доставки товаров в магазин, на совместные предприятия. Есть у южносахалинцев задумка подключить одно из своих СКБ к расширению производства на китайском радиозаводе бытовой радиотехники. На первых порах это, видимо, будет сборка плейеров из китайских комплектующих деталей⁹.

Таков один из удачных примеров проявления местной инициативы и экономической самостоятельности. Успех ее обеспечивается исключительно за счет знания местных условий и конъюнктуры у близких соседей. Ну, в самом деле, разве можно из далекого московского центра углядеть трудовой потенциал, предпринимательскую инициативу корейского населения в двух упомянутых городках? Между тем местные предприниматели держат этот позитивный фактор в поле своего зрения. Корреспондент газеты «Советский Сахалин» отмечает, что в развитии экономики г. Яньцзи большой вклад внесли богатые родственники местных корейцев, проживающие в Южной Корее. Отталкиваясь от этого факта, он ставит вопрос: «А почему бы и у нас не попробовать такой вариант? Местные власти дадут такому виду предпринимательства зеленую улицу, помогут с отводом земельного участка, строительством»¹⁰.

Это лишь один из примеров. Но есть и другие. Набирают силу связи Владивостока с южнокорейским Пусаном, вторым по значению политическим и экономическим центром страны с населением порядка четырех миллионов жителей. Оба города — крупные порты, имеющие предприятия рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей промышленности, судостроения и судоремонта. Заглядывая в перспективу, мэр Пусана Ким Енг Хванг считает необходимым «создать базис в виде экономических, торговых и культурных связей двух городов». В таком же направлении развивается взаимодействие Сахалинской области с японским островом Хоккайдо. Как пишет местная газета, оно обрело хороший темп благодаря активной позиции «председателя Сахалинского областного исполкома В. Федорова и губернатора Хоккайдо Т. Июкомити». Хотим указать на одну деталь в планах японского губернатора, который «хотел бы создать северо-восточную азиатскую зону сотрудничества». Эта зона должна включать три провинции северо-восточного Китая, Южную Корею и Хоккайдо¹¹. Вообще идеи развития регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии все чаще становятся предметом обсуждения на международных форумах. Многосторонняя встреча на министерском уровне в Токио (май—июнь с. г.) обсуждала, например, вопросы, имеющие непосредственное отношение к дальневосточному регионализму, осуществление, в частности, идей экономической зоны стран Японского моря, эффективного использования имеющихся в регионе транспортных систем и создание новых и т. д.

Одной из причин ухудшения хозяйственной и социальной ситуации в регионе авторы концепции «выхода из кризиса» видели в введении центром ограничений на

внешнеэкономическую деятельность, поэтому ликвидация монополии государства на определение характера внешних связей, становится одной из важнейших целей при претворении в жизнь программы перестройки экономической и политической жизни региона. К идее «межгосударственного регионализма» мы еще вернемся, в этом материале нам хотелось бы большее внимание уделить все же вопросам «внутригосударственного регионализма».

К сожалению, теория регионализма как своеобразного экономического, социокультурного и политического феномена не разработана в отечественном обществоведении. Лишь в самое последнее время наши ученые стали признавать наличие такой научной проблемы¹². В то же время на Западе существует значительная литература по этой проблематике. Исторически идея регионализма противостояла тенденциям к чрезмерной концентрации политической и экономической власти в руках центра, выступала за развитие местных структур управления, сохранение культурных и исторических традиций на местах, за усиление политического и экономического влияния периферийных районов на процессы выработки государственных решений. Именно в этом смысле приобретают актуальное звучание предложения авторов рассматриваемой выше концепции о модернизации государственной политики по отношению к дальневосточным регионам. Центр не должен финансировать региональное развитие «вообще», он должен предоставлять средства для решения конкретных, наиболее важных задач, которые возникают при формировании общегосударственной политики, развитие и совершенствование сырьевого сектора должно опираться на государственную поддержку и новые формы международного сотрудничества, дислокация вооруженных сил как один из элементов общегосударственной политики предполагает финансовые и юридические обязательства страны перед Дальним Востоком. Целью государственной политики становится содействие саморазвитию региона в системе внутрисююзного и международного разделения труда.

В условиях современности, когда и внутриобщественная и международная жизнь становится все более «ячейстой», когда усиливаются горизонтальные «трансклассовые» связи в ущерб вертикальным, жестко централизованным, идеология и практика регионализма получает дополнительные возможности для развития. Поучителен в этом плане опыт Европы, где регионализм как политическая и общественная практика насчитывает многие десятилетия. Именно ей приписывается заслуга в сохранении самобытности и специфики земель и провинций, входящих в состав Германии, Италии, Франции и других стран. Видимо, как отражение признания заслуг концепции регионализма стало создание в 1990 г. Французской федерации регионализма, первой в Европе¹³. Выражаясь фигурально, мы можем сказать, что современная общественная жизнь (внутригосударственная и международная) «квантуется» регионами.

Процесс «регионализации» культурной, экономической и политической жизни есть объективная закономерность демократически организованных обществ. По мере углубления демократизации нашей страны будут набирать силу тенденции к регионализации, о чем говорят факты, упомянутые нами выше. Здесь лишь хотелось бы подчеркнуть, во-первых, то, что происходящее не есть плод чьих-то субъективных замыслов или сепаратистских козней, а объективный, закономерный процесс, неизбежное следствие демократизации советского общества. Во-вторых, важно отметить, что здоровый регионализм не есть синоним дезинтеграции и распада нации и государства. Напротив, регионализм закладывает здоровые, добровольные, взаимовыгодные основы именно под интеграционные процессы. В самом деле, какие народы или части одного народа смиряются с тем, что их считают «периферийными» в условиях демократического общества?

Другое дело, что тенденции регионализма могут принять извращенные формы, выродиться в откровенный политический сепаратизм. Такое возможно, и история знает тому немало примеров. Указанная опасность особенно актуальна для нашего многонационального государства, переживающего острый экономический, социально-политический и духовный кризис, а также кризис национально-государственного устройства. Выход из кризиса некоторые видят в политическом экстремизме. Когда политический экстремизм сочетается с идеологией национализма получается особо опасная взрывчатая смесь. Поэтому одна из главных задач сегодня — устранение социально-экономической подоплеки политического экстремизма как на национальной почве, так и на почве территориального сепаратизма. Предпосылкой к этому призван стать процесс обре-

тения союзными республиками, другими национальными образованиями, а также краями и областями в их рамках экономической, культурной и политической самостоятельности. Уже сделаны принципиальные шаги в этом направлении.

Конечно, о политической самостоятельности краев и областей в рамках республик следует, на наш взгляд, говорить в условном, относительном смысле, как об увеличении их возможностей оказывать влияние на принятие общегосударственных решений, а не как об их ориентации на образование самостоятельных государств. Дело, однако, в том, что в современной идейной жизни страны и ряда ее регионов, включая Сибирь и Дальний Восток, существуют течения общественной мысли, выступающие за «балканизацию» России, за образование на ее территории целого ряда самостоятельных государств. Первоначально эти идеи имели широкое хождение в диссидентском «подполье». Считалось, что «развал советской империи» является необходимым условием «спасения русской нации». Один из приверженцев этой концепции полагал, что расчленить надо не только «большую империю» — СССР, но и «малую империю» — РСФСР. Последнюю он видел распавшейся на четыре суверенных государства: новое «московское» государство в европейской части России, западносибирское, восточносибирское и дальневосточное государства.

В последнее время эти концепции высказываются в печати и людьми, облеченными официальной властью. Так, один популярный идеолог и политический деятель набрасывает следующую цельную поэтапную программу действий. «После денационализации, — конкретизирует он последовательность политических шагов, — наступает этап децентрализации. По районам (желательно, наиболее дробным) проводится референдум о том, в какой из республик хотели бы жить жители района, и по большинству голосов формируются на месте СССР три, четыре, а то и пять десятков независимых государств».

Такой «регионализм», на наш взгляд, непродуктивен и опасен. Появление на территории России десятка, а то и более, суверенных государств — это не только шаг к междоусобицам и конфликтам, это неизбежное политическое, экономическое, не говоря уже о военном, ослабление указанных квазигосударств. Идея образования на территории Сибири и Дальнего Востока самостоятельных государств вообще-то не нова. Она активно обсуждалась еще в 20—30-е годы. Более того, в форме ДВР она была реализована и сыграла определенную позитивную роль в процессе борьбы за сохранение единой российской государственности. Небезынтересно, что и «красные» и «белые» рассматривали «автономизацию» сибирско-дальневосточных регионов как меру временную, призванную в конечном счете сработать на сохранение единого российского государства.

Заслуживает внимания и позиция западных держав по этому вопросу, она была неоднозначной. Некоторое время тому назад одному из нас довелось работать в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (г. Стэнфорд, США) и познакомиться там с интересным документом — Протоколом заседания пленума дальневосточной группы Совета уполномоченных организации Автономной Сибири, имевшего место 6 декабря 1932 г. в Шанхае. Представители «белой» эмиграции отметили, что есть два течения западной политической мысли. Для первого характерно, что «при всех переговорах с иностранцами вопрос о возрождении великой России отвергался, но они охотно вели разговоры о создании сибирской государственности». Второй подход исходил из необходимости, с точки зрения европейских интересов, «возрождения великой России, как противовеса против желтой опасности из Азии». С известными модификациями оба эти подхода встречаются и в современной западной литературе.

Но это к слову. В условиях современности политический сепаратизм архаичен. Такое направление общественного развития страны явно противоречило бы интеграционным тенденциям, доминирующим в современном мире. Однако сам факт существования и распространения подобной идеологии — верный признак общественного недовольства сложившимися отношениями по линии «центр — периферия». Эти отношения нуждаются в реформировании в направлении передачи в края и области большого объема полномочий по решению местных экономических, социальных и культурных вопросов. Причем акцент сейчас должен быть сделан именно на хозяйственных проблемах. Правы, по нашему мнению, те депутаты Верховного Совета РСФСР, которые, объясняя одну из причин упадка Приморья, становящегося «нищим краем», приходят к выводу: «Это логический конец, к которому шли все последние годы. Увлечлись поли-

тической борьбой, стремились к суверенитету, мечтали о Дальневосточной республике, строили грандиозные проекты, а о самом насущном — об экономике — забыли».

Фрагментация экономического и политического пространства страны в форме политического сепаратизма непродуктивна еще и в той связи, что она идет вразрез с тенденцией «межгосударственного регионализма». Суть ее в том, что в пограничных областях нескольких соседних государств образуются особые зоны интенсивного сотрудничества. Сейчас симптомы этой тенденции к образованию зон «международного пограничья» просматриваются и в Европе и в Азии. Выше упоминалась конструктивная идея губернатора Хоккайдо о создании зоны сотрудничества в северо-восточной Азии, включая Хоккайдо, Южную Корею и три провинции северо-восточного Китая. Логично выглядит подключение к этой зоне советского Приморья и Сахалина, но лишь в том случае, если эти области останутся неотъемлемой частью общероссийского экономического и политического пространства. В противном случае указанная зона, как мощный вакуумный насос, втянет в сферу своего политического влияния и Приморье и Сахалин. А это сразу обострит проблему национальной безопасности и для Союза и для России или тех десятков государств, которые, по рекомендациям упоминавшихся выше идеологов, должны возникнуть на их месте.

Образование Экономической ассоциации областей и краев Дальнего Востока вносит новый важный элемент в экономическую жизнь региона. Нам хотелось бы на страницах ПДВ рассказать читателю о том, как будут реализованы предлагаемые Ассоциацией идеи выхода из кризиса, экономического и социально-политического развития дальневосточных регионов страны, какие существуют и возникают трудности на пути претворения этих идей. Нашему читателю, не безразлично относящемуся к судьбам страны, важно будет, видимо, знать о деятельности Ассоциации дальневосточных Советов народных депутатов, о перспективах появления на ее основе некоего общерегионального парламента, о том, какие вопросы будут выноситься на уровень общерегиональных консультаций, а что подлежит компетенции местных органов власти, в чем суть основных принципов государственной политики в отношении региона, экономической политики в регионе и многое, многое другое. Мы уверены в том, что углубление и расширение делового сотрудничества журнала с Ассоциацией взаимовыгодно. Оно было бы полезно и для наших читателей, которые стали бы получать оперативную и достоверную информацию о народнохозяйственной ситуации в регионе, как говорится, «из первых рук». Со своей стороны журнал готов увеличить поток информации, рассчитанной на деловые, коммерческие, банковские круги, объединенные в Ассоциации.

Вместе с тем мы ощущаем, что в сибирско-дальневосточном регионе становится все более полнокровной не только экономическая, но и общественно-политическая жизнь. Мы будем пристально следить за ее событиями и по мере возможностей освещать их. Мы надеемся обрести наших постоянных корреспондентов, доброжелательных читателей и советчиков. Дорогие друзья, сибиряки и дальневосточники, мы с благодарностью примем ваши предложения и пожелания.

¹ Красное знамя (Владивосток).— 1991.— 12 июня.

² Там же.

³ Правда.— 1991.— 29 июля.

⁴ Проблемы Дальнего Востока.— 1990.— № 6.— С. 7.

⁵ Комсомольская правда.— 1991.— 26 июля.

⁶ Концепция выхода из кризиса и стимулирование социально-экономического развития Дальневосточного экономического района и Забайкалья в период до 2000 года. Хабаровск, 1991.

⁷ Там же.— С. 7, 8.

⁸ Правда.— 1991.— 12 августа; Советский Сахалин (Южно-Сахалинск).— 1991.— 11 июня.

⁹ Советский Сахалин.— 1991.— 18 июня.

¹⁰ Там же.

¹¹ Советский Сахалин.— 1991.— 20 июня.

¹² См.: Макарычев А. С. Регионализм: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность.— 1991.— № 3.— С. 50—57.

¹³ Там же.— С. 50.

Демография и экономика ДВЭР

Е. МОТРИЧ

Демографические проблемы на Дальнем Востоке относятся к числу острых социально-экономических проблем. Современная социально ориентированная экономика делает приоритетными задачи демографического и социального развития.

Дальний Восток, в отличие от других районов страны, имеет специфические особенности, которые влияют на региональную концепцию развития народонаселения:

— значительная удаленность дальневосточных территорий от исторических и культурных центров страны;

— экстремальность условий труда и жизни людей в большинстве районов и различия климатических условий по территориям;

— деформированность поселенческой структуры;

— более низкий, в сравнении с западными районами страны, уровень развития социальной инфраструктуры, ее неравномерность.

Эти особенности всегда отрицательно воздействовали на приживаемость мигрантов, формирование стабильного населения; способствовали напряженности демографической ситуации; отражались на потребностях, ценностных ориентациях, мотивах поведения людей.

Стратегия демографического развития региона определялась концепцией его хозяйственного освоения, которая определила потребность в трудовых ресурсах, а в конечном итоге — численность населения. Динамику населения можно представить по данным переписей: 1926 г. — 1,6 млн. человек, 1939 г. — 3,0, 1959 г. — 4,8, 1970 г. — 5,8 млн. человек¹; 1979 г. — 6,8; 1989 г. — 7,9 млн. человек². Высокие, в сравнении с другими экономическими районами страны, показатели прироста численности населения — характерная черта демографического развития Дальнего Востока. К примеру, за последние 30 лет число жителей ДВЭР увеличилось на 64,3 %, в РСФСР — на 25,4, СССР — на 37,3 %. Среднегодовой прирост составил 2,1 %, в России — 0,8 %. Такой прирост населения обеспечивался высоким естественным приростом населения, благодаря более молодой структуре населения, и миграции, которая обеспечивала рабочей силой создаваемые на Дальнем Востоке новые предприятия.

Так было всегда, но в 90-е годы ситуация изменилась.

Естественный прирост на 1000 человек населения снижается (1986 г. — 11,8 %, 1988 г. — 10,4 %) ³. Такая тенденция будет продолжаться, так как удельный вес молодых возрастов остается постоянным, а доля жителей старших возрастов увеличивается и является фактором естественной убыли населения.

Миграционный прирост тоже снижается. В предыдущем периоде (1970—1978) — миграция давала ежегодно 45,6 тыс. человек, а в 1979—1988 гг. — 33,3 тыс. человек. Ее удельный вес за это время снизился с 39,5 % до 29,7 %. Абсолютный среднегодовой прирост за счет миграции в 1986—1988 гг. составил около 20 % относительно этого показателя за 1981—1985 гг. По удельному весу миграции в росте населения Дальневосточный экономический район стал уступать другим районам, т. е. терять свою привлекательность. Поэтому сократился и общий коэффициент миграционного прироста с 5,7 % в 1981—1985 гг. до 2,7 % в 1986—1988 гг.⁴ Лучшими, с точки зре-

Мотрич Екатерина Леонидовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Института экономических исследований ДВО АН СССР, г. Хабаровск.

ния миграционного прироста, были 70-е годы, когда развертывалось строительство БАМ, формировались ТПК, и главное другие территории страны могли перераспределять свободные трудовые ресурсы и пользу Дальнего Востока.

В настоящее время миграция населения на Дальний Восток характеризуется большим объемом и низкой результативностью. Причины: региональный рынок не способен удовлетворить потребности населения в продовольственных и промышленных товарах; уровень жизни дальневосточников низок; сложилась острейшая ситуация с обеспечением жилья и развитием сферы социальной инфраструктуры.

Таким образом, оценивая демографическую ситуацию, существующую в регионе, следует констатировать, что здесь наметились две взаимообусловленные тенденции. С одной стороны, происходит заметное снижение практически всех характеристик миграции. С другой, при уменьшении миграции повышается роль в естественном воспроизводстве коренных жителей населения. Дальний Восток по основным демографическим параметрам приближается к среднереспубликанским, наметились тенденции к формированию стабильного населения.

Однако данный процесс неоднороден на различных территориях Дальнего Востока. Во-первых, он не может жить по законам, скажем, Сибири или Черноземья, а его отдельные территории не могут быть похожими друг на друга. Принцип существования единого региона лежит не в однообразии, а максимальном сочетании различного.

Для региона характерна структурная дифференциация показателей демографического развития краев и областей в соответствии с различиями в народнохозяйственном комплексе. Так, можно говорить об ухудшении демографической ситуации в Северной зоне Дальнего Востока, в частности в Магаданской и Сахалинской областях. Однако, если учесть мировой опыт освоения северных территорий, то это скорее не ухудшение демографической ситуации, а вполне нормальный процесс и следует отдавать предпочтение целесообразности хозяйственного освоения таких территорий с использованием минимума рабочей силы. Это, безусловно, связано с решением проблем научно-технического прогресса, ликвидацией отсталых в техническом отношении производств, определявших всегда миграционную напряженность территорий. С этих позиций станет возможным даже стимулирование оттока населения с отдельных территорий, в частности северных. Формирование численности населения Дальнего Востока в перспективе будет зависеть от того, какая модель развития производительных сил, будет принята, какова будет народнохозяйственная структура региона.

Структура населения в структуре город — село

Дальневосточный экономический район — один из немногих районов страны с высокой и постоянно растущей долей городского населения. Удельный вес горожан в общей численности населения:

1926 г. — 23,4 %, 1939 г. — 46,5, 1959 г. 67,5, 1970 г. — 71,5, 1979 г. — 74,5, 1989 г. — 75,8 %. Для сравнения: этот показатель в Японии — 77 %, в США — 74—75, Великобритании — 76, ФРГ — 94 %⁵.

Источники роста городского населения Дальнего Востока: естественный прирост, миграция и административно-территориальные преобразования.

Соотношение естественного прироста и миграции зависит от экономико-географического положения, функционального типа и количества городского населения. Поэтому города с наиболее удобным экономико-географическим положением, многофункциональные, большие и крупные обладают притягательной силой. Их численный рост определяет миграция. К таким городам относятся краевые и областные центры ДВЭР. Переселения в большие и крупные города продолжается, потому что там лучше снабжение, бытовое и транспортное обслуживание. При решении любых социальных вопросов приоритет отдается этим мегаполисам, хотя уютнее, экологически комфортнее человек часто чувствует себя в небольшом или хотя бы среднем по численности городе.

В отличие от большинства экономических районов республики, в Дальневосточном сельское население в последние годы увеличивается. Но основной источник роста —

естественное движение. За последние 10 лет число сельских жителей увеличилось на 10,4 %, среднегодовые темпы в течение всего времени стабильные — 1,1—1,2 %. Но сельская местность Дальнего Востока очень специфична, в ней проживают люди, занятые в лесном хозяйстве, на горнодобывающих предприятиях и др., т. е. это в большинстве работники не сельскохозяйственных предприятий. Особенно это характерно для Хабаровского края, Камчатской и Магаданской областей. Это обусловлено величиной пашни, приходящейся на одного жителя. Этот показатель по РСФСР — 1,1 га, по Дальневосточному району — 0,42, а в Хабаровском крае всего 0,16 га⁶.

Половозрастная и брачно-семейная структура

Дальневосточный экономический район из-за молодости своего хозяйственного освоения и заселения, специфики народнохозяйственного комплекса имеет половозрастную структуру населения, которая отличается от таковой по стране, республике и другим экономическим районам. В стране и Российской Федерации мужчин в населении 47 %⁷. На Дальнем Востоке мужчин больше чем женщин, но есть различия по территориям, между городской и сельской местностью. К примеру, в Хабаровском крае на 1000 мужчин приходится 1000 женщин, но в городской местности — 971, в сельской — 1111 женщин⁸.

В возрастной структуре населения Дальнего Востока 60 % — лица в трудоспособном возрасте, 30 % — моложе трудоспособного, десятая часть — старше трудоспособного возраста. Если сравнивать с соседней Японией, то и на острове Хоккайдо наблюдается увеличение старших групп жителей.

Более молодая, чем в стране и республике структура населения является фактором увеличения числа зарегистрированных браков на 1000 человек населения (ДВЭР — 10,7; РСФСР — 9,5⁹; СССР — 9,4¹⁰). В Японии, несмотря на схожесть возрастной структуры этот показатель — 5,8¹¹. Но брачно-семейные отношения характеризуются нестабильностью, имеется множество нерешенных проблем в сфере семейных отношений. Количество разводов велико — 5,2 развода на 1000 человек населения на Дальнем Востоке, 3,9 — в РСФСР¹². Распадаются семьи как бездетные, так и с детьми, что не может не приводить к социальной напряженности, способствует миграции за пределы региона, и, следовательно, «работает» против формирования постоянного населения. В Японии на 1000 человек населения 1,3 развода¹³ — это самый низкий показатель среди развитых капиталистических стран. Таким образом, на советском Дальнем Востоке браков заключается в 2 раза больше, чем в Японии, а распадаются они в 4 раза чаще. Изучение брачно-семейной структуры населения, стабильности браков может явиться областью совместных исследований ученых Дальнего Востока и университетов Японии.

В настоящее время обозначилась тенденция роста повторных браков, увеличение числа неполных семей, рост внебрачной рождаемости. Так, в 1988 г. из общего числа родивших женщин 16,8 % не состояли в зарегистрированном браке, в РСФСР — 12,1 %¹⁴. Нестабильность браков ведет к увеличению абортот. В стране на 1000 женщин решается на аборт 181. По этому показателю СССР является лидером, значительно опередив даже такие страны, как Румыния и Китай, не говоря уже о развитых капиталистических странах¹⁵.

Естественное движение населения

На Дальнем Востоке на каждую тысячу человек рождается 17,9. Это больше чем в России (16 %) ¹⁶. Данный показатель имеет тенденцию к снижению, то есть Дальний Восток по характеру воспроизводства населения приближается к средне-статистическим данным по стране. Поэтому не случайно, что в структуре населения уменьшается доля молодых возрастов.

По показателю смертности Дальний Восток находится среди благополучных районов. Здесь 7,5 умерших на 1000 человек населения (в РСФСР — 10,7)¹⁷. Но здесь высокий показатель смертности детей в возрасте до 1 года.

Что касается характерных для региона заболеваний, то чаще всего население

Дальнего Востока страдает болезнями органов дыхания и пищеварения, часты также несчастные случаи, отравления и травмы.

Уровень заболеваемости и смертности коррелирует с социально-экономическими и экологическими факторами. Среди них — качество и структура питания. Традиционно для нас первыми необходимыми продуктами питания являются молоко и мясо. Но их производство на месте не может удовлетворить потребности населения. Так, производство мяса и мясопродуктов на Дальнем Востоке составляет 38 кг, потребление — 74 кг¹⁸, молока и молокопродуктов соответственно 172 и 382 кг¹⁹.

О состоянии здравоохранения в некоторой степени можно судить по обеспеченности больничными койками, врачами, средним медицинским персоналом. Эти показатели рассчитываются на 1000 человек населения без учета существующих различий между регионами. При таком планировании социальной инфраструктуры учреждения этой сферы размещаются независимо от нужд и особенностей местности. Все одинаково, что для европейского молодежного города-новостройки, что для Средней Азии, что для Дальнего Востока. Есть, конечно, некоторая дифференциация, но она не учитывает и десятой доли различий. Поэтому Дальний Восток по показателям состояния здравоохранения выглядит не хуже, а иногда и лучше России. Возможно, децентрализация управления избавит нас от стрижки под одну гребенку. Сегодня существует рассредоточенное население, когда ко многим населенным пунктам иногда «только самолетом можно долететь» (особенно в осенне-весенний период). Поэтому число посещений амбулаторно-поликлинических учреждений на Дальнем Востоке ниже, чем в РСФСР. Следовательно, ниже и контроль за состоянием здоровья проживающего в регионе населения.

На здоровье человека оказывает влияние экологическая обстановка. Считают, что до 80 % заболеваний связано с состоянием окружающей среды. На Дальнем Востоке экологическая ситуация весьма напряжена. Выбросы вредных веществ в атмосферу в 1987 г. на 1 городского жителя составили 344,6 кг. В России 363,5 кг. Однако, если в республике после 1985 г. идет уменьшение этого показателя (375,4 в 1985 г.), то на Дальнем Востоке — рост (317,2 кг). Самое неблагоприятное состояние в Магаданской (637,6 кг) и Сахалинской (477,8 кг) областях²⁰. Если наращивать промышленное производство без научного обоснования возможностей региона, то можно ожидать усиления экологической напряженности, а отсюда — ухудшения здоровья и сокращения продолжительности жизни населения. Мы понимаем, что сегодня наряду с социальной, нам нужна экологическая защищенность, чтобы сохранить здоровье и жизнь человека. Пример Японии, которая в середине 70-х — начале 80-х годов увеличила затраты на экологическую защиту и это позволило ей при стабильных расходах на здравоохранение увеличить продолжительность жизни до 78 лет (75 лет в США, 69,5 лет в СССР)²¹ и снизить детскую смертность в 2 раза. Сегодня степень развитости общества, уровень цивилизованности страны определяется не развитием космической техники, а продолжительностью жизни. Прогнозируемая продолжительность жизни для родившихся в 1988 г. в СССР — 70 лет, США — 75, Японии — 78 лет²².

Миграция. Характеризуя общую картину демографического развития на Дальнем Востоке, отмечалось интенсивное снижение роли миграции, называлась причина — низкий уровень жизни в регионе. Следует еще назвать ряд причин большого объема и низкой результативности миграции.

Большой объем миграции на Дальний Восток обуславливается необходимостью привлечения рабочей силы, поскольку постоянно ощущался дефицит трудовых ресурсов. Но почему низкая результативность? Предприятия привлекали мигрантов, как правило, на непрестижные рабочие места, которые требовали невысокой квалификации. Поэтому потребности мигрантов ни в содержании труда, ни в заработной плате не могли быть удовлетворены. Разрушалась ориентация части прибывших на постоянное проживание в районах Дальнего Востока. Получалось, что проблема трудоустройства решалась как бы заранее планируемым движением рабочей силы вокруг зон непрестижного труда, что и вело к миграционной напряженности территории.

«Все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову»²³. Отсюда понятно, что условия жизни и миграция — взаимосвязанные процессы. На миграционную подвижность влияет возможность удовлетворения потребностей и в

сфере инфраструктурной. К числу наиболее важных потребностей относятся жилье и обеспеченность предметами потребления.

В настоящее время в регионе острейшая ситуация с обеспечением жильем, его благоустройством. На одного жителя, по данным за 1987 г., на Дальнем Востоке приходится 13,1 м² полезной площади (в РСФСР — 15,5 м²), хуже чем в республике уровень благоустройства обобщественного жилого фонда, особенно в сельской местности. Так, всего 88 % городского жилищного фонда оборудовано водопроводом (в РСФСР — 93 %), сельского — 31 и 43 %, газом, соответственно, 29 и 73 % (городская местность) и 41 и 75 % (сельская местность)²⁴. Неудовлетворенность бытовыми условиями, безусловно, не может не оказывать своего негативного воздействия на формирование демографического потенциала, миграционных потоков. Именно по этой причине во многом на Дальнем Востоке все еще происходит неэквивалентный обмен квалифицированными кадрами с другими территориями страны.

Сложившаяся среднемесячная заработная плата рабочих и служащих на Дальнем Востоке не компенсирует повышенные затраты на проживание здесь, хотя она на 50 % выше чем в целом по стране (1988 г. — 219 руб.)²⁵ и незначительно превышает этот показатель в центральных районах. В Москве, к примеру, среднемесячная заработная плата 269 руб.²⁶.

Вклады населения в учреждения сберегательного банка на душу населения на Дальнем Востоке такие же практически, как в РСФСР (1048 руб. на Дальнем Востоке и 1037 руб. в РСФСР), а в южной зоне Дальнего Востока даже ниже (в Приморье — 928 руб.)²⁷.

Следующая нерешенная проблема, которая отрицательно влияет на отношение к проживанию на ДВ — неудовлетворительная обеспеченность предметами потребления. Между тем в общем объеме промышленного производства при невысоком удельном весе производства предметов потребления происходит постоянное снижение их доли (32,4 % в 1980 г. и 29,3 % в 1987 г.), товаров народного потребления на душу населения производится на 805 руб. (в РСФСР на 1119 руб.)²⁸.

Все это не способствует ориентации на проживание в регионе и, безусловно, не позволяет достичь главной цели освоения территории — обеспечить исторически нормальный тип воспроизводства населения.

По показателю стабильности проживания ДВЭР характеризуется как район с низкой долей коренного населения: более $\frac{2}{3}$ — это пришлые, то есть мигранты всего периода его освоения и заселения, но из них почти половина — лица, прожившие в регионе более 10 лет. По принятой классификации стабильности населения они уже являются его постоянными жителями. Следовательно, миграция явилась ощутимым компонентом в формировании населения Дальневосточного экономического района.

Занятость населения. Численность рабочих и служащих на Дальнем Востоке составляет около 4 млн. человек. В системе занятости приоритетная роль отдавалась обеспечению народного хозяйства рабочей силой. И, несмотря на это, не всегда удавалось достичь сбалансированности трудовых ресурсов и рабочих мест. Касается это прежде всего тех отраслей и производств, где сложившиеся технико-экономические параметры не соответствуют возросшим потребностям населения к содержанию и условиям труда.

В чем здесь дело? На предприятиях Дальнего Востока большая роль физически и морально устаревшего оборудования, широко применяется ручной труд. Так, в промышленности Хабаровского края в 1989 г. ручным трудом было занято 47,8 %, в строительстве — 58,2, в сельском хозяйстве — 65 %²⁹. Для этой части трудящихся практически отсутствует какая-либо заинтересованность в результатах труда. Следствием такого состояния являются низкие темпы роста производительности труда. Медленно проводится работа по рационализации и ликвидации производства, устаревших и излишних рабочих мест и высвобождению рабочей силы. Так, на предприятиях Хабаровского края в 1989 г. аттестацию прошли всего 24,5 % рабочих мест и только 43 % рабочих мест, подлежащих рационализации, были доведены до нормативных требований³⁰.

На Дальнем Востоке происходит увеличение потребности в рабочей силе, а не ее экономия. Это явление усугубляется высоким коэффициентом текучести кадров. По сменяемости кадров на первом месте в ДВЭР стоит Амурская область. Второе занимает Хабаровский край, где с предприятий увольняется каждый шестой рабочий.

А на таких предприятиях, как Бикинский мясокомбинат, Вяземский молочный завод, Ваннинский завод технологической щепы за первое полугодие 1990 г. сменился каждый третий рабочий. На шиноремонтном и деревообрабатывающем заводах коэффициент текучести составил 63 %, Николаевской РЭБ флота — 59, Шелеховском ЛПХ — 44 %. За первое полугодие за прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины с предприятий Хабаровского края уволено почти 3 тыс. человек³¹.

Острота трудоустройства может усилиться по причине снижения удельного веса в структуре населения лиц трудоспособного возраста. По имеющимся вариантам прогноза развития производительных сил, в условиях уже существующей несбалансированности рабочей силы и рабочих мест потребность народного хозяйства в трудовых ресурсах довольно значительно возрастет. Поэтому нам необходимо добиваться ускорения темпов роста производительности труда на основе резкого сокращения (примерно в 2—2,5 раза), а затем и ликвидации рабочих мест с применением ручного, малоквалифицированного труда, повышения технической оснащенности производства и внедрения прогрессивных форм организации труда; ограничение роста числа рабочих мест за счет нового строительства (за исключением создания базы строительной индустрии, развития энергетики, социальной инфраструктуры); совершенствование механизма высвобождения и перераспределения работников.

Однако и с реализацией этих условий прирост необходимой численности населения и трудовых ресурсов требует участия миграции. Привлечение и обустройство мигрантов — дело дорогое. Между тем, плохо используются и местные трудовые ресурсы. Так, только в Хабаровском крае число прогулов в первом полугодии 1990 г. — 31 день на 100 человек рабочих (в 1989 г. — 26 дней). Если взять все потери рабочего времени в промышленности (сменные простои, прогулы, отгулы с разрешения администрации), то доля прогулов составляет 41 %. В итоге промышленность края недополучила продукции за первое полугодие на 8217 тыс. руб.³²

Внедрение новых условий хозяйствования, переход территории к самоуправлению и самофинансированию могут оказать существенное влияние на демографическое развитие региона. В связи с переходом на интенсивные методы хозяйствования, новые условия оплаты труда, в связи с углублением НТП, ориентированного на сокращение ручного и малоквалифицированного труда, могут появиться высвобожденные из народного хозяйства трудовые ресурсы. Они будут резервом для обеспечения потребности народного хозяйства в рабочей силе и фактором для уменьшения миграционных потоков. Возникает вопрос, а возможна ли в такой ситуации безработица? В обсуждаемом на Верховном Совете Законе о занятости предусматривается необходимость исключения безработицы, как явления несовместимого с социализмом или хотя бы разработка мероприятий, которые смягчили бы социальную напряженность, вызванную высвобождением работников. Обеспечить полную занятость, достаточность рабочих мест в соответствии с приростом трудовых ресурсов — это государственная проблема в рамках социальной защиты. Сегодня можно уже говорить, что социальная защищенность — аспект социальной экологии.

Политика занятости предусматривает развитие системы переквалификации и трудоустройства, поскольку, как правило, высвобождаются работники определенных профессий, а производству требуются другие. К примеру, в Москве 400 тыс. безработных и в то же время 120 тыс. рабочих мест не занято³³. В условиях рынка приоритет будет отдан труду квалифицированному. Неквалифицированный, неэффективный труд будет вытесняться в первую очередь; неэффективные рабочие места ликвидироваться. Сложной может оказаться ситуация для работников, занятых на низкорентабельных и убыточных производствах, которые могут претерпеть банкротство, а занятые на них рабочие встанут перед проблемой поиска новых рабочих мест.

В условиях рыночной экономики трудовые ресурсы могут быть использованы на предприятиях с различной формой собственности. Индивидуальная, семейная трудовая деятельность, кооперативные, акционерные, арендные предприятия, хозяйственные товарищества — это те формы предпринимательства, которые позволят решить проблему занятости. Естественно значимыми станут такие формы занятости, как воспитание детей в семье, уход за больными и др. Нам представляется, что региональная политика занятости должна стать составной и определяющей частью всей социально-экономической политики.

Цель социального развития Дальнего Востока состоит в создании таких социально-экономических условий, которые в перспективе позволят здесь осуществить прогрессивное воспроизводство населения. Но нужно спешить с интенсификацией производства, с научно-техническим прогрессом и подъемом уровня жизни, без чего демографическое развитие нормализовать вряд ли возможно.

Демографическое развитие ДВЭР в перспективе предполагает расширенное воспроизводство собственных демографических структур, постепенное сокращение миграционного прироста населения, обеспечение полной занятости.

- ¹ Население СССР, 1973; Сб. стат.—М.: Статистика, 1975 (ЦСУ СССР).— С. 18—19.
- ² Основные показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР...— М.: Госкомстат РСФСР, 1989.— С. 8.
- ³ Там же.— С. 95.
- ⁴ Там же.— С. 24.
- ⁵ Известия.— 1989.— 30 апреля.
- ⁶ Тихоокеанская звезда.— 1990.— 19 апреля.
- ⁷ Социальное развитие СССР. Сб. стат. Госкомстат СССР.— М.: Финансы и статистика, 1990.— С. 29.
- ⁸ Тихоокеанская звезда.— 1990.— 13 апреля.
- ⁹ Основные показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР...— С. 207—209.
- ¹⁰ Социальное развитие СССР. Сб. стат. Госкомстат СССР.— М.: Финансы и статистика, 1990.— С. 284.
- ¹¹ Известия.— 1990.— 10 марта.
- ¹² Основные показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР...— С. 226—227.
- ¹³ Известия.— 1990.— 10 марта.
- ¹⁴ Основные показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР...— С. 109—110.
- ¹⁵ Аргументы и факты.— 1989.— 11—17 ноября.
- ¹⁶ Основные показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР...— С. 39—41.
- ¹⁷ Там же.— С. 57—59.
- ¹⁸ Потребление основных продуктов питания населением РСФСР. Госкомстат РСФСР.— М.: РИИЦ, 1989.— С. 179—180.
- ¹⁹ Там же.— С. 187—188.
- ²⁰ Сб.: Сибирь и Дальний Восток: социальное развитие. Госкомстат РСФСР.— М.: РИИЦ, 1988.— С. 163. С. 40.
- ²¹ Аргументы и факты.— 1990.— 14—20 апреля.
- ²² СССР и зарубежные страны. Сб. стат. Госкомстат СССР.— М.: Финансы и статистика, 1990.— С. 34—35.
- ²³ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.— С. 308.
- ²⁴ Сибирь и Дальний Восток: социальное развитие. Госкомстат РСФСР, 1988.— С. 74, 79, 82, 85, 88.
- ²⁵ Социальное развитие СССР. Сб. стат. Госкомстат СССР...— С. 92.
- ²⁶ Московская правда.— 1990.— 6 марта.
- ²⁷ Сибирь и Дальний Восток: социальное развитие. Госкомстат РСФСР, 1988.— С. 35, 40—41.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Тихоокеанская звезда.— 1990.— 29 апреля.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.— 16 августа.
- ³² Там же.
- ³³ Московская правда.— 1990.— 7 июня.

Природопользование: проблемы и перспективы

В. КАРАКИН, А. ШЕЙНГАУЗ

Предлагаемая статья посвящена проблемам природопользования в осваиваемых районах, под которыми мы понимаем те территории, где сохраняется возможность экстенсивного развития природопользования. К ним мы относим в первую очередь Север европейской части СССР, Сибирь и Дальний Восток. Последний мы выбираем конкретным объектом, так как система его природопользования нам наиболее знакома. Мы рассматриваем здесь возобновимые ресурсы — землю, воду, воздух, биоту — считая, что физически (но не экономически) невозобновимыми являются только минеральные ресурсы.

В качестве особых (в какой-то мере условных) видов ресурсов мы привлекаем к рассмотрению также неосвоенность территории и ее экономико-географическое положение (ЭГП).

Сегодня система природопользования в нашей стране претерпевает существенные структурные изменения. Они вызваны трансформацией внешней и внутренней экономической среды. Внешней средой является хозяйственный механизм, перестройка которого не может не затронуть и природопользование. Внешнее воздействие выступает в сложном сплетении, ибо, с одной стороны, природопользование — это база всего производства и потому оно должно быть «подогнано» к конструкции хозяйственных отношений, а, с другой, природопользование очень консервативно и инерционно по методам, его структура и возможности изменения во многом определяют возможности перестройки остальных сфер производства.

Состояние внутренней среды сейчас определяется тем, что, во-первых, исчерпываются освоенные сырьевые базы, а освоение новых требует все больших затрат. Во-вторых, изменяется роль большинства ресурсов в жизни общества, все более осознается их многоаспектность и делаются все более конкретные попытки реализовать эту многоаспектность, заменить сугубо сырьевое моноресурсное природопользование на многоцелевое, полиресурсное.

Таким образом, в самом природопользовании давно назрели структурные изменения, и они во многом тормозились сохранением старых методов эксплуатации ресурсов. Это вело к углублению противоречий между методами и состоянием ресурсной базы. Назревшие изнутри преобразования совпали с перестройкой внешней среды — хозяйственного механизма, поэтому выглядят сейчас по сравнению с другими сферами деятельности наиболее глубокими и болезненными. Это имеет объективные причины.

Структурные изменения природопользования можно разделить на четыре группы. Первая, как уже упоминалось, связана с трансформацией ресурсно-сырьевой базы. Еще 30—40 лет тому назад подавляющая часть дальневосточного природопользования основывалась на непрерывном вовлечении в оборот первично осваиваемых ресурсов. Сейчас все больше приходится возвращаться к ранее использованным, но не полностью переработанным ресурсам. В сельском хозяйстве вновь распахиваются большие массивы некогда заброшенных земель. В лесном комплексе проводят-

Каракин Владимир Павлович, зав. отделом географических основ природопользования Тихоокеанского института географии ДВО АН СССР, к. г. н., с. н. с.

Шейнгауз Александр Соломонович, зам. директора по научной работе Института комплексного анализа региональных проблем ДВО АН СССР, д. с.-х. н., проф.

ся повторные приемы рубок на участках, где ранее уже проводились промышленные несплошные рубки. В добыче минерального сырья по второму и третьему разу перемиваются дорогие отвалы. Конечно, сохраняется высокая доля и первично осваиваемых ресурсов, но качественные, да и количественные изменения сырьевой базы будут продолжаться, и они будут оказывать все большее влияние на структуру производства и продукции по всем блокам природопользования. Они же будут делать все более неизбежным переход к новым, иным методам и технологиям освоения ресурсов.

Вторую группу изменений составляют сдвиги в структуре продукции. Они идут уже несколько пятилеток и связаны с углублением переработки сырья, то есть с качественным преобразованием структуры продукции. Например, в лесопользовании Дальнего Востока в 1971—1989 гг., при росте производства деловой древесины на 12 %, рассчитанная на 1000 кубометров заготовленной древесины выработка пиломатериалов и клееной фанеры упала на 30 %, но выпуск прогрессивной продукции увеличился: древесноволокнистых плит на 243, древесностружечных плит на 444, картона на 1200, целлюлозы на 65 %.

Аналогичные, хотя, может быть, и менее заметные качественные сдвиги в структуре продукции отмечены и в других типах природопользования. Эти тенденции будут нарастать из-за: 1) изменения сырьевой базы, 2) переориентации структуры потребностей в смежных отраслях производства и в личном потреблении, 3) необходимости модернизации производственных возможностей — техники и технологий. Очевидно, что начнут вырабатываться не выпускаемые сейчас в регионе товары, относящиеся к высоко техничным видам продукции, а также расширится их спектр.

Эта тенденция встречается с трудностями, среди которых главные — нехватка инвестиций и невозможность приобретения соответствующего оборудования на внутреннем рынке, так как его значительная часть пока не выпускается в СССР.

Третья группа изменений — организационные. Длительное время существовала пусть не всегда адекватная изменяющейся ситуации, но достаточно четкая функционально-производственная система управления природопользованием по каждому из его типов при отсутствии объединяющих эти типы прочных связей. Сейчас эта система на глазах разрушается, причем самыми первыми и глубокими в период терестройки оказались изменения подсистем, связанных с биологическим земледелием — сельскохозяйственным и лесным. В результате ослаб даже тот не всегда действенный ведомственный контроль, который существовал. Многочисленные комитеты и комиссии в структуре официальной власти (в том числе Госкомприрода), а также умножающиеся общественные экологические комитеты пока не смогли создать реальный всеохватывающий действенный и системный контроль.

Четвертая группа изменений структуры природопользования связана с нарушением экологической обстановки и повышением приоритетности этой проблемы в обществе. В последние годы сложилось мощное и все нарастающее движение в защиту окружающей среды, которое заставляет местные власти, да и сами предприятия, принимать ряд мер по ограничению использования природных ресурсов.

Например, ведется активная борьба против применения гербицидов, а особенно минеральных удобрений в сельском хозяйстве, запрещена рубка кедров в лесном хозяйстве, расширяются заповедники и особо охраняемые территории, ограничивается работа горнодобывающих предприятий, особенно связанных с промывочными технологиями и т. д.

Это экологическое движение сегодня на Дальнем Востоке приняло четкие черты ксенофобии. Последнее связано прежде всего с опытом, во многом отрицательным, лесозаготовок с участием КНДР и Кубы. Однако негативность совместных лесозаготовок почти полностью вызвана не иностранным присутствием, а несовершенством отечественной системы управления лесопользованием и контроля за ним.

Сейчас к «зеленому» движению привлекаются в большой степени вопросы абригенного природопользования. Требования малочисленных народностей реальны и справедливы, но существуют и моменты спекулятивного использования этих аспектов представителями «больших» наций.

В этой группе изменений много и других сложностей. Обозначился четкий водораздел между местным бизнесом, готовым развивать природопользование, в том числе с привлечением иностранного капитала и технологий, и преобладающим обществен-

ным мнением. Объективное взвешенное мнение специалистов часто не используется и либо отвергается обеими сторонами, либо принимается выборочно, в особой интерпретации.

К сожалению, местные власти ведут себя непоследовательно и «силят на двух стульях». С одной стороны, они понимают, что для социально-экономического развития территории нужно интенсифицировать природопользование. С другой стороны, они стараются подстроиться под общественное мнение.

Эту проблему игнорировать нельзя. Наоборот, она показывает большую социальную напряженность в области использования природных ресурсов, которая должна быть учтена, в том числе через усиление социальных аспектов самого природопользования.

Социальное и экологическое пользование такими природными ресурсами, как земля, вода, а особенно лес, сегодня быстро возрастает. Возникает настоятельная необходимость в переходе к действительно многоцелевому природопользованию.

Многообразие типов природопользования требует сведения их к какой-то единой базе, хотя бы для научно-методических и операционно-управленческих целей. Такую базу, по нашему мнению, составляет территориальная принадлежность ресурсов. Практически никакие ресурсы не существуют в отрыве от территории, которая является операционным базисом всех, без исключения, видов природопользования и одновременно выполняет важнейшую функцию жизнеобеспечения — производство биоты через вовлечение в оборот плодородия почв.

Таким образом, все проблемы природопользования могут быть условно редуцированы до территориальных, земельных проблем. А рассмотрение земельных участков с их природно-ресурсным потенциалом позволяет оперировать с природопользованием как с физически целостной системой.

Аналогичные принципиальные позиции могут быть приняты и в отношении природопользования на акватории региона. Однако дальнейшие аналогии исчезают и излагаемое ниже рассмотрение проблем природопользования на суше существенно отличается от морского природопользования, анализ которого выходит за рамки данной статьи.

Приняв приведение всех типов и видов природопользования на суше к единому базису — земле — мы сразу же выдвигаем в качестве основных проблем природопользования осваиваемых районов две проблемы: 1) собственность на землю и 2) освоение территории.

Мы отдаем себе отчет, что статья пишется в момент, когда вопросы собственности на землю находятся еще в стадии законодательного становления. Принятые союзные Основы законодательства о земле и собственности лишь усложнили проблему. Они объявили землю и остальные природные ресурсы общенародным достоянием населения данной территории, но одновременно допустили безусловное личное наследование используемых земельных участков без права их продажи и дарения (то есть без права распоряжения).

Республиканское законодательство по этой проблеме достаточно пестрое, не до конца пока что оформленное.

Сегодня вопрос о земле, как и 73 года тому назад, стал одним из важнейших вопросов в стране. Необходимость срочного решения проблемы стала очень острой, еще за 2—3 года до этого практически никто не рассматривал этот вопрос как важнейший. Сейчас схема решения проблемы свелась к тому, что реформаторы, движимые, в первую очередь, общими политэкономическими соображениями, не пошли по пути глубоких преобразований земельно-ресурсных отношений, которые являются фундаментом оздоровления экономики. Они приняли законы, по которым земля и остальные природные ресурсы принадлежат фактически Советам. Но в СССР сегодня 5 уровней Советов: 1) союзный (Верховный Совет СССР); 2) республиканский (Верховные Советы союзных республик); 3) краевой, областной; 4) районный и городской областного подчинения; 5) городской районного подчинения, поселковый, сельский. Мы уже не говорим о Верховных Советах АССР и окружных Советах, уровень которых сейчас не совсем ясен.

Принятыми законами не было определено главное — взаимоотношения между Советами различных уровней во владении этими объектами. На практике каждый из уровней Советов, интерпретируя законы в свою пользу, стал объявлять землю

и природные ресурсы подведомственной территории своей собственностью. Это стало вызывать различные конфликты, как, например, разногласия между центральным правительством и Верховным Советом РСФСР по правомерности заключения международных договоров на продажу сырья.

Сегодня нередко одна и та же территория объявляется собственностью сельского, районного и краевого Советов. Идет рассмотрение проблемы и ее решение в «черно-белой логике», то есть без поиска компромиссных решений: территория рассматривается или принадлежащей или не принадлежащей данному Совету. Идея разделения территории и ее природных ресурсов по уровням пока практически не обсуждается.

Новые союзные законы о земле и о собственности принимались на том этапе перестройки, когда рыночные отношения еще не были общепризнанными и возможность частной собственности категорически отвергалась многими из руководителей страны. Просуществовав менее года, они пришли в противоречие с дальнейшими преобразованиями хозяйственного механизма, что ярко проявляется на современном этапе разработки аналогичных законов в союзных республиках.

Вслед за многими исследователями вопроса мы считаем идею принадлежности всех без исключения ресурсов государству порочной. Она привела к полному отчуждению реальных субъектов природопользования (как в лице администрации природопользовательских ведомств, так и в лице исполнителей, непосредственно воздействующих на ресурсы) от ресурсов, их состояния и динамики. Это оказалось основной причиной многих грубых нарушений природы в процессе природопользования.

Говоря о государственной собственности, мы, конечно, прежде всего имеем в виду центральные органы власти. Однако мы вовсе не думаем, что объявление природных ресурсов, в первую очередь земли, достоянием живущих на ней людей сразу изменит всю ситуацию. Простая смена логики центральных ведомств на логику узко местных эгоистических интересов и стремление решать сиюминутные задачи может привести к еще большему искажению системы природопользования, нарушениям природных ресурсов и всей окружающей среды, чем было сделано прошлой централизованной системой.

Вопрос о собственности на землю и природные ресурсы, как и следовало ожидать, все больше становится политическим вопросом, в частности в борьбе между централизацией и децентрализацией управления. Это четко видно на Дальнем Востоке, где природные ресурсы относительно легко превращаются в валюту, которую можно получить у соседних богатых стран в уплату за сырье и тем самым решить текущие проблемы. Региональные ресурсы Дальнего Востока входят в систему ресурсного потенциала азиатско-тихоокеанского региона (АТР). В то же время, они являются не только региональным богатством, но и частью общенародного богатства всей страны, которая вложила немало средств в освоение этих ресурсов.

Выход из таких всегда сложных ситуаций заключается в расширении понимания взаимоотношений «владельцы-пользователи», в замене этой узкой двусторонней связи на более широкую: собственники индивидуальные и совместные, владельцы, арендаторы, субарендаторы, концессионеры и т. д. Это станет возможным только тогда, когда будет также широким спектр собственности и владений, которые будут вступать в экономическую конкуренцию и выполнять многообразные задачи по максимальному использованию природно-ресурсного потенциала.

Мы видим разделение собственности на землю и другие природные ресурсы по горизонтали и вертикали. По горизонтали: 1) общенародная; 2) коллективная, кооперативная; 3) личная, индивидуальная, семейная. По вертикали: 1) союзная; 2) республиканская; 3) муниципальная; 4) частная. На этих двух осях координат частная собственность на природные ресурсы совпадает с личной, семейной, индивидуальной, то есть является точкой пересечения осей координат — началом отсчета всех видов собственности на ресурсы, их минимальной ячейкой. При этом мы не считаем, что собственность на природные ресурсы, в частности на участок территории с его природно-ресурсным потенциалом, должна всегда принадлежать одному какому-то вертикальному или горизонтальному уровню. Она, как и в других сферах, может быть совместной. Например, союзно-муниципальной и др.

Выступая за приватизацию части природных ресурсов, мы не считаем, что она может быть сплошной или неограниченной по территории. В частную собственность должны и могут передаваться только часть природных ресурсов, в том числе земель.

Эта доля должна быть различна для разных ресурсов и в разных регионах. Не могут быть приватизированы природные ресурсы, которые составляют экологический каркас территории, они должны войти либо в союзную, либо в республиканскую собственность. Нельзя передавать в коллективную или частную собственность земли стратегического назначения, то есть предназначенные в перспективе для развития городов, строительства транспортных линий, линий связи, оборонных объектов и т. п., чтобы их потом не пришлось выкупать из частной собственности, как это произошло во многих других странах. Часть земель должна быть также зарезервирована в виде госземзапаса.

Очевидно, что все это будет соответствовать разным уровням собственности союзной, республиканской и т. д. Но здесь мы возвращаемся к этому вопросу с иной стороны, со стороны необходимости четкого разделения ресурсов на территории по их важности и ценности, то есть проведения генерального межевания всех территорий с целью решения двuasпектной задачи: 1) разграничения собственности на ресурсы и их оценки; 2) оптимизации структуры территории по целевому назначению — социальному, экологическому, экономическому, (оптимизация ландшафтного баланса).

Бурно обсуждается вопрос возможности приобретения природных ресурсов в собственность иностранными гражданами. Очевидно, что при создании стройной и четкой системы законов, основанной на ней системы строгого контроля за природопользованием и неотвратимости наказания за ущерб, а также при сохранении твердой политической власти, вполне возможно допущение и таких форм собственности, как совместное с иностранными партнерами владение природными ресурсами, аренда участков иностранными гражданами, концессии и даже продажа определенной части земель с их природно-ресурсным потенциалом иностранным гражданам.

Решение вопросов о собственности на природные ресурсы будет во многом зависеть от общественного менталитета, который по отношению к этой проблеме быстро изменяется. Большое отчуждение человека от природных ресурсов вызывало в недавнем прошлом безразличие подавляющей части общества к ситуации в природопользовании. Оно искусственно поддерживалось также замалчиванием проблем, сокрытием информации о масштабах трансформации окружающей среды и о недопустимых способах эксплуатации природных ресурсов, ведущих к их истощению.

Сегодня информация общедоступна, нередко подается в алармистском стиле, и в обществе быстро формируется осознание того, что ресурсы действительно являются объектами интересов местной общины, так как 1) они могут быть и уже сейчас нередко являются основой производственной деятельности и благосостояния членов этой общины; 2) система природопользования на данной территории определяет условия биологической жизни членов общины; 3) использование природных ресурсов стало рычагом в борьбе за власть.

В разное время и на разных территориях каждому из этих трех аспектов придается разная приоритетность и по этим аспектам общество поляризуется, ибо для каждой группы заинтересованных лиц приоритетен свой аспект. Разрыв в отношении к аспектам может быть смягчен или преодолен тогда, когда община будет использовать не отдельные, нередко конкурентные или альтернативные ресурсы, а станет комплексно использовать весь природно-ресурсный потенциал территории.

Появление муниципальной, кооперативной и частной собственности на землю и другие природные ресурсы сформирует рынок природных ресурсов. Многие годы земельный рынок в нашей стране фактически существует, но это рынок в очень усе-ченном виде и зачаточном состоянии. Говоря это, мы имеем в виду продажу земельных приусадебных и дачных участков. Формально на них продаются только строения, растения и урожай. Но фактически при их продаже в цене участка обязательно учитывается его ЭП и плодородие земли.

Формирование настоящего рынка позволит получить реальные цены природных ресурсов, в том числе и не включаемых в рыночный фонд. Роль таких реальных рыночных цен не может быть заменена никакими планово-расчетными ценами. Реальные цены, во-первых, позволят построить действенную систему экономики природопользования, составив основание шкалы арендных платежей, налогов, штрафов за нарушение и т. п. Во-вторых, без этих цен невозможно добиться реальных цен всей продукции, получаемой на основе использования природных ресурсов, прежде всего сельскохозяйственной. Это особенно важно при интеграции в мировую систему природополь-

зования, при которой следует достичь максимальной совместимости основных элементов, образующих цены на природные ресурсы.

Стремление превратиться из поставщиков природного сырья в полноценных участников многоцелевого общемирового природопользования, в частности стремление Дальневосточного экономического района (ДВЭР) интегрироваться в АТР, меняет многие оценки. Ранее они исходили из внутрисоюзных стереотипов, теперь они должны определяться с точки зрения природно-ресурсного потенциала всего мира, а также АТР как его части.

По внутрисоюзным стереотипам дальневосточные природные ресурсы оцениваются как в значительной степени уникальные. На этом строилась политика инвестиций, привлекались централизованные капиталовложения и формировались некоторые хозяйственные привилегии.

С точки зрения АТР, возникает смена оценок природных ресурсов ДВЭР. Очень многие ресурсы, считавшиеся уникальными для СССР, в системе АТР не являются уникальными и их относительная ценность снижается. Примером является оценка кедрово-широколиственных лесов по их производительности, богатству состава древесных пород, ценности древесины и т. д. На территории ДВЭР они находятся вне конкуренции, да и в СССР являются одними из самых ценных лесов. В целом же по АТР они очень далеки по всем параметрам от вершины оценочной пирамиды лесных ресурсов, хотя опять-таки, с точки зрения некоторых соседних стран, ценность наших кедровых лесов неоспорима.

В то же время те ресурсы, которые мы сегодня практически не учитываем или оцениваем очень низко, при интеграции в АТР повышаются в своей ценности. Примером могут служить большие массивы земель в центральной, и особенно в южной части ДВЭР.

Таким образом, природные ресурсы ДВЭР выступают взаимодополняющими для некоторых стран АТР, особенно сопредельных. Но они становятся лишь равной частью остальных природных ресурсов АТР на фоне его системы природопользования в целом. Соответственно будут определяться и оценки природных ресурсов нашей территории. Нет сомнения, что они впервые смогут стать реальными, если появится внутренний рынок природных ресурсов, особенно земель (который, безусловно, будет ограничен, как и в других странах, оговоренными выше условиями) в сочетании с развитым международным рынком.

Конечно, появление реальных цен очень важно для решения многих вопросов, в том числе для налаживания экономического механизма. Но в районах, сохраняющих черты первичного освоения, они важны также для правильного выбора объектов, размещения и организации этого освоения.

На территории, занимаемой сегодня советским Дальним Востоком, уже более 100 лет является правилом привлечение из других регионов средств и сил на освоение природных ресурсов и признание такой ситуации одной из главных проблем природопользования. Обычным стало положение, при котором для освоения ресурсов региона любым путем и под любым предлогом следовало привлечь те средства, которые имели министерства и ведомства, но не имели в своем распоряжении территории. Поэтому вся созданная и вновь создаваемая инфраструктура, все затраты на освоение ресурсов зависели от централизованных фондов, скапливались в руках предприятий союзного значения. Социальное развитие, вплоть до строительства школ, больниц и т. п. тоже шло за их счет.

Старая логика, когда, вложив средства в освоение, центральные ведомства забирали себе и прибыль, сменилась новой. Теперь часть прибыли и налогов остается у территорий. Но соответственно муниципальные власти должны принять на себя и часть затрат на освоение. К сожалению, сегодня это еще не стало общепризнанным. Хотя именно население территорий и муниципальные власти как их представители больше всех заинтересованы, чтобы это освоение было комплексным, полноценным и долгосрочным.

Этому учит и мировой опыт, в том числе опыт АТР. Не учитывая этого, мы часто не понимаем ту осторожность иностранных инвесторов, которые очень сдержанно реагируют на предложения присоединиться к освоению и использованию наших природных ресурсов. Здесь сказывается не только боязнь риска в правовом, социальном, финансовом, политическом аспектах, но и трезвый учет необходимости вложения

тех дополнительных капиталов на освоение, которые в принципе в других частях АТР вкладывать не приходится, а если они вкладываются, то компенсируются различными финансовыми льготами со стороны муниципалитетов и более высоких властей.

Появление реальных оценок на те виды ресурсов и услуг, которые раньше не ценились и даже не были платными, может перевернуть привычные представления об освоении, трансформировать его принципы. То, что в ценах не учитывались территория как пространство, неосвоенность, ЭГП, ресурсы, которые терялись, но практически не имели цены (рекреационный потенциал и т. п.), способствовало повсеместному применению фронтальных методов освоения. В результате многие ресурсы, прежде всего биотические, сильно трансформировались. Масштаб их трансформации неоправданно велик по сравнению со степенью освоения.

Степень освоения территории Дальнего Востока и трансформированности его ресурсов сегодня дают очень пеструю картину. Но в целом можно говорить о резкой поляризации этого явления, вызвавшего разделение на два типа крупных объектов:

1) территории со спонтанно функционирующими, фактически или потенциально саморегулирующимися геосистемами, на которых режим природопользования должен сохраниться или усиливаться возможности саморегуляции;

2) территории с нарушенными экосистемами, на которых природопользование должно протекать в условиях конструирования культурного ландшафта с регулированием ландшафтных составляющих и протекающих в них процессов.

Второй тип, как правило, является результатом фронтального освоения территории, идея повсеместного применения которого сформировалась в конце XIX — начале XX веков, когда не было тех средств транспорта и телекоммуникации, а также возможностей создания автономных центров, которые сегодня возникли благодаря научно-техническому прогрессу. По нашему мнению, настала пора чаще возвращаться к идее так называемого очагового освоения, но уже на новом уровне.

Фронтальное освоение требует намного большей абсолютной массы средств, чем очаговое. Оно, как правило, не является ресурсосберегающим, особенно, если рассматривать весь комплекс ресурсов. Опыт очагового освоения в Сибири и на Дальнем Востоке очень давний, но все очаги приурочивались к естественным транспортным путям, в большинстве случаев к рекам.

Для фронтального освоения обычен сырьевой характер первого этапа, при котором сразу начинается использование наиболее доступных и экономически эффективных сырьевых ресурсов. Сегодня, особенно при трудностях создания развитой инфраструктуры на больших территориях, немалый эффект может быть получен при локальном развитии очагов. В этом случае целесообразно вместо сырьевого природопользования применять другие типы, например, туризм, агропроизводство особо ценных и немассоємких культур (женьшень и т. п.), марикультуру и т. д. В очагах, которые могут быть существенно удалены от баз, должна создаваться инфраструктура высокого уровня, чтобы обеспечить высокоприбыльное природопользование, средства от которого пойдут на расширение очагов.

Мы не считаем, что это единственный путь, а лишь показываем один из вариантов нового способа освоения территории.

В новом способе должен и может быть наконец исключен такой неприемлемый элемент, как оставление уже освоенной территории с безвозвратной потерей тех сил, средств, а нередко и жизней, которые были затрачены на освоение. Эти потери практически никогда не оценивались и не учитывались.

Печальный опыт такого отрицательного освоения накоплен в достаточном количестве во многих регионах, в том числе и на Дальнем Востоке. Здесь немало, по времени недавно созданных лесных поселков, сел и полей, вырубленных лесных массивов, через которые были проведены дороги, построены здания и сооружения, а затем все оставлено в запустении и заброшено.

Опыт лесопромышленного освоения территории особенно поучителен. Здесь четко просматриваются два варианта. Если освоение шло исключительно с целью рубки древесины, то оно всегда заканчивалось полным уходом с территории. При комплексации лесозаготовок с родственными (второй и третий передел древесины) или смежными перерабатывающими отраслями закрепление освоенной территории за ведомством происходит практически навечно. В этом случае даже после полного истощения источника

сырья возникшие производства диверсифицируются или трансформируются, и одной из главных причин этого является необходимость обеспечить рабочими местами сложившееся постоянное население.

Таким образом, следует принять, что возможен только один путь освоения территории — навечно — с полным освоением ее природно-ресурсного потенциала, комплексным для невозобновимых и неистощительным для возобновимых ресурсов. Это освоение должно продолжиться насыщением территории новыми инженерными и биологическими элементами, в значительной степени обогащающими исходные ландшафты. Иной путь — путь временного освоения с последующим оставлением — это путь ограбления территории, в конечном счете всегда неэффективного.

До сих пор осваивались природные ресурсы в естественном состоянии. Это особенно касается биологических ресурсов, прежде всего лесных (о сельском хозяйстве речь не идет). При этом всегда подразумевалось, что в естественных лесных массивах древесина лучше по качеству, чем в искусственных. Сегодня можно отметить смену типа освоения и в этом направлении. Например, в АТР такие страны, как Чили, Новая Зеландия и др. создали плантации из интродуцированной сосны (ботанический вид «замечательный»), которые за 25 лет накапливают на одном гектаре 600 кубометров древесины. Это очень большой прирост массы, причем плантационное возделывание позволяет получить высококачественные бесшумовые сортаменты.

Такие достижения позволили названным странам уже сейчас стать экспортерами леса. Начали поступать в рубку и лесные посадки в других странах, в частности в Японии, в главном лесном районе которой — остров Хоккайдо — на искусственно созданные леса приходится 23 % лесного покрова. Аналогичная ситуация складывается в мариккультуре. То есть, сегодня искусственно создаваемые ресурсы становятся реальными конкурентами естественных и это тоже во многом меняет логику освоения территории, так как позволяет существенно интенсифицировать природопользование, а следовательно, сократить размеры интенсивно осваиваемых территорий, сохраняя часть их в неосвоенном виде, что является одним из видов ресурсосбережения. Эта новая ситуация безусловно изменит всю долгосрочную стратегию природопользования.

Объем статьи не позволяет коснуться еще ряда важнейших моментов рассматриваемой проблемы, в частности связанных с ЭГП, то есть с ресурсом, который во многом остается неиспользованным. Здесь привлекает внимание размещение ДВЭР на восточном краю СССР, на выходе в экономически быстро развивающийся бассейн Тихого океана. Протяженная береговая линия, наличие прекрасных гаваней, в том числе незамерзающих, природные ресурсы обширной 200-мильной зоны — все это возможности регионального и союзного хозяйства, зависящие от ЭГП ДВЭР. Особым аспектом ЭГП региона является его соседство с очень различными по экономическим показателям и культурным традициям странам, а также его окружение территориями стран, освоенность которых выше, а степень измененности и даже деградации экосистем намного больше.

Резюмируя изложенное, отметим, что неопределенность современной ситуации с собственностью на землю и соответственно на весь комплекс природных ресурсов, а также расшатанность прежнего механизма природопользования представляют обществу редкую возможность сформировать новую эффективную систему управления природными ресурсами. Эта новая система должна, прежде всего, в корне изменить отношение «человек — природные ресурсы».

Удобным способом совершенствования управления природопользованием мы считаем переход к территориально-земельному управлению через владение участками земли с их природно-ресурсным потенциалом.

В территориальной организации природопользования мы выделяем два пути. Один, названный нами американским и широко применяемый в ряде стран, как правило, с обширными территориями, в том числе в СССР, заключается в разделении всей территории с ее природно-ресурсным потенциалом на целевые участки, предназначенные для монофункционального использования. Другой — называемый нами западно-европейским и свойственный странам с ограниченными (относительно численности населения) земельными ресурсами — стремится сочетать разные виды и даже типы природопользования в компромиссных вариантах на одних и тех же земельных участках. Безусловно, второй путь сложнее, требует более четкого и изощренного управления природопользованием, но он более перспективен в связи с развитием многоцелевого

полноресурсного природопользования.

Оба пути имеют право на существование, они могут сочетаться и уже в какой-то мере сочетаются в пределах ДВЭР, его краев и областей, а также в других регионах. Их правильная реализация ведет к решению проблемы оптимизации ландшафтного баланса, которая по сути является проблемой оптимизации природопользования. Острота проблемы требует расширения очень незначительных и разрозненных пока научно-исследовательских проработок с учетом критериев и нормативов структуры территории с точки зрения природопользования.

Безусловно, продолжатся и изменения организационной структуры природопользовательских отраслей, причем мы ожидаем диверсифицирования предприятий, переход многих из них от узкого набора ассортимента выпускаемой продукции к более широкому, использующему различные виды и типы природопользования. Вполне вероятно возникновение лесо-рыбофирм, агро-лесофирм и т. д. Они особенно возможны в случае организации совместных предприятий как с зарубежными партнерами, так и с партнерами внутри страны. Новые организационные структуры наверняка возникнут также в связи с изменением форм собственности на природные ресурсы, усложнением этих форм через частичную приватизацию, аренду и т. д.

В заключение отметим, что, несмотря на появившиеся экстремально-алармистские оценки состояния природно-ресурсного потенциала ДВЭР, особенно его биотической части, мы считаем, что он по-прежнему остается значительным хотя и сильно трансформированным. Поэтому неизбежна перестройка структуры дальневосточного природопользования, темпы которой должны ускоряться. Ближайшие 10—20 лет окажутся в этом вопросе решающими и система природопользования должна превратиться в совершенно новую структуру. Иной путь, то есть снижение темпов перестройки или стабилизация имеющихся систем, приведет к снижению уровня всех природно-ресурсных производств, а также к таким нарушениям окружающей среды, которые радикально изменят природу региона.

В. ЗОТОВ

В процессе реформ в Китае и перестройки в Советском Союзе теневая экономическая деятельность стала предметом особого внимания со стороны всех сколько-нибудь значимых общественных сил. Отчетливо проявилась связь «второй» экономики с политической борьбой и социальными катаклизмами. Так, во время массовых волнений в крупных городах КНР весной — летом 1989 г. самым популярным лозунгом была борьба с коррупцией и разложением в верхних эшелонах власти. Председатель ПК ВСНП Вань Ли на всекитайском совещании по пропагандистской работе в июне 1990 г. признал, что главная причина прокатившихся по стране выступлений протеста «заключается в положении дел внутри партии, особенно в бюрократизме и коррупции, возникших в ее руководящих органах»¹.

Под влиянием политической борьбы обсуждение проблем теневой экономики в нашей научной печати за редкими исключениями сосредоточилось вокруг ее негативных сторон, а также путей борьбы с ней и даже «ликвидации». Гораздо меньше внимания уделяется позитивным функциям параллельных структур, что ведет к одностороннему и облегченному пониманию многих проблем. Интенсивные исследования, проводившиеся в течение 60—80-х гг. в основном американскими и западноевропейскими учеными, продемонстрировали, что наиболее объективную оценку теневой экономики способен дать истемный подход, который сводит воедино культурно-антропологический, социологический и политико-экономический анализ.

Разнообразные виды нерегламентируемой, неучитываемой и криминальной хозяйственной деятельности фиксируются практически во всех странах мира, что позволяет говорить о ее общезивилизационном и внеформационном характере. Природа теневой экономики тесно связана с неформальными отношениями, являющимися наследием традиционных общественных структур. Однако такие отношения не связаны с недоразвитостью системы или пережитками прошлого. Они являются выражением спонтанных склонностей к взаимному обмену и кооперации, отвечающих биологической и социальной сущности человека, а поэтому должны рассматриваться в качестве неотъемлемого условия, без которого невозможно формирование и само существование любого социума².

В современной антропологии на основе изучения традиционных обществ разработана типология взаимного обмена, имеющая универсальное применение к неформальной экономике. При единстве принципов обмена (немедленная возвратность, равноценность, а также материальная и механическая «одинаковость» обмениваемых предметов) различаются три основных типа, каждому из которых соответствует определенная форма хозяйственных отношений — ассоциированных, нерегулярных и криминальных (см. таблицу 1). Главным критерием, по которому они различаются, выступает близость личных связей: в отношениях между «своими» (кровно-родственные, соседские, дружеские связи) действуют мотивы альтруизма либо взаимного доверия, тогда как применительно к «чужим» допускаются и даже поощряются аморальные действия — от обмана до воровства и грабежа.

Неформальная экономическая деятельность фиксируется во всех современных обществах, включая самые развитые, где она распространена преимущественно среди групп с низким доходом (при прочих равных условиях легальный бизнес, как правило, более прибылен). Замечено, что в периоды интенсивных социально-экономических изменений неформальная активность значительно возрастает, служа своеобразной «нишей» для тех социальных слоев, которые не успевают «вписываться» в новые структуры³. Это значит, что рассчитывать на исчезновение теневой экономики с переходом к рыночным отно-

Зотов Владимир Евгеньевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ВНИИ комплексных проблем ГКНТ и АН СССР.

шениям не приходится. Напротив, следует ожидать еще большего ее оживления, поскольку для значительной части населения она станет последней реальной альтернативой полноценному рынку.

Внеформационный характер теневой экономики объясняется также тем, что хозяйственная жизнь любого общества несравненно богаче функциональных возможностей создаваемой им экономической системы. Все реально существующие явления и связи никогда полностью не вмещаются в рамки, предусматриваемые официальными институтами, какими бы совершенными они ни были. Кроме того, ни одна система не может существовать без дисфункций, которые оставляют неудовлетворенными те или иные общественные потребности и служат тем самым почвой для нерегулируемой активности, стремящейся заполнить возникающие пустоты, в том числе путем нарушения правовых и этических норм.

Таблица I

Соответствие типов традиционного обмена и неформальной экономики

Тип традиционного обмена	Участники	Тип неформальной экономики
<p>1. Обмен в неопределенных формах</p> <p>Основан на альтруистических принципах и исключает взаимный расчет. Обязательства участников не регламентированы и не имеют непосредственного выражения. Главное — не материальное возмещение, а духовный отклик.</p>	Близкие родственники	<p>1. Ассоциированная экономика</p> <p>Денежный обмен, как правило, отсутствует. Участники руководствуются установкой не на извлечение прибыли, а на поддержание хороших отношений. Формы: nepoтизм, домашнее хозяйство.</p>
<p>2. Сбалансированный обмен</p> <p>Прямой обмен привычными эквивалентами. Носит одновременный характер. Основан на взаимной доверии.</p> <p>Участники выступают как экономические субъекты преследующие личные интересы.</p>	Члены единого коллектива (например, деревни)	<p>2. Нерегулярная экономика</p> <p>Разрозненные акты обмена на товарно-денежной основе, относительно не зависящие от кровно-родственных связей. Мотивы участников основаны на извлечении личной выгоды. Формы: бартер, мелкая спекуляция.</p>
<p>3. «Негативный» обмен</p> <p>Безвозмездное присвоение чужой собственности различными способами — от обмана до воровства. Участники не придерживаются моральных норм и преследуют сугубо утилитарные цели</p>	Члены разных коллективов (чужаки)	<p>3. Криминальная экономика</p> <p>Действия, запрещаемые правовыми нормами. Участники либо незнакомы, либо относятся друг к другу с предубеждением. Формы: мошенничество, продажа краденого имущества, вымогательство, рэкет и т. п.</p>

Источники: M. Sahlins. *Stone Age Economics*.— Chicago: Aldine — Atherton, 1972.— P. 194; J. P. Gaughan, L. A. Ferman. *Toward an Understanding of the Informal Economy*.— *The Annals of the American Academy*.— September 1987, N 493.— Pp. 21—22.

Позитивные функции теневой экономики сводятся к спонтанному уравниванию нормативных систем, уменьшению избыточного «трения», возникающего при взаимодействии между их структурными элементами, а также абсорбированию общественного недовольства в тех случаях, когда такое взаимодействие приводит к негативным

социальным последствиям. По определению западногерманского исследователя Д. Кассела, эти три ипостаси теневой экономики носят названия «встроенного стабилизатора», «экономической смазки» и «общественного умиротворителя». Реализация названных функций происходит в разнообразных формах, начиная с активного воздействия на нормативную систему (пополнение «белого» рынка «подпольными» товарами и услугами, имеющее антиинфляционный эффект; расширение предложения за счет неофициальных доходов) и кончая пассивным реагированием (создание материальных и пространственно-временных резервов, используемых в моменты изменения конъюнктуры; поглощение «избыточной» рабочей силы, смягчение ударов от «шоковых» стабилизационных мер правительства). Общей является закономерность, в соответствии с которой чем жестче официальные структуры, тем чаще теневая экономика служит буфером, предохраняющим их от распада.

Как правило, конструктивная роль неформальной хозяйственной деятельности сильнее деструктивной, что обусловлено ее вторичностью по отношению к нормативной системе. Однако в тех случаях, когда последняя переживает кризис или релаксируется, теневая экономика перестает служить простым дополнением официальных структур и может начать развиваться на собственной основе, создавая аномалии и социальные патологии, усугубляющие и ускоряющие процесс дезорганизации.

Межсистемные различия выступают на первый план, когда объектом анализа становятся конкретные формы и масштабы теневой экономики. В развитых рыночных хозяйствах подпольная деятельность подвержена циклическим колебаниям, зависящим главным образом от изменения налоговых ставок, а в более широком смысле — от состояния конъюнктуры на «белом» рынке. Ее воздействие на общественную систему носит, как правило, пассивный характер и имеет ограниченные масштабы. Частотное распределение экспертных оценок размеров теневой экономики в странах-членах ОЭСР имеет два «пика» — один в районе 4—5 % валового национального продукта (наиболее типичные представители — Англия, ФРГ, скандинавские страны) и другой — вокруг отметки 10 % (романоязычные страны)⁵. В развивающихся странах главная особенность теневой экономики заключается в том, что мотивация участников основана на стремлении не столько увеличить доход за счет уклонения от налогов или других нарушений, сколько избавиться от нищеты и голода. При низком уровне жизни оборот неофициального рынка, как правило, значительно больше, чем в развитом мире — от 40 до 70 % валового национального продукта.

Формационные особенности социалистической теневой экономики, которые мы рассматриваем на примере СССР и КНР, определяются тремя группами факторов — культурно-исторических, экономических и социально-политических. В культурологии различаются два типа обществ — культура стыда и культура вины, где преобладают соответственно внешние (устанавливаемые коллективом) и внутренние (устанавливаемые самим индивидом) запреты и ограничения на асоциальное поведение. Это отличие связано с особенностями детского воспитания: в одних цивилизациях прививается привычка руководствоваться в своем поведении, как правило, соображением «что скажут люди», в другом — «что подсказывает совесть»⁶. Для данной темы важно то, что из двух названных типов представитель культуры стыда имеет большую склонность к участию в подпольной экономической деятельности в ситуациях, когда он считает социальное окружение «чужим» или когда его «никто не видит».

Как советское, так и китайское общество, в противоположность западным странам, относятся к культуре стыда, о чем красноречиво свидетельствуют материалы социологических исследований. Так, параллельные опросы, проведенные в СССР и США, выявили зеркальность количественного соотношения (соответственно 3:7 и 7:3) между двумя типами людей — теми, кто причиной частных поступков считает высокие моральные принципы, и теми, кто объясняет их страхом быть уличенным окружающими в бесчестности⁷. Культурные особенности непосредственно сказываются на экономических отношениях: в СССР и КНР традиционные принципы взаимного обмена до сих пор играют не подчиненную, а ведущую роль. Это находит выражение, в частности, в массовом восприятии казенного имущества как «чужого», которое можно не только не сохранять и умножать, но и тайно присваивать.

Такое отношение к государственной собственности во многом определяет затратный тип социалистического воспроизводства. По расчетам специалистов АН СССР, общие непроизводительные расходы и потери в советской экономике достигают 580—629 млрд. руб.,

что составляет 38—40 % валового общественного продукта (данные за 1988 г.). Потери основных факторов производства оцениваются следующим образом: по предметам труда — 70 %, по средствам труда — 40—50 %, по рабочему времени — 30 %. Сопоставимые масштабы потерь фиксируются и в народном хозяйстве Китая. По официальным данным, в том же 1988 г. они составили 34,2 % от стоимости всех государственных фондов. Стоимость простаивающего оборудования приблизилась к 100 млрд. юаней⁸.

Советский социолог А. Горяновский, проведший включенное наблюдение на строительном объекте с целью изучить структуру теневой экономики, показал действие универсальных принципов реального социализма: «украсть можно все» и «воруют почти все, кто может что-то украсть»⁹. Эти принципы являются традиционными для российского и китайского обществ¹⁰ и передаются от поколения к поколению через разнообразные ритуалы. Один из них, на который нередко указывают исследователи теневой экономики, — крестьянский обычай тайных порубок в казенных лесах — сохранился до настоящего времени в Китае. Из появляющихся время от времени сообщений средств массовой информации КНР о таких случаях (иногда они заканчиваются человеческими жертвами, поскольку застигнутые на месте преступления крестьяне ведут себя агрессивно, искренне считая свои действия ненаказуемыми) видно, что в сознании сельских жителей существует четкая градация собственности по степени «чужеродности»: лесные массивы, принадлежащие государству, просто вырубаются на дрова, а находящиеся в коллективной собственности — «справедливо» делятся между участниками самовольных захватов¹¹.

Восприятие государственного имущества как «чужого» предопределяет крайне низкую «налоговую этику» в социалистических обществах, выраженную в готовности легко идти на нарушение обязательств перед официальными органами. В Советском Союзе ущерб от таких нарушений, по оценкам, ВНИИ МВД СССР, достигает ежегодно 166—186 млрд. руб. (выпуск некачественной продукции — 110 млрд. руб., приписки — 15—30 млрд. руб., хищения — 5 млрд. руб., сокрытие товаров — 6 млрд. руб., оплата фиктивной работы — 30—35 млрд. руб.).¹² Наблюдение на микроуровне показывает, что в действительности «налоговая аморальность» имеет (по крайней мере в ряде регионов страны) еще большие масштабы, чем фиксируют макроэкономические оценки. Так, по приведенному Дж. Марсом и И. Альтманом свидетельству респондента из Грузии, магазин в провинциальном городке, имеющий разрешение на продажу 34 видов товаров, держит на складе в семь раз больше — до 240 видов, доход от продажи которых делят между собой торговые работники¹³.

В Китае, согласно данным Государственного налогового управления КНР, 50 % государственных и более 80 % частных предприятий уклоняются от уплаты налогов. Журнал «Бэйцзин ревью» привел откровенное объяснение мотивов такого поведения предпринимателем по фамилии Ван: «Сможете найти деньги, которые я не уплатил по налоговым обязательствам — берите. Не сможете — деньги мои. Сколько бы вы меня не штрафовали, (утаивая доходы) я все равно заработаю больше»¹⁴.

С экономической точки зрения формационные особенности параллельных структур при социализме проистекают из состояния хронического неравновесия нормативной системы, обусловленного неудовлетворенностью спроса (дефицитом). Такая система в принципе не способна не только саморазвиваться, но и вообще существовать без неформальных связей, выполняющих стабилизационные и «смазочные» функции. Гипертрофированная роль подпольных институтов характерна для любой командной экономики¹⁵, но Советский Союз и Китай имеют ряд специфических черт, среди которых мы выделяем три главные. Рассмотрим их вначале в статике, пренебрегая пока временными модификациями, в том числе самыми последними, связанными с политикой перестройки и реформ.

1. В экономике советского типа большое значение имеют дефицитарные механизмы, усиливающие ненасытность спроса и хронический характер дефицита. На макроуровне их действие определяется идейно-политическими мотивами: стремлением к скорейшему построению коммунизма и достижению мирового превосходства. Они делают неутолимый спрос государства на создаваемые обществом блага, что выражается в поддержании максимально высокой нормы накопления¹⁶. Такое поведение подрывает стимулы предприятий и отдельных работников к повышению эффективности и производительности труда, делает несопоставимыми затраты на производство и выпуск продукции, воспитывает иждивенческие наклонности. Предприятия обнаруживают склонность к чрезмер-

ной эксплуатации техники и оборудования, созданию сверхнормативных запасов, «выбиванию» у государства как можно большей части лимитируемых фондов. Для индивидов характерны требования постоянного повышения заработной платы, премий и оказания материальной помощи в натуральном выражении.

Дефицитарная модель предполагает существование многочисленных «подпорок» в виде полуофициальных и неофициальных льгот и привилегий. Наряду с официальной системой рациирования материальных ресурсов и предметов потребления, государство создает особые преимущества (первоочередное снабжение ресурсами, крупные бюджетные ассигнования и безвозвратные кредиты, льготные цены и т. д.) для ведомств и предприятий, чья деятельность считается приоритетной с точки зрения выполнения стратегических целей (базовые отрасли, военно-промышленный комплекс). Работникам, занятым на этих приоритетных направлениях, а также представителям управленческого аппарата предоставляется доступ к дополнительным источникам получения дефицитных благ, существование которых не афишируется. Тем самым государство выступает одним из главных субъектов подпольной экономической деятельности, проявлением которой являются сокрытие огромного бюджетного дефицита, организация фиктивной статистики¹⁷, создание закрытых распределителей и т. д.

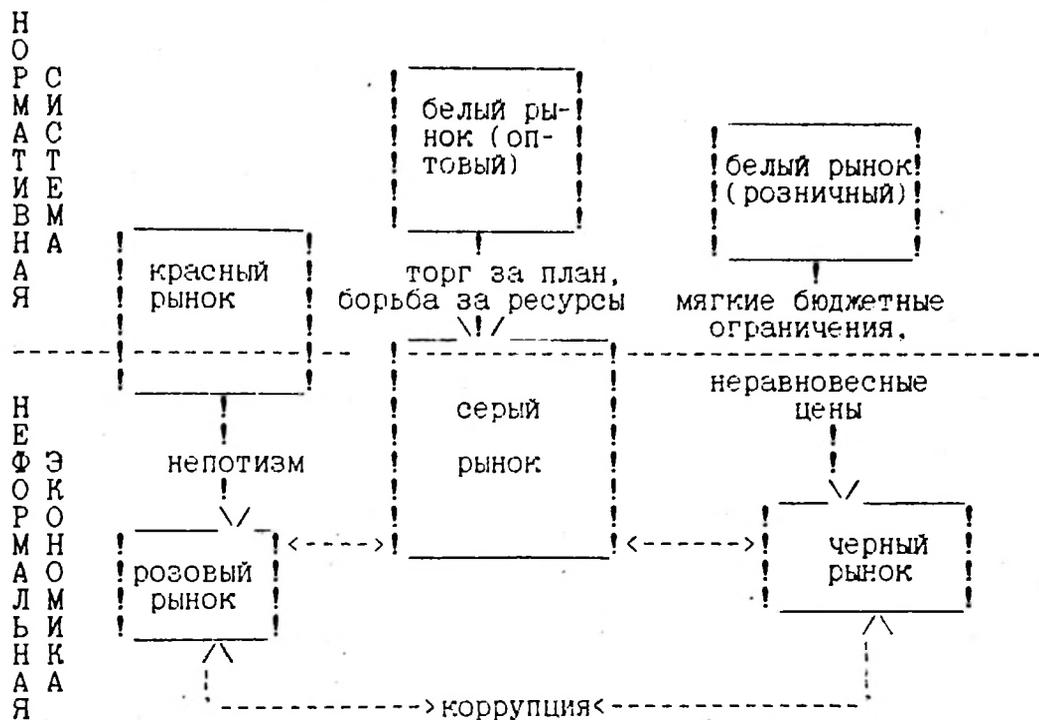
2. Централизованное директивное планирование, подчиненное идеологическим целям и ориентированное на максимальный количественный рост, порождает сложную систему вертикальных и горизонтальных связей неформального характера. Процесс принятия плана представляет собой ритуал, призванный демонстрировать «успехи социалистического строительства», за которым скрываются отношения «торга» показателей: вышестоящие организации стремятся утвердить «напряженный» план, нижестоящие — принять заниженные задания и заручиться поставками фондируемых ресурсов. Выполнение плана во многом состоит из его корректировок по неофициальной договоренности (включая как выполнение внеплановых спецзаказов, так и уменьшение основных заданий), поиска и борьбы за получение дефицитных ресурсов, штурмовщины к концу планового срока. Между предприятиями и внутри них действуют отношения не столько конкуренции, сколько неформального сотрудничества с постоянными нарушениями юридических норм.

3. Некоммерческая политика цен и мягкие бюджетные ограничения служат причиной многочисленных нарушений законодательства. К ним, в частности, относятся спекуляция товарами, на которые государство установило цены ниже равновесных, злоупотребления в использовании бюджетных средств, незаконные выплаты работникам.

Названные особенности предопределяют специфическую структуру социалистической теневой экономики (см. схему). Она состоит из трех основных блоков. Первый из них представляет собой связку «красный рынок» — «розовый рынок», в которой главным субъектом выступает государство. Создаваемая им система скрытых привилегий (частью закрепленных официально, а частью попадающих в неформальную сферу) отбрасывает «тень» наподобие той, что существовала в традиционном Китае. В нее попадают те, кто связан родственными или дружескими связями с организациями и лицами, обладающими «законными» привилегиями.

Благодаря «розовому рынку» система привилегий в СССР и КНР охватывает довольно многочисленный социальный слой, а оборот во всем «красно-розовом» секторе экономики достигает десятков миллиардов рублей и юаней. Так, только в сфере розничной торговли Советского Союза через закрытые каналы, обслуживающие около 10 % взрослого населения страны, реализуется 5 % продуктов питания и 12 % непродовольственных товаров (в основном импортных), причем подавляющее большинство из них в открытую продажу вообще не поступают. По расчетам экспертов еженедельника «Коммерсантъ», уровень потребления представителей этой группы соответствует средневропейским меркам, но благодаря заниженным государственным ценам имеет денежное выражение втрое меньшее, чем у «элитарной» группы, пользующейся услугами свободных секторов экономики¹⁸. В Китае различными привилегиями пользуется огромная армия кадровых работников, которая делится на 24 ранга (с 24 по 19 — низший уровень, с 18 по 13 — средний, начиная с 12-го — высший). Каждому из них предоставляется определенный набор благ и льгот. Так, чиновник 10-го ранга (заместитель министра и приравненные к нему должности) имеет право приобретать товары в закрытых магазинах, пользоваться автомобилем, бесплатно путешествовать первым классом и проживать в гостиницах, где стоимость номера не превышает 36 юаней в сутки. Если учесть, что в КНР, по данным на 1990 г., насчитывалось 32,5 млн. ганьбу, а средняя численность семьи составляла 4,6 че-

Связи между нормативной системой и неформальной экономикой при социализме

ловека, то самая минимальная оценка количества пользующихся привилегиями должна составить 150 млн. человек или 13 % населения страны.

Второй блок, связывающий нормативную и теневую экономику, состоит из оптового «белого» и «серого» рынков, агентами на которых выступают, как правило, предприятия. Они строят свою деятельность в опоре на вертикальные и горизонтальные связи неформального характера, компенсирующие несбалансированность официальной системы централизованного планирования и распределения. Центральная фигура на сером рынке — хозяйственник особого, «советского» типа (к этой категории относятся директора предприятий, инженеры, плановики, бухгалтеры, техники и др.). Свои функции (согласование и обеспечение выполнения планов, поиск сырья и материалов, организация трудового процесса) он не может выполнять без постоянного нарушения законов и инструкций¹². Если в действиях хозяйственника нет ярко выраженного корыстного интереса (все нарушения — «ради дела»), он, как правило, не «попадает» либо несет символические наказания. Однако обязательным условием предоставления ему гарантий безопасности является соблюдение определенного набора неофициальных правил. Так, на советских и китайских промышленных предприятиях действуют негласные «нормы» для невыполнения многих плановых показателей, приписок и даже мелких хищений. Администрация должна также строго следовать плановым ритуалам (формальная отчетность, обязательное выполнение определенных позиций плана и т. п.).

Полулегальные «серые» производственные отношения существуют также внутри коллективов предприятий. Если, например, слесарь будет пользоваться только теми инструментами, которые выдают ему со склада, он не сможет выполнять дневные нормы. Поэтому он сам обзаводится сетью поставщиков, обеспечивающих его на условиях взаимного обмена. Как показывают кросс-культурные исследования, общественные связи на социалистических предприятиях продолжают во многом носить традиционный характер.

Так, директор завода, в отличие от своего западного коллеги, играет роль не столько менеджера, сколько деревенского старосты, отвечающего за социальное обеспечение рабочих и их семей, за жилье и медицинское обслуживание, за предоставление детям сотрудников мест в детских садах и школах, за организацию питания и досуга. Его отношения с коллективом строятся на основе неофициального договора, в соответствии с которым руководитель «не замечает» многочисленные нарушения и злоупотребления и, пользуясь служебным положением, «выбивает» для подчиненных различные преимущества и льготы, а те в свою очередь «выручают» его во время авралов и прорывов (работа по выходным, при несоблюдении правил техники безопасности и т. п.)²⁰.

Существование серого рынка, как представляется, служит главной причиной сильных расхождений в оценках масштабов социалистической теневой экономики (они колеблются от 10 до 50 % валового национального продукта). Всепроникающий характер неформальных связей делает практически невозможным количественное разграничение легальных и нелегальных операций. Применение математических методов имеет смысл только при анализе подпольной экономической деятельности на черном рынке, отвечающей двум обязательным условиям: извлечению личной выгоды и нарушению действующего законодательства. Здесь оценки специалистов очень близки друг к другу независимо от применяемой методики. Представители исследовательских организаций МВД и Госплана СССР средние размеры «черного» оборота на конец 80-х гг. определяют в 70—90 млрд. руб., что равняется 8—10 % от ВВП²¹. Американские эксперты, пользовавшиеся результатами опросов эмигрантов из СССР, называют чуть большую долю — 10—15 %²². В Китае, по нашим расчетам, средний показатель «черных» доходов для периода 50—80-х гг. составил 11—15 % от объема розничного товарооборота.

Главная особенность социалистического черного рынка состоит в том, что значительная его часть — это частнопредпринимательская деятельность, считающаяся легальной в капиталистических странах, но запрещенная (по крайней мере, до недавнего времени) в СССР и КНР по идейным и политическим соображениям (спекуляция, посредничество, взимание ренты за пользование чужой собственностью, ростовщичество, создание частных фирм и др.). Ее масштабы колеблются в зависимости от изменений официального курса в отношении «совбутов» и «капиталистических элементов». Остальной оборот складывается из обычной, существующей во всем мире организованной криминальной активности (наркобизнес, хищения и т. п.).

Связующим звеном или, точнее, питательной средой для всех видов теневой экономики выступает коррупция. На рубеже 60—70-х гг. произошел переворот в научном осмыслении этой формы социальных отношений: на смену почерпнутых из обыденного сознания представлений об их аморальном характере и исключительной вредности для общества пришел строгий анализ с системных и нормативных позиций. В исследованиях Дж. Скотта, С. Хантингтона, Ч. Шварца коррупция рассматривается не только с точки зрения ее деструктивной роли, но и как стабилизирующая или консервативная сила, приносящая пользу общественной системе, особенно в периоды интенсивных изменений или распада официальных институтов. Нормативное направление изучает особенности отношения государства и общественного создания и коррупции в разных культурах²³.

Коррупция при социализме отличается тем, что, во-первых, в отсутствие саморегулирующих механизмов в нормативной экономической системе она выступает важнейшим фактором, способствующим разрешению внутрисистемных противоречий. Будучи формой политического влияния, коррупция позволяет посредством разнообразных отклонений от формальных обязанностей должностных лиц поддерживать хозяйственные связи в рабочем состоянии при хроническом дефиците и несбалансированных планах. Изначально воспроизводство коррумпированных отношений поддерживалось властью компартии, являющейся не столько политическим институтом, сколько особым надгосударственным патерналистским образованием, управляющим обществом неформальными методами.

Во-вторых, отношение к коррупции со стороны государства и массового сознания двойственно: формально злоупотребления властью преследуются и строго осуждаются, тогда как неофициально (и особенно на уровне бессознательного) они воспринимаются не только терпимо, но и как само собой разумеющиеся. Эта двойственность видна из текстов выступлений официальных лиц, а также из результатов социологических опросов. Так, в докладе заместителя министра общественной безопасности КНР Гу Линьфана на министерском совещании в марте 1990 г. признание того, что «нездоровые тенденции среди работников общественной безопасности широко распространены», сопровожда-

лось оговоркой о «небольшом числе» сотрудников, замешанных в противозаконных действиях²⁴. Опросы эмигрантов из СССР, проведенные американскими социологами в середине 70-х гг., показали, что 43,9 % респондентов предпочитали решать проблемы, требующие административного вмешательства, с помощью протекции, связей и взяток, что несколько больше числа тех, кто склонен прибегать к легальным средствам (письмо в газету, обращение в партком или исполком, прием у народного депутата) — 42,4 %²⁵.

Структура теневой экономики, описанная выше в статичном виде, в действительности подвержена динамическим изменениям. Произведенные нами расчеты²⁶ показывают, что она испытывает циклические колебания, характер которых определяется движением дефицитных циклов²⁷. Через каждые 4—6 лет оборот теневой экономики в СССР и КНР достигает «пика», после чего происходит постепенное снижение, а затем новый рост (см. графики). Максимальная подпольная активность, как правило, либо совпадает с «пиком» дефицита либо приходится на вторую половину дефицитного цикла (подъем). Так, за период 50—80-х гг. в СССР зафиксировано 8 «пиков» теневого оборота, в Китае — 6. Из них синхронизированы с «пиками» интенсивности дефицита в обеих странах по 4, с подъемами — соответственно 4 и 2.

Циклические колебания теневой экономики СССР в 50—80-е гг.

Макроиндекс оборота на сером и черном рынках
Годы

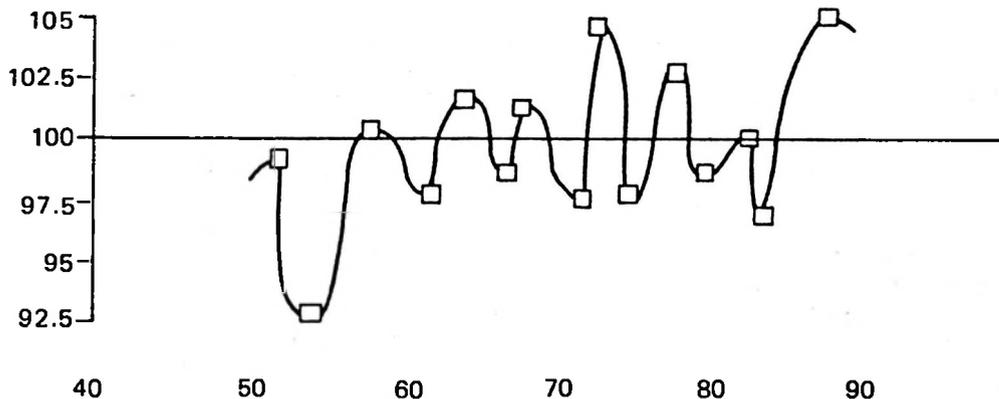
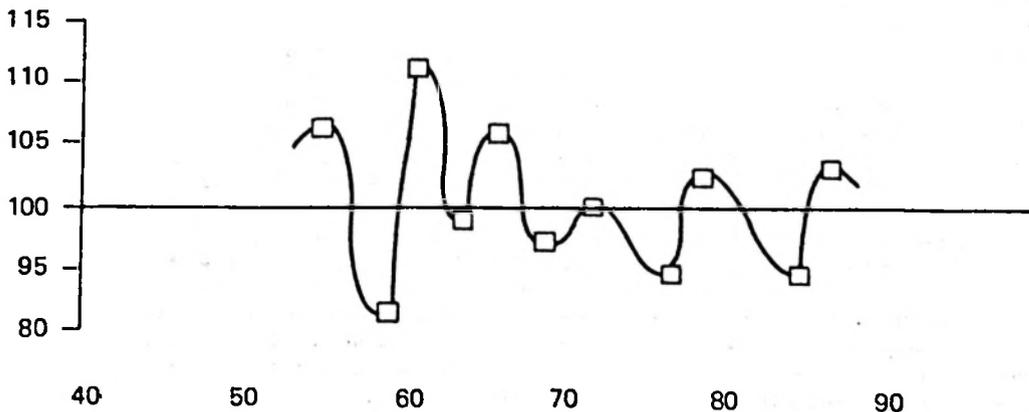

График 2.

Циклические колебания теневой экономики КНР в 50—80-е гг.

Макроиндекс оборота на сером и черном рынках
Годы

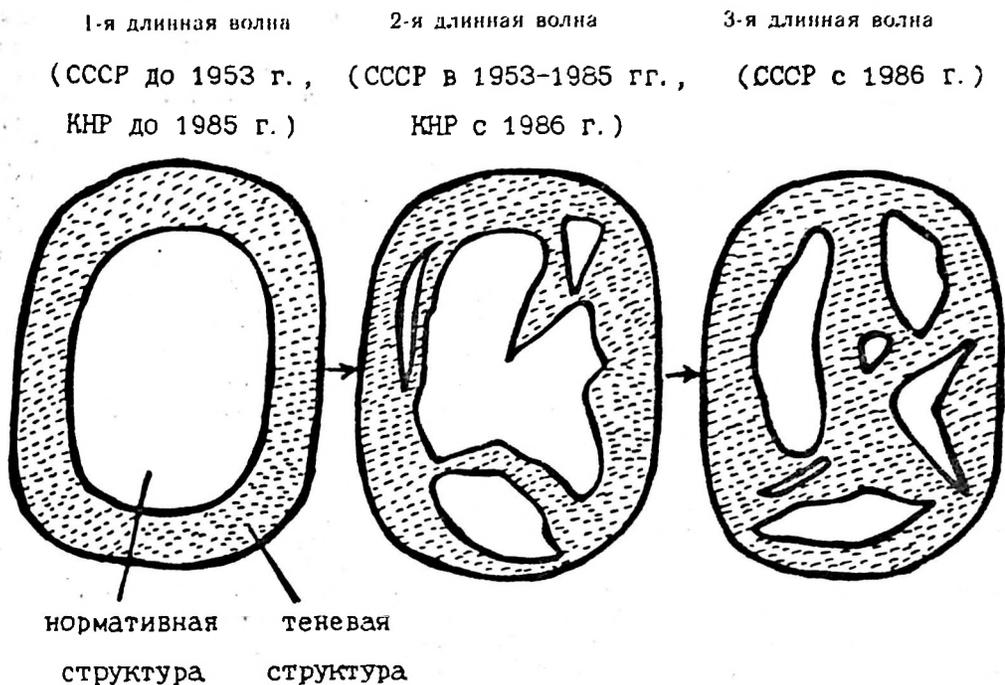
Важным результатом проведенного исследования явилось то, что выявлена связь теневой экономики не только с изменениями уровня дефицита, но и с политическими процессами. Невозможно назвать случайным почти полное совпадение периодов роста оборота серого и черного рынков с социально-политическими потрясениями, связанными прежде всего с резкими перестановками в высших эшелонах власти. В Советском Союзе к ним относятся смерть Сталина и казнь Берия, «дело» Ворошилова — Молотова — Кагановича, отставка Н. С. Хрущева, смерти Л. И. Брежнева и Ю. В. Андропова, а также политические изменения 1986—1989 гг., которые можно назвать переходом от партokratической к президентской форме правления. Несколько особняком стоят лишь периоды 1973—1974 гг. и 1976—1978 гг.: они скорее связаны с крупными переменами в военно-экономической области. В Китае все без исключения «пики» оборота теневой экономики соотносятся с крупными политическими изменениями — возвышением группировки Мао Цзэдуна в борьбе с «антипартийным блоком» Гао Гана-Жао Шуши и за «искоренение контрреволюции» в середине 50-х гг., провалом «большого скачка», «началом «культурной революции», «делом Линь Бяо», приходом к власти Дэн Сяопина и его сторонников в конце 70-х гг., отставкой Ху Яобана и устранением Чжао Цзыяна с поста генсека ЦК КПК во второй половине 80-х гг.

Наличие устойчивой связи между теневой экономикой и политической жизнью социалистических обществ объясняется двумя основными причинами. Прежде всего, в хронически неравновесной нормативной системе первичным фактором, поддерживающим ее существование, выступает политический. От того, как складывается борьба за власть, в решающей степени зависит судьба как Советского Союза, так и Китая. В те моменты, когда эта борьба резко обостряется, теневая экономика начинает выполнять свою «умиротворяющую» функцию, повышая терпимость общества к действиям «верхов».

Вторая причина связана с тем, что сама власть при социализме носит подпольный, нелегальный характер. Руководство обществом со стороны компартии никогда не было институционализировано. Оно основывалось не на правовых нормах, а прежде всего на личных связях (КПСС и КПК изначально формировались как группы личных приверженцев вождя, из которых впоследствии выросла номенклатурная система). Принятие решений фактически осуществлялось не официальными государственными органами, а неформальной элитой (такая практика сохраняется и поныне, несмотря на преобразования политической системы)²⁸. Это создавало предпосылки для постепенного слияния теневой политики и теневой экономики через механизмы коррупции. Примером того, как этот процесс происходит на практике, служит удачное описание, данное ответственным сотрудником канцелярии ЦК КПК У Цзясяном: «Сейчас люди, облеченные властью, испытывают недостаток товаров. Но все же они занимаются распределением многих не принадлежащих им «товаров», включая материальные и денежные средства, рабочую силу. В то же время городские и поселково-волостные предприятия, располагающие товарами, не имеют власти. Тем, у кого есть власть, нужны товары, а тем, у кого есть товары, нужны материальные ресурсы. Это ведет к обмену власти на товар. Этот обмен я называю «превращением власти в товар и товара во власть». Такая форма коррупции является двусторонней: не только чиновничество становится коррумпированным, но и рынок вливается в коррупцию»²⁹.

На протяжении 50—80-х гг. в Советском Союзе и Китае, если судить по сделанным расчетам, не просматривается тенденция к постоянному росту масштабов теневой экономики. Они колеблются вокруг определенного оптимального уровня. Правомерно говорить лишь об изменении роли параллельных структур и степени их зрелости. Эти изменения происходят по мере того, как социалистическое общество, переживая приливы и отливы длинных волн своего развития, приобретает новые качественные черты. Не обладая способностью к саморегуляции, нормативная планово-распределительная система может оставаться жизнеспособной лишь благодаря периодической «подзарядке», которая на официальном уровне осуществляется с помощью реформ, на неформальном — через механизмы теневой экономики. Однако продлевая жизнь системы в средне- и краткосрочной перспективе, эти меры в то же время способствуют ее медленному, поэтапному разложению. Реформы, в ходе которых административные методы прямого контроля замещаются экономическими, либерализуют систему и нарушают тем самым ее целостность. Монолитная структура распадается, и в нее глубже проникают элементы коррупции и других «теневых» отношений.

Графически этот процесс можно представить следующим образом:

С культурно-антропологической точки зрения распад нормативной системы выглядит как постепенная утрата обществом моральных ограничений на асоциальные действия. Социалистическая идеология, которая ориентирована на массовое, а не индивидуальное сознание, изначально более слабо, чем православие или конфуцианство, поддерживает ценность универсальных этических норм. Она опирается главным образом на суррогат политической религии, ядром которой является культ личности и страх перед жестоким наказанием. Реформы, повторяющиеся от одного дефицитного цикла к другому, не несут с собой институционализации новых порядков. На протяжении десятилетий они нацеливаются лишь на усовершенствование существующей нормативной системы. Поэтому новые этические инструкции не появляются, а старые перестают действовать. Не получая адекватной замены, символы культа сначала превращаются в ритуал, изначальный смысл которого выхолащивается, а затем полностью дискредитируются в массовом сознании. Репрессивный характер режима постепенно ослабевает: на смену массовому террору приходит индивидуальный, смертная казнь заменяется ограниченными сроками заключения и малоэффективной идейно-политической обработкой³⁰. В результате постепенно меняется мотивационная структура общества. Происходит меркантилизация сознания, падают стимулы к труду, нарастают иждивенческие настроения, что в итоге создает благоприятные условия для усиления деструктивных функций теневой экономики.

На государственном уровне нарастают такие явления, как ползучая приватизация и социализация коррупции. В «красно-розовом» секторе экономики потребители все активнее используют предоставленные им льготы для личного обогащения. Среди последних примеров — факты, преданные гласности Комиссией Верховного Совета СССР по привилегиям, о передаче в частную собственность госдач по резко заниженным ценам. В Китае отмечен резкий — в десятки раз — рост строительства чиновниками частных домов, сопровождающийся многочисленными злоупотреблениями (в провинции Хунань, например, в результате проверки 65 % таких «строителей» уличены в использовании государственных средств, захвате дополнительных участков земли, взятках)³¹. Подобные действия служат сигналом для всего общества, стимулирующим широкие слои населения участвовать в подпольной экономической деятельности. Так, все глубже укореняется коррупция.

Не только ответственные за принятие решений чиновники, но и рядовые служащие стремятся использовать свое положение в личных целях. Так, в СССР и КНР типичны случаи перехода на работу в коммерческие структуры (либо устройство туда родственников) после накопления первоначального капитала за счет полуполигального присвоения государственных средств. Другая форма — получение подарков и взяток от негосударственных предприятий через подставных лиц. Весьма характерен вывод уже упоминавшегося У Цзясяна: «В настоящее время проблема коррупции неразрешима. Более того, чем больше с ней борются, тем большие масштабы она приобретает»³².

При движении нормативной системы от одного цикла к другому теневая экономика отвлекает на себя часть ресурсов и рабочей силы. Это обусловливается тем, что в социалистических обществах, в отличие от стран с рыночной экономикой, при одинаковых зарплатах и производительности труда доходы в подпольных секторах из-за хронического дефицита и ненасытного спроса в несколько раз больше, чем в официальных. Попытка государства «бороться» с существованием параллельных структур делают ситуацию со снабжением еще напряженнее, поскольку товарный голод на «белом» рынке усугубляется сокращением предложения на «сером» и «черном». Это заставляет официальные органы предпринимать попытки повысить эффективность действия планово-распределительных механизмов путем реформ. Внедряются квазирыночные отношения, в результате чего расширяется поле деятельности для неформальной хозяйственной активности. Она использует одновременно и старую систему фондирования и новые элементы свободного товарообмена.

Типичная схема движения товаров на «реформированном» сером рынке такова. Из государственного сектора неофициальным путем либо за счет легального выпуска сверхплановой продукции товары передаются в коммерческую торговлю и там реализуются по повышенной цене, причем не сразу, а после прохождения через цепь посредников. Такая практика способствует сохранению затратного типа хозяйства, поскольку в результате многочисленных сделок по перепродаже одного и того же товара возрастают производительные расходы, включаемые в цену. Кроме того, образуется оплачиваемый избыточный труд, которым заняты посредники. В результате «серые» торговые операции подрывают позиции предприятий, продолжающих действовать в рамках нормативной планово-распределительной системы: работая по плану, они не имеют возможности увеличивать прибыль за счет выпуска ходовой продукции (вся она перекочевывает на серый рынок). В социальных отношениях формируется система неравных возможностей, ставящая в невыгодное положение тех, кто работает на «белый» рынок. С другой стороны, уничтожается и главное преимущество свободного рынка — стихийное формирование равновесной цены (после многократного «накручивания» она оказывается завышенной)³³.

В зависимости от того, насколько далеко зашло разложение нормативной системы социализма, деструктивные функции теневой экономики могут восприниматься общественным сознанием и политическими силами по-разному. Для КНР, находящейся сейчас лишь в начале второй длинной волны своего развития, сравнимой с «застойным» периодом в нашей стране, характерно преобладание негативистского отношения. Существование параллельных структур, и особенно коррумпированных связей, на общественном уровне рассматривается исключительно с непримиримых позиций как всеми группировками высшего руководства, так и массами. На протяжении 80-х гг. дважды организовывались мощные кампании традиционного маоистского толка по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией в 1982—1986 гг. и начиная с 1989 г. В Советском Союзе, продвинувшемся по пути разложения административно-командной системы дальше Китая, в настоящее время наблюдается большее разнообразие оценок. За столкновениями политических группировок, использующих ссылки на «теневиков» для завоевания поддержки масс и дискредитации оппонентов, проглядывает и более спокойное отношение к некриминальным видам неформальной активности, по крайней мере со стороны части общества. В научной литературе появились работы, в которых теневая экономика анализируется с позитивистских позиций³⁴.

Если не в политическом, то по крайней мере в научном плане уже очевидно, что вне зависимости от того, как долго еще будет перестраиваться общественное сознание, окончательное разрушение нормативной системы социализма в СССР неизбежно. Поэтому исследовательский интерес представляет не столько вопрос о «борьбе» с теневой экономикой (это узкая задача правоохранительных органов), сколько о ее роли в создании новой системы рыночного типа. Польский опыт свидетельствует, что эта роль может быть пре-

имущественно конструктивной. Во время кризиса начала 80-х гг., когда «первая» экономика получила, как потом оказалось, смертельный удар, «вторая» сумела быстро оправиться и обеспечить снабжение городов Польши продовольствием, хотя и по чрезвычайно высоким ценам. Анжей Корбонски отмечал в то время: «Польские политики должны быть вдвойне благодарны второй экономике за способность и готовность выполнить свои обязанности: она, без сомнения, сделала кризис системы управления несравненно более легким для правительства и, как это ни парадоксально, помогла также принять экономические решения, которые в другой обстановке оказались бы непопулярными»³⁵.

Нечто подобное наблюдается в последнее время и в советской экономике. Небывалый дефицит в государственной торговле и оживление оборота в коммерческой подготовили население к новым условиям жизни при открытой инфляции. В результате правительственное решение о повышении цен в апреле 1991 г. не вызвало катастрофических социальных последствий. Неформальные, в том числе коррумпированные, связи играют ведущую роль в формировании рыночных структур. Новый слой предпринимателей образуется преимущественно из двух категорий лиц — партийно-государственных чиновников, находящихся в фарватере приватизации, и хозяйственников, имеющих богатый опыт активной деятельности на сером и черном рынках в «застойные» годы. О. Осипенко отмечает появление еще одного типа, наиболее привлекательного с этической точки зрения — «специалистов» (экономистов, математиков, химиков, юристов и т. д.), не столько опирающихся на неформальные связи и протекцию, сколько реализующих в коммерческой деятельности свои знания и интеллект³⁶.

Однако неформальные структуры по ряду направлений играют и сдерживающую роль в образовании новой системы. Они поддерживают высокий уровень монополизации рынка, препятствуя созданию конкурентной среды. За фасадом свободного предпринимательства часто скрываются старые механизмы распределения, строящиеся на протекции и теневых связях. В сочетании с резким ростом неравенства доходов и криминальной активности такое положение может вести к дискредитации самой идеи перехода к рынку в массовом сознании. Наконец, в отличие от Китая, где организованная преступность находится пока лишь в стадии становления, в Советском Союзе уже сформировались сетевые структуры, напоминающие мафию.

Какие функции теневой экономики — конструктивные или деструктивные в конце концов возобладают, зависит в решающей степени от политических факторов. В частности, от того, как долго еще участники борьбы за власть будут рассматривать «вторую» экономику с чисто инструменталистских позиций и как скоро произойдет «привыкание» к мысли о том, что ни одно общество не в состоянии полностью избавиться от неформальной хозяйственной деятельности.

¹ Ching Pao, — Hong Kong, 1990. — August 10 // BBC Summary of World Broadcasts. Part III; The Far East. — N 08048. P. B2/2—3; 1990. — August 21.

² In J. P. G a u g h a n, L. A. F e r m a n. Toward an Understanding of the Informal Economy // The Annals of the American Academy. — September 1987. — N 493. — P. 23, 25.

³ Так, в США во второй половине 70-х годов на фоне структурной перестройки, вызванной нефтяными «шоками», темпы прироста теневой экономики подскочили вдвое по сравнению с периодом 1939—1976 гг. Одним из заметных явлений, сопутствовавших «экономическому чуду» в Южной Корее, стало увеличение в 80-х годах доли подпольного бизнеса в валовом национальном продукте в 6 раз — с 3,2 до 19 %. (In: D. C a s s e l. The Growing Shadow Economy: Implications for Stabilization Policy. — Intereconomics, September/October 1984, N 5. — P. 219; The Asian Wall Street Journal. 1990. March 27.)

⁴ D. C a s s e l, U. C i c h y. The Shadow Economy and Economic Policy in East and West: A Comparative System Approach. // The Unofficial Economy. Ed. by S. Alessandrini, B. Dallago. — Albershot — Brookfield; Gower Publ. Co., 1987. — P. 139—141.

⁵ J. S k o l k a. A Few Facts About the Hidden Economy // The Unofficial Economy. P. 37.
⁶ In: J. T. M y e r s. China: Modernization and "Unhealthy Tendencies" // Comparative Politics. — 1989. — V. 21. — N 2. — P. 209.

⁷ См. У р н о в М. Ю. Насколько мы готовы к демократии? (по результатам одного социологического исследования) // Рабочий класс и современный мир. — 1989. — № 4. — С. 85.

⁸ Известия. № 5; China Daily. — 1990. — 7 ноября.

⁹ Горьяновский А. Украсть можно все (результаты включенного наблюдения) // Социологические исследования. — 1990. — № 2. — С. 60.

¹⁰ В. Чалидзе в своей книге «Уголовная Россия» приводит высказывание Николая I, обращенное наследнику: «Мне кажется, что во всей России только ты да я не воруюем.» (Ч а л и д з е В. Уголовная Россия.— М.: Терра, 1990.— С. 47). В древних и средневековых китайских источниках содержатся многочисленные примеры злоупотреблений при пользовании государственным имуществом. Так, Сыма Цянь в «Трактате о сбалансированности (хозяйства)» сетует на то, что в период правления императора Сяо-цзиня (179—141 гг. до н. э.) «законы становились все менее строгими, а люди — все более богатыми», чиновники «незаконно пользовались тем же, что и император, и не знали во всем этом меры». (Сыма Цянь. Исторические записки, Ши Цзи., Пер. с кит. Р. В. Вяткина.— М.: Наука, 1986.— С. 203).

¹¹ См., напр., Жэньминь жибао.— 1982.— 28 октября.

¹² Переход к рынку. Концепция и программа.— М., Архангельское, 1990.— С. 137—138.

¹³ G. M a r s, Y. A l t m a n. The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy // Soviet Studies.— October 1983, v. XXXV, N 2.— P. 552.

¹⁴ Beijing Review.— 1983.— V. 32.— N 32.— P. 18.

¹⁵ О том, что господство неформальных связей не является «родимым пятном» одного только социализма, свидетельствуют, например, данные о бурном развитии теневой экономики в нацистской Германии. Важно также отметить, что дореволюционные Россия и Китай сами относились к так называемым «коррупцированным культурам», в которых за оболочкой строгих общественных норм традиционно скрывались неформальные отношения, имеющие вид различных исключений и привилегий (не случайно в обоих языках присутствует широкий набор терминов, имеющих один и тот же смысл: «блат» — «гуаньси», «подношение» — «куйцэнь», «мзда» — «хуйлу», «лапа» — «каошань», «относиться по-людски» — «жэньцин» и т. п.). Весьма характерно свидетельство иностранного наблюдателя, касающееся особенностей государственного устройства России николаевских времен: «Теоретически режим так зарегулирован, что при нем, казалось бы, жить невозможно. Однако в действительности существует масса исключений, создающих такой сумбур противоречивых обычаев и привычек, что остается только изумляться: как всем этим можно управлять?!» (A. C u s t i n e. La Russie en 1839.— Paris, 1843.— V. 4.— P. 172). Наиболее законченные формы институтов неформальных привилегий, призванный укреплять общественный строй, приобрел в традиционном Китае, где существовала протекционистская система «теней». (См. Рыбаков В. М. Правовые привилегии и понятие «тени» (по материалам танского кодекса «Тан люй шу и») // Общество и государство в Китае.— М.: Наука, 1981.— С. 58—74).

¹⁶ Характерно в этом отношении признание б. премьер-министра СССР В. С. Павлова, сделанное на встрече с коллективом ЗИЛа весной 1991 г., о том, что до последнего времени норма накопления в народном хозяйстве страны достигала 34—36 %, что резко расходится с данными официальной статистики (23—27 %).

¹⁷ Первым на то, что наряду с многочисленными дефицитами в СССР существует хронический и все возрастающий бюджетный дефицит, указал И. Бирман. (См., например, Бирман И. Дыра в бюджете, лишние деньги и реформа // Вопросы экономики.— 1989, № 9.— С. 47—57). Сейчас этот факт официально признан. Расчеты, сделанные на китайском материале, показывают, что реальные размеры дефицита государственного бюджета в этой стране сопоставимы с советскими. Если из заявленных доходов исключить внутренние и иностранные займы, то, по данным на 1990 г., отрицательное сальдо КНР достигнет 50,6 млрд. юаней (официальная цифра — 15 млрд. юаней). Существуют и более пессимистические оценки, в соответствии с которыми дефицит в 1990 г. составил 5—6 % от валового национального продукта или 87—105 млрд. юаней. (In: Far Eastern Economic Review.— 1991.— April 25.— P. 46).

¹⁸ Коммерсантъ.— 1990.— 23—30 июля.— № 29; — 1991.— 28 января, 4 февраля.— № 5.

¹⁹ По данным американского социолога Л. Хотина, организовавшего опросы эмигрирующих из СССР хозяйственников, все без исключения лица, ответственные за снабжение предприятий, вынуждены прибегать к официально запрещенному обмену материалов и более половины идут на прямое нарушение законов, включая взятки. (См. Хотин Л. Взгляд со стороны // Знание — сила.— 1989.— № 10.— С. 32).

²⁰ See, e. g.: I. K e m é n y. The Unregistered Economy in Hungary.— Soviet Studies.— July 1982.— V. XXXIV, N 3.— P. 355; A. G. W a l d e r. Factory and Manager in an Era of Reform // The China Quarterly.— 1989.— N 118.— P. 249.

²¹ Московская правда.— 1989.— 14 июня; Корягина Т. Теневая экономика в СССР (анализ, оценки, прогнозы) // Вопросы экономики.— 1990, № 3.— С. 117.

²² B. S. F r e y, W. W. P o m p e r e h n e. Measuring the Hidden Economy: Though This Be Madness, There Is Method In It. // The Underground Economy in the United States and Abroad. Ed. by V. Tanzi.— Toronto: Lexington Books, 1982.— P. 4.

²³ See, e. g.: C. A. S c h w a r t z. Corruption and Political Development in the USSR.— Comparative Politics.— July 1979. V. 11, N 4.— P. 425—428.

²⁴ Peking domestic service. 1990.— March 25 // BBC Summary of World Broadcasts. Part III: The Far East.— N 0726.— P. B 2/5.— 1990.— March 30.

²⁵ Остальные не дали ответа или ответили «не знаю». (In: G. G r o s s m a n. Notes on the Illegal Private Economy and Corruption.— Soviet Economy In a Time of Change. A Compendium of Pa-

pers Submitted to the Joint Economic Committee, Congress of the United States.— Wash.: US Government Printing Office, 1979.— P. 841.

²⁶ Методика расчетов строится на макроподходе, позволяющем обнаруживать «следы» теневой экономики с помощью сопоставления индексов ряда показателей официальной статистики СССР и КНР. «Следы» серого рынка исчислялись по изменению разницы в показателях, отражающих динамику официально объявляемых государственных доходов и доходов реальных, складывающихся из налоговых поступлений. Аналогичным образом «следы» черного рынка определялись по колебаниям разрыва между показателями, отражающими официальные и реальные доходы населения (в двух вариантах — исходя из уровня потребления и в денежной форме). Таким образом, на основании трех индексов (один показывает изменения оборота серого рынка, два — черного; данных, позволяющих уловить динамику розового рынка, выявить не удалось) получен макроиндекс оборота всей теневой экономики. При введении весов учитывалось, что масштабы серого рынка при социализме значительно больше, чем черного. Поэтому наибольший коэффициент получил индекс оборота серого рынка. Среди двух индексов оборота черного рынка предпочтение отдано более надежным (по СССР и КНР они отличаются). Формула макроиндекса оборота теневой экономики СССР следующая:

$$I_{se} = \sqrt[3]{I_{gm} \cdot I_{bm_1} \cdot I_{bm_2}}; \text{ где } I_{gm} \text{ — индекс оборота серого рынка (получен как соотношение}$$

индексов роста национального дохода и роста платежей государственных предприятий из прибыли); I_{bm_1} — первый индекс оборота черного рынка (соотношение индексов роста реальных доходов населения и роста розничного товарооборота); I_{bm_2} — второй индекс оборота черного рынка (соотношение индексов роста денежных доходов населения и роста розничного товарооборота). По КНР:

$$I_{se} = \sqrt[3]{I_{gm} \cdot I_{bm_1} \cdot I_{bm_2}} \text{ где } I_{gm} \text{ получен как соотношение роста национального дохода и}$$

роста налоговых поступлений в государственный бюджет, I_{bm_1} — как соотношение индексов роста уровня потребления и роста розничного товарооборота, I_{bm_2} — как соотношение индексов роста денежных средств в «чулках» и роста официальных денежных доходов населения.

²⁷ О дефицитных циклах см.: Зотов В. Дефицитные циклы и «длинные волны» развития // Проблемы Дальнего Востока.— 1990, № 6.

²⁸ См. Лёзов С. Миф о правовом государстве //— Октябрь.— 1991, № 3.— С. 145.

²⁹ Ляован.— 1989.— № 24.— С. 11.

³⁰ Последний пример из китайской действительности — судьба активистов тяньаньмэньских событий и приверженцев «буржуазной либерализации». На завершившихся в начале 1991 г. судах участники «контрреволюционного мятежа» были приговорены к сравнительно небольшим срокам заключения. Ряд сторонников Чжао Цзыяна из числа бывших высших руководителей КНР после отставки назначены на невысокие номенклатурные должности (Ху Цици, Жуй Синьвэнь, Янь Минфу), а сам Чжао Цзыян, лишившись всех постов, оставлен тем не менее в КПК и продолжает пользоваться спецраспределителями и прочими привилегиями.

³¹ Известия.— 1991.— 2 июля; China Daily.— 1990.— July 30.

³² Ляован.— 1989.— № 24.— С. 11.

³³ Кан Суйжун. Проявление серой и черной экономики и их регулирование.— Цзинци гайгэ, 1989, № 2.— С. 26; Inside China Mainland, March 1989.— P. 30—31.

³⁴ См., например: Осипенко О. «Теневая экономика»: попытка политико-экономического анализа // Экономические науки.— 1989.— № 8; Морин Ю., Лавров В. Кое-что о мафии // ЭКО.— 1990.— № 12.

³⁵ A. Korbonski. The "Second Economy" in Poland // Journal of International Affairs, Spring/Summer 1981.— V. 35, N 1.— P. 11.

³⁶ Московский комсомолец.— 1991.— 30 апреля.

«Груз прошлого и современный Китай»

А. МУГРУЗИН

Основная задача, стоявшая перед обществом после победы революции в 1949 г., — ускоренная ликвидация вековой экономической и социальной отсталости. Для того чтобы успешно решить эту задачу, нужно было глубоко разобраться в историческом наследии, доставшемся от старого общества. Этому мешали настроения эйфории после одержанной победы, когда казалось, что препятствий для самых высоких темпов развития практически не существует, что все сколько-нибудь значительные препятствия устранены победой революции. Однако революция не увеличила сумму и качество производительных сил, не изменился (и не мог быть быстро изменен) традиционный технологический способ производства в сельском хозяйстве — система технологических приемов и методов соединения рабочей силы со средствами производства, традиционная организация технологических производственных процессов¹. На первый взгляд наибольшие изменения произошли в системе производственных отношений. Но и здесь ситуация отнюдь не была простой.

Внимание китайцев давно привлекает примечательное явление: многие важнейшие события в Китае генерировались сельской сферой. Можно напомнить события первого десятилетия КНР: аграрная реформа 1950—1952 гг. — важнейшее событие «восстановительного периода», в 1955—56 гг. — массовое кооперирование сельского хозяйства, которое вызвало «поотраслевое преобразование частной промышленности и торговли» в городах — важнейшие события первой пятилетки; «большой скачок» 1958 г. зародился в деревне, движение затем перекинулось в города, где тоже появились коммуны и т. д. Иными словами, самая отсталая в социальном и хозяйственном отношении сфера выступала как якобы «революционизирующая», «лидирующая» сила, определяя направление событий в наиболее развитых сферах. Правда, в последующие годы деревня как будто отходит в тень: например, события «культурной революции» разыгрывались в городах. Однако, это, видимо, то самое исключение, которое подтверждает правило (ведущую роль деревни).

Положение в сельском хозяйстве, особенно производство зерна, определяет жизненный тонус страны, выполнение народнохозяйственных планов, что сказывалось на производственной активности рабочей силы, на прочности власти. Иное соотношение города и деревни наблюдалось в России и европейских «странах народной демократии», где после победы революции деревня довольно пассивно следовала за городом, и победа в городах практически решала вопрос о власти на всей сельской периферии. Такая ситуация указывает на иную роль сельской сферы (социальную и народнохозяйственную). Хотя, конечно, сельское хозяйство не ведущая отрасль, но в Китае оно определяет главные параметры развития народного хозяйства. Крестьянство не могло быть «революционизирующей» силой китайского общества². Однако, с другой стороны, опровергая такую путаницу легко сбиться и отвергнуть эти реальные проблемы. Нужно найти рациональное объяснение фактам, поскольку за ними стоят важные особенности истории развития страны, которые сказываются до сих пор и будут оказывать влияние в будущем.

Процесс осознания масштабов груза прошлого в Китае был трудным и противоречивым. Казалось очевидным, что с феодализмом безвозвратно покончено и эта тема исчерпана. С другой стороны, осознание этого было затруднено утвердившимся культом личности Мао. Сам культ был «отрыжкой» феодального наследия и вел к частичной регенерации отношений типа «император — чиновники — подданные», ко все большему отдалению государственного аппарата от трудящихся масс и превращению общественной собственности в государственную. Для китайцев изучение прошлого Китая и его «феодального наследия» — основа объективных оценок происходящих в стране экономических и социальных перемен.

Мугрузин Анатолий Сергеевич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ АН СССР.

То, что следы прошлого так или иначе наблюдаются в настоящем — вообще правило. Но в Китае «далекое прошлое» буквально присутствует в настоящем, сильно тормозя развитие китайского общества. Сложившийся еще в древнем и средневековом Китае комплекс факторов определял жизнь общества в течение более 20-ти веков; в той или иной (иногда сильно модифицированной) форме эти факторы действуют до сих пор. И хотя значение этих факторов в настоящее время снизилось (и будет снижаться), они продолжают существенно влиять на обстановку в стране, составляя основу «китайской специфики» на пути модернизации и тем более — социалистического строительства.

Что же это за факторы? Вообще говоря, они активно обсуждаются в нашей литературе, но им зачастую не придается должное значение.

Средневековый Китай, как и многие другие страны Востока, продвигался по иному пути социально-экономического развития, нежели Западная Европа. Основные составляющие этого пути (т. е. — отличия от Европы) — предмет яростного спора приверженцев «азиатского способа производства» со сторонниками формационной «пятичленки». Не ввязываясь в дискуссию, ограничимся пояснением, что по нашему мнению, «традиционный» (средневековый) строй Китая характеризовался прежде всего следующими особенностями: а) хроническим избыточным народонаселением, что имело многочисленные последствия; б) существованием системы рента-налог, как экономической основы государственности; в) политическим, экономическим, а также идеологическим господством государственной системы над обществом, что было основой режима «поголовного рабства»³.

Перенаселенность несла с собой дефицит земли, усложненность организации общества и многие социальные проблемы, что привело к раннему появлению «прото-государств» — задолго до появления частной собственности. Функциональное деление членов общества на рядовых и начальников закреплялось в сословные различия, как различия «старших» и «младших»; патриархальность — как важнейший «генетический» признак традиционного общества. В условиях перенаселенности, систематически повторяющегося голода залогом стабильности общества оказывалось прежде всего ритмичное производство продовольствия. Следовательно, государство всегда было вынуждено постоянно заниматься хозяйственной деятельностью и прежде всего сельским хозяйством.

Система рента-налог выросла из общинного хозяйствования — той доли урожая, которая выделялась на общие (общественные, затем — государственные) нужды. С появлением государства, а затем и частной собственности, отдаваемая крестьянином часть продукции засчитывалась в качестве налога, т. е. части полагающейся на общие (государственные) нужды, в качестве ренты — т. е. платы за пользование землей. Потребности государства на содержание чиновничества, огромной армии и сложной имперской инфраструктуры объективно были настолько велики, что требовали всего прибавочного продукта, произведенного крестьянином. Конечно, часть труда крестьян, присваивалась господствующим сословием и собственниками земли — эксплуататорами крестьянства. При классовом единстве всех эксплуататоров система рента-налог достаточно жестко ограничивала размеры частно-помещичьего землевладения, противопоставляя интересы государственной казны интересам частных землевладельцев. В результате большинство крестьян находилось в прямых налоговых отношениях с государством (кроме периодов явного упадка, завершавшегося крахом очередной династии).

Хозяйственные особенности сказывались и на форме организации общества — раннем появлении государства — и на положении общников-крестьян.

Особенности социального (государственного) устройства определяли и особенности государственной власти, которая соединяла политическую власть с экономическим и идеологическим господством над обществом. Говоря об идеологическом давлении государства на общество, мы имеем ввиду официальное конфуцианство с его проповедью патернализма и требованием «возврата к древности» в случае любых сбоев общественной жизни. Всевластие государства находило воплощение в режиме «поголовного рабства».

В основе хозяйственных различий между Востоком и Западом лежат, по нашему мнению, естественно-исторические причины. Благоприятные природные условия привели к численному возрастанию населения, что вызвало иное, чем на Западе соотношение факторов производства — земли и труда. В свою очередь это потребовало усложнения общественного устройства; сначала функционального, а затем и структурного — сословного разделения общества. Как воспреемник родоплеменного строя протогосударство унаследовало его патриархальную идеологию, а также производственные и распределительные

функции общины в виде заботы о сельском хозяйстве, взимания ренты-налога и выдачи натурального жалования чиновникам.

Поскольку система рента-налог оставляла мало места для получения дохода сверх налога, частнопомещичье землевладение слабо развивалось; подавляющее большинство крестьян оставалось мелкими собственниками и платило налог государству. Специфические социально-экономические условия породили соответствующую им идеологию — конфуцианство. Поскольку социально-экономические условия веками в принципе не менялись, конфуцианство становилось устойчивой идеологической (правственно-оценочной) основой общества. Все общество разделялось на управителей-чиновников — конфуцианцев, заботящихся о «малых», «младших» и огромное большинство населения — самих этих младших. При этом чиновники-конфуцианцы якобы владели абсолютной истиной — знанием заветов «древних» и в идеале воплощали образ «совершенномудрого мужа» или во всяком случае несомненно стремились к нему. По существу, официальное конфуцианство являлось разновидностью «феодального социализма» — учения об идеальном обществе на земле.

Всякому, даже только понаслышке знакомому с Китаем, ясно, как «близка» и понятна была проповедь «научного коммунизма» в китайском обществе — многие воспитанные на классических книгах китайцы восприняли марксистское учение как современный вариант своего исконного учения «Датун» или подобного ему. Такие смешения происходили тем естественнее и легче, чем активнее и явственнее проявлялись в повседневной жизни КНР закономерности давнего и недалекого прошлого.

Из комплекса вопросов мы обратим внимание лишь на два внутренне взаимосвязанных вопроса: на причины «ведущего» положения сельского хозяйства и на связанные с этим проблемы, и на роль государства в общественной жизни КНР и положение личности (крестьян).

Из экономических факторов главным была тенденция к ухудшению соотношения между трудовыми и земельными ресурсами; эта тенденция порождалась и была внешним проявлением несогласия (или противоречия) между темпами роста народонаселения и производительности труда.

Исторические корни этого явления очень глубоки. Экономическое развитие традиционного общества определялось взаимодействием многих факторов, значение и удельный вес которых многократно менялись. Однако невыгодное соотношение земельных и трудовых ресурсов оставалось важнейшим фактором, тормозившим развитие экономики. В процессе колонизации, с помощью которой государство всегда пыталось решить проблему перенаселенности страны, в хозяйственный оборот вовлекались новые, слабо освоенные территории, что лишь на время улучшало соотношение между землей и трудом. Улучшение положения с продовольствием тут же вело к росту народонаселения. Складывалась своего рода синусоида соотношения земельных и трудовых ресурсов.

Тенденция к ухудшению соотношения между землей и трудом, наблюдавшаяся в течение многих веков, продолжает активно проявлять себя до тех пор, являясь одной из главных причин слабости сельскохозяйственной структуры КНР. Ее глубочайшие исторические корни проявляются в том, что сельское население немедленно отвечает на любой подъем производства чисто традиционным образом — ростом народонаселения. Искоренение этой традиции, как и преодоление неблагоприятного соотношения земли и труда, несомненно, — историческая задача Китая.

Из комплекса экономических причин застойности главной мы склонны считать ограничения в привлечении рабочей силы. Они связаны с недостатком средств производства и низким уровнем производства продовольствия, что привело часть рабочей силы в малороботоспособное состояние и ограничило возможности ее применения.

Рост сельскохозяйственного производства после аграрной реформы 1949—1952 гг., вне сомнения, явился следствием перераспределения жизненных средств в пользу бедноты, но этот резерв был быстро израсходован, причем почти весь прирост был «съеден» увеличением народонаселения. Низкие темпы развития сельского хозяйства в последующие годы, не превышавшие потребности роста народонаселения, указывали на то, что традиционные ограничения в применении рабочей силы в той или иной мере сохраняются.

В традиционном Китае эти ограничения в ходе хозяйственных и династийных циклов приводили к появлению и увеличению перенаселения докапиталистического типа в аграрных районах, составлявшая его масса и была ударной силой крестьянских движений. Когда в XIX в. начались попытки модернизации народного хозяйства «сверху», то оказалось

что необыкновенная дешевизна труда делает невыгодным применение машин — это и было главным, труднопреодолимым препятствием для развития капиталистического уклада. Машинны так и не смогли найти применения в сельском хозяйстве до 1949 г.

Уже во время существования КНР, когда казалось бы, все социальные ограничения в применении рабочей силы были сняты, именно традиционные ограничения в ее применении не позволяли «разыграть главный козырь» Китая — его неисчерпаемые трудовые ресурсы. Все попытки в этом направлении, несмотря на максимальное политическое, социальное и идеологическое давление на крестьянство, не давали желаемых результатов.

Колебания в соотношении трудовых и земельных ресурсов, в средневековом Китае, которые происходили на фоне медленных (как норма) изменений в производительности труда, видимо, так или иначе были связаны с циклическими явлениями в китайском социуме. Природа цикличности не только чисто историческая; ее корни, возможно, остались и действуют до сих пор, хотя и в сильно измененном виде. Влияние факторов, порождающих цикличность, сказывается, видимо, в своеобразной волнообразной форме развития экономики КНР («скачки» с последующими периодами «урегулирования»). Волнообразная динамика развития народного хозяйства КНР, несомненно, связана с необходимостью предварительного накопления ресурсов и их быстрым исчерпанием при попытке форсированного развития. Слабость ресурсной базы народного хозяйства в конечном счете объясняется слабостью сельского хозяйства, а слабость последнего имеет глубокие исторические корни.

Еще один важнейший фактор — социально-политический. Значение его связано с появлением государства деспотии. Если посмотреть на функции европейских государств, например у А. Смита, то можно увидеть, что на европейском государстве лежали функции внешней обороны (содержание армии), поддержания внутреннего социального порядка (суды, полиция), содержание учреждений для поддержания торговли и образования. Такое понятие государственной власти отражает фактическое положение, существовавшее в эру развитых абсолютистских монархий в Европе (в средние века функции государственной власти были значительно уже). Оно дает нам образ государства как чисто верхушечного, надстроечного явления.

Влияние китайского государства-деспотии на жизнь общества, видимо, было существенно большим, чем в Европе. Это проявлялось прежде всего в том, что китайское государство выступало не только в роли надстроечного, но и экономического, базисного явления. По сути, государство было полусобственником большей части земель и занимало доминирующее положение в народном хозяйстве средневекового Китая. Такую роль китайское государство заняло не сразу, а постепенно. Некоторые из социальных следствий такой формы государственности бытуют до сих пор.

Важнейшее место в таком обществе занимают рентно-налоговые отношения, в которых государство выступало в качестве субъекта прямых распределительных отношений. Система рента-налог просуществовала буквально до победы революции в 1949 г., именно она являлась экономической основой китайской деспотии в течение 20 веков. Разложение традиционного общества в новое и новейшее время было тесно связано с разложением этой системы. Часть условий, способствовавших сохранению этой системы, не исчезла до сих пор, что предопределяет специфическое положение крестьянства в новой политической системе, особенно в первый период КНР.

Вся жизнь китайского общества, любые общественные движения, скажем классовая борьба, происходили в условиях чрезвычайно жесткой политической власти, выполнявшей наряду с обычными политическими и важнейшие народнохозяйственные функции. Это давало деспотии широкие возможности давления на общество и на каждую отдельную личность. В результате вся общественная жизнь принимала причудливые формы, если смотреть на нее глазами представителей западной цивилизации и культуры.

Нераздельность политических и экономических функций сделала власть деспотии абсолютной. В экономике абсолютная власть привела к появлению такой специфической формы собственности, как полугосударственная, а в социальном отношении — «поголовному рабству» (К. Маркс). Некоторые из условий, порождавших крайне уязвимое положение личности перед государством, сохранялись в Китае до недавних пор, что воздвигает дополнительные препятствия на пути модернизации и социалистического строительства. Конечно, эти препятствия нуждаются в тщательном теоретическом осмыслении.

. Социальные факторы невозможно отделить от политических и экономических, по-

сколькx через механизм функционирования государства все они оказались связанными воедино. Эта слитность — одна из главных трудностей анализа: исследование только одной из сторон приводит к однобоким выводам. По сути, ни экономическое, ни политическое, ни социальное положение китайского традиционного общества невозможно объяснить, вычлeняя их по отдельности, их необходимо рассматривать вместе, комплексно. Системное исследование общества, основанное на знании научных фактов, характеризующих аграрный строй нового времени, может пролить дополнительный свет на структуру и механизм действия как социально-экономического строя средневекового Китая, так и современного общественного строя.

В чисто социальном плане огромное значение (несравнимое с Западной Европой) имела проблема взаимоотношений государственно-чиновничьего аппарата с крестьянством, а также с остальной массой населения. Эта проблема выростала из преобладания государственных форм эксплуатации для большинства крестьян, а также значения конкретной налоговой политики для остального населения, в том числе и состоятельных слоев.

Хронический продовольственный кризис делал очень выгодной спекуляцию продовольствием. Подавляющая мощь государства диктовала купцам необходимость установления личных связей с чиновниками, поскольку такие связи более или менее гарантировали их от разорения, связанного с притеснениями бюрократов и феодальным грабежом. Стремясь разбогатеть, чиновники тоже тянулись к купцам. При этом происходило сращивание чиновничества с купечеством и затем — земельной собственностью; в результате элитарный слой неизбежно превращался в класс земельных собственников, связанных с купеческим капиталом.

Подобным образом все происходило и позднее, при гоминьдановском режиме: элитарный слой чиновничества (государственных служащих) или стремился к приватизации государственной собственности, или пытался расширить каналы личного присвоения за счет государства, а также за счет «покровительства» дельцам. Аналогичные явления наблюдались и в КНР. Как ни странно, обстановка «идеологической чистоты» и нетерпимости к инакомыслию в максимальной степени способствовала разложению правящего элитарного слоя, так как он был полностью огражден от всякой критики. Наблюдающиеся сегодня элементы разложения государственного аппарата имеют традиционные корни — в сохраняющемся социальном неравенстве и прежде всего в приниженом положении крестьянства перед государством. Особенно ярко это проявилось в годы «культурной революции»⁵.

В традиционном Китае в центре общественной жизни находилось государство. Общественная борьба слоев, классов и групп велась за признание их интересов государством, которое оказывалось в центре всех экономических, политических и социальных проблем. В этом заключалась и его сила, и его слабость, поскольку протесты в социальной сфере как бы автоматически оборачивались протестами против государства. В результате государство стремилось запретить и подавить любое общественное движение. Обескровленность каналов общественной жизни способствовала мертвящей косности, консервативности государственной власти, ее полной неспособности к прогрессу, что было, возможно, главной социальной причиной многовекового застоя Китая.

Знаменательно, что подобное положение отчасти сохранялось до недавних пор в КНР: стремление соблюсти «идеологическую чистоту» значительно обедняло духовную и шире — общественную жизнь, сводя ее к шаблонным, лишенным содержания формам⁶.

Несмотря на многообразие и сложность государственных функций в традиционном Китае, они конечно, лишь слабое подобие крайне сложных и действительно всеобъемлющих функций государства в современном Китае. И все же при огромном различии есть и несомненное сходство, поскольку в Китае государство искони вынуждено было заниматься важнейшими хозяйственными делами. Это делает естественным сближение их роли в сознании широких масс трудящихся: перенос традиционных представлений подкрепляется реально существующим социальным неравенством между правящим слоем и остальными трудящимися (во всяком случае вплоть до недавнего времени).

Таким образом, в истории Китая сложилась специфическая зависимость различных (базисных и надстроечных) факторов в жизнедеятельности общества. Во-первых, неблагоприятное соотношение земельных и трудовых ресурсов, следствие этого — низкая производительность труда крестьян. Экстенсивные методы улучшения этого соотношения, скажем за счет расширения площади пахотных земель путем колонизации, приносили только временный эффект, а увеличение производства продовольствия вызывало лишь

соответствующий рост народонаселения. Во-вторых, чтобы разрешить данное противоречие государству вынуждено было самым активным образом вмешиваться в хозяйственную жизнь. В-третьих, исторически сложилось убеждение, что сельское хозяйство, как говорили древние, — «ствол», остальное — его «ветви». В-четвертых, разорвать «прочный круг бедности» можно только на путях резкого подъема производительности труда крестьян. Современное состояние науки и техники дает такую возможность. Следовательно, необходимо развивать современное промышленное производство. Однако практически предварительным условием остается решение неотложной проблемы — прокормить миллиардное население.

Для большей наглядности характеристики положения в КНР и происходящих сейчас изменений, воспользуемся сравнением с положением в Советской России начала 20-х годов. В апреле 1921 г. В. И. Ленин писал: «Наша страна разорена неслыханно сначала войной царской, потом войной гражданской... Надо поднять хозяйство во что бы то ни стало. В первую голову надо поднять и укрепить, улучшить крестьянское хозяйство»⁷. Эти мысли В. И. Ленин развивает в ряде работ. «Если считать, как считает статистика, что необходимо восемнадцать пудов на душу, то надо с каждой души взять три пуда, и осудить на известное недоедание каждого крестьянина, чтобы обеспечить полугодовое существование армии и рабочих промышленности»⁸. И еще: «...политическая обстановка к весне 1921-го года сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстремные меры для улучшения положения крестьянства и подъема его производительных сил стали неотложно необходимы»⁹.

Из приведенных цитат видно и сходство, и коренное различие условий обеих стран. В Советской России в годы крайней разрухи народного хозяйства задача подъема сельскохозяйственного производства тоже стояла как первоочередная и решающая, однако, этот период был кратким.¹⁰

Слабость сельскохозяйственной основы в КНР не могла быть преодолена простым восстановлением довоенного уровня (он был достигнут уже в 1952 г.). Эта слабость была в значительной мере «историческим наследием», доставшимся от традиционного Китая. Острый недостаток продовольствия (продовольственный кризис) держал на «коротком поводке» все народное хозяйство, не позволяя расширить сферу современного промышленного производства прежде всего потому, что сельское хозяйство не могло обеспечить город необходимым количеством продовольствия. В интересах расширения современной социальной сферы города КНР шла на крупные закупки продовольствия за границей, затрачивая на это резервы конвертируемой валюты. Сельское хозяйство оставалось слабой ресурсной базой для промышленности: оно поставляло мало сырья для промышленного производства и ресурсов на экспорт, мало могло выделить средств для накоплений. Все отрасли сельского хозяйства отличались очень низкой товарностью.

Учитывая слабость ресурсной базы народного хозяйства, норма накоплений была очень высока, составляя 20—25 % национального дохода и даже выше. Все извлекаемые средства направлялись в промышленность, и тем не менее темпы ее развития были низкими и нестабильными.

Зависимость экономики от состояния сельскохозяйственного производства ярко проявлялась во все периоды КНР, до недавнего времени эта зависимость официально не признавалась. После образования КНР, согласно идеологическим канонам того времени, была провозглашена «генеральная линия», направленная на создание материально-технической базы социализма на основе индустриализации страны и обобществления средств производства¹¹. Первый пятилетний план был спланирован удачно и выполнен успешно, но при попытке в 1958 г. резко ускорить темпы экономического развития методом «большого скачка» страна оказалась в кризисном положении. И здесь для всех стало особенно ясно, что первоочередной задачей является подъем сельского хозяйства.

В начале 1961 г. был официально провозглашен лозунг «сельское хозяйство — основа народного хозяйства». В официальных материалах указывалось на трудность прокормить огромное население и на роль сельского хозяйства как ресурсной базы экономики и пр. В статьях китайских экономистов приводились цитаты классиков марксизма-ленинизма и развивались их идеи о значении производительности труда в сельском хозяйстве как важном условии для возникновения и развития промышленности. Однако курс «сельское хозяйство — основа» в 60-е — 70-е гг. проводился весьма непоследовательно¹², сельское хозяйство вынуждено было «опираться на свои силы»; истощаемое выкачкой ресурсов, оно едва поспевало за ростом населения. Как только накапливались какие-то

свободные ресурсы, они тут же использовались, причем путем своеобразного всенародного «навала» на экономику. С конца 50-х и до второй половины 70-х гг. история народного хозяйства КНР — это история «скачков», перемеживающихся периодами «урегулирования» — приведения в порядок хозяйственного организма. «Скачки» неизменно зарождались в сельской сфере. Непременной их предпосылкой был хороший урожай. Появление свободных ресурсов продовольствия позволяло расширить масштабы общественных работ, направить добавочную часть рабочей силы в промышленность, расширить производство сырья для легкой промышленности (последняя — основной источник накопления); расширялись также экспортные возможности. Очередной недород дезорганизовывал хозяйственные связи, не позволяя исправить ошибки, закрепиться на достигнутых рубежах.

Большинство крестьян правомерно расценивали принуждение к участию в «скачках» и кампании по «революционизированию сознания» как давление власти, как принуждение, что сказывалось на эффективности сельскохозяйственного производства и результатах общественных работ. Медленный, неустойчивый рост сельскохозяйственного производства почти не превышал темп роста народонаселения: ресурсная база сельского хозяйства не расширялась, что неизменно являлось главным тормозом для развития всего народного хозяйства. Приведем данные о сборе продовольственных культур, населении, числе занятых в сельском хозяйстве, производстве на одного занятого и на душу населения в 1952—1975 гг.:

	1980	1984	1987	1989	1990
Сбор продовольственных культур (млн. т)	320,6	407,3	404,7	407,45	430
Население (млн. чел.)	987	1039	1081	1112	1143
Производство на душу населения (кг)	324,8	392	374,4	366,4	376

Источник: «40 лет КНР». — С. 510, 525; «Бэйцзин ревью». — 1990, № 9. Документы. С. УШ; «Жэньминь жибао». — 1991. 23 февраля.

Замечательная черта этого успеха в том, что не потребовалось ни значительного расширения государственных вложений в сельское хозяйство, ни полупринудительной массовой мобилизации крестьян. Производительность труда крестьян возросла. Причем впервые труд их был действительно добровольным.

В 1984 г. урожай зерна составил свыше 400 млн. т. Это не был «случайный» высокий урожай, так как данные за ряд лет показывают наращивание производственного потенциала в сельском хозяйстве. Данные за последующие (после 1984 г.) годы позволяют сделать вывод, что, несмотря на некоторый откат назад, удалось закрепить достигнутый успех.

К сожалению, первоначальная оценка урожая как «отрыв» от традиционного уровня оказалась слишком поспешной. Тем не менее впервые в истории Китая ощутимо превышен традиционный «нормальный» уровень производства продовольствия, который ныне должен равняться (учитывая 1 млрд населения) примерно 320—350 млн. т. Этот уровень позволяет практически насытить все население Китая, отказавшись от импорта продовольствия. Появляется некоторый излишек продовольствия, который дает возможность часть сельского населения переключить на промышленное производство, где их труд будет значительно продуктивнее. Отрыв от земли новых масс сельского населения будет способствовать рассасыванию перенаселения в аграрных районах, которое остается еще огромным, и улучшению условий использования рабочей силы в сельском хозяйстве; последнее должно способствовать повышению производительности труда. В общем, это позволяет постепенно интенсифицировать все звенья цепи: производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве — накопления — повышение жизненного уровня населения и пр. Иными словами, сдвиг сельскохозяйственного производства с традиционного уровня производства продовольствия, если он будет закреплён и расширен, открывает дорогу к периоду экстенсивного развития, который может быть длительным и характеризоваться высокими темпами. В этом смысле обстановка в Китае может измениться принципиально: развитие успеха в сельском хозяйстве позволит все полнее использовать людские ресурсы Китая¹³.

Достигнутый успех со всех точек зрения пока не представляет собой «окончательного

решения» продовольственной проблемы. Рекордный урожай 1984 г. довел производство лишь до 392 кг на человека — что еще заметно ниже уровня России в 1913 г. (480,5 кг) и уровня Советского Союза в 1940 г. (492,5 кг). Как известно, этот уровень сельскохозяйственного производства держал нашу страну на полуголодном минимуме. Другими словами, достигнутый в Китае успех нужно еще закрепить и развить.

Поскольку в 1984 г. произошел сдвиг с «традиционного», поддерживавшегося веками уровня производства продовольствия, возникает несколько вопросов. Какое влияние это явление оказало на экономический рост? Утратило ли в связи с этим сельское хозяйство свое особое положение? Изменилась ли волнообразная динамика развития народного хозяйства? Насколько Китай продвинулся в решении своих фундаментальных задач?

Трудности на пути развития сельского хозяйства сейчас активно обсуждаются в китайской печати. Ссылаясь на решения 3-го пленума ЦК КПК 13-го созыва (сентябрь 1988 г.) указывают на следующие общие проблемы народного хозяйства: инфляция, превышение спроса над предложением, нерациональная структура народного хозяйства и экономический хаос. На исправление экономической ситуации и «углубление реформы» 5-й пленум ЦК КПК (ноябрь 1989 г.) отвел три года¹⁴.

Несомненно, во многом китайское руководство право, указывая на значение чисто экономических и производственных факторов в том, что рост сельского хозяйства в течение последних нескольких лет застопорился, производство зерна на человека сократилось с 392 кг в 1984 г. до 369 кг в 1989 г. Несмотря на рекордный урожай 1990 г. этот показатель составляет всего 376 кг, т. е. заметно ниже 1984 г. И, тем не менее, мы рискуем утверждать, что наряду с чисто экономическими проблемами, важнейшее значение имеют и социальные.

В прессе замалчивается (или, скорее, затушевывается) значение событий весны 1989 г., когда китайское руководство не уступило требованиям обществу о проведении политических реформ. Экономическая реформа застопорилась раньше. Но события весны 1989 г. оказали глубокое воздействие на социальную и экономическую обстановку в стране. Эти события показали, что руководство намерено сохранить в своих руках все рычаги политической власти, а следовательно, и все рычаги управления экономикой.

В Китае уже реально существует многоукладная экономика, сосуществуют, наряду с государственной, иные формы собственности. Связанные с ними социальные слои нуждаются в правовых гарантиях. Они требуют возможности легально выражать и защищать свои интересы. Неуступчивость властей лишает эти негосударственные формы собственности необходимых политических гарантий. Между тем за этими формами собственности стоят многочисленные слои населения: это крестьяне на подворном подряде, мелкие предприниматели в городе и деревне, не говоря уже о буржуазных слоях и зарубежные коммерсанты. Беспokoйство этих слоев поддерживает неопределенность и неустойчивость в социальной сфере. Беспokoйство вполне оправдано, так как на страницах китайских газет вновь появились лозунги «борьбы с буржуазным поветрием» и «буржуазной либерализацией», вновь возвеличивается образ Лэй Фэна¹⁵ и т. п. Все это входит в противоречие с заявлением о намерении продолжать и даже углублять проведение реформ.

Меры по усилению контрольных и регулирующих функций местных властей укрепляют власть кадровых работников над крестьянами, повышают недоверие их к политике КПК. А в результате страдает производство. Недоверие к власти со стороны крестьян находит проявление в небрежении в пользовании ирригационными сооружениями, в элементах хищнического отношения к земле, в низких вложениях личного капитала в производство, в низких капитальных вложениях труда. Крестьяне нерационально много тратят на личное потребление, на строительство личных домов и пр. С другой стороны, наблюдаются признаки уже, казалось бы, канувшего в вечность их зависимого положения от кадровых работников. Крестьяне до сих пор страдают от произвольно накладываемых на них взносов и от обязательных общественных работ.

Крестьяне не заинтересованы в дальнейшем подъеме производства (застыв, видимо, на границе физического насыщения), потому что, во-первых, не получают «справедливой цены» и «справедливой доли» при обмене своей продукции на изделия промышленности, а во-вторых, что, может быть, еще важнее, не уверены в прочности системы подворного подряда, в твердости курса центральной власти. Крестьяне не властны в определении курсов, их мнение может приниматься властями во внимание, а может и нет. «Диктатура пролетариата» давно выродилась в диктатуру правящей партии, а затем — в диктатуру правящей верхушки.

Среди аграрников-марксистов и историков распространено мнение, что люди на Востоке

«привыкли к рабству», что эта привычка составляет существенную характерную черту социальной жизни на Востоке — ее прочную многовековую традицию. Нам кажется, что этот взгляд является добросовестным заблуждением. Опыт Китая показывает, что развитие товарного хозяйства даже в таких скромных масштабах, как сельские рынки Китая, ставит политические вопросы. Новые для Китая формы хозяйства нуждаются в соответствующих гарантиях своей деятельности. Такими гарантиями не могут быть заверения правительства, а требуется реальное участие в государственном управлении соответствующих политических сил. Другое дело, что новые формы хозяйствования и экономически, и политически еще слабы. Тоталитарная политическая и экономическая система еще довлеет и способна сравнительно легко подавлять политическую активность слоев, бросающих ей вызов.

В ближайшие годы можно ожидать сокращения темпов роста сельскохозяйственного производства из-за постепенного сокращения ресурсов, «лежащих на поверхности». Однако следует иметь в виду, что даже если китайцам удастся только закрепиться на достигнутом рубеже, довольствуясь скромными темпами развития сельского хозяйства, то и в этом случае будет происходить специализация его отраслей, расширение производства технических и других культур, что увеличит количество сырья для промышленности и ресурсов для экспорта и т. д. Если проводимые реформы экономической структуры застопорятся, укрепление сельскохозяйственной основы дает китайским руководителям время, а тем самым возможность исправить допущенные ошибки. Сдвиги в сельском хозяйстве имеют принципиальное значение и в любом случае будут сказываться положительно на промышленном производстве в течение длительного времени.

* * *

События последних лет свидетельствуют в пользу развиваемого нами тезиса о существовании хронического голода в традиционном обществе Китая и систематическом недоедании значительной части контингента рабочей силы, что имело следствием ее неполную физическую работоспособность. Первым условием поступательного движения производительных сил являлось создание условий, при которых работник может получить необходимый продукт в полном объеме. Речь идет о повышении способности рабочей силы к производительному труду — в китайских условиях это тот ключ, главное звено, которое в принципе позволяет вытянуть всю цепь. Создание условий, при которых работник получает полную норму необходимого продукта, есть условие его полной работоспособности, а также материальная основа возможности изменения положения работника в социальной, экономической и политической сферах.

Вслед или параллельно с подъемом экономики должны следовать изменения в положении работника (и прежде всего крестьянина) в сфере производства, социальной жизни и в политической области. В результате этих изменений могут произойти кардинальные перемены в положении крестьян, превращение их в людей современного мира.

Феноменальный успех первого этапа экономической реформы в КНР объясняется тем, что она решила в первом приближении главную, самую неотложную задачу — накормить народ, поднять физическую готовность работников к труду. Однако всплеск производства в начале реформы принес лишь временное улучшение.

Общий вывод можно свести к следующему. События 1984—1990 гг. свидетельствуют, что с волнообразной динамикой народного хозяйства покончить не удалось. Сдвиг с «традиционного» уровня производства продовольствия произошел, но он был еще слишком мал, чтобы сельское хозяйство перестало лимитировать пропорции и темпы развития экономики. Корень «китайской специфики» — отсталость сельского хозяйства — остается, следовательно, остается и задача первоочередного его развития.

Трудности в аграрном секторе экономики объясняются падением стимулов к увеличению производительности труда, так как доходность земледелия упала. Крестьянство склонно остановиться на достигнутом уровне, так как превзойден «уровень простого насыщения». С другой стороны, руководство страны не удержалось от искушения использовать появившиеся ресурсы для ускорения темпов промышленного развития.

Для мобилизации наличных ресурсов наиболее активно использовались косвенные методы — особенно инфляционные процессы — а также и другие. Все это снизило доходы крестьян и, как следствие, их производственную активность. В результате народное хозяйство в очередной раз переживает откатную волну после очередного провала «скачка»¹⁶.

Нам кажется, что успех реформы в сельском хозяйстве и расширение «узости» в народном хозяйстве в любом случае привело бы к подъему экономики, а с исчерпанием свободных ресурсов — к спаду производства.

Ответ крестьянства на рост производства зерна по-прежнему был типично традиционным — оно ответило быстрым увеличением народонаселения. 1984 г. и 1989 г. — два пика производства продовольствия (по 407 млн. т), но за это время население КНР увеличилось на 73 млн. чел., в результате чего душевой уровень производства зерна снизился с 392 кг/душу в 1984 г. до 369 кг/душу в 1989 г. Даже рекордный урожай 1990 г. не исправил положения. Как видим, часть достигнутого потенциала уже растрочена, «съедена» ростом народонаселения. Сейчас демографический рост грозит поглотить весь достигнутый потенциал, в результате чего производство снова окажется на привычном традиционном уровне со всеми социальными и экономическими последствиями.

Политика «планирования семьи» (то есть ограничения рождаемости), принося некоторые плоды в городе, пока оказывается малоэффективной в деревне, где многое зависит от наличия рабочих рук в хозяйстве. Решение важнейшей демографической проблемы откладывается на неопределенное будущее. Большинство нынешнего населения Китая — полуграмотные и неграмотные крестьяне — не в состоянии еще понять, что времена изменились, что Китай вместе со всем миром подошел к критической черте наличия природных ресурсов Земли.

Определенные изменения все же произошли и уже сказываются. Система подряда, фактически приближающаяся к индивидуальному хозяйствованию, уже ограничила всевластие государства и кадровых работников над крестьянами, хотя и не ликвидировала их власть над крестьянами.

«Скачок (1988—1989) произошел как бы помимо воли начальства, без обычного ажиотажа и понуканий. Мобилизация ресурсов из сельского хозяйства происходила не методами прямого принуждения к труду, а больше косвенными — посредством инфляции, «ножниц цен» и пр.

Наличие «задела» в сельском хозяйстве значительно смягчило фазу провала «скачка» — она приняла форму «перегрева экономики» — без тех катастрофических последствий, социальных и экономических, которыми ознаменовались предыдущие «скачки» (падение промышленного производства и строительства, сокращение численности рабочих в городах, сокращение численности городского населения и т. д.).

Не существует простых и ясных путей для решения имеющихся проблем. Нужен новый мощный рывок в сельском хозяйстве, но это возможно, как говорилось выше, только при ряде условий. Даже если удастся эффективное, чисто техническое решение — то есть значительный подъем производства на основе максимального использования возможностей современной техники, то это может оказаться лишь временным решением проблемы.

Не исключено, что нынешняя численность населения уже превысила оптимальный уровень, и для полного и окончательного преодоления «груза прошлого» требуется в 1,5—2 раза меньшая численность: для полного развития всех материальных и духовных потребностей человека нового мира нынешняя численность, возможно, уже перекрывает возможности природных ресурсов. Для окончательного преодоления «китайской специфики» требуется как преодоление традиционных ограничений на рост сельскохозяйственного производства и использование всех технических возможностей, так и изживание древних традиционных установок демографического поведения не на основе запретов начальства, а полного духовного раскрепощения, роста самосознания и культуры сельских тружеников.

Последние события в Китае вызывают определенные сомнения в том, что указанные возможности будут полностью реализованы. Более того, эти возможности не столь уж велики и могут быть растрочены впустую.

Если китайское руководство в интересах укрепления своей власти будет долго упорствовать в проведении демократических реформ, то это приведет к укреплению и разрастанию бюрократического аппарата, все большей регламентации хозяйственной жизни, что чревато, в первую очередь, стагнацией сельского хозяйства, а затем и всего народного хозяйства как следствие прогрессирующей бесхозяйственности и нарастающего развала.

Деградация системы производственных отношений неизбежно (как и в Советском Союзе) приведет к падению нравственности, утрате культуры, дегуманизации общества и даже одичанию. Сколько-нибудь длительное господство государственно-бюрократической

системы неминуемо вызовет также разрушение природной среды.

Нарисованная выше картина всеобщего социально-экономического кризиса в Китае, аналогичного кризису середины 70-х гг., но еще более серьезного, может оказаться реальностью, но такой вариант развития событий — крайний. Больше шансов, что события примут «традиционный» (более привычный) для Китая волнообразный вид: периоды подъема будут чередоваться с периодами отката. Как было сказано, подобные явления происходили как в средневековом Китае, так и в КНР. Колебания хозяйственного тонуса через социальные механизмы передаются и в сферу внутренней, и даже внешней политики. И сейчас, после периода поправления (или полевения?) китайские вожди в результате давления необходимости или смены руководства могут вернуться к политике более широких реформ, что позволит «сбрасывать давление» внутри перегретого котла — то есть будут проводить, хотя, может быть, и непоследовательные, мероприятия по реформе политической системы. Однако основы волнообразного развития, как говорилось в статье, имеют глубокие корни, они трудноустраняемы, и поэтому подобные явления могут возникать еще неоднократно.

¹ О технологическом способе производства см.: Александров Ю. Г., Славный Б. И. Капитал и трудовые ресурсы Востока (Опыт теоретического анализа) // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока.— М., 1986.— С. 272 и сл.

² См. Идеино-политическая сущность маоизма.— М., 1977.— С. 63 и др.

³ Подробнее об этом см. Мугрузин А. С. Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая (к вопросу о цикличности докапиталистического воспроизводства) // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока.— С. 11—44.

⁴ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов.— М., 1962.— С. 32 и др., 501—581. В общественных науках государство рассматривается как политическая надстройка над базисом.

⁵ Литературное описание социальных корней этого явления см. Лю Бинянь. Люди и оборотни.— М., 1982 (Пер. с кит.). Литературное описание обстановки в деревне в период «культурной революции» см. в романе китайского писателя Гу Хуа. В долине лотосов.— М., 1986. (Пер. с кит.).

⁶ Подобное положение характерно для многих стран «Третьего мира», где идеология правящих групп и слоев (правого или левого толка) насильственно внедряется в общественное сознание, а все прочие взгляды запрещены и изгоняются — с теми же последствиями застоя или замедления движения вперед. См., Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс.— М., 1983. С. 520 и сл.

⁷ Ленин В. И. ПСС — Т. 43.— С. 246—247.

⁸ Там же. С. 154. Период первых годов Советской власти сейчас активно обсуждается в печати. Высказывается мнение, что голод 1920—1921 гг. был следствием не только неурожая, но и продрозвертки, а также попытки перехода к прямому продуктообмену.

⁹ Ленин В. И. ПСС.— Т. 43.— С. 218. Если согласиться с точкой зрения, что голод 1920—1921 гг. был следствием не только недорода, но и неверной политики по отношению к крестьянству, то можно сделать вывод, что «неслыханное разорение» деревни (выражение В. И. Ленина, см. цитату в тексте) было следствием разрухи, усугубленной политическими ошибками. Это в общем не опровергает выдвигаемый В. И. Лениным тезис о безотлагательности мер по подъему именно сельского хозяйства.

Значение сельского хозяйства как «узкого места» усугубилось из-за ошибок политического руководства.

¹⁰ Коллективизация крестьянства нанесла сильный удар по производительным силам нашей страны в сельском хозяйстве. Отчасти этот удар был смягчен появлением в колхозах новой машинной техники (тракторы и пр.). Тем не менее, подрыв производства резко обострил продовольственную проблему. «Гениальный выход» был найден в сокращении потребления и голоде широких трудящихся масс. В стране нагнетался в значительной мере искусственно предвоенный ажиотаж, создавалась обстановка «осажденной крепости». Часть рабочей силы была заключена в лагеря принудительного труда, где не получала часто и физиологического минимума жизненных средств. Политика насаждения системы принудительного труда, возможно, не смогла бы продолжаться так долго, если бы наша страна не была настолько богата разнообразными ресурсами.

¹¹ Подробнее см. 40 лет КНР.— С. 81.

¹² Это сейчас признают китайские руководители. Вице-премьер Госсовета КНР Тянь Цзиюнь в январе 1990 г. сказал, что когда экономическое положение страны слегка улучшалось, то идея сельского хозяйства как основы народного хозяйства «улетучивалась». В результате внимание к сельскому хозяйству ослабевало, что было важной причиной неоднократных урегулированных экономики. // Бэйцзин ревью.— 1990.— № 2.— С. 17.

Выражение «сельское хозяйство — основа» восходит к сочинениям древних китайских философов: Конфуция, Мэнцзы, Шан Яна и мн. других которые считали, что «сельское хозяйство — ствол, а все остальное — ветви». Симптоматично, что это древнее воззрение на роль сельского хозяйства благополучно дожило до наших дней, выдержав конкуренцию с тезисом о ведущей роли тяжелой промышленности.

¹³ Население Китая «кормится» с примерно 100 млн га пахотных земель, расположенных в восточной части страны. Здесь сосредоточена основная масса населения и, следовательно, — свободных рабочих рук. Именно здесь сосредоточена большая часть промышленности, что приводит к серьезным экологическим затруднениям. Китайский случай во многом уникален: влияние экологического фактора на развитие экономики Китая — новый вопрос, требующий тщательного изучения на предмет того, насколько возможен наиболее быстрый и «дешевый» (за счет природы) экстенсивный путь развития. В Советском Союзе подобный путь развития происходил на значительно большей территории и при значительно меньшей плотности населения.

¹⁴ Ли Жунся. Главные цели политики оздоровления // Пекин ревью.— 1990.— № 14.— С. 20.

¹⁵ Лэй Фэн — солдат НОА — синоним «беспредельной преданности народу». Накануне начала «культурной революции» в марте 1963 г. Мао Цзэдун написал иероглифы: «Учиться у Лэй Фэна». В течение нескольких лет этот лозунг не появлялся, как и другие лозунги периода «культурной революции». Ныне подобные каллиграфические надписи сделали Цзян Цзэминь, Ян Шанькунь, Ли Пэн и мн. другие руководители. Для китайских студентов и интеллигенции возвращение подобных лозунгов не сулит ничего хорошего. См. Ли Пэн. Доклад... // Пекин ревью.— 1990.— № 16.— С. IV. О буржуазной либерализации в последнее время появилось множество статей. См., напр., Пекин ревью.— 1990.— № 17.— С. 11—18.

¹⁶ Подробнее см. выступление автора: ПДВ.— 1990.— № — С.

Е. АВДОКУШИН

Валютный рынок является важной составной частью финансового рынка в КНР. Становление первичных основ валютного рынка в КНР началось одновременно с развертыванием реформы экономической системы в конце 70-х годов. Стратегической линией перестройки хозяйственного механизма явилось стремление достичь наилучшего сочетания плановых и рыночных рычагов в управлении хозяйством, взяв плановый регулятор за основу, а рыночный как дополнение¹. Эта линия предусматривала создание системы рынков, важной составной частью которой является и валютный рынок.

Предпосылки к получению права на существование валютного рынка были созданы в КНР в октябре 1980 г. Банку Китая было поручено осуществлять сделки по продаже валюты государственным и коллективным предприятиям². Совместным предприятиям такое право предоставлено не было.

В конце 1985 г. в Шэньчжэне при отделении Народного Банка Китая был создан первый в стране центр валютного обмена и регулирования (ЦВОР). Поначалу его деятельность была строго регламентирована: обменные курсы валют не могли превышать установленного государством предела, продавцы и покупатели не имели права вступать в контакты между собой. С июля 1986 г. эти ограничения были сняты. В ноябре 1986 г. второй подобный центр был создан в Шанхае. К началу 90-х годов в КНР уже сложился своеобразный валютный рынок, объединяющий более чем 40 центров и около 60 (пунктов) распределения и обмена валюты. Эти организации действуют во всех регионах страны, в том числе в специальных экономических зонах, а также в Тибете.

Причины и цели создания центров регулирования и обмена валюты (ЦВОР)

Становление и развитие ЦВОР обусловлено ходом экономической реформы, в частности реформой системы внешней торговли, финансовой системы страны. Расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, их стремление к реконструкции производства на новой технической основе, рост числа экспортно-ориентированных предприятий, попытка повысить конкурентоспособность производимой ими продукции на внешнем рынке, увеличение научно-производственных, научно-исследовательских учреждений с возрастающими потребностями в получении зарубежной передовой техники и технологии — все это создавало устойчивый спрос на иностранную валюту. Государство, не обладая большими валютными ресурсами³, в целях повышения эффективности использования валюты, постепенно стало отходить от прямого монопольно централизованного распределения валютных средств, разрешая государственным и кооперативным предприятиям и организациям покупать определенные суммы СКВ для строго определенных целей в рамках их производственных нужд.

По мере развития процесса создания совместных предприятий (СП) и увеличения их числа, государство стремилось поддерживать и стимулировать этот процесс. В частности, создавался благоприятный инвестиционный климат. 6 октября 1986 года СП стали допускаться на внутренний валютный рынок. Однако рамки их сделок были ограничены: купля-продажа валюты могли осуществляться только между совместными предприятиями. Лишь в 1988 г. совместным предприятиям было разрешено иметь сделки по купле-продаже валютных средств с государственными предприятиями.

Предоставляя предприятиям и организациям право покупки валюты в ЦВОР, государство в значительной степени обуславливает ее использование на реконструкцию произ-

Авдокушин Евгений Федорович, доктор экономических наук, эксперт Торгового представительства СССР в КНР.

водственных мощностей, закупку новой и новейшей техники, а главным образом сырья и вспомогательных материалов для производства конкурентоспособной на внешнем рынке продукции. В 1990 г. из общего объема сделок в ЦВОР на экспорт передовой техники было затрачено 949 млн. долл. (7,2 %). На научно-исследовательские цели, медицинское, учебное оборудование, приборы и т. п. направлено 294 млн. долл. (2,23 %). Валюта, купленная в ЦВОР в размере 7,46 млрд. долл. (56,7 %), направлена на закупку сырья и вспомогательных материалов⁴. ЦВОР не только дает возможность предприятиям приобретать валюту, но и в определенной степени способствует повышению их экспортного потенциала. Так, в 1990 г. для повышения конкурентоспособности своей экспортной продукции предприятия легкой промышленности продали в ЦВОР 2,48 млрд. долл., направив вырученные средства на повышение качества продукции, расширение ее ассортимента. Многие предприятия, и китайские, и СП, отбросив щепетильность, закупают в ЦВОР иностранную валюту, а затем перепродают ее по более высокому курсу организациям и предприятиям, не имеющим выхода на рынок, получая прибыль в местной валюте.

Допуск совместных предприятий на валютный рынок помогает им разрешать проблемы валютного баланса, создает благоприятную ситуацию для инвестиций. В 1990 г.

только $\frac{1}{3}$ совместных предприятий был способна добиваться положительного сальдо своего валютного баланса. В их число входили, главным образом, совместные предприятия в сфере гостиничного хозяйства и предприятия, работающие преимущественно на экспорт. В 1990 г. СП произвели валютные сделки на сумму 2,24 млрд. долл. Характерно, что в общем объеме сделок по купле-продаже валюты в ЦВОР доля СП не является определяющей. Так, в 1989—1990 гг. она составила немногим более 17 %⁵. Практика свидетельствует, что общая сумма продаваемой совместными предприятиями валюты превышает покупаемую ими валюту. По мнению китайских экономистов, совместные предприятия в КНР имеют устойчивый валютный резерв. В крупнейшем в стране ЦВОР — Шанхае за два года его деятельности совместные предприятия предложили для продажи 338 млн. долл., а закупили 265 млн. долл.⁶

Одной из целей создания ЦВОР является ограничение и в дальнейшем ликвидация сферы деятельности черного рынка валюты. Для этого в ряде ЦВОР (Шанхай, в т. ч. в зоне Пудун, Сямэнь, Чунцин, Нанкин, Ухань — всего более чем в 10 центрах) право совершения валютных сделок предоставлено частным лицам. В ЦВОР Шанхая за год частными лицами было совершено валютных сделок на сумму 19,86 млн. долл. Спрос на валюту заметно преобладал над ее предложением: было закуплено 19,4 млн. долл., а продано лишь 460 тыс. долларов⁷. В рамках организационной структуры Центра сейчас функционирует 26 частных пунктов закупки инвалюты. Приобретение ее осуществляется по предъявлению удостоверения личности и декларации об источниках получения инвалюты.

По свидетельству китайской печати, в стране существует устойчивый спрос частных лиц на валюту (особенно у выезжающих за границу на учебу, стажировку, по приглашениям и т. д.). Считается, что для удовлетворения этого спроса необходимо создать широкий рынок валютного обмена для частных лиц⁸.

Пока валютный рынок не в состоянии удовлетворить потребности частных лиц и не способен серьезно потеснить дельцов черного рынка, который действует в стране фактически свободно, будучи, по выражению китайской печати, «несекретным секретом».

Шанхайский центр валютного обмена и регулирования (ШЦВОР)

В настоящее время по объему и стоимости осуществляемых операций Центр валютного обмена и регулирования в Шанхае является самой крупной финансовой организацией такого рода. Объем сделок на четырех ЦВОР (Шанхайском, Шэньчжэньском, Фучжоуском и Сямыньском) составляет более 4 млрд. долл. На три ЦВОР, исключая Шанхайский, приходится в среднем по 720 млн. долл. в год⁹.

ШЦВОР был создан в 1986 г. Народным правительством Шанхая при местном отделении Государственного управления по валютному контролю. Функции ШЦВОР замыкались на регистрации валютных сделок по фиксированному обменному курсу, устанавливаемому выше официального курса. В конце 1987 г. в ШЦВОР был введен плавающий рыночный курс купли-продажи валют.

Поначалу Центр обслуживал только предприятия и организации, созданные с участием

Таблица

Годы	Общий объем сделок ЦВОР (млрд. долл.)	Общий объем сделок на ШЦВОР (млрд. долл.)	Доля ШЦВОР от общего объема, %
1988	6,26	0,9	16
1989	8,56	1,29	15
1990	13,16	1,85	10

иностранный капитал. В сентябре 1988 г. к участию в операциях были допущены китайские предприятия и организации, в том числе из других районов страны. Фактически в Шанхае возник первый в стране валютный рынок, перешагнувший границы отдельного региона. Объемы ежедневных валютных сделок на ШЦВОР составляют 5—6 млн. долл. По имеющимся оценкам, которые по свидетельству китайской печати занижены, через ШЦВОР за год проходит более 300 млн. юаней, поступающих из других районов страны.

Организационные основы ШЦВОР. Центр является открытой общественной организацией, находящейся в подчинении Государственного управления по валютному контролю КНР. Непосредственная деятельность центра осуществляется под контролем Шанхайского отделения Народного Банка Китая, который при резких колебаниях обменного курса может поддерживать его стабильный уровень путем продажи и закупки валюты за счет собственных средств.

Шанхайский центр, являясь хозрасчетной организацией, покрывает все расходы по оплате персонала, аренде и содержанию помещений, а также текущие хозяйственные нужды за счет средств, получаемых от членов Центра в оплату за предоставленные услуги (0,15 % от суммы сделок). Все виды платежей с организацией — членом Центра взимаются в китайских юанях. Собственными инвалютными средствами Центр не располагает.

В первые два года центру был предоставлен льготный режим налогообложения, льготы по арендным платежам. В течение этого срока выплаты в госбюджет составляли (5,4 % от полученной прибыли). По истечении льготного периода отчисления достигают более 50 % прибыли.

Общие условия проведения обменных операций. Центр осуществляет сделки в пяти валютах: долларах США, марках ФРГ, японских иенах, английских фунтах стерлингов, гонконгских долларах. Оценка объемов предлагаемых к продаже валют производится в долларах США.

Источники приобретения валюты, участвующей в операциях центра, и цели ее использования строго регламентированы. Условиями проведения торгов предусматривается, что предметом сделок может быть только валюта, заработанная предприятиями, валюта, находящаяся в распоряжении предприятий с участием иностранного капитала, и валюта, полученная в качестве подарка или помощи.

Оговорено также, что валюта, приобретенная в центре, может быть использована для закупки технически передового оборудования, комплектующих, современной технологии и т. д.; научно-исследовательского, медицинского, учебного оборудования, приборов, препаратов, материалов для научно-технических целей и специальной литературы; сырья, полуфабрикатов и других материалов производственного назначения; для использования в процессе производства на предприятиях, основанных на иностранном капитале, а также для выплаты полученных кредитов и перевода прибыли.

Монопольным правом на выдачу разрешений на ведение торговли через центр и использование валюты обладает государственное управление валютного контроля, которое рассматривает заявки на приобретение и использование валюты. Приобретаемая в центре валюта не может самовольно использоваться в других целях без согласования органов валютного контроля. Нарушители наказываются в соответствии с правилами контроля за иностранной валютой. Валюту, приобретенную через центр, можно использовать в течение полугода с момента ее закупки¹¹. Если же она не используется в этот срок, то подлежит обязательной продаже центру по курсу на день приобретения.

Членство в Центре. В операциях по сделкам с валютой могут участвовать только члены центра. Желающие стать членами центра должны направить туда официальное письменное заявление. При вступлении в члены центра выплачивается регистрационный взнос в сумме 100 юаней. Аккредитация постоянного представителя в операционном зале центра обходится в 2000 юаней в год. Это право может быть утеряно при сокращении объема операций до определенного уровня или при участии данной организации в операциях центра менее 1 раза в месяц.

Члены Центра разделяются на две группы:

— посреднические организации, т. е. шанхайские банки и небанковские финансовые организации, получившие от Государственного управления валютного контроля «Свидетельство на право ведения дел с использованием валюты». Этим организациям разрешено представлять на торгах другие организации;

— самостоятельные организации — юридические лица, не являющиеся финансовыми учреждениями. Эти организации получают разрешение на торговлю в собственных интересах.

Членами Центра являются 64 организации. Из них 15 банковских и финансовых учреждений и 49 — предприятия и организации нефинансового характера, включая внешнеторговые компании Шанхая (15) и совместные предприятия с участием иностранного капитала (9).

Для представителей последней группы, именуемых дилерами, проводятся экзамены, цель которых проверить уровень подготовки для участия в валютных операциях. Представители банковских и финансовых учреждений (брокеры) допускаются к совершению сделок без проверки. Каждое из этих учреждений может быть представлено двумя брокерами. Им разрешено заключать сделки от имени своих клиентов. Самостоятельные хозяйственные организации могут аккредитовать лишь одного представителя, который заключает сделки от имени своей организации. Организации, не являющиеся членами центра, не могут участвовать в заключении сделок, но им разрешено пользоваться в этих целях услугами любого из 15 посредников-брокеров¹².

Установление курса валют. Основным принципом установления курса валют является учет соотношения между спросом и предложением. Вся информация о заключаемых сделках является открытой для всех участников, что способствует конкуренции при заключении сделок на базе начальной цены, которая устанавливается на уровне последней цены предыдущего дня.

Все цены сделок выражаются через отношение доллара США к юаню. Текущие цены других четырех видов твердой валюты определяются по курсу этих валют к американскому доллару, на основании курсов юаня к данной валюте и юаня к доллару, публикуемым Государственным управлением валютного контроля на текущий день. На основании этого рассчитывается курс соответствующей валюты к американскому доллару и цена сделки пересчитывается из долларов США в соответствующую валюту.

Участие в торгах. В отличие от постоянных членов центра, другие организации могут участвовать в торгах только через посреднические организации. Для этого им необходимо заполнить письменное поручительство на покупку или продажу валюты. В поручительстве должны быть четко указаны источник поступления валюты или цель ее приобретения. На каждую сумму дается поручительство только одной посреднической организации.

В течении получаса после открытия торгов представители членов центра, желающие принять в них участие, должны направить в отдел сделок центра письменную заявку о купле-продаже валюты. Разрешено также направлять заявки заблаговременно в перерывах между торгами.

Указанные заявки подразделяются на два типа: «А» и «В».

Заявки типа «А» заполняются представителями посреднических организаций, типа «В» — представителями организаций, имеющими право выступать от собственного имени (предприятия и учреждения нефинансового характера). Каждый тип этих заявок, в свою очередь, подразделяется на два вида: на покупку или на продажу валюты. При подаче заявки типа «А» прилагается копия письменного поручительства на представителя, которому поручено проведение операций.

В случае если сделку не удалось совершить в полном объеме, для последующих торгов необходимо вновь оформлять документы.

Механизм проведения торгов. За короткую историю существования ШЦВОР механизм

сделок по купле-продаже валюты претерпел заметные изменения. Основной тенденцией изменений является усиление открытости в деятельности центра, возрастание роли рыночных рычагов. Стороны, пожелавшие вступить в сделку по купле-продаже инвалюты, регистрировались в ШЦВОР. Центр осуществлял легализацию и оформление сделки по фиксированному (выше официального) курсу. Как правило, фиксированный обменный курс не отражал реального соотношения спроса и предложения валюты.

После года функционирования ШЦВОР стал с учетом спроса и предложения устанавливать единую цену на инвалюту, что привело к заметному увеличению объема операций.

Новым шагом в совершенствовании механизма функционирования ШЦВОР стало установление системы множественных цен по ряду сделок, на основе свободно предлагаемой цены на валюту. Балансировка спроса и предложения осуществляется на уровне конкретных сделок продавцов и покупателей.

Рассмотрим подробнее механизм проведения валютных торгов в ШЦВОР, функционировавших до августа 1990 года¹³. Отдел сделок центра определял соотношение спроса и предложения по поданным заявкам в течение 90 минут с момента начала торгов. Если общая сумма предложенной к обмену валюты совпадала со спросом, устанавливалось курсовое соотношение валют в соответствии с единой ценой предыдущего дня. Суммарное соотношение спроса и предложения участникам торгов неизвестно.

Назначаемая цена могла отличаться от заключительной цены предыдущего дня в пределах $\pm 0,15$ юаня. Такие же пределы колебания цен были директивно установлены на весь день проведения торгов. Таким образом, завершающая цена сделок двух дней не могла отличаться более чем на 0,3 юаня за 1 ам. доллар.

В случае если общее количество предложенной в ходе торгов валюты превышало спрос на нее, сотрудниками центра в установленном порядке осуществлялось снижение цены на валюту от уровня единой цены сделок предыдущего дня. В противном случае (т. е. когда предложение валюты было ниже существующего спроса), цены на валюту повышались. Установленная единица изменения цены в ходе торгов составляла 1—2 фэнь, а промежуток времени до назначения новой цены не регламентирован. Обычно 1,5—2 минуты.

В процессе урегулирования соотношения спроса и предложения путем изменения цены на валюту участники торга могли уменьшить или увеличить заявленные суммы в пределах разницы между спросом и предложением. В момент, когда спрос и предложение на валюту уравновешивался, или разрыв между ними менялся на противоположный, происходила фиксация валютной сделки в ходе данного торга в соответствии с достигнутой ценой. Все конкретные сделки на заявленные суммы совершались по этой цене и затем утверждались центром.

С августа 1990 г. ШЦВОР проводит эксперименты в поиске оптимальной для Шанхая процедуры проведения торгов, в связи с чем ранее действовавший устав потерял силу. Новый же находится в стадии разработки, сроки завершения которого завясят от окончания экспериментирования.

Основной причиной изменения действовавшего порядка работы ШЦВОР стало значительное колебание цен, явившееся, в частности, следствием того, что суммарные показатели спроса и предложения (по всем участникам торгов на данный день) доводились до сведения участников торгов до их начала, что заранее предопределяло повышенную или пониженную тенденцию изменения цен.

При старой системе (до начала эксперимента) устанавливалась единая цена сделок на каждый день торгов. Цена валюты падала на 1 фэнь каждые 2 минуты, если предложение превышало спрос и наоборот цена росла примерно каждые 2 минуты на 1 фэнь, если спрос преобладал над предложением валюты. Цена сделки была стабильна и жестко фиксировалась, если спрос и предложения были равны.

Основная особенность нового метода состоит в том, что он дает возможность покупателю и продавцу изменять цену в любое время. Так, покупатель может отказаться от своего акцепта (в пределах 15 секунд) и закупить валюту у другого продавца по более выгодной цене, используя автоматическую систему котировки. Балансировка спроса и предложения осуществляется на уровне конкретных сделок продавцов и покупателей. Предприятие может на основе своих возможностей свободно выбирать официального представителя центра (брокера, дилера), которые в строгом соответствии с поручительством предприятий, учитывая рыночную конъюнктуру, осуществляют сделки¹⁴. Зам. директора Шанхайского центра валютного регулирования Ван Дэшунь охарактеризовал

новую процедуру торгов как «приоритет благоприятности цены и очередности акцепта»

Порядок расчета по совершенным сделкам. Результаты сделок с валютой фиксируются в свидетельствах, которые имеют силу контракта. В день выдачи свидетельства с указанными в нем суммой сделки и оплаты за предоставленные услуги участники торгов обязаны передать отделу расчетов центра чек на соответствующие суммы. Срок расчетов определен в семь дней со дня выдачи свидетельства о сделке. За нарушение срока расчетов предусматривается штраф в размере 0,05 % от суммы сделки в юанях за каждый просроченный день, а также возмещение убытков другой стороне, в случае если они возникли в результате просрочки платежей. При неуплате по истечении семи дней после выдачи свидетельства сделка может быть расторгнута, а виновная сторона обязана возместить все возникшие при этом убытки другой стороне. При повторных нарушениях предусмотрены другие санкции вплоть до лишения права участия в операциях центра.

Первые месяцы 1991 г. для ШЦВОР ознаменовались рекордным уровнем стоимости валютных сделок. За 5 месяцев с. г. их общий объем достиг 707 млн. долл., что на 160 млн. долл. превышало уровень соответствующего периода 1990 г.¹⁵. Курс доллара на ШЦВОР постепенно повышался вследствие «урегулирования» официального курса доллара к юаню. В целом инвалютный рынок в Шанхае в середине года оставался стабильным.

Оценивая деятельность ШЦВОР, как китайские, так и зарубежные экономисты отмечают, что он остается «простейшим» рынком по обмену валюты¹⁶. «Методы и механизм сделок по обмену валюты весьма примитивны»¹⁷. Серьезной проблемой для ШЦВОР является «отсутствие квалифицированного персонала и соответствующего законодательства»¹⁸.

Перспективы развития валютного рынка

Оценку, даваемую специалистами валютному рынку Шанхая, вполне можно отнести и к другим подобным ЦВОР. К началу 90-х годов в стране, как указывают китайские экономисты, сложился «валютный рынок с китайской спецификой». Его основной особенностью является то, что он представляет собой «активное дополнение» к централизованному распределению валютных ресурсов. Вместе с тем Управление валютными ресурсами, оставаясь еще довольно несовершенным, препятствует развитию единого регулируемого валютного рынка. Его основные недостатки сводятся к тому, что рыночное регулирование часто подменяется административным вмешательством. В центрах валютного регулирования отсутствует четкое разделение прав правительственных органов и прав валютного центра, а также предприятия, участвующего в валютных сделках. Преобладание административно-командных методов в управлении движением валютных ресурсов способствует сохранению разобщенности, атомистичности валютного рынка, несмотря на попытки государства ее жесткой централизации.

Власти разных уровней применяют рестрикционные меры, затрудняющие межрегиональные валютные сделки (между провинциями, уездами, волостями). Валютный рынок как единое образование существует в КНР только в теории, на практике это совокупность слабо связанных между собой региональных центров по валютным сделкам (купля-продажа). По свидетельству китайских экономистов, макроконтроль валютного рынка со стороны государства также недостаточно опирается на экономические законы. В стране пока отсутствует всекитайская информационная сеть о рынках валютного обмена, поэтому складывающаяся конъюнктура валютных сделок на региональных рынках недостаточно контролируется.

Помимо факторов административно-командного свойства, мешающих развитию валютного рынка, его расширению и совершенствованию мешают также ряд объективных обстоятельств. К их числу можно отнести слабый, нестабильный приток валютных средств от предприятий в ЦВОР, поскольку объемы получения валюты от экспорта все еще невелики. Лишь менее 1/3 получаемой предприятиями валюты проходит через ЦВОР. Сделки в основном совершаются между экспортно-ориентированными предприятиями. В 1990 г. они совершили сделки на общую сумму 11,13 млрд. долл., при общем объеме в 13,16 млрд. долл.¹⁹ Кроме того, на развитие валютного рынка оказывает влияние неравномерный уровень развития экономики в разных регионах страны, наличие административных границ в сфере валютного регулирования, сдерживающих оборот валютных средств²⁰. По мнению китайских экономистов, на развитии валютного рынка в стране

сказывается и несовершенство государственной системы макроэкономического регулирования.

Предлагаемые рецепты для расширения сферы действия валютного рынка в стране достаточно многообразны. Их основную направленность можно свести к усилению действия экономических рычагов в управлении валютными фондами, поступающими на рынок, расширению и стабилизации этих фондов, четкому разделению функций Народного Банка КНР и ЦВОР, повышению эффективности действия самих ЦВОР путем усиления роли посреднических организаций, функционирующих в ЦВОР, либерализации цен предложения продавцов валюты, созданию стабилизационного валютного фонда и фонда, способствующего обороту валютных средств. Предлагается разрешать покупку валюты в рассрочку при отсутствии нужной суммы у покупателя; упростить систему перевода валютных средств между регионами; поощрять предприятия к погашению срочного долга за счет покупки валюты в ЦВОР²¹.

Среди конкретных предложений о расширении сферы деятельности валютного рынка особое место занимают предложения о создании ЦВОР для частных лиц. Предлагается учредить специальные открытые центры валютного регулирования для тех, кто индивидуально осуществляет сделки на договорных основах; выпускать валютные займы на 3—5 лет; предусмотреть возможность покупки на юани валютных акций, выпускаемых китайскими и совместными предприятиями. Пока эти предложения не реализованы, но в некоторых городах Китая пытаются решить проблему обеспечения частных лиц иностранной валютой, не прибегая к услугам «черного» рынка. Так, например, в Нанкине участникам международных конкурсов и олимпиад при выезде за границу для получения валюты в специальном валютном центре необходимы официальная поддержка и рекомендательное письмо заинтересованной организации в ЦВОР управления валютного регулирования города. Обмен валюты осуществляется по курсу, определяемому ЦВОР. По свидетельству китайской печати, Государственное управление по валютному контролю КНР уже разработало детальное законодательство о допуске частных лиц на валютный рынок²². Предполагается, что законодательство будет введено в действие к началу 1992 г.

Несмотря на факторы, сдерживающие развитие и расширение единого валютного рынка в КНР, создание необходимой рыночной инфраструктуры продолжается. К середине 1991 года в стране функционировало семь открытых ЦВОР, сходных с шанхайским (в Сямэне, Фучжоу, Шэньчжэне, Хайчжоу, Чанша²³). Один из этих «открытых» рынков в городе Фучжоу провинции Фуцзянь существует с 1987 г. В этой провинции существует восемь пунктов валютного обмена и регулирования, подчиняющихся центру в городе Фучжоу. В марте 1990 г. Фучжоуский ЦВОР стал «открытым» валютным рынком для других провинций и регионов страны. Основные черты и особенности «открытости» валютного рынка китайские экономисты сводят к трем основным признакам: 1) использование в ЦВОР системы членства; 2) участие зарегистрированных членов центра в рыночных сделках по купле-продаже валюты на открытой конкурентной основе; 3) наличие сильной контролирующей функции центрального банка.

В течение года каждый из 30—40 постоянных членов Фучжоуского ЦВОР участвует в сделках по купле-продаже валюты в объеме до 5, самое большее до 10 млн. долл. Торги осуществляются один раз в неделю²⁴. Фуцзяньские ЦВОР обслуживают экспортно-ориентированные предприятия, внешнеторговые организации и совместные предприятия. В частности, в 1990 г. совместные предприятия в Фуцзяньских ЦВОР продали 260 млн. долл. приобрели 160 млн. долл.²⁵

Механизм ЦВОР выступает основным экономическим регулятором в установлении государством цены на валюту, которую реализуют ориентированные на экспорт предприятия в валютных центрах²⁶.

По мере развития валютного рынка возрастает его влияние на модернизацию процесса воспроизводства, на укрепление материально-технической базы производства, на развитие деятельности совместных предприятий. Вместе с тем это влияние не стоит переоценивать, поскольку на механизм функционирования валютного рынка определяющее влияние оказывает общая экономическая политика, проводимая китайским руководством. Так, падение экономической активности вследствие жесткой кредитно-финансовой политики государства, вялый спрос на валюту на внутреннем рынке страны, резкое сокращение импорта в 1990 г., слияние и закрытие многих внешнеторговых компаний²⁷ — все это привело к заметному сокращению спроса на валюту в ЦВОР. С другой стороны, нарастание взаимной задолженности предприятий и, как следствие, нехватка финансовых

средств в юанях способствовали тому, что многие предприятия вынуждены были выбросить на рынок определенные суммы своих валютных резервов для получения необходимых средств в юанях. Предложение валюты во многих ЦВОР в 1989—1990 гг. заметно превышало спрос на нее. Такая ситуация решительным образом повлияла на цену доллара по отношению к юаню в ЦВОР. Так, в Фуцзяньском ЦВОР в 1988 г. курс доллара по отношению к юаню составлял 1:6,81. В 1990 г. он снизился до 1:5,55.

Политика урегулирования повлияла и на расширение числа центров (пунктов) валютного обмена и регулирования. Если в начале 1988 г. они, по оценке китайских экономистов, «росли, как грибы после дождя», то с конца 1988 г. этот процесс резко затормозился. Усилилась и запретительная тенденция к отношению развития процесса либерализации допуска частных лиц в ЦВОР.

Начавшаяся с весны 1990 г. «подстройка» (выражение китайской печати) политики урегулирования привела к оживлению валютного рынка страны к концу года.

В 1991 г. с отменой экспортных субсидий и перевода экспортно-ориентированных предприятий на подрядные отношения отмечается возрастание спроса на валюту в ряде ЦВОР, главным образом расположенных в приморских районах. Вместе с тем во многих ЦВОР, базирующихся в центральных районах страны, заметного роста спроса на валюту не только не наблюдается, но даже было отмечено его сокращение.

По оценке китайских и зарубежных экономистов, валютный рынок в текущем году будет играть более заметную роль в китайской экономике, чем в прежние годы периода урегулирования. Прежде всего возрастает общий объем сделок — до 16,7 млрд. долл. (13,1 млрд. долл. в 1991 г.). Ежедневный объем сделок на ЦВОР должен составить 1,4 млрд. долл., то есть на 40 % больше, чем в 1990 г.)²⁸.

Обоснованность этого прогноза обуславливается главным образом тем, что в 1991 г. будет осуществлен переход от системы экспортных субсидий предприятию к системе их подрядной ответственности в экспортной деятельности. Планируется, что валютный рынок не будет испытывать проблем с поступлением валюты в ЦВОР. По плану экспорта на 1991 год объем валюты, оставляемой у предприятий, составит 34 млрд. долл. Для продажи в ЦВОР будет предложено 19 млрд. долл. За вычетом той части, которая будет куплена Центральным правительством, на 17 млрд. долл. может быть предъявлен спрос предприятий.

В течение года валютный рынок должен оставаться стабильным, с устойчивым спросом на валюту, что обуславливается следующими факторами. Во-первых, по государственному плану объем капиталовложений в 1991 г. должен вырасти на 14 % по сравнению с 1990 г. По расчетам китайских экономистов, 20 % прироста инвестиций должно быть использовано для импорта, что равно дополнительному спросу на иностранную валюту в размере 2,4 млрд. долл. Во-вторых, если исходить из реальной «подстройки» политики урегулирования и складывающихся тенденций экономического развития первых пяти месяцев 1991 г., темпы промышленного роста к концу года в среднем могут достигнуть 10 % (по плану 1991 г. ВВП должен вырасти на 6 %, а ВПП на 8 %). При этом объем роста импорта будет выше, чем общий рост экономики (эта тенденция сохраняется с 1978 г.), что приведет к возрастанию спроса на валюту до 5 млрд. долл.²⁹

В 1990 г. средняя экспортная цена китайских предприятий составила 1 доллар против 5,6 юаня. По оценкам китайских экономистов, экспортная цена в 1991 г. поднимется до соотношения 1 доллар против 6 юаней. Поскольку китайские предприятия в основном черпают необходимые им валютные средства в ЦВОР, обменный уровень доллара к юаню на валютном рынке должен подняться выше экспортной цены, то есть более 6 юаней за 1 доллар³⁰. Официальное «урегулирование» курса доллара к юаню (последовательное повышение цены доллара) весной 1991 г. способствовало заметному повышению курса доллара на валютных рынках. Предполагается, что спрос на валюту начнет возрастать со второй половины 1991 г.

Укрепление системы подряда во внешней торговле, расширение числа совместных предприятий и сферы их деятельности (в стране зарегистрировано более 31 тыс. совместных предприятий, а действует только половина), повсеместное распространение обслуживания ЦВОР индивидуальных клиентов, а также переход политики урегулирования к радикальной экономической реформе неизбежно приведут к резкому расширению масштабов деятельности ЦВОР, возрастанию их влияния на народно-хозяйственные процессы.

¹ В дальнейшем эта концепция претерпевала изменения. Основной тенденцией этих изменений

было увеличение доли рыночного регулирования при сохранении ведущей роли директивного планирования.

² В марте 1979 г. было создано Государственное управление валютного контроля КНР. 18 декабря 1980 г. Госсоветом КНР были утверждены «Временные положения о валютном контроле в КНР». В 1982 г. в соответствии с решением Госсовета Управление было подчинено Банку Китая.

³ На конец 1990 г. запасы КНР в твердой валюте составляли 28,6 млрд. долл. (в конце 1989 г. — 17 млрд. долл.).

⁴ Цзинци цанькао бао.— 1991.— 3 марта.

⁵ В ЦВОР Шанхая доля валютных сделок совместных предприятий превышает 50 % // Цзинци цанькао бао.— 1991.— 3 марта.

⁶ Там же.

⁷ Бэйцзин ревью.— 1991.— 3—9 июля.— С. 27.

⁸ В 1991 г. валютные вклады индивидуальных вкладчиков в КНР достигли 4 млрд. долл. Из них в Шанхае — 600 млн. долл. // Синь вэнь бао.— 1991.— 23 мая.

⁹ Интертрейд.— 1991.— № 4.— С. 58.

¹⁰ В целом за 2 года (1988—1990) существования Центра доля совершенных в нем сделок от общего объема валютных сделок в других центрах страны составила еще меньшую величину — 12 % // Чжунхуа гушан шанбао.— 1990.— 31 октября.

¹¹ В данном случае речь идет о Пекинском ЦВОР.

¹² Работникам Управления валютного контроля КНР и членам администрации ЦВОР запрещено участвовать в рыночных валютных сделках.

¹³ Многие элементы этого механизма сохраняются и поныне.

¹⁴ По особому разрешению Шанхайского Государственного управления по валютному контролю часть сделок между продавцом и покупателем валюта может быть осуществлена путем двустороннего соглашения. Однако они также проводятся под контролем центра.

¹⁵ Чайна дэйли.— 1991.— 16 июня.

¹⁶ Ятай цзинци шибао.— 1991.— 17 марта; Гоци маои вэньти.— 1990.— № 4, 5.

¹⁷ Чайна дэйли.— 1990.— 6 мая.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Цзинци цанькао бао.— 1991.— 3 марта.

²⁰ В 1990 г. стоимость межрегиональных операций составила более 2,8 млрд. долл. // Бэйцзин ревью.— 1991.— 3—9 июня.— С. 27.

²¹ См. Чжунго цзиньжун.— 1991.— № 1; Ятай цзинци шибао.— 1991.— 17 марта; Цзиньжун шибао.— 1991.— 20 марта; Синьвэнь бао.— 1991.— 23 мая.

²² Бэйцзин ревью.— 1991.— 3—9 июля С. 27.

²³ Среди упомянутых «открытых» валютных рынков особое место занимает ЦВОР г. Чанша (провинция Хуань).. Это первый в Китае валютный рынок, все операции которого полностью компьютеризованы.

²⁴ В Шэньчжэньском ЦВОР 3 раза в неделю.

²⁵ Чжунго кайфа бао.— 1991.— 21 марта.

²⁶ В 1990 г. было продано валютных отчислений на сумму 11,1 млрд. долл. // Гоци маои. 1991, № 5 С. 6.

²⁷ В 1988 г. насчитывалось более 5 тыс. внешнеторговых компаний, в 1990 г. осталось 3 тысячи.

²⁸ Чайна маркет. 1991.— № 4.— С. 6.

²⁹ По оценкам китайских специалистов, импорт КНР в 1991 г. составит 55 млрд. долл.

³⁰ В мае 1991 г. курс доллара по отношению к юаню в ЦВОР Ханчжоу достигал 1:5.

Подступы к реформе торговли в КНР

И. БАЛЮК, М. БАЛЮК

Дореформенная внутренняя торговля представляла собой распределительную систему с чрезмерной концентрацией власти в руках органов административного управления. Наличие сложной иерархической системы управления блокировало развитие горизонтальных экономических связей, препятствовало оперативному получению и учету рыночной информации, торговые предприятия превратились, по существу, в придатки административных органов управления. Сложилась одноканальная система товарного обращения с монопольным хозяйствованием государственной торговли и снабженческо-сбытовых кооперативов, ставших, по существу, одной из ее форм.

По мере продвижения экономической реформы все более очевидной становилась необходимость изменения системы внутренней торговли. Реформа ведется по пяти основным направлениям: создается открытая система товарного обращения с использованием различных экономических укладов, каналов обращения, хозяйственных форм и сокращением числа промежуточных звеньев; изменяется система централизованных и единых закупок продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов и централизованных закупок и гарантированного сбыта промышленной продукции; изменяется система снабженческо-сбытовых кооперативов. В 1983 г. снабженческо-сбытовые кооперативы в сельской местности были переведены из государственной в коллективную собственность, что соответствовало требованиям развития товарной экономики деревни; расширяются рамки самостоятельности торговых предприятий, принимаются меры, направленные на разделение административных и хозяйственных функций в торговле; проводятся разнообразные эксперименты в области реформы городской торговли. Все эти меры направлены на формирование в конечном итоге общенационального рынка.

Реформа внутренней торговли в сельской местности направлена на товаризацию отношений города и деревни с целью оживления сельской экономики и улучшения снабжения городов продуктами питания. В процессе реформы была преобразована существовавшая более 30 лет система единых и централизованных закупок сельскохозяйственной продукции, формируется система закупок по контрактам. Накоплен опыт использования различных методов стимулирования сельскохозяйственного производства (применялась система поощрительных продаж различных товаров в обмен на продукцию сельского хозяйства, повышенных цен и др.). И хотя еще далеко не все проблемы решены, пока еще сохраняются «ножницы цен» на продукцию сельского хозяйства и промышленности, тем не менее за годы реформы заметно оживилась рыночная торговля, улучшилось снабжение сельских жителей промышленными товарами, а горожан — продукцией сельского хозяйства и подсобных промыслов.

Комплекс мероприятий, направленных на стимулирование сельскохозяйственного производства, привел к заметному увеличению закупок продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов. Почти в 2,5 раза возросли закупки зерна, в 3,5 — пищевого растительного масла, в 5,4 — говядины, в 4,6 — яиц, в 3,4 — баранины и т. д.¹ Товарность зерна повысилась с 20,3 до 34,9 %².

Представляется, что развитие сельского хозяйства могло бы происходить еще более быстрыми темпами, если бы реформа системы торговли несколько опережала реформу сельского хозяйства, а не становилась сдерживающим фактором. Так, в 1984 г. государство не смогло справиться с рекордным урожаем хлопка и закупить его в полном объеме. В результате в следующем году производители отреагировали резким сокращением производства хлопка.

Балюк Игорь Алексеевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник ИДВ АН СССР.
Балюк Мариина Альбертовна, сотрудник географического факультета МГУ.

За годы реформы произошли определенные изменения в системе снабженческо-сбытовых кооперативов. Удалось создать такие экономические условия, когда кооперативы могут сами расширять сферу своей деятельности, использовать различные формы и методы работы. Происходит постепенное превращение снабженческо-сбытовых кооперативов, как говорят в Китае, из «казенных» в «народные». Некоторым кооперативам удалось добиться успехов в своей хозяйственной деятельности. Налаживаются стабильные связи между городом и деревней; установив прямые контакты с промышленными предприятиями, кооперативы способствовали улучшению снабжения крестьян промышленными товарами. Расширилось количество предоставляемых крестьянам услуг. Некоторые кооперативы стали заниматься по поручению крестьян сбытом произведенной продукции, что способствовало дальнейшему росту производства.

Аккумулировав значительные денежные средства за счет паевых взносов крестьян, снабженческо-сбытовые кооперативы начали создавать свои промышленные предприятия (как самостоятельно, так и совместно с промышленностью) для переработки сельскохозяйственного сырья, что стало давать им дополнительную прибыль, используемую для дальнейшего развития. Однако следует заметить, что этот процесс пока носит локальный характер. Коренных изменений всей системы снабженческо-сбытовых кооперативов не произошло. Среди их функций доминирует по-прежнему организация розничной торговли. Свыше $\frac{1}{3}$ кооперативов продолжают оставаться убыточными. Пока еще велика их зависимость от административных органов управления.

Некоторые изменения претерпела система оптовой торговли промышленными товарами в городах. Происходит процесс постепенной диверсификации оптовой торговли, более гибким становится рынок. Помимо централизованных закупок промышленной продукции, стали применяться и другие формы: плановые, контрактные и выборочные закупки, а также комиссионная реализация промышленных товаров по доверенности промышленных предприятий и совместное участие промышленных и торговых предприятий в хозяйственной деятельности и реализации протомоваров. Начали проводиться эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности промышленных предприятий, увеличились их возможности самостоятельной реализации произведенной продукции. Была преобразована трехступенчатая система оптовой торговли промышленными товарами, созданная еще в первые годы после образования КНР и имевшая своей целью налаживание товарного снабжения населения и преобразование частной промышленности и торговли. В ходе реформы трехступенчатой системы оптовой торговли расширились права местных управлений торговли и торговых предприятий.

Важное значение в ходе реформы оптовой торговли стали приобретать городские торговые центры и функционирующие в их составе оптовые рынки, где заключаются торговые сделки, способствующие развитию прямых хозяйственных связей между производителями и потребителями. Некоторые торговые центры внесли заметный вклад в формирование новой системы товарного обращения, однако большая их часть пока работает недостаточно эффективно.

Следует отметить, что в целом реформа оптовой торговли осуществляется довольно медленно, недостаточно гибко и не всегда последовательно. По сути, система оптовой торговли продолжает оставаться одноканальной, хотя используются разнообразные формы и методы организации хозяйственной деятельности. Непоследовательность проявляется, в частности, в том, что, предоставив предприятиям право сбыта части своей продукции, государство не создало соответствующих экономических условий для его реализации. Предприятия вынуждены продавать свою продукцию государственным предприятиям оптовой торговли, которые в свою очередь осуществляют закупки без учета конкретной рыночной ситуации. Государственная монополия оптовой торговли пока не ликвидирована. Отставание преобразований оптовой торговли является, по нашему мнению, одним из главных препятствий в процессе формирования общенационального рынка.

Интересный опыт накоплен в ходе реформы розничной торговли в городах. На крупных и средних предприятиях государственной торговли внедряется система подрядной хозяйственной ответственности, сущность которой заключается в обеспечении объема прибыли и реализации товаров за базовый период времени. За превышение базовых показателей увеличивается доля прибыли, оставляемая предприятию, и премиальный фонд. Если базовые показатели не достигаются, премия не выплачивается и даже может быть уменьшена зарплата.

После уплаты налогов прибыль должна направляться на создание различных фондов на предприятии. В зависимости от конкретных экономических условий применяются различные формы подряда: залоговый подряд с ежегодной выплатой определенной суммы, подряд на ограниченный срок для ликвидации убыточности и т. д. В настоящее время в стране преобладающая часть крупных и средних торговых предприятий работает в условиях подряда.

Как показывают статистические данные, при использовании подрядной системы улучшаются показатели хозяйственной деятельности торговых предприятий. Однако думается, что подряд следует рассматривать как ограниченную, переходную форму. Коллектив предприятия не может самостоятельно распоряжаться прибылью, так как государством установлены нормы отчисления от прибыли в различные фонды предприятия, руководитель торгового предприятия не свободен в принятии хозяйственных решений, сохраняется большая зависимость от вышестоящих административных органов. Практически все применяемые формы подрядной системы имеют как положительные, так и отрицательные стороны, но ни одна из них не способствует превращению торгового предприятия в реальный независимый экономический субъект, способный реализовать присущие торговые функции. Однако, как представляется, на первом этапе реформы применение подрядных форм организации торговли следует признать целесообразным, поскольку это позволяет сделать преобразования менее болезненными и при отсутствии опыта использования методов экономического регулирования сохранять контроль за состоянием торговли.

В ходе реформы розничной торговли в городах начали создаваться предприятия акционерного типа. И хотя в действительности такие предприятия не являются в полном смысле слова акционерными, тем не менее в условиях применяемых форм акционерной системы предприятия получают больше самостоятельности, так как его право распоряжения оставляемой частью прибыли и паевыми взносами гарантируется в юридическом порядке. При этой системе удается избежать прямого административного вмешательства. Думается, что акционерная система применима для любых типов торговых предприятий и является наиболее перспективной формой, наиболее полно отвечающей требованиям формирования новой системы товарного обращения.

Многие мелкие предприятия государственной розничной торговли переводятся в коллективную или индивидуальную форму хозяйствования путем передачи их в аренду. При арендной системе государство передает на определенный срок арендатору право владения и пользования средствами производства предприятия государственной собственности (включая оборотные средства) и получает от него арендную плату. Передача в аренду отдельным лицам небольших предприятий осуществляется на конкурсной основе.

В рамках этой системы арендатор несет ограниченную материальную ответственность за результаты своей хозяйственной деятельности. Эта форма отвечает потребностям переходного периода, она могла бы стать более эффективной и получить дальнейшее развитие при изменении условий аренды. На наш взгляд, было бы целесообразно продлить срок аренды и в случае эффективной работы предприятия после окончания срока аренды компенсировать арендатору средства, затраченные на приобретение основных фондов. В противном случае неизбежно будут возникать отмеченные китайскими специалистами негативные явления, обусловленные стремлением арендатора извлечь максимальную прибыль за короткий срок аренды.

Кроме того, мелкие предприятия могут передаваться в коллективную или индивидуальную собственность. Цены на основные государственные фонды устанавливаются в соответствии с их нынешней стоимостью (включая выделяемые государством оборотные средства). Государство передает их при условии последующей компенсации или продает на аукционе. Плата за фонды может взиматься в рассрочку.

Анализ динамики и тенденций развития внутренней торговли за годы экономической реформы позволяет отметить наличие заметных достижений в преобразовании хозяйственного механизма: за сравнительно короткий срок значительно возрос объем совокупного товарооборота (в пять с лишним раз в стоимостном выражении). Это было связано с ростом предложения в результате увеличения промышленного и сельскохозяйственного производства и повышением спроса в результате роста доходов населения, а также со значительным расширением торговой сети за счет реконструкции старой торговой системы и развития новых каналов товарного обращения.

Заметно возросла реализация многих продуктов питания и промышленных товаров. Так, в 6 раз возрос объем продажи яиц, в 5,2 — растительного масла, в 2,3 — свинины, в 2 — зерна, в 2,1 раза — сахара. В 5 раз увеличилась продажа велосипедов, в 6,5 — стирального порошка, в 5,6 — шерстяной пряжи, в 4,2 — наручных часов, в 2,3 раза — швейных машин и т. д.³ Однако, несмотря на внушительный рост, общий уровень потребления пока остается довольно низким.

За годы реформы наметилась устойчивая тенденция уменьшения относительной доли государственных предприятий торговли. Если розничный товарооборот государственной торговли увеличился в 3,4 раза, то коллективной — в 3,8, индивидуальной — в 662, продажа крестьянами сельхозпродукции несельскохозяйственному населению — в 19,2 раза⁴. В настоящее время государственный, коллективный и индивидуальный секторы торговли можно считать относительно равноправными экономическими партнерами (соответственно 38,8, 33,6 и 18,3 % розничного товарооборота)⁵. В условиях Китая развитие мелкой индивидуальной торговли играет особую роль, поскольку не только позволяет активизировать товарное обращение, но и частично решает проблему избыточных трудовых ресурсов, которая по мере развития реформы будет все более обостряться.

Однако, думается, несмотря на достигнутые успехи, пока еще преждевременно говорить о создании новой системы внутренней торговли. Доминирующие в структуре торговли государственные предприятия пока еще не способны должным образом реализовывать функции, отвечающие потребностям товарного обращения. Коллективные предприятия еще не стали экономически независимыми субъектами, способными конкурировать с государственной торговлей. В системе снабженческо-сбытовых кооперативов велика роль административно-управленческого аппарата; их основной сферой деятельности продолжает оставаться розничная торговля. Многочисленные мелкие индивидуальные предприятия, несмотря на колоссальный рост, пока еще далеко не использовали заложенный в них огромный экономический потенциал. Роль смешанных предприятий практически неощутима. Увеличивается разрыв между совокупным общественным спросом и предложением, в последние годы ярко проявилась тенденция роста цен.

Вызванное обострением существовавших противоречий ухудшение экономической ситуации привело к торможению процесса перехода к рыночным отношениям. В ходе нынешнего урегулирования экономики происходит централизация хозяйственных функций, усиливается административное влияние на экономический механизм. И хотя с помощью комплекса мер преимущественно административного характера правительству удалось довольно быстро овладеть ситуацией (замедлить рост цен, уменьшить денежную эмиссию и т. п.), но платой за это стало углубление старых и возникновение новых проблем: спад в промышленном производстве, снижение покупательной активности, рост безработицы и т. д.

Пока же в Китае взят курс на преодоление «вялости» рынка, «перенесение центра тяжести на упорядочение структуры, повышение эффективности и поддержание соответствующих темпов роста промышленного производства», «дальнейший контроль за совокупным общественным спросом», «усиление управления ценами и стабилизацию внутреннего рынка»⁶.

На данном этапе экономической реформы основной тенденцией развития внутренней торговли Китая является ее преобразование с целью создания условий для перехода к рыночному регулированию экономики.

¹ Чжунго тунцзи няньцзянь.— 1989.— С. 614.

² Там же.— С. 615.

³ Там же.— С. 600.

⁴ Там же.— С. 601.

⁵ Цзинцзи жибао.— 1990.— 21 февраля.

⁶ Там же.— 1990.— 21 марта.

*Иван Владимирович Ковалев,
личный представитель И. В. Сталина
при Мао Цзэдуне отвечает на вопросы
историка-китаеведа С. Н. Гончарова*

Похоже, что сейчас наступил такой этап, когда от эмоциональных оценок и переоценок вдруг открывшихся глубин трагической истории нашей страны пора переходить к их анализу и познанию. Сделать это невозможно будет до тех пор пока мы не будем представлять себе хотя бы основных фактов минувшего, остающихся пока что в большинстве своем надежно скрытыми от нас в недоступных архивах. Неоценимым подспорьем оказываются в этом случае воспоминания очевидцев и участников событий, зачастую отражающие события, скорее всего не оставившие следов ни в каких, даже самых секретных архивах. Подобные воспоминания наглядно подтверждают стародавнюю истину, гласящую, что все тайное становится явным. Такие человеческие документы, без сомнения, должны рассматриваться как самое драгоценное национальное достояние, и долг любого историка — доносить их до читателей в полной целостности, сохраняя нетронутыми аромат времени, которое они освещают, и индивидуальность личности, их создавшей. Представляется, что воспоминания Ивана Владимировича Ковалева о годах его работы в Китае как раз и относятся к категории подобных бесценных человеческих документов.

В июне этого года И. В. Ковалеву исполнилось 90 лет. Этот человек прожил жизнь действительно обильную крупными событиями, значение многих из которых нам еще предстоит оценить¹.

Он участвовал в больших и малых войнах, начиная с гражданской, поднялся до высших ступеней в государственной иерархии. В 1937 году он был назначен начальником стратегически важной Западной железной дороги, в 1939 году стал начальником управления

Наркомата путей сообщения (НКПС), в том же году был командирован в Монголию в качестве уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по транспортному обеспечению операций комкора Г. К. Жукова, который разгромил японские войска под Халхин-Голом, в следующем году отвечал за организацию транспортных перевозок во время войны с Финляндией. Великую Отечественную войну И. В. Ковалев встретил в должности заместителя комиссара государственного контроля СССР.

На третий день после начала войны И. В. Ковалев был вызван к Сталину и получил от него задание «развязать» транспортные пробки на Западном направлении, где сложилась тяжелейшая ситуация. Вскоре после успешного выполнения задачи И. В. Ковалев был назначен начальником Управления военных сообщений Генерального штаба Красной Армии. В этом качестве он сыграл выдающуюся роль в организации контрнаступления под Москвой. В начале 1942 года по докладу И. В. Ковалева было принято решение об организации Транспортного управления Государственного комитета обороны СССР и он стал его членом.

И. В. Ковалев принимал самое активное участие в руководстве крупнейшими операциями войны, включая такие из них, как Сталинградская и Курская битвы, сражение за Днепр, штурм Берлина. В декабре 1944 года И. В. Ковалев был назначен Наркомом НКПС, в июле — обеспечив проезд на конференцию в Потсдам советской делегации во главе со Сталиным, а сразу же после этого — организовывал беспрецедентную по масштабам операцию по переброске советских войск на Дальний Восток для войны с Японией.

Журналист Н. Хлебодаров, который последним из его коллег встречался с Г. К. Жуковым, на вопрос о том, чьи имена среди творцов Победы следует назвать первыми, ответил: «Пожалуй, первым я назову генерала Ковалева. Без хорошо работающих железных дорог мы не смогли бы осуществлять не только большие оперативные перевозки, но и бесперебойный подвоз материально-технических средств на большие расстояния. Именно Ковалев организовал эту гигантскую работу так, что ни одна крупная военная операция не была разгадана противником, хотя у него под носом перебрасывались целые армии. Исключительную роль железнодорожный транспорт сыграл в первые тяжелые месяцы Великой Отечественной войны, справившись с эвакуацией и переброской войск к линии фронта. Думаю, что роль и значение этой отрасли в нашей Победе практически не оценены по достоинству. Попробуйте его разговорить. Ему есть что вспомнить»².

До настоящего времени он сохранил ясный аналитический ум, способность формулировать собственные, подчас весьма глубокие и оригинальные, суждения о современных событиях. Приводимое ниже интервью И. В. Ковалева лишь очень фрагментарно отражает события одного из этапов его жизни, теснейшим образом связанные с важнейшими событиями в жизни КНР.

В примечаниях к тексту не ставилась цель откомментировать все встречающиеся в нем реалии, скорее была сделана попытка показать ценность и точность информации путем сопоставления ее с другими источниками.

С. Г. Уважаемый Иван Владимирович! Не могли бы Вы вкратце охарактеризовать основные этапы своей работы в Китае?

И. В. В середине мая 1948 года я был приглашен в ЦК партии, где имел беседу со Сталиным. Он показал мне только что полученную телеграмму от Мао Цзэдуна, содержание которой я почти дословно помню до сих пор. Мао писал, что в сфере вооруженной борьбы Компартия Китая накопила определенный опыт. Одновременно Мао подчеркивал, что совершенно отсутствует опыт управления экономикой, что КПК не способна управлять многосложным хозяйством больших городов. В связи с этим Мао просил ЦК ВКП(б) командировать в Китай группу специалистов для решения экономических задач, а также для восстановления железных дорог в освобожденных районах страны. Решением Политбюро я был назначен руководителем этой группы, с которой и отбыл в Китай в начале июня.

Официально я именовался тогда представителем Совета Министров СССР по делам Китайской Чанчуньской железной дороги, которая находилась в совместном владении Китая и нашей страны. Это было сделано для того, чтобы не афишировать нашу помощь КПК. Вся наша работа проходила в обстановке строжайшей секретности.

Все, что касалось Китая, Сталин держал в своих руках. Даже самые мелкие, локальные просьбы Мао Цзэдуна направлялись только ему, только в его адрес. Так, в начале 1949 года по ряду вопросов я обратился к Молотову и Вышинскому. Вместо ответа я получил от того и от другого телеграммы, где говорилось: «Впредь по всем вопросам, связанным

с Вашей миссией в Китае, обращайтесь только к Филиппову» (псевдоним Сталина, которым он пользовался в зашифрованной переписке с руководством КПК).

На первом этапе деятельность нашей группы, состоявшей из примерно 300 инженеров и квалифицированных рабочих, была сконцентрирована на Северо-Востоке Китая, в Маньчжурии. В сотрудничестве с китайцами мы отремонтировали 1300 км железнодорожных путей и 62 моста. Это в очень большой степени способствовало победе коммунистов в этом стратегически важном районе.

В декабре 1948 года я вернулся в Москву, где доложил об обстановке в Китае лично Сталину. В январе 1949 года я снова отбыл в эту страну, сопровождая А. И. Микояна, который провел исключительно важные секретные переговоры с ее высшими руководителями. Во время этих переговоров я впервые лично познакомился с Мао Цзэдуном, Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем, с которыми в дальнейшем поддерживал самые тесные рабочие контакты.

С этого момента в содержании моей миссии в Китае произошли важные изменения. Ранее я основное внимание сосредоточивал на организации технической помощи китайским коммунистам — теперь же одной из главных задач стало информирование Сталина о ситуации в руководстве КПК, в стране в целом, поддержание связи между Мао и Сталиным.

В марте 1949 года китайское правительство переехало из деревни Сибайпо около города Шицзячжуан (пров. Хэбэй) в Пекин. Мне выделили дом в районе гор Сяншань, в окрестностях Пекина, в 800 метрах от резиденции Мао. С этих пор мы с ним стали общаться почти ежедневно.

Весной — летом 1949 года шла интенсивная работа по подготовке к созданию нового китайского государства. В связи с этим была организована комиссия Политбюро ЦК КПК по экономическим вопросам, куда вместе с Мао, Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем входил и я. Таким образом мне довелось участвовать в обсуждении важнейших вопросов будущего устройства КНР.

В июле — августе 1949 года я сопровождал делегацию во главе с Лю Шаоци во время ее секретного визита в Москву. Тогда состоялись переговоры со Сталиным по важнейшим проблемам двустороннего сотрудничества и международной обстановки. Вернулись в Китай мы вместе с Лю Шаоци, привезя с собой еще 250 советских специалистов¹. В это время число советских специалистов, работавших в Китае, превысило 600 человек.

Пожалуй, наиболее важным эпизодом моей работы в Китае явилась поездка с Мао Цзэдуном в Москву в декабре 1949 — феврале 1950 годов. После затяжных и непростых переговоров со Сталиным тогда был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами, другие важные документы.

Таким образом, мне посчастливилось участвовать в ключевых событиях, связанных со становлением Китайской Народной Республики, с началом нового этапа в советско-китайских отношениях. Очень многое из происшедшего тогда до сих пор остается неизвестным для широкой публики.

С. Г. Во время нашей беседы как раз и хотелось бы остановиться на подобных малоизвестных событиях, вокруг которых доныне ведутся ожесточенные споры. Если Вы не возражаете, то давайте начнем с секретных переговоров А. И. Микояна с Мао Цзэдуном в начале 1949 года.

И. В. Хорошо, давайте попробуем. Поскольку речь пойдет о событиях полувекковой давности, то ответы свои я буду формулировать, полагаясь не только на память, но и на некоторые документы из личного архива, а также на неопубликованную рукопись моих воспоминаний, литературную обработку которых мне помог осуществить И. Винокуров.

С. Г. Начиная с 50-х годов китайские руководители, а вслед за ними и историки, журналисты стали часто упоминать один эпизод, связанный с поездкой Микояна. По их утверждениям, во время бесед с Мао Цзэдуном советский представитель по поручению Сталина посоветовал не развивать дальнейшее наступление против Чан Кайши на Юге Китая, не форсировать реку Янцзы и остановиться на ее северном берегу. Давая свое объяснение подобной рекомендации Сталина, китайцы приводят несколько главных возможных причин ее появления на свет: недооценку советским лидером потенциала китайской революции, неверие в возможность быстрой и окончательной победы в гражданской войне; боязнь того, что в случае наступления коммунистов на Юге Соединенные Штаты открыто вмешаются в конфликт на стороне Чан Кайши, что в свою очередь способно было привести к развязыванию третьей мировой войны; высказывались и предположения о том, что Сталин вообще не был заинтересован в

создании единого мощного Китая под контролем коммунистов, что он хотел раздробить эту страну, сохранив Юг за Чан Кайши, чтобы затем утверждать советское влияние, используя противоречия между Севером и Югом. Вполне понятно, что все эти версии вызывали в Китае крайне негативное отношение, неприятие. До сих пор в КНР идут дискуссии по данному вопросу, причем одни специалисты утверждают, что Микоян вообще не говорил ничего подобного, другие же продолжают настаивать на том, что сталинские рекомендации все же были им изложены. Что Вы можете сказать по этому вопросу как один из немногих непосредственных участников переговоров?⁴

И. В. Да, я действительно участвовал во всех переговорах А. И. Микояна с китайскими руководителями. Они продолжались неделю и проходили в уже упоминавшейся деревне Сибайпо, около города Шицзячжуан. Сначала Микоян, по просьбе китайских товарищей, сделал доклад о международной обстановке. Затем начались переговоры, затрагивавшие в основном вопросы советского содействия в восстановлении и развитии экономики нового Китая. Насколько помню, никаких советов о том, чтобы прекратить наступление против Чан Кайши на берегах Янцзы, Микоян не излагал.

Это вовсе не значит, что во время переговоров не возникало острых ситуаций или разногласий. Так, например, Мао Цзэдун, ссылаясь на мнение некоей «руководительницы революционного крыла партии Гоминьдан», сообщил, что там бытует мнение о необходимости добиваться от Советского Союза выполнения двух условий: безвозмездного возвращения Китаю советской доли имущества Китайской Чанчуньской железной дороги (бывшей КВЖД) и согласия СССР на включение Монгольской Народной Республики в состав Китая. По словам Мао, в случае выполнения этих условий левое крыло Гоминьдана готово было порвать с Чан Кайши и заключить с коммунистами союз для борьбы против него. Микоян, насколько я помню, ответил, что он не уполномочен обсуждать подобные проблемы. Есть основания полагать, что ссылкой на «руководительницу революционного Гоминьдана» Мао другие китайские руководители прикрывали собственные позиции; позднее они не раз возвращались к упомянутым выше вопросам.

Что касается вопроса о сталинских рекомендациях относительно наступления китайских коммунистов на юге страны, то мне доподлинно известно следующее. В апреле 1949 года (то есть накануне переправы через Янцзы) Сталин, в ответ на запросы китайских руководителей и мою информацию, прислал Мао пространную телеграмму, имевшую очень большое значение. В основном там излагались советы, как лучше организовать различные стороны жизни Нового Китая; в разделе седьмом этой телеграммы Сталин давал свою оценку военно-политической ситуации в стране.

Сталин подчеркивал, что, хотя военные успехи Народно-освободительной армии Китая (НОАК) являются блестящими, кампанию против Чан Кайши ни в коем случае нельзя считать завершенной. По мнению Сталина, «англо-франко-американцы» страшатся того, что выход НОА к границам сопредельных с Китаем стран создаст в них, а также на занимаемых чанкайшистами островах революционную ситуацию. В этих условиях они могут пойти на любые меры — от блокады до вооруженных столкновений с Китаем для того, чтобы сохранить острова и Азию. Сталин отмечал, что особенно возросла опасность высадки англо-американских войск в тылу у главных сил НОАК, ушедших на юг. В связи с этим Сталин излагал три рекомендации, которые я сейчас приведу дословно, по тексту документа:

«а) Не торопиться и серьезно подготовить поход НОА на юг для выхода к границам с соседними странами.

б) Выделить из главных сил НОА, идущих на юг, две хорошие армии, перебросить их в районы портов, пополнить и держать в готовности для предупреждения действия войск врага.

в) Не сокращать пока войска НОА».

Как видим, Сталин здесь не ведет речь о том, чтобы пресечь наступление НОАК на юге, он лишь рекомендует, как лучше его организовать.

Мне неизвестно о каких-то других рекомендациях Сталина остановить наступление возможно, позже китайцы ошибочно приписали вышеупомянутые советы ко времени визита Микояна. Сейчас трудно сделать окончательные выводы, это станет реальным, когда откроются архивы.

С. Г. Следующий вопрос тесно связан с предыдущим и касается роли «ядерного фактора» в советско-китайских отношениях. Распространенным в Китае является мнение

о том, что Сталин был чрезвычайно устрaшен американским ядерным превосходством. Так, например, премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай в 1967 году заявил, что «...многие были напуганы атомной бомбой. В то время даже Сталин испытал психологический шок и был обеспокоен возможностью начала третьей мировой войны...»⁵. В связи с этим делая вывод, что Сталин заботился прежде всего о том, чтобы не быть втянутым в прямое столкновение с США из-за гражданской войны в Китае, и потому проявлял сдержанность в военной поддержке китайских коммунистов, даже был готов идти на компромиссы за счет их интересов. Что Вы можете сказать на сей счет?

И. В. Это действительно важный вопрос. Отвечая на него, хочу прежде всего отметить, что во время гражданской войны в Китае действительно возникали ситуации, казалось бы грозившие перерасти в глобальный конфликт. Так, в конце апреля 1949 года, как раз в тот момент, когда силы НОАК форсировали Янцзы, в районе одной из переправ появился английский фрегат «Аметист». Он получил серьезные повреждения в ходе артиллерийской дуэли; та же участь постигла и крейсер «Лондон», прибывший, дабы «наказатъ коммунистов»⁶. В связи с этим срочно было созвано заседание британского парламента, в ходе которого консерваторы требовали объявить войну красному Китаю, высадить морскую пехоту, пустить тяжелые бомбардировщики на Пекин; подобные настроения нашли определенную поддержку за океаном, в США. И по настроениям, царившим в Пекине, и по реакции Москвы на мои доклады я чувствовал, что наступил критический момент. Советские войска на Ляодунском полуострове, военный флот в Порт-Артуре, на других тихоокеанских базах были приведены в полную боевую готовность. К счастью для всех, столкновения тогда удалось избежать, однако вероятность его была весьма высока.

Теперь — непосредственно о том, как Сталин относился к угрозе ядерной войны и как это влияло на его политику в отношении Китая. С этим вопросом мне пришлось непосредственно столкнуться несколько раз, впервые — в конце марта—начале февраля 1949 года.

Началось все с того, что ко мне зашел товарищ из китайской военной разведки, сказавший, что, если меня интересуют секретные сведения из штаба Чан Кайши, он поможет мне встретиться с коммунистом-подпольщиком из Шанхая. После того как я дал утвердительный ответ, такая встреча была организована в пригороде Шэньяна (Мукдена) с соблюдением всех правил конспирации. Звали этого китайского подпольщика Лю Сяо. Помню, на меня он произвел сильное впечатление своими отвагой, хладнокровием, прекрасным знанием обстановки. Позднее, в 50-х — начале 60-х годов Лю Сяо был Послом КНР в СССР.

Помимо прочих важных сведений, Лю Сяо сообщил мне, что его друзьям удалось добыть сверхсекретные планы «азиатского варианта» развязывания третьей мировой войны, разрабатываемые американцами. По словам Лю Сяо, этот вариант предусматривал заключение военного союза между США, Японией и чанкайшистским Китаем. Затем американцы должны были высадить трехмиллионную армию в портах Северного и Северо-Восточного Китая, японцы — возродить распущенную императорскую армию, а гоминьдановцы — мобилизовать новые миллионы солдат, дабы подкрепить действия американских войск. Генеральному наступлению всех этих войск на север должен был, по сведениям Лю Сяо, предшествовать внезапный ядерный удар по более чем ста заранее отобраннм объектам в Маньчжурии, советском Приморье и Сибири. После разгрома НОАК и советской группировки на Дальнем Востоке планировалось развивать дальнейшее наступление в общем направлении на Урал.

Даже сейчас, когда многое стало известным об американских планах нанесения превентивного ядерного удара по СССР, мне трудно судить о том, насколько достоверными были эти сведения Лю Сяо. Тогда же, спустя всего лишь три с небольшим года после окончания второй мировой войны, мне просто невозможно было убедить себя в их реальности. Тем не менее я, конечно, тут же доложил о них в Москву. Обычно Сталин быстро отвечал на информацию подобного рода, но тут ответа долго не было. Телеграмма от «товарища Филиппова» пришла лишь после того, как я неоднократно докладывал ему аналогичную информацию, полученную из других источников. Поскольку этот документ исключительно важен для понимания того, как же на самом деле оценивал в то время Сталин ситуацию в мире, приведу здесь соответствующую цитату из него:

«Война не выгодна империалистам. Кризис у них начался, они воевать не готовы. Атомной бомбой пугают, мы ее не боимся.

Материальных условий для нападения, для развязывания войны нет.

Сейчас дело обстоит так, что Америка меньше готова для нападения, чем СССР для отпора. Так обстоит дело, если анализировать с точки зрения нормальных людей — объективных.

Но в истории есть ненормальные люди. Военный министр США Форрестал страдал галлюцинациями.

Мы готовы к отпору⁷.

Думаю, что в этой телеграмме выражено реальное отношение Сталина к возможности вспышки мировой ядерной войны. Он неоднократно в разных формах повторял такую оценку. Например, во время переговоров с Лю Шаоци в июле 1949 года Сталин заявил, что «Советский Союз сейчас достаточно силен для того, чтобы не испугаться ядерного шантажа США».

Таким образом, никак нельзя говорить о том, что послевоенная стратегия Сталина определялась его страхом перед американским ядерным оружием, напротив, он скорее недооценивал серьезность изменений, которые внесло в мировую стратегию это оружие.

Вместе с тем Сталин достаточно трезво оценивал соотношение сил в мире и стремился избежать любых осложнений обстановки, способных привести к столкновению с США, к новой мировой войне⁸. Это также ярко проявилось во время визита в Москву делегации во главе с Лю Шаоци.

Китайская сторона в это время попросила нас поддержать планируемое ею наступление на Тайвань советскими авиацией и подводными лодками. Когда 11 июля 1949 года Сталин впервые принял Лю Шаоци, то дал развернутый ответ на этот вопрос.

Прежде всего он подчеркнул, что в результате войны экономике СССР нанесен колоссальный урон, страна опустошена от западных границ до Волги. Советская военная поддержка нападения на Тайвань будет означать столкновение с американскими авиацией и флотом, создаст предлог для развязывания новой мировой войны. «Если мы, руководители, пойдем на это, — заявил Сталин, — русский народ нас не поймет. Более того. Он может прогнать нас прочь. За недооценку его военных и послевоенных бед и усилий. За легкомыслие...» Конечно, в этих сталинских рассуждениях о русском народе присутствует привкус демагогии, столь характерной для этого деятеля, однако сделанный им анализ международного положения и ситуации в стране следует признать в целом верным.

Сталин предложил тогда детально обсудить вопрос на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) с участием военных и некоторых министров. Еще до этого заседания Лю Шаоци неоднократно связывался с Пекином и 27 июля 1949 года, когда такое заседание состоялось, заявил о согласии с аргументами Сталина и о том, что уполномочен отозвать обращения Политбюро ЦК КПК по Тайваню и Гонконгу⁹.

Впоследствии, уже при Хрущеве, у нас снова были с китайцами разногласия по поводу путей решения тайваньской проблемы. Я все же считаю, что Сталин тогда поступил правильно, что его решение помогло избежать мировой войны.

С. Г. Следующий вопрос связан не с большой политикой, а с загадочными перипетиями одной человеческой судьбы. Речь пойдет о судьбе Гао Гана. Этот человек сыграл выдающуюся роль в руководстве Маньчжурской революционной базой, послужившей основным опорным пунктом, обеспечившим победу коммунистов в гражданской войне; не менее значительной была роль Гао Гана и во время войны в Корее, когда он отвечал за тыловое обеспечение китайских добровольцев; он также занимал ряд самых ответственных постов в центральном правительстве страны и в партии. Тем большим шоком для многих явились появившиеся в 1954 году, вскоре после смерти Сталина, сообщения о том, что Гао помещен под домашний арест; затем последовала информация о том, что Гао покончил жизнь самоубийством. Официально Гао Ган обвинялся в «антипартийной раскольнической деятельности», однако ходили упорные слухи о том, что подлинная причина состояла в слишком близких и доверительных связях Гао Гана с СССР, используя которые он рассчитывал упрочить свои позиции в борьбе за власть¹⁰. Известны ли Вам какие-либо факты, позволяющие пролить свет на причины столь трагического конца этого деятеля?

И. В. В период работы в Китае я поддерживал с Гао Ганом самые тесные рабочие контакты, у нас с ним были доверительные, более того, даже товарищеские отношения. Гао запомнился как человек незаурядный, обладавший задатками крупного руководителя. В 1954 году я уже не работал в Китае и потому не хочу строить догадки относительно того, что тогда произошло. Хочу рассказать о некоторых эпизодах, которым я лично был свидетелем и которые позволяют пролить свет на дальнейшую участь Гао Гана.

Первый из них произошел 27 июля 1949 года на том самом заседании Политбюро

ЦК ВКП(б), где Лю Шаоци снял вопрос о Тайване. После этого, заметно взволнованный, слово взял Гао Ган. Полностью поддержав выступление Лю, Гао затем сообщил, что хотел бы высказать свое личное предложение.

Гао заявил, что предлагает объявить Маньчжурию 17-й советской социалистической республикой в составе СССР (тогда в СССР насчитывалось 16 республик — Карело-Финская тоже имела союзный статус). По мнению Гао Гана, это обезопасило бы Маньчжурию от нападений со стороны американцев и превратило бы ее в еще более надежную базу для продолжения наступления на юг с целью окончательного разгрома Чан Кайши. Кроме того, Гао Ган предложил разместить в порту Циндао советский военный флот, укрепить советские войска в Дальнем и увеличить их численность, обосновывая это примерно такими же соображениями. После завершения выступления Гао присутствовавшие разразились аплодисментами, однако по лицу Лю Шаоци было видно, что он взбешен.

Тут встал Сталин и, обращаясь к Гао, сидевшему в первом ряду, сказал: «Товарищ Чжан Цзолинь!» Все присутствовавшие были буквально потрясены таким обращением, ибо Чжан Цзолинь был бандитом, который стал диктатором Маньчжурии, опираясь на поддержку японцев, и был ими уничтожен, когда попытался переметнуться на сторону американцев.

После завершения заседания мы с Гао и Лю сели в машину и поехали в их резиденцию. Лю сразу же набросился на Гао с обвинениями в предательстве, Гао огрызнулся в ответ. Когда приехали, Лю Шаоци тут же дал Мао шифrogramму с требованием немедленно отозвать Гао Гана домой за предательский поступок. Гао же, подойдя ко мне, сказал, медленно подбирая русские слова, что хотел бы в конфиденциальном порядке и через советского переводчика сообщить мне информацию о положении в руководстве КПК. По его мнению, многие соратники Мао были заражены правотроцкистским уклоном. Он также сказал, что хочет сделать важное заявление по поводу неискреннего и антисоветского поведения некоторых китайских руководителей в отношении ЦК ВКП(б).

Я немедленно поднялся на второй этаж и по телефону-вертушке доложил обо всем происходящем Сталину. Тот признал, что чрезвычайно резко раскритиковал Гао, однако подчеркнул, что это было необходимым, ибо в противном случае ситуация могла быть неправильно понята китайским руководством. Он также запретил мне выслушивать информацию от Гао Гана, мотивируя это тем, что мне предстоит возвращаться для работы в Китай и потому нельзя втягиваться в распри в китайском руководстве. Насколько мне известно, выслушать эту информацию от Гао Гана было поручено другому товарищу и запись беседы была передана Сталину. Сталин также заявил, что нельзя немедленно отпускать Гао домой, нужно задержать его на несколько дней.

Через три дня на своей даче в Кунцеве Сталин устроил специальный прием в честь отъезда Гао Гана. На нем Сталин активно пытался помирить Гао и Лю, даже заставил их выпить друг с другом за дружбу. Лю сделал это с явной неохотой, только чтобы удовлетворить просьбу гостеприимного хозяина.

Утром следующего дня Гао Ган улетал на родину. Настроение у него было подавленное, никто из членов китайской делегации его не провожал. Я понял, что вчерашнее примирение было формальным, и немедленно доложил об этом Сталину. В тот же день во время беседы с Лю Шаоци Сталин заявил: «Я тогда сгустил краски насчет товарища Гао, вы тоже, и без всяких оснований. Доложите мое мнение товарищу Мао».

Лю, очевидно, выполнил эту просьбу — вскоре Гао Ган получил ответственные посты во вновь образуемом Центральном народном правительстве Китая. Надо сказать, что в это время в разговорах со мной Мао Цзэдун постоянно подчеркивал, что он всегда поддерживал Гао Гана и, в частности, спас его от попытки уничтожить со стороны бывшего секретаря ЦК КПК Бо Гу. Это, однако, не означало, что все тучи над головой Гао Гана рассеялись.

В сентябре 1949 года к Мао Цзэдуну прибыла делегация миллионеров из Гонконга и стала его просить дозволить совершить поездку в Маньчжурию. Мао согласился, и после поездки миллионеры снова прибыли к нему доложить о впечатлениях. В Маньчжурии им в общем понравилось, говорили, что там порядок в отличие от хаоса гоминьдановского Юга.

Вместе с тем гонконгцы заявили, что хоть в Маньчжурии и порядок, но все там как-то не по-китайски, а скорее как у северного соседа. Больше всего их поразило то, что совсем не увидели на Северо-Востоке портретов Мао, а только одни портреты Сталина. Мао, услышав это, страшно разгневался и в тот же день вызвал Гао Гана для участия в заседании Политбюро ЦК КПК. Единственным вопросом повестки дня стал «вопрос о портретах».

Следует признать, что гонконгские капиталисты сказали правду — во всех учреждениях, на предприятиях, на фасадах домов в Маньчжурии висели портреты Сталина, а портретов Мао почти не было видно. Сталинские изображения во многих случаях были совсем на него не похожи, он там был изображен с восточными, китайскими чертами лица — но все, конечно, знали, кто это такой.

История этого вопроса такова. Еще в конце 1948 года группа работников советского документального кино, посетивших перед этим Албанию, а затем прибывших в Китай, высказывала свое разочарование в связи с тем, что в Мукдене после прихода к власти коммунистов не видно портретов Сталина. Под влиянием подобных замечаний Гао Ган велел изготовить портреты Сталина и вывесить их на зданиях в Мукдене и других городах Маньчжурии. Возможно, одновременно так он выражал свое недовольство Мао, сейчас трудно сказать.

Заседание Политбюро продолжалось до поздней ночи, и примерно часу в четвертом зашел ко мне Гао Ган, с возмущением стал рассказывать о том, что там произошло. Первым выступил Лю Шаоци и обрушился на Гао с резкой критикой. Он напомнил о московском предложении Гао Гана сделать Маньчжурию 17-й советской республикой и соединил это с отсутствием портретов Мао. После этого выступил Чжоу Эньлай, который обвинил Гао в предательстве китайского народа, в стремлении передать Маньчжурию СССР. Он предложил вывести Гао из состава членов Политбюро и вообще из ЦК КПК. Помню, Гао Ган тогда особенно был огорчен позицией Чжоу, которого считал своим лучшим другом. Мао Цзэдун своего личного мнения не высказывал и просто проголосовал за резолюцию, в которой осуждалась «линия Гао Гана» и предлагалось снять сталинские портреты по всему Китаю.

После ухода Гао я долго не мог уснуть, настроение у меня резко испортилось. В конце концов решил срочно доложить об этом в Москву.

На следующий день стали ко мне ходить китайские представители, в том числе Лю Шаоци, с объяснениями по поводу портретов. Говорили, что решили их снять по причине плохого качества. В конце концов, хоть я и не хотел, пришлось по этому поводу объясняться с Мао Цзэдуном. Мы с ним договорились, что портреты Сталина не будут снимать в советских воинских учреждениях, в смешанных советско-китайских учреждениях, а также в китайских партийных и комсомольских комитетах.

На другой день пришла телеграмма от Сталина. Он поддержал линию Мао Цзэдуна и Лю Шаоци, осудил Гао Гана. Меня это тогда очень поразило. Потом, по прошествии времени, я лучше стал понимать происшедшее. Я ведь отлично по своему опыту знал, что Сталин людей, или лучше сказать, по его мнению, людишек, воспринимал только кучно, как муравьиную массу, а не как личностей. Для него люди были только средством в политической игре. Потому он и бросил тогда Гао Гана, который искренне был ему предан, на произвол судьбы, что в тот момент считал более важными для себя хорошие отношения с Мао.

Я с этой телеграммой пошел к Мао Цзэдуну, однако ту ее часть, где Сталин осуждал Гао Гана, читать ему не стал. Каким-то образом кто-то об этом пронюхал и сообщил в Москву. День спустя поступил оттуда грозный запрос, мне снова пришлось идти к Мао и на сей раз довести до него весь текст. Мао был очень доволен подобным дополнением. К сожалению, и на этом не закончилась история с портретами.

В начале декабря 1949 года, когда мы с Мао Цзэдуном ехали в Москву для переговоров со Сталиным, Мао приказал сделать остановку в Мукдене (Шэньяне) и пригласил меня осмотреть город. Вскоре я понял причину этой непредвиденной остановки — он хотел убедиться в том, как выполняется решение Политбюро о портретах. На всех больших домах в Мукдене были большие портреты Сталина в форме генералиссимуса, а портретов Мао Цзэдуна нигде не было. Мао был явно раздосадован. Когда вернулись на вокзал, секретарь горкома ему доложил, что трудящиеся Северо-Восточных провинций и лично товарищи Гао Ган и Линь Бяо подготовили целый вагон подарков к 70-летию товарища Сталина и этот вагон уже прицеплен к его поезду. Мао в ответ заявил: «Вагон отцепить, подарки выгрузить. Половину отвезете на квартиру к Гао Гану, другую половину — к Линь Бяо. И сообщите этим товарищам, что мы возьмем подарки товарищу Сталину от всего Китая и что Маньчжурия пока что принадлежит Китаю...».

Последний, смертельный удар был нанесен по Гао Гану во время визита Мао в Москву. Накануне визита я начал писать для Сталина подробный доклад о положении в Китае и завершил его уже в поезде. Там я сравнивал реальные действия Мао и его соратников по основным вопросам внутренней и внешней политики с теми советами, которые давал им

Сталин. В этой связи я высказывал довольно острые критические замечания в адрес китайских руководителей. В феврале 1950 года, незадолго до отъезда Мао Цзэдуна из Москвы обратно в Пекин, я узнал о том, что Сталин передал Мао этот мой доклад, а также другие шифровки, где тоже были критические сообщения в адрес ЦК КПК. Это было бы еще полбеда, но он одновременно вручил Мао папки с информацией Гао Гана, которые тот посылал лично ему.

Много позже факт передачи Сталиным Мао Цзэдуну этих документов подтвердил и А. И. Микоян. 25 июля 1967 года в беседе со мной он сказал, что до сих пор не может найти объяснения и оправдания этому поступку Сталина, безусловно ставшему одной из причин для последующих гонений на Гао Гана¹. Мне же с самого начала было ясно, что этот поступок Сталина фактически предрешает участь Гао Гана.

С точки зрения Мао, Гао Ган был человеком ненадежным, пытавшимся опереться на Сталина для укрепления собственных позиций. Пока Сталин был жив, он еще его терпел, а как только Сталин умер — рассчитался с ним.

(Окончание следует)

¹ О жизни и деятельности И. В. Ковалева см.: Ковалев И. В. Рельсы победы // Наш современник. — 1985, № 5. — С. 40—49; Хлебодаров Н. Особые миссии генерала Ковалева // Социалистическая индустрия. — 1989. — 9 мая; его же: Чествование юбиляра // Гудок. — 1991. — 28 июня. Большой материал содержится также в неопубликованной рукописи воспоминаний Ивана Владимировича, а также в рукописи его работы, посвященной развитию советского железнодорожного транспорта, которые автор любезно предоставил в наше распоряжение. Цитаты из документов приводятся из текстов, находящихся в личном архиве И. В. Ковалева.

² Хлебодаров Н. Указ соч.

³ Подробнее об этом периоде деятельности И. В. Ковалева в Китае см.: Ли Юэжань. Вэйцзяо утай шанды синь Чжунго линьсю — Руководители Нового Китая на дипломатической арене. — Пекин, 1989. — С. 10—15. «Военный совет ЦК КПК часто присылал к (месту проживания) Ковалева «кожаную папку», полностью заполненную совершенно секретными телеграммами, среди которых были сообщавшие об обстановке в боевых действиях на юге. Даже такой переводчик, как я, и то не имел к ним доступа. Переводили их пять переводчиков, которых Ковалев привез с собой. Накануне образования Нового Китая и после этого Ковалев за время, проведенное в Китае, проделал немалую работу, внес свой собственный вклад в развитие дружественных отношений между Китаем и Советским Союзом». — Там же. — С. 12.

⁴ Среди работ, где утверждается, что Сталин через Микояна передал указание не пересекать Янцзы и не развивать наступление на юг, можно назвать: Лю Сяо. Посольская миссия в Советском Союзе (часть I) // Шичэ чжиши. — Пекин. — 1987. — № 3. — С. 15; Цюй Си н. Политика Советского Союза в отношении Китая накануне и после его основания // Гоцзи гун инь. — Пекин. — 1986. — № 6. — С. 4. Эти работы основаны на высказываниях Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая о том, что Сталин не верил в силы китайской революции и стремился раздробить страну на «южную и северную династии», где юг контролировался бы Чаи Кайши, а север — коммунистами. Косвенно подтверждает подобную версию в своих воспоминаниях и видный военачальник Не Жунчжэнь. См. Nie Rongzhen. Inside the Red Star: The Memoirs of Marshal Nie Rongzhen. — Beijing, 1988. — P. 585.

Вместе с тем Ши Чжэ, который был переводчиком во время переговоров с Микояном, категорически утверждает, что ничего подобного он не говорил. См.: Ши Чжэ. Вместе с председателем Мао от Янани до Бэйпина // Жэнью. — Пекин. — 1989. — № 5. — С. 152; Ши Чжэ. Первый визит председателя Мао в Советский Союз // Синь Чжунго вайцзяо фэнъюнь — Рассказы о дипломатии Нового Китая. — Пекин, 1990. — С. 8—9. К аналогичному выводу пришли два авторитетных китайских специалиста, которые провели разыскания в архивах и опросили очевидцев событий. См.: Юй Чжэань, Чжан Гуанью. Разыскание о том, отговаривал ли нас Сталин от переправы через Чанцзян // Синь Чжунго вайцзяо фэнъюнь. — С. 15—21.

⁵ См. Premier Zhou's Criticism of Liu Shaoqi, Wenge Tongxun, 1967, October 6. // Survey of China Mainland Press.— Hong Kong.— 4060.— 1967, November 15. P. 7.

⁶ Подробнее о ходе инцидента с английскими военными кораблями см.: Кан Маочжао. Инцидент с английским военным кораблем «Аметист» // Синь Чжунго вайцзяо фэньюнь.— С. 33—47.

⁷ Следует отметить, что приводимые сведения об оценке Сталиным ядерной угрозы в общем совпадают со сведениями, которые сообщает на сей счет В. М. Молотов. Согласно рассказам Молотова Сталин не рассматривал угрозу ядерного нападения как непосредственную, поскольку число таких бомб у США было ограниченным, а также потому, что СССР уже достаточно далеко продвинулся к тому времени в реализации собственной ядерной программы. См.: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Феликса Чуева.— М., 1991.— С. 81—85.

⁸ И в этом случае сведения, приводимые И. В. Ковалевым, в общем совпадают с сообщениями Молотова, который также указывал на то, что Сталин заботился прежде всего о том, чтобы «не перейти грань» в отношениях с главными противниками и не спровоцировать их на конфликт. См.: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Феликса Чуева.— С. 85—86, 92—93, 93—94 и далее.

⁹ Сведения, приводимые И. В. Ковалевым, косвенно подтверждаются сообщением видного китайского руководителя Бо Ибо о том, что во время визита данной делегации именно 27 июля «Лю (Шаоци), Гао (Ган) и Ван (Цзясян) вместе со Сталиным, Булганиным и Василевским провели переговоры о военных планах...» см.: Бо Ибо. Жогань Да Цзюецзюй Шинцзяньды Хуэйгу — Воспоминания о некоторых важных решениях и событиях.— Пекин, 1991.— Том 1.— С. 37. Вместе с тем сведения о содержании переговоров, приводимые И. В. Ковалевым, в этом, как и во многих других случаях, совершенно уникальны, они просто отсутствуют в самых последних китайских исследованиях на данную тему, в которых привлекаются новые ценные архивные материалы, см., например: Чжоу Цзюнь. Первоначальное исследование причин, по которым НОАК не смогла осуществить план Тайваньской компании в первый период после основания государства // Чжунгун данши яньцзю.— Пекин.— 1991, № 1.— С. 67—75.

¹⁰ В 1958 г. во время конференции в Чэнду Мао Цзэдун заявил: «Сталин очень любил Гао Гана и специально подарил ему автомобиль. Гао Ган каждый год 15 августа (дата начала боевых действий Красной Армии в Маньчжурии) отправлял Сталину поздравительную телеграмму». «Мао Цзэдун сысян ваньсуй!» = «Да здравствуют идеи Мао Цзедуна!» — Токио, 1969.— С. 163. В этой фразе сквозит едва скрываемая неприязнь Мао к «особым отношениям» между Гао и Сталиным.

¹¹ Сведения о передаче Сталиным материалов И. В. Ковалева и Гао Гана Мао Цзэдуну содержатся в воспоминаниях Н. С. Хрущева. При этом следует иметь в виду, что американские издатели воспоминаний допустили серьезную ошибку, указав, что «советским представителем в Китае», о котором идет речь в данном фрагменте, был А. С. Панюшкин. На самом деле здесь Хрушев безусловно имеет в виду И. В. Ковалева. Хрушев сообщает следующее: «...в то время Сталин назначил специалиста-железнодорожника, который во время войны был народным комиссаром. Я забыл, как его зовут, но помню, что после того как японцы были разбиты в Северном Китае, Сталин отправил этого человека, чтобы руководил восстановлением железных дорог на северо-востоке Китая, а также был нашим полномочным представителем на Северо-Востоке. Мы доверяли ему. Сталин рассматривал его как свое доверенное лицо.

Этот наш представитель начал присылать нам большое количество сообщений, где говорилось о том, что среди членов китайского руководства многие испытывают сильную неудовлетворенность в отношении Советского Союза и нашей партии. Он, однако же сообщал, что открыто выступают против нас Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и другие люди. Мао не было среди тех, на кого он указывал, но он и не предпринимал никаких мер для пресечения распространявшихся в Китае антисоветских настроений. Сталин передавал нам некоторые присылаемые этим послом материалы, поэтому мы знали об их содержании.

Совершенно ясно, что очень многие сведения о настроениях в КПК присылались нам Гао Ганом, тогда он был членом Политбюро и Председателем Северо-Востока. Там у него были самые тесные связи с нашими представителями. Однажды в штаб-квартире Гао Гана в Шэньяне проводили праздничный военный парад. Некоторые китайские руководители были возмущены тем, что мы вооружали армию Мао советскими танками, побывавшими в ремонте. Они возмущенно заявляли: «Русские сбывают нам старые, поломанные танки.» ...Сталин задумал списать доверие и дружбу Мао, поэтому передал Мао его (т. е. И. В. Ковалева) доклады относительно его бесед с Гао Ганом и заявил: «Вот, возьмите, возможно, вас заинтересуют эти вещи.» // Хрушев Н. С. Цзуйхоу нянь. Хэлусяофу хуэйлу суйцзи — Последнее завещание. Продолжение воспоминаний Хрущева. Пекин, 1988.— Т. 1.— С. 246—247. В общем воспоминания Хрущева совпадают со сведениями И. В. Ковалева. Следует только отметить, что в них есть отдельные мелкие неточности. Так например, по сообщению А. М. Ледовского, который в это время был советским генконсулом в Шэньяне, он был свидетелем упомянутого в сообщении инцидента с танковым парадом. По его словам, критика в адрес состояния советской военной техники раздалась не со стороны китайцев, а со стороны советского военного специалиста, полковника, который в связи с этим немедленно был отозван в Москву.

Китайская версия этого эпизода приводится Бо Ибо: «Как раз в это время (24 декабря 1949 года) Главный советник СССР в Китае, сопровождавший председателя Мао, Ковалев зачитал Сталину свой письменный доклад «Относительно некоторых направлений политики ЦК КПК и практических

проблем». В докладе говорилось: внутри КПК, среди членов ЦК есть некоторые люди, которые в прошлом были проамериканцами, антисоветчиками, сейчас руководство ЦК поддерживает их. Лю Шаоци организовал и возглавил безосновательную критику Гао Гана. В составе Центрального Народного правительства слишком велик удельный вес демократических деятелей, на самом-то деле оно превратилось в ассоциацию различных партий и т. п. Говорят, что этот доклад был составлен на Северо-Востоке по материалам, предоставленным Гао Ганом. (Это поясняет, что уже начиная с тех времен Гао Ган начал творить смуту внутри партии — комментарий Бо Ибо). Этот доклад неверно отражал политическую жизнь в высшем эшелоне нашей партии, можно даже сказать, что вносил разброд в ЦК нашей партии, сыграл очень негативную роль. Возможно, в связи с этим, после того как председатель Мао приехал в Китай, на протяжении определенного времени советская сторона не слишком проявляла инициативу, а председатель Мао безвылазно сидел за закрытыми дверями. Председатель Мао излил свой гнев перед советскими сопровождающими лицами, заявив: «Мы прибыли в Советский Союз отнюдь не специально для того, чтобы поздравить (Сталина) с днем рождения, нужно еще обсудить важные проблемы двусторонних отношений». После того как Сталин об этом узнал, сразу провел с председателем Мао переговоры, а также передал председателю Мао этот доклад Главного советника Ковалева, увеличив тем самым взаимопонимание и взаимное доверие (хотя некоторые подозрения и не были рассеяны окончательно)». — Бо Ибо. Указ. соч. — С. 40—41.

Версия Бо Ибо в общем не противоречит сообщению И. В. Ковалева, хотя некоторые моменты в ней вызывают сомнения. Например, вряд ли правомерно приписывать недоверие Сталина к Мао только влиянию доклада И. В. Ковалева. Корни этого недоверия лежат весьма глубоко, и проявилось оно не после 24 декабря 1949 г., когда Сталин ознакомился с докладом, а с момента первой встречи двух лидеров 16 декабря.

Маньчжурия: август 1945

А. КАЙГОРОДОВ

Мой соученик из пограничного городка Маньчжурия рассказывал, что в полдень 8 августа он, ничего не подозревая, вышел на улицу и был буквально оглушен грохотом советских танков, ворвавшихся в город. Советские войска сразу завладели инициативой и со всех направлений устремились в глубь Маньчжурии.

...Первый отряд из русских белогвардейцев был сформирован японцами в 1937 году. Располагался он в старых казармах русской Маньчжурской армии (царской) на станции «2-я Сунгари», недалеко от Харбина. Во главе стоял японский полковник Асано. Отряд так и называли «Асано», а тех, кто служил в нем, — асановцами. С 1944 года Асано пошел на повышение в Харбин. Его сменил русский полковник Смирнов, его заместителем стал майор Михайлов, из казаков. В штабе Смирнова был еще один майор по фамилии Наголен. Ну, а тех, кто служил в отряде, по привычке продолжали называть «асановцами».

«Асановцы» в 1939 г. Слева С. А. Коломыльцев

Анатолий Макарович Кайгородов до пенсии — главный библиограф Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы.

* Трехречье — район на северо-западе Маньчжурии в бассейне рек Ган, Дербул, Хаул, вблизи границы с СССР.

Каждый призыв в отряд состоял из 450—500 новобранцев, преимущественно из харбинцев, с восточной ветки КВЖД, меньше из Хайлара и Трехречья*. Уже в 1938 году отряд использовался японцами в боях против корейских партизан. Не один десяток русских парней сложил свои головы в суровых горах Чанбайшаня.

В 1939 году часть отряда, примерно в 250 человек, главным образом из трехреченских казаков, перебросили в район боевых действий на реке Халхин-Гол. Командиром отборного 5-го эскадрона асановцев был капитан Тырсин, он-то, по некоторым рассказам, и командовал русским эскадроном в боях на реке Халхин-Гол. Тырсин Василий Васильевич, забайкальский казак Усть-Уровской станицы, первые годы эмиграции жил в Трехречье, где оставил по себе весьма недобрую память. В 1932 году, сразу же после оккупации Трехречья японцами, поступил на службу в императорскую жандармерию. Будучи отменным садистом (что как-то не вязалось с его красивой внешностью), он быстро пошел в гору. На совести Тырсина трое расстрелянных поселенцев Трехречья (Ивачев, Патрин, отец Александр). Их обвинили в сотрудничестве с Советами. Допрашивая, Тырсин сорвал с о. Александра крест и его тяжелой цепью бил по глазам арестованных.

Его же заслуге приписывают и длительные тюремные сроки в страшной цицикарской тюрьме трехреченских казаков Антипьева, Молокова, Коломыльцева и Власова. В отряде «Асано» Тырсин был с первого до последнего дня. Среди этих казаков оказался один из моих родственников Сергей Артемьевич Коломыльцев. С его слов я и рассказываю.

Русских кавалеристов (причем, явно с опаской) использовали на Халхин-Голе исключительно в разведке, и в бою они были всего один раз. В голой степи на рассвете отряд из 60—70 асановцев столкнулся примерно с таким же по численности монгольским (МНР) разъездом, которые приняли их за своих. Затем произошла короткая, но жестокая схватка. Казаки вырубали монголов едва ли не до последнего цирика. Одного офицера живьем доставили в расположение японской части, двое или трое спаслось бегством. Сами казаки потеряли одного убитым и восьмерых ранеными. Убит был подпоручик Натаров.

Потом отряд неожиданно отозвали в Хайлар, где затем русских, переодетых в красноармейскую форму, много фотографировали. Вскоре фотографии с броскими надписями: «Пленные красноармейцы за обедом», «Советские солдаты, бросив оружие, сдаются в плен», «Пленным красноармейцам раздают сигареты» и другие в том же духе появились во многих японских и эмигрантских газетах. Ложь в почете не только у фашистов и тоталитаристов, ею не брезговали и японские милитаристы. Натаров был объявлен героем. На русском Новгороднем кладбище в Харбине ему соорудили надгробный памятник.

18 августа 1945 года в Харбине высадился советский десант в составе 120 человек. 19 и 20 августа в город вошли главные советские силы, и сюда переместился штаб 1-й Краснознаменной армии генерал-полковника А. П. Белобородова (позднее коменданта Порт-Артура). 20 августа, еще до того, как на харбинском ипподроме закончилось разоружение более 43 тыс. японских солдат, памятник Натарову был взорван. В тот же день во дворе Иверской церкви советские подрывники взорвали кресты и надгробия на могиле генерала Капелла и его жены. 20 же августа был арестован и без промедления интернирован в СССР Арсений Несмелов (Митропольский) — едва ли не самый выдающийся поэт всего российского зарубежья. Где-то в первых числах сентября он скончался на полу камеры пересыльной тюрьмы. Несколько днями позже была уничтожена часовенка-памятник на братской могиле российских солдат времен Русско-японской войны. Волна уничтожения кладбищ и памятников 1904—1905 годов — этих «символов царизма и российского империализма, неуместных в нынешней обстановке», как говорили там, прокатилась по всем местам, где были такие символы. Особенно много их было под Мукденом, где армия Куропаткина грудь в грудь схлестнулась с армиями Оку и Нодзу.

Чаще уничтожали их не советские солдаты, а китайцы, разумеется, с разрешения советских властей. И, видимо, не случайно советский писатель Михаил Колесников в своей «Маньчжурской тетради» высмеял японцев за традицию беречь, сохранять кладбища, часовенки, церквушки — все памятники доблестным воинам России. На сопках маньчжурских не спит больше русский солдат и горя России он слышать не может — прах его взорван, развеян.

Следом начались повальные аресты асановцев. Рассказывали, что полковник Асано, узнав об арестах и депортации в Советский Союз своих бывших солдат, добился разрешения явиться на «2-ю Сунгари». Там на учебном плацу он совершил «харакири», оставив на свитке собственноручную эпитафию: «Смертью своею вину перед вами искупаю».

...Второй русский отряд был сформирован в Хайларе не то в 1939, не то в 1940 году. Во

главе его стоял казачий полковник Пешков Иван Александрович. Отряд называли «Пешковский», а тех, кто служил в нем — «пешковцами». Призыв состоял примерно из 250 новобранцев, преимущественно из Трехречья, Хайлара и других районов по западной ветке КВЖД.

Когда я учился в хайларской гимназии, часто заходил в одну из казарм, доступ в которую был разрешен. Там я встречался со своими земляками. При мне денщиками-коневодами полковника Пешкова служили мои поселыщики из Дубовой, сперва Андрей Башуров, его сменил Александр Первухин.

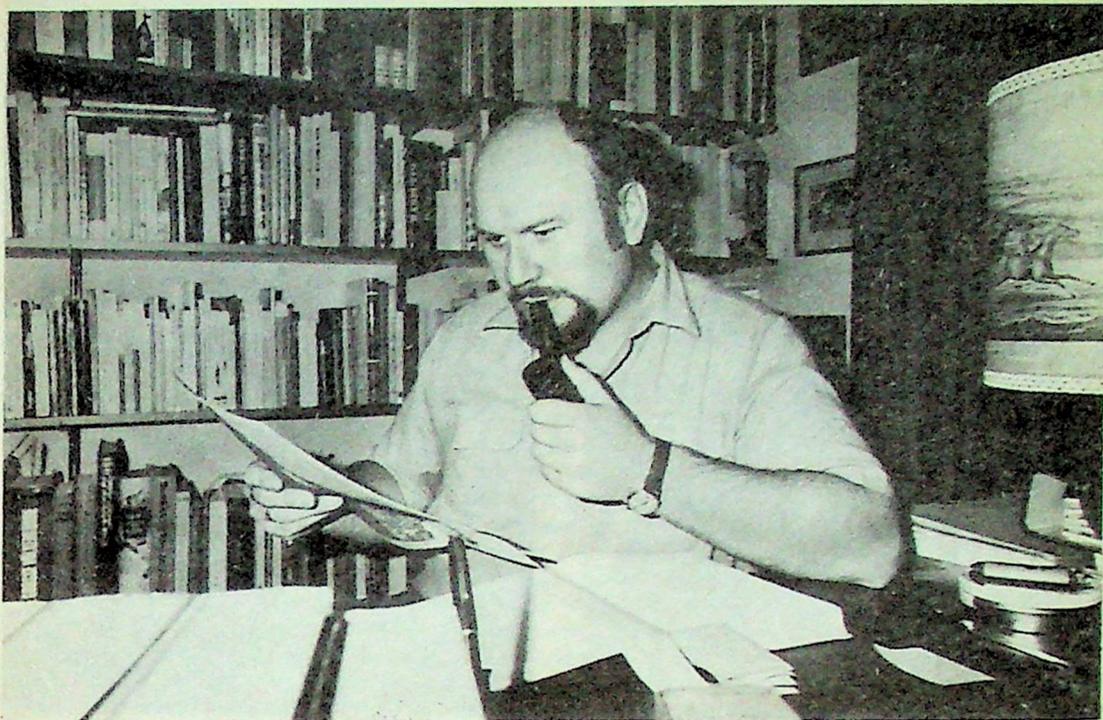
По свидетельству ветеранов обоих отрядов, никакой мобилизации резервистов в январе 1945 года не было и численность отрядов до 1500 человек, как уверяют некоторые историки, не доходила. Что касается расформирования в ответ на неоднократные требования СССР, то оно действительно было, но продолжалось оно и в августе 1945 г. Расформирование «Пешковского» отряда шло еще медленнее. Часть из них отправили в Трехречье на заготовку бересты (из нее японцы умели вырабатывать жидкое топливо), часть оставалась в казармах.

И. А. Пешков внес, между прочим, определенную «поправку» в хронологию гражданской войны в Забайкалье. Официально она там закончилась в 1922 году. Но вот пришел 1932-й год (мне было пять лет), и я хорошо помню, как через нашу деревню проследовали 2 сотни двух Иванов — Ивана Пешкова и Ивана Аксенова, наводя ужас и сея смерть среди поселенцев Трехречья. За несколько лет до этого через деревню Щучья проследовала сотня еще одного Ивана — Ивана Игнатьевича Зыкова. Это были «последние из могикан» — остатки разгромленных частей атамана Семенова, Унгерна, Бакича, Калмыкова и других вожakov белого движения. До предела взвинченные неудачами и беспрерывными боями, эти до зубов вооруженные люди вели себя буйно, часто затевали драки и беспорядочно пьянствовали. В деревне Верх-Кули эти вояки разграбили воронцовские маслодельные заводы. У нас в Дубовой произошла даже дуэль между двумя офицерами из разных сотен.

Часть из казаков осела в Трехречье, часть проследовала дальше — к Хайлару, в глубь Барги. Потом между командирами сотен началась вражда. Иван Аксенов и почти все его казаки были уничтожены пешковцами и зыковцами. Пешков начал сотрудничать с японцами. Зыков отошел от политики. По хайларскому тракту (в районе речушки Шиверту) он основал постоянный двор, обзавелся крупным хозяйством, в 1944 году перекочевал в Хайлар. В августе 1945 года был арестован и расстрелян в Хайларской тюрьме.

Э. Дж. Линдгрен

Ф. Георг-Хайне

Года три назад господин Георг-Хайне, немецкий ученый из ФРГ, пошел по следам Этель Джойн Линдгрэн, англичанки-этнографа из Кембриджа, проводившей в 1932 году исследование эвенков (тунгусов), кочевавших со своими оленями по Быстрой и в таежной полосе Трехречья. Он запросил меня о причинах бегства в 1932 году некоторых русских семей в таежные дебри верховий Гана, Дербула и Дербукана. На мои запросы старожилы тех мест дали такой ответ: Иваны, докатившись до Трехречья, подчистую вырезали целые семьи, если в них оказывались родственники красных партизан или красноармейцев, оставшихся на советском берегу Аргунни. Вот они и бежали, спасаясь. Вскоре, однако, японцы усилили свое присутствие в Трехречье. Оружие было изъято у населения.

Из аксеновцев дольше других живым оставался есаул Размахнин — в недавнем прошлом заместитель командира сотни Ивана Аксенова. Имени его не помню, но колоритную внешность бравого казака двух саженого роста, всегда подтянутого, опрятного, неизменно в традиционной казачьей форме, представляю и сейчас. Если старожилы Трехречья не ошибаются, именно он был секундантом на дуэли в нашей деревне в 1932 году. Вторично в Дубовой он появился в 1933 году. Женился на Наде Кармадоновой и стал понемногу хозяйствовать, постоянно имея при себе берданку.

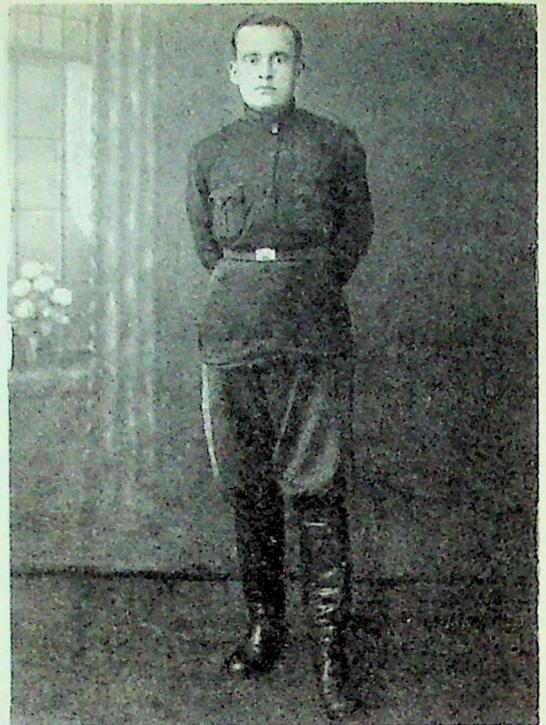
...Беда нагрянула в августе 1935 года. Пешковцы и зыковцы о нем не забыли. Очередь на помол пшеницы пришлось на ночное время. Размахнин был один. Под утро на мельницу ворвались несколько хорошо вооруженных людей и буквально в куски изрубили есаула клинками. Было ясно, что Размахнина убили его политические противники, но в то время никого это не интересовало. Убийц даже не пытались искать.

Мельница, на которой произошла трагедия, принадлежала обрусевшему эстонцу Александру Кирилловичу Тидеману. Суеверные казаки перестали ею пользоваться и мельница быстро заглохла. Сруб разобрали и построили из него баню. Осталась плотина, а за ней глубокая яма, куда мы ребятишками любили бегать купаться.

Каково же было удивление жителей Дубовой, да и всего Трехречья, когда с приходом Красной Армии в 1945 г. стало известно, что А. К. Тидеман долгие годы был резидентом советской разведки в Трехречье. От советской комендатуры ему в качестве награды за опас-

Трехреченцы; слева А. К. Тидеман

«Пешковец» перед мобилизацией

ную работу было передано трофейное имущество японской торгово-промышленной фирмы «Тонмо боеки коси» («Маньсю тикусан кабусики кайся») в виде домов и сельскохозяйственного инвентаря. Пользоваться полученным добром пришлось недолго. Вскоре после ухода из Трехречья советских войск (1946 г.) китайские власти отняли сперва все дома (в одном из них обосновался райком партии, в другом — суд), а вскоре и все остальное имущество.

В конце 1945 г. моему отцу пришлось быть в Харбине. Там он случайно встретился с одним японцем (кажется, по имени Вада), долгие годы проработавшем в Трехречье. Отца поразили не факт свободного разгуливания по городу офицера японской контрразведки в ожидании скорой репатриации на родину, а осведомленность г-на Вада. Ему стало известно (откуда?), что А. К. Тидеман долгие годы сотрудничал с советской разведкой, а Вада и не догадывался! Узнай я об этом раньше, без особой злобы заявил он отцу, вся его семья, вся его родня... Вада провел ладонью по шее. В числе «родни» мог бы оказаться и автор этих строк. Ведь А. К. Тидеман был женат на старшей сестре моего отца. «Мы еще вернемся сюда!» — прощаясь, проговорил г-н Вада с нотками угрозы. «Господа, я с вами не прощаюсь. Мы скоро вернемся сюда!» — садясь в седло, заявил при бегстве из Драгоценки (Трехречье) присутствующим казакам и капитан японской императорской жандармерии г-н Хига 8 августа 1945 года...

Уже в Москве я хлопотал пенсию Тидеману. Назначили мизерную сумму. Умер Александр Кириллович в 1978 году, под конец окончательно спившись. Похоронен в Иркутске.

...9 августа 1945 г. оставшихся пешковцев японцы погрузили в вагоны, с ними человек сто японских солдат и примерно столько же маньчжурских. На станции Бухэду пешковцев неожиданно выгрузили (перед погрузкой японский офицер объяснил, что они едут до станции Якешу), только трое рядовых и два старших унтер-офицера — Спиридон Нерадовский и Григорий Золотарев проследовали с эшелоном дальше. Выйдя за станционный поселок (вместе с ними все тот же японский офицер со знанием русского языка), пешковцы, составив оружие в козлы, расселись завтракать. В этот момент со стороны станции показались пешие японские и маньчжурские солдаты, а с противоположной стороны — небольшой японский кавалерийский отряд. Заместитель Пешкова Борис Зимин стал сове-

товать полковнику, чтобы тот приказал разобрать оружие. Пешков счел это глупостью и в ответ только засмеялся. А пешковцев связали веревками по несколько человек вместе и расстреляли из станковых пулеметов. Раненых маньчжурские солдаты добились штыками. Голову казачьему полковнику, уже мертвому, самурайским мечом отрубил японский капитан. Точное число убитых не знаю. Николай Тарбагаев — бывший пешковец, со слов которого я рассказываю, привел цифру в сто с лишним человек.

Вечером после расстрела один русский крестьянин из станционного поселка, возвращаясь с покоса, наткнулся на страшное поле. Пахло порохом и кровью, доносились стоны. Несколько китайцев прянули в ближние кусты. Одного из раненых, который просил воды и пытался привстать, крестьянин взвалил на телегу. Несколько солдат были уже раздеты донага спрятавшимися мародерами. Некоторые продолжали стонать. Вторично заехать на поле крестьянин не смог, так как в поселке появилась советская мотопехота, а утром оттуда раздавались автоматные очереди. Казаков, не добытых японцами и маньчжурами, достреливали — как трудно писать! — русские.

Спасенный крестьянином, несмотря на тяжелое ранение, начал быстро поправляться. Им оказался житель Трехречья Андрей Пешков (однофамилец командира). И очень возможно, что он благополучно вернулся бы домой, если бы не случай. Пришли «братья» хозяина. Люди из СМЕРШа обратили внимание на молодого человека с пулевыми и штыковыми ранениями. Заодно прихватили и его, пообещав после осмотра и перевязки скорое возвращение... В 1949 году один из трехреченцев-эков встретился с ним в лагере на Северном Урале. «У него другого разговора, кроме как расстрела пешковцев, не было», — написал он мне. Выжил ли Андрей, не знаю.

...На станции Чжаланьтунь эшелон с японскими солдатами и следовавшими вместе с ними пятерыми пешковцами был перехвачен советской мотопехотой и быстро разоружен. Среди советских оказалось с десяток пешковцев, незадолго до отправки эшелона перебежавших из отряда. Среди них был и старший ефрейтор Николай Тарбагаев. Он неоднократно бывал у меня в Москве, много рассказывал, в частности историю с С. Нерадовским и Г. Золотаревым. Их допрашивал СМЕРШ. Они с самого начала упорно молчали. К ним в камеру посадили Тарбагаева и еще одного казака, чтобы уговорить не упрямиться и отвечать на вопросы офицера, обещали немедленно отпустить домой. В камере ничего хорошего, кроме драки, не произошло. На очередном допросе они продолжали упорно молчать. Тогда их вывели в поле и расстреляли.

Тарбагаев уверял меня, что советские офицеры наверняка сдержали бы свое слово. Возможно и так. Ведь трое рядовых, тоже отказавшихся примкнуть к перебежчикам, были отпущены и благополучно вернулись в Трехречье.

Расстрелянных в Чжаланьтуне старших унтер-офицеров я знал хорошо. Они бывали в нашей деревне, оба шеголяли с самурайскими саблями на боку. Ношение таких сабель, кстати, свидетельствует о том, что и «Пешковский» отряд относился к Квантунской армии, ни один офицер армии Маньчжоу-Го не носил самурайского меча. Но вот что их заставило молчать? Кодекс офицерской чести, преданность японскому монарху, верность присяге или жгучая ненависть к красным? Для меня это осталось загадкой.

Тарбагаев и его друзья дошли до Харбина. Он был награжден медалью «За победу над Японией» и еще какими-то отличиями. На мой вопрос, какую награду он получил за то, что стал перебежчиком, Тарбагаев ничего не ответил, но и не обиделся. Возможно, их поступок и послужил причиной расстрела оставшихся пешковцев?! Умер Тарбагаев членом КПСС, занимая важный пост на одном из заводов в Красноярске.

В 1946 году после ухода советских войск из Маньчжурии по убитым пешковцам была отслужена панихида (до того советская комендатура запрещала ее). Единственным человеком, кого хайларский батюшка отказался отпевать, был И. А. Пешков.

Надеюсь, что мой рассказ прочтут и в Японии. В связи с этим мне хотелось бы сказать следующее. При каждой встрече с советскими представителями японская сторона непременно выдвигает вопрос и о «северных территориях», и о могилах японских военнопленных на территории СССР. Думаю, что это вполне закономерно. Но вот меня мучает один вопрос, и хотелось бы задать его японской стороне. Нет, не о могилах убитых ими пешковцев (их все равно не найти), а спросить: за что они расстреляли казаков, да еще таким страшным способом? Заодно еще спросить, за что в Трехречье расстреляли казачьего полковника Всеволода Леонидовича Сергеева с женой Натальей Семеновной? Расстреляли (добив обоих штыками) после того, как станичный атаман Сергеев сумел набрать конные подводы для солдат японской части, отходившей с пограничной заставы Бура. Благодаря

ему солдаты сумели бежать из Трехречья. И не пора ли бывшим «асановцам» и бывшим «пешковцам», всем, кто волею японского командования оказался в Квантунской армии и понес за это наказание, выплатить денежную компенсацию? Я пытался поставить этот вопрос через господина Хусэи — московского корреспондента газеты «Иомиури». Но он и разговаривать со мной не стал, хотя вначале любезно согласился на встречу.

Что принес август 45-го многочисленной российской эмиграции? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Но если уж рубануть с плеча, ответить сразу и на все одним махом — российская эмиграция целиком исчезла, точнее была сметена с лица Маньчжурии. С насиженных мест, с налаженных хозяйств были сорваны и рассеяны по белу свету сотни тысяч людей, и все это не по доброй воле. Стало ли лучше им на новом месте?

Сколько русских проживало в Маньчжурии, сколько по всему Китаю к августу 1945 года? На этот вопрос дать ответ не так-то просто. В те не столь давние времена, в Маньчжурии и в собственно Китае проживало много русских. Жили они в ряде крупных городов Китая, а в городах Маньчжурии — в каждом. В Маньчжурии большинство их проживало в Харбине, Мукдене, Чанчуне, Даяне, Цицикаре, Мулине, Муданьцзяне, Хайларе и др. Много русских проживало в пристанционной полосе восточной и западной веток КВЖД, в центральной и северной Барге. Только в Трехречье довольно компактно проживало более 15 тыс. человек. Там насчитывалось 19 чисто русских деревень и сел. В западных отрогах Большого Хингана жили русские староверы. Много русских проживало в Синьцзяне. Там и сейчас их несколько тысяч. По моим подсчетам на начало августа 1945 года в Маньчжурии проживало около 450 тыс. российских эмигрантов всех «волн», но и эти данные не следует считать бесспорными.

Трагична была судьба репатриантов 35-го года. Уже в Советском Союзе я встречался со многими кзвэждинцами (зэковский юмор: там их звали «казржэдинцами», от «КРЖД» вместо «КВЖД»). По их рассказам, куда хуже, чем взрослые, пострадали их дети. Их, детей «контрреволюционеров и японских шпионов», отлучив от родителей, свозили в спецлагеря и в спецдетдома. Многие из них никогда не увидели своих родителей и так ничего и не узнали про них. С августа 45-го жизнь российского эмигранта в Маньчжурии потекла по календарю с экзотическим знаком «СМЕРШ». Судьба их стала целиком зависеть от решений, практических действий и просто настроения офицеров из НКВД. Были арестованы и интернированы в СССР вожди белой эмиграции генералы Семенов, Власевский, Бакшеев, ее активные деятели Родзаевский, Шепунов, Охотин, Михайлов, Ухтомский. Это, так сказать, киты, а рыбка помельче катилась к родным берегам целыми составами из телячьих вагонов. Трудно сказать, сколько новых десятков тысяч (после кавэждинцев) пополнили ненасытный ГУЛАГ, еще труднее сказать, сколько из них выжили, уцелели. И все ли они были виноваты перед обновленной родиной? Думаю, что не многие, а тем более не все. Многих «взяли» просто так. Упрекали: «Мы там воевали, голодали, а вы тут брюхо отращивали!».

Что касается Семенова и других активных деятелей эмиграции, то судьба их общеизвестна. А две дочери и жена атамана сгинули в лагерях Колымы, конечно, зазря. О Семенове «Правда» (5 августа 1990 г.) поместила довольно пространную статью, снабдив ее официальной документацией (показаниями свидетелей) от бывших соратников атамана до японцев высокого ранга. За Григорием Михайловичем, безусловно, водилось немало грехов. Он вполне заслуживал сроки и камеру, но веревки, по-моему, не заслужил.

В 1951 году летом я проходил языковую практику в управлении ЮМЖД в городе Дальнем. Там познакомился с пожилой женщиной-счетоводом (кажется, ее звали Елизавета Михайловна), которая в свое время была в близких отношениях с семьей атамана (он жил в Дальнем). Генерала она называла Гришей, что свидетельствовало об их по-родственному близких отношениях. Она рассказала о последних днях его на свободе и об обстоятельствах ареста.

Как только началась война, японцы не раз предлагали Семенову специальный катер для бегства на юг Кореи, но он категорически отказался. Все последние дни был бодр, а когда в город начали прибывать эшелоны с советскими войсками, одел генеральскую форму, ордена, нацепил шашку и, попрощавшись с семьей, поехал на извозчике на вокзал. Никому из своих не разрешил себя сопровождать, поехала с ним только Елизавета Михайловна.

Как раз прибыл эшелон. На перроне Семенов подошел к одному из офицеров (тот, по словам старушки, был навеселе), и взяв под козырек громко предоставился: «Я — Се-

менов!» Офицер от неожиданности захлопал глазами, попятился и вдруг дико заорал: «Оружие!»*

Елизавета Михайловна видела, как атамана окружили, отняли шашку, прощупали карманы. Появились люди с повязками на рукаве, атамана, подталкивая в спину дулами автоматов, увели. Через два дня женщина все-таки разыскала и в последний раз повидала его. Он был помещен в политическую тюрьму и находился в камере, похожей на клетку средних размеров. Офицер, проводивший ее, ехидно улыбаясь, проговорил: «Раньше он в клетки сажал, теперь мы его посадили». На генерале были грязные китайские штаны, такая же куртка. Он был босой. На лице и через расстегнутую куртку были видны следы побоев. Говорить с ним не разрешили, да и вряд ли он мог что-то сказать. В передаче тоже отказали... Остается только добавить, что за несколько дней до ареста белого атамана на станции Барим (западная ветка КВЖД) были расстреляны два русских пастуха за то, что плодили и берегли семеновских лошадей, а главное, не проявили большой радости при экспроприации табуна. Вдобавок пытались утаить несколько коней. Двое других — ветврач и выездной конюх были арестованы и интернированы в СССР как подручные лютого врага советской власти.

Репрессии начались буквально с первых же дней или даже часов появления советских войск и проходили буквально везде, где они появились*. В Харбине, этой признанной столице российской эмиграции, уже в первые дни были разгромлены редакции крупнейших русских газет «Харбинское время» и «Заря» (они были куда многостраничнее, чем любая советская газета, за исключением современной «ЛГ» и «СК»), журнал «Рубеж». Очевидцы свидетельствуют, что в городе Маньчжурия (на западе) и на станции Пограничная (на востоке) эшелоны с арестованными русскими стали проходить через пограничные пункты намного раньше, чем эшелоны с японскими военнопленными.

По восточной и западной веткам КВЖД, а также ЮМЖД подчистую забрали всех, кто в 1935 г. отказался добровольно вернуться на родину. Многие из них, если не большинство, уже не работали на железной дороге, занимались сельским хозяйством (преимущественно молочным), торговлей, разводили пчел. Их обвинили в «измене родине», и все они, хоть и с «опозданием», угодили в тот же ГУЛАГ, что и вернувшиеся добровольно в 1935 г. Их хозяйства нещадно потрепала война: лошадей экспроприировали для нужд армии, коровы (в том числе молочные) нередко попадали в солдатские котлы.

Печальную роль о кавэжэдинцах хочу закончить рассказом одного из них. Пупурс Адольф Петрович — харбинец, латыш по национальности. Его сын был женат на моей старшей сестре, я встречался с ним неоднократно. Рассказываю от первого лица: «В один из наших лагерей Кировской области привезли большую партию кавэжэдинцев. Это была уже вторая волна — продукт арестов и интернирования из Маньчжурии 1945 г. Для них все было тяжело: и работа на лесоповале, и страшные бытовые условия в грязных, холодных бараках при невероятной скученности. Но больше всего они страдали от недоедания и голода. В то время я работал поваром в лагерной столовой и не один раз был свидетелем такой сцены. В барачную столовую врывались обезумевшие, часто обмороженные люди, требовали официанта и когда кто-нибудь из нас выходил к ним, начинали делать заказы из несчетного количества русских и китайских блюд. На них находило своего рода голодное помешательство. Многим поварам из уголовников такие «представления» нравились, и они с удовольствием разыгрывали этих голодных, требуя называть все новые и новые блюда. Я с ужасом наблюдал за несчастными. Некоторые из них после очередного приема пищи приходили в себя, некоторые продолжали оставаться в невменяемом состоянии. Таких потом куда-то увозили, но куда — не знаю».

О репрессиях в Трехречье следует сказать особо. Этот район заселяли преимущественно забайкальские казаки, бежавшие в Маньчжурию в годы гражданской войны. Часть посе-

* В 1957 г. я гостил у родственников на целине (совхоз им. XIX партсъезда Павлодарская обл.). Там познакомился с одним механизатором, который в 1945 году как раз находился в эшелоне, прибывшем первым на станцию Дайрэн (Дальний) и оказался свидетелем ареста атамана Семенова. Его рассказ от рассказа Елизаветы Михайловны отличается только одной деталью: подвыпивший майор закричал не «оружие!», а «руки вверх!».

* Редакция планирует опубликовать материал о русском движении антияпонского Сопротивления в Маньчжурии, сыгравшем важную роль в ее освобождении, а также о судьбах людей, вернувшихся в СССР после 1945 г. При всем различии их судеб, на их долю выпало немало лиха.

ленцев составляли беженцы — так называемые «тридцатники». Это те, кто здесь нашел приют, спасаясь от насильственной коллективизации в Сибири и в Забайкалье в 30-е годы. Арестован и интернирован был каждый четвертый взрослый казак, а «тридцатники» подметены были едва ли не подчистую. Их обвиняли во «вредительстве против колхозов».

Даже многолетняя война, которую вела империалистическая Япония, когда из Маньчжурии вывозилось все, что могло быть вывезено, не могла расшатать крепкие хозяйства трехреченцев. Край и в те суровые годы оставался хлебным и богатым, неделями отмечались церковные праздники, справляли богатые свадьбы. Быстро и вполне капитально расправился с Трехречьем НКВД — понадобился всего лишь один месяц. Им стал август 45-го.

Многодетные семьи, лишившись хозяина, быстро разорялись. Вскоре Трехречье стало неузнаваемым. Хозяйства пришли в упадок, появились неуверенность, безотчетный страх, неприязнь и подозрительность. Как спутник всего «нового» стал быстро расцветать порок пьянства. Много зла принесла и новая китайская власть. Нахальные, некомпетентные аппаратчики подвели край к последней черте. Кончилось тем, что в 1955—56 гг. русские были насильственно выселены из района. Большинство уехали в Советский Союз, кто-то в Австралию, Бразилию — по всему свету.

И все-таки надо сказать, что в самом начале войны Трехречью повезло. 36-я советская армия генерала А. А. Лучинского наносила удар по Хайлару, двигаясь своим левым флангом через Старый Цурухайтуй. Только небольшая, самая южная часть Трехречья оказалась в полосе ее продвижения. Всего лишь через одну из 19 русских деревень — Светлоколуй прошли советские войска. В этой деревне проживал самый богатый скотовладелец Трехречья по фамилии Бизьянов. Две отары его овец, каждая примерно в 3 тыс. голов, оказались в полосе продвижения советских частей. Солдаты часть овец порезали и прихватили с собой, большая же часть стада (вместе с ним и оба чабана) была экспроприрована и переправлена на советский берег Аргуни.

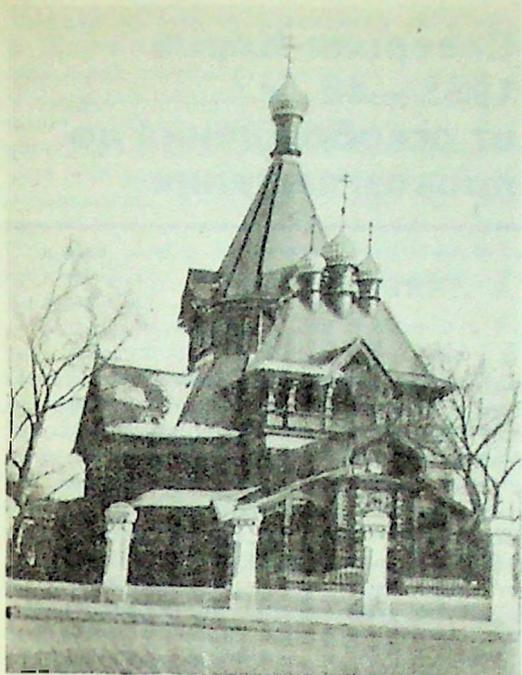
Несколько слов о староверах Большого Хингана. С недавних пор на страницах газет, на экранах телевизоров стали появляться статьи, репортажи о русской эмиграции, в частности в Америке. Не миновали телевизионной чести и русские староверы на Аляске. При чем информацию о них преподнесли как некое «открытие» в российском зарубежье. «Вот как! Оказывается, в Америке есть целая колония из русских староверов, в неприкосновенности сохранивших и старую веру, и родной язык, а мы, к стыду своему, этого и не знали!» — захлебываясь не то от восторга первооткрывателя, не то от дива дивного, вещал телекомментатор. Сколько дикой пентаницы во всей этой истории! Русских (и ведь недавно — советских граждан), мы «открыли» впервые.

Вся история хинганских староверов мне неизвестна. Рассказываю то, что знаю. Часть из них переселилась на Хинган в начале века, часть (с верховьев Енисея) в годы гражданской войны. Жили они по рекам Чол и Мерген. С заселением русскими Трехречья они изредка наезжали туда, бывали и в нашем доме. Я даже запомнил две фамилии — Никифоровых и Свешниковых. Военскую повинность не несли, в полиции не нуждались — жили, как там говорили, по-допотопному. Август 45-го не оставил и их в стороне. Трех все-таки арестовали и интернировали, по литере «ПШ», конечно же в пользу Японии. В 1946 году староверы получили советское гражданство.

С приходом Мао Цзэдуна к власти во всем Китае, русские, в первую очередь в сельской местности, стали чувствовать себя неудобно. Староверам, неизвестно по какой причине (скорее всего, тоже по подозрению в шпионаже — только в чью пользу?!), предложили переселиться в какой-нибудь из безлесных районов Северной Барги. Они не согласились и всей колонией решили уехать в Америку. Осенью 1949 года распродали по дешевке хозяйства и всей колонией приехали в Харбин хлопотать визы. Жили они на вокзале, спали на полу и по скамейкам. Я не один раз заходил к ним, выступая то в роли переводчика, то в роли проводника по городу.

Любопытно, что не только китайские власти, но и советское консульство в Харбине за визу и право выезда требовали крупные суммы денег. Денег не хватало, и староверы распродали все, что можно было продать, за исключением икон. Известно, чем бы окончилась их эпопея, если бы в одной из американских газет не появилась карикатура: старики, старушки и дети в странных одеждах толпятся у дверей ломбарда с чугунками, чайниками, самоварами и прочей рухлядь в руках.

Выехали они сперва, кажется, в Парагвай. В начале 60-х годов перебрались на Аляску, где основали село Никольское. Там живут и сейчас. Живут по старинке,

Спасо-Никольский собор в Харбине
(разрушен в 60-е гг.)

Трехреченский крестьянин

материально очень хорошо. Наши корреспонденты были в Никольском, отнеслись к ним дружелюбно. И очень отрадны при мысли, что где-то среди белого безмолвия теплится лампада перед русским Богом, слышится русская речь. Нам же остается продолжать «открывать» русских за рубежом, не стыдась и не краснея.

Таким вот жестоким для многих из российской эмиграции в Маньчжурии оказался август 1945 года. Страшными были репрессии. Не менее страшен сам факт полного исчезновения русских из Маньчжурии, а вместе с ними русской культуры, всего русского наследия в этом обширном регионе. В последнем если не исключительно, то в большей степени, ответственность лежит и на китайской стороне. В Харбине, почти русском в свое время, осталось менее двух десятков русских — советских граждан. В Трехречье, уже не «почти», а целиком русском в свое время, проживают только трое русских: два брата Половниковы и Поля Ельчина.

Победа в 1945 г. внесла и светлые коррективы в судьбы российской эмиграции — все мы стали гражданами великой страны. Не гордиться этим нельзя. И самые счастливые из числа бывших эмигрантов — те, кто вернулись на свою исконную землю. Что ни говори, а родной язык, родная культура. Да, нам труднее, мы беднее тех, которые уехали, например, в Америку или Канаду. Но русский человек всегда жил с верой в Бога и надеждой на лучшее будущее. Доживем и мы до таких времен!

Северная Корея 1945—48 гг.: от освобождения до провозглашения

А. ЛАНЬКОВ

Вот уже 46 лет на территории Корейского полуострова существуют два государства — Республика Корея на Юге и КНДР на Севере. Раскол Кореи и поныне остается одной из самых сложных проблем АТР, источником постоянной политической нестабильности. Истоки нынешней сложной ситуации следует искать в событиях первых послевоенных лет, когда при прямой поддержке США и СССР в двух частях Корейского полуострова возникли два независимых и враждебных друг другу государства.

В настоящей статье хотелось бы остановиться на событиях, происходивших на Севере Корейского полуострова и предшествовавших возникновению КНДР. Статья основывается как на публикациях советских и зарубежных исследователей, так и на собранных автором воспоминаниях участников тех событий, многие из которых здравствуют и поныне.

* * *

Корейский вопрос встал во время конференций глав государств антифашистской коалиции в Ялте и Потсдаме. На последней конференции, где обсуждались перспективы участия СССР в войне с Японией, и было принято решение, согласно которому 38-я параллель должна была стать разграничительной линией между советскими и американскими войсками на Корейском полуострове.

Для Советского Союза война на Дальнем Востоке началась 9 августа, а уже вечером 11 августа, на исходе второго дня боев, части 25-й армии пересекли китайско-корейскую границу в районе Кенхына. В течение нескольких дней сопротивление японских гарнизонов к северу от 38-й параллели было подавлено, и 15 августа японское командование объявило о капитуляции своих войск в Корее.

Почти все боевые действия на территории Корейского полуострова вели части 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно на эту армию и была возложена задача установления контроля над занятой территорией и создания там временной оккупационной администрации. Именно на основе 25-й армии была создана Советская гражданская администрация (СГА), руководители которой вместе с командованием 25-й армии — генералы Н. Г. Лебедев, И. М. Чистяков, А. А. Романенко оказывали решающее влияние на всю политическую и общественную жизнь Северной Кореи в 1945—1948 гг. Главную роль в проведении советской политики в Корее играл генерал-полковник Т. Ф. Штыков, член военного совета 1-го Дальневосточного фронта и будущий первый советский посол в КНДР, находившийся в Пхеньяне с первых дней советской оккупации. Это определялось причинами как формальными — он был старше по званию и должности, чем все остальные действовавшие в Корее советские генералы, так и неформальными — до войны Т. Ф. Штыков был крупным ленинградским партийным работником и имел тесные личные связи с А. А. Ждановым. Чрезвычайно большое значение имела и деятельность полковника Игнатьева (10; 4; 5; 6;).

Говоря о деятельности советских властей на территории Северной Кореи за весь период от их освобождения страны и до провозглашения КНДР, следует иметь в виду, что стоявшие перед ними задачи можно было разделить на две взаимосвязанные, но

все-таки весьма отличающиеся друг от друга группы: экономические и политические. В экономическом отношении советские власти должны были поддерживать функционирование северокаорейской экономики, обеспечивать потребности населения в продовольствии и товарах первой необходимости. В политическом смысле советское командование должно было провести то, что в западной и южнокорейской литературе довольно метко называется «советизацией» или «коммунизацией» страны, то есть обеспечить приход к власти того режима, который бы в наибольшей степени устраивал советское руководство. В условиях тех лет это, как правило, означало насаждение в соседних странах сталинской модели социализма со всеми присущими ей особенностями. Сходные задачи советские оккупационные власти решали не только в Корее, но и во многих других государствах, оказавшихся к концу войны под контролем Советских Вооруженных Сил.

Однако положение, сложившееся в Корее к 1945 г., во многом отличалось от того, что существовало в странах Восточной Европы. Коммунистическое движение в Корее было очень слабо. Компартия Кореи, созданная в 1925 г., еще в 1928 г. была распущена решением Исполкома Коминтерна из-за раздиравших ее фракционных распри. Немногочисленные разрозненные коммунистические группы существовали в глубоком подполье, причем почти все они действовали в южной части страны. Влияние коммунистов в Северной Корее было незначительным, подавляющему большинству народа местные коммунистические лидеры были абсолютно неизвестны. Куда большим авторитетом пользовались националисты, общепризнанным лидером которых на Севере был Чо Ман Сик, но и они не представляли из себя серьезной сплоченной политической силы.

Еще до того как Пхеньян был занят советскими войсками, Чо Ман Сик сформировал там орган местного самоуправления, который с 17 августа стал называться Южнопхеньянским комитетом по подготовке независимости. В его составе было 20 членов, в большинстве своем представлявших различные националистические организации (от коммунистов в его состав вошли три человека) (17, С. 101).

Названный комитет не был уникальным явлением: в течение второй декады августа подобные органы корейского самоуправления начали возникать повсеместно, как на Севере, так и на Юге Кореи. Иногда это происходило под контролем, а то и по прямой инициативе советских военных, чаще — совершенно самостоятельно, в условиях образовавшегося после ухода японцев вакуума власти, а временами — даже параллельно с еще продолжавшей функционировать колониальной администрацией. На первых порах эти стихийно возникавшие демократические органы местного самоуправления носили самые разные названия, однако с конца августа за ними окончательно закрепилось наименование «народные комитеты».

Как только 26 августа в Пхеньян, ставший временной столицей Северной Кореи, прибыл штаб 25-й армии, депутация Южнопхеньянского комитета по подготовке независимости встретила с советским командованием. На встрече, состоявшейся 28 или 29 августа, произошла беседа члена Военного совета 25-й армии Н. Г. Лебедева с представителями Комитета по подготовке независимости, носившая ознакомительный характер (14; 4).

На первых порах советские власти не оставляли надежды привлечь на свою сторону Чо Ман Сика, который, как было ясно всем, являлся на тот момент самой популярной политической фигурой в Пхеньяне. Осенью 1945 г. советские офицеры неоднократно встречались с лидером северокаорейских националистов и пытались уговорить его возглавить формирующуюся северокаорейскую администрацию, но все эти переговоры шли очень трудно (7). Человек крайне правых взглядов, с неприязнью относившийся к коммунистам, Чо Ман Сик если и был согласен сотрудничать с советскими властями, то только на своих, довольно жестких условиях. Тем не менее именно Чо Ман Сик был поставлен во главе «Административного бюро пяти провинций» — временного органа самоуправления на территории Северной Кореи, который был создан 8 октября 1945 г. на организованной советскими властями встрече представителей народных комитетов пяти провинций Северной Кореи и рассматривался как своего рода северокаорейское «протоправительство».

Предпринимавшиеся на первых порах попытки привести к власти в Пхеньяне человека, не слишком тесно связанного с коммунистическим движением, имели под собой определенные основания как доктринального, так и практического характера. Во-первых,

развертывающиеся тогда на Севере процессы рассматривались как народно-демократическая, а не социалистическая революция. Считалось, что она должна была решать лишь национальные и общедемократические задачи, поэтому во главе режима на данном этапе было предпочтительнее иметь деятеля националистического направления¹. Во-вторых, советскому командованию приходилось учитывать, что влияние коммунистов, особенно на Севере, невелико. Поэтому представлялось весьма желательным опереться на авторитет Чо Ман Сика и других националистических лидеров.

Однако советское командование довольно быстро убедилось, что Чо Ман Сик использует свое положение для того, чтобы проводить свою линию, которая все чаще и чаще противоречила планам советских властей. В этой обстановке нарастающих противоречий советским властям пришлось заняться поиском новых политических комбинаций. Впрочем, к концу сентября 1945 г. положение на северокорейской политической сцене существенно изменилось: на ней появились новые силы. С конца августа в Пхеньян из-за границы стали приезжать советские корейцы и жившие в эмиграции корейские коммунисты.

Корейцы — граждане СССР, направленные в Северную Корею советским командованием, сыграли огромную роль в возникновении КНДР. Как известно, массовое переселение корейцев на русский Дальний Восток началось еще в середине прошлого века. К 1917 г. в России было около 100 тыс. корейцев. Жили они по преимуществу на Дальнем Востоке, но 1937 г. все советские корейцы были насильно переселены в Среднюю Азию (как объяснялось официально, «в целях борьбы с японским шпионажем»). Многие корейцы стали жертвами репрессий. Особенно трагично сложилась судьба офицеров Красной Армии — корейцев по национальности. Почти все они в конце 1937 г. были демобилизованы из армии, а потом арестованы. В меньшей степени были затронуты репрессиями те, кто был подальше от особо опасных в те годы военно-политических проблем: врачи, педагоги, инженеры. Кое-кто из них избежал расправы, и даже после переселения, уже в Средней Азии, продолжал занимать достаточно заметные посты.

С начала осени 1945 г. военкоматы в Средней Азии стали мобилизовывать корейцев (главным образом из числа тех, кто занимал более или менее заметное положение, имел базовое образование и считался «политически грамотным») и отправлять их в Пхеньян, в распоряжение штаба 25-й армии. Первая группа советских корейцев (12 человек) прибыла туда в начале сентября 1945 г. Она состояла в основном из людей, которые к тому времени были призваны в Советскую Армию и находились в распоряжении штаба фронта. Теоретически главной задачей этой группы было обеспечение контактов советских военных властей с местным населением, переводческая деятельность во всех формах, а также развертывание пропагандистской работы на территории, занятой советскими войсками. На практике же в условиях, когда подавляющее большинство советских офицеров не имело никаких представлений о Корее, эти люди оказывались консультантами, от которых порой зависело принятие важнейших решений (1; 4).

За первой группой последовали другие, и к концу 1945 г. в Северной Корее находилось по меньшей мере несколько десятков советских корейцев. В течение первых лет после Освобождения их количество все время возрастало и к моменту провозглашения КНДР достигло уже нескольких сотен. В большинстве своем это были бывшие учителя, но некоторые из них до отъезда в Корею занимали довольно заметные посты в советском партийном и государственном аппарате. К таким людям, в частности относился и А. И. Хегай (Хо Га И), которого считали лидером всех советских корейцев, — бывший секретарь райкома ВКП (б) в Нижнем Чирчике, под Ташкентом. В первые месяцы советские корейцы работали переводчиками в учреждениях СГА, но уже с весны 1946 г. они стали переходить на работу в формирующиеся партийные и государственные структуры Северной Кореи, оставаясь при этом не только гражданами СССР, но и солдатами и офицерами Советской Армии (формальная демобилизация их произошла только в конце 1948 г., когда советские войска были выведены из Кореи (1; 6; 7)).

Одновременно с советскими корейцами в Пхеньян осенью 1945 г. стали возвращаться из эмиграции и тюрем корейские коммунисты. Как уже говорилось, коммунистическое движение в северной части Кореи было слабым. Из-за жестоких репрессий со стороны японцев деятельность коммунистических организаций на территории Кореи была почти невозможной, поэтому основную деятельность корейские коммунисты развернули в эмиграции. После роспуска Компартии Кореи в 1925 г. и почти поголовного уничтожения корейской секции Коминтерна в годы сталинских репрессий связь между различными

группами корейских коммунистов была окончательно нарушена. К 1945 г. в корейском коммунистическом движении существовало три группировки, которые были почти не связаны друг с другом — яньаньская, маньчжурская (или партизанская) и внутренняя.

Во внутреннюю группировку входили те корейские коммунисты, которые не покинули страну и в тяжелых условиях японского гнета и полицейских преследований продолжали подпольную деятельность в самой Корее (главным образом, в Сеуле и южных районах страны). Сразу же после Освобождения в конце августа 1945 г. представители разрозненных коммунистических организаций собрались в Сеуле и объявили о воссоздании Компартии Кореи, распущенной в 1928 г. Самым авторитетным лидером этой группировки был Пак Хон Ен, который и был избран первым секретарем Центрального Комитета вновь созданной Компартии Кореи.

Другой группировкой корейских коммунистов стала так называемая «яньаньская фракция», состоящая из тех корейских коммунистов, которые находились в эмиграции в Китае, но, в отличие от Ким Ир Сена и его людей, не принимали непосредственного участия в боевых действиях в Маньчжурии (хотя некоторые из них и служили в частях Компартии Китая). Поскольку с 1925 г. штаб-квартирой китайских коммунистов была Яньань, то большинство эмигрировавших в Китай в 20—30-х годах корейских коммунистов-интеллектуалов в конце концов оказалось там, что определило название их фракции. В Яньани корейские эмигранты-коммунисты создали в 1940 г. свою организацию — «Лигу независимости». Руководителем яньаньцев считался Ким Ду Бон, однако в действительности этот крупный ученый-лингвист был символической фигурой и реальной практической политикой и администрированием почти не занимался. В Пхеньяне Ким Ду Бон и другие руководители «Лиги независимости» прибыли в декабре 1945 г. (8, С. 56).

Третьей группировкой корейских коммунистов была так называемая «маньчжурская» или «партизанская» фракция, во главе которой стоял Ким Ир Сен. Поскольку впоследствии после бурной и тяжелой борьбы, именно эта группировка оказалась у власти в КНДР, на ее истории стоит остановиться подробнее.

Как известно, после захвата в 1910 г. Кореи Японией на территории полуострова развернулось мощное партизанское движение. К концу 1910-х годов японским властям удалось подавить его и вытеснить партизан в приграничные с Кореей районы Маньчжурии, где проживало немало корейцев, и несколько позднее японцами было создано марионеточное государство Маньчжоу-го. Часть действовавших в Маньчжурии корейских партизан выступала под националистическими лозунгами, часть — под коммунистическими, причем корейские коммунисты, как правило, действовали совместно с китайскими, в рядах так называемой Объединенной антияпонской армии. В 1932 г. среди бойцов этой армии появился и молодой кореец Ким Сон Чжу, который затем, сделав успешную военную карьеру и став командиром крупного партизанского отряда, взял себе псевдоним Ким Ир Сен. Партизаны его отряда действовали в Маньчжурии, иногда совершая непродолжительные рейды и в приграничные районы Кореи.

Ким Сон Чжу родился в Мангендэ близ Пхеньяна в 1912 г. Его отец, выпускник американской миссионерской школы, связанный с христианским и националистическим движением, вскоре после рождения сына был вынужден вместе с детьми (кроме Ким Сон Чжу, у него было еще двое сыновей) уехать в Маньчжурию, где и прошло детство будущего северокорейского руководителя. Там Ким Сон Чжу учился в китайской школе. Еще будучи старшеклассником, он участвовал в подпольном марксистском кружке, был арестован и после своего освобождения из тюрьмы ушел к партизанам. Вскоре после этого Ким Сон Чжу вступил в Компартию Китая. Примерно с середины 30-х годов он стал пользоваться псевдонимом Ким Ир Сен, под которым и вошел в историю².

Тут, пожалуй, необходимо сделать небольшое отступление. Дело в том, что среди специалистов по международным сношениям и корееведов давно уже ходят слухи о том, что якобы нынешний руководитель Северной Кореи и партизанский командир 30-х годов — это не одно и то же лицо. Слухи эти появились еще в 50-е годы. Активно способствует их распространению и южнокорейская пропаганда, представители которой стремятся доказать, что нынешний руководитель КНДР попросту присвоил себе с помощью советского командования заслуги погибшего в конце 30-х годов партизанского командира³. Однако, факты опровергают эту слишком уж отдающую романами Дюма версию. Возникновению ее способствовало, по-видимому, то обстоятельство, что псевдоним

Ким Ир Сен был достаточно распространен среди корейского подполья и партизан и первые люди, пользующиеся этим псевдонимом, появились уже в 20-е годы, когда Ким Сон Чжу был еще мальчиком. Тем не менее никто из ранних «Ким Ир Сен» по своему значению не может равняться с одним из командиров Объединенной партизанской армии и будущим северокорейским руководителем.

К концу 1930-х годов японские колониальные власти в Маньчжурии провели целую серию успешных карательных походов, в результате которых им удалось нанести партизанскому движению серьезный урон и фактически разгромить его. Немногочисленные уцелевшие партизаны зимой 1940/41 гг. с боями прорвались на советскую территорию.

Первое время эти партизаны (в большинстве своем китайцы) находились в специально созданных на территории советского Дальнего Востока лагерях, где проходили обучение и изредка участвовали в разведывательных рейдах по Маньчжурии, организуемых советским командованием. Однако летом 1942 г. большинство перешедших через советскую границу маньчжурских партизан — как китайцев, так и корейцев — было объединено в специально для этого созданную 88-ю бригаду. Командиром бригады стал ветеран маньчжурского партизанского движения китайский коммунист Чжоу Баочжун, а командиром первого батальона был назначен Ким Ир Сен, который после окончания краткосрочных курсов при Хабаровском пехотном училище получил звание капитана Советской Армии. Бригада располагалась в поселке Вятск, в нескольких десятках километров от Хабаровска. Большинство в бригаде составляли китайцы, сравнительно же немногочисленные корейцы были сведены в первый батальон под командованием Ким Ир Сена. Бригада готовилась к участию в боевых действиях в случае начала войны с Японией, некоторые ее бойцы принимали участие в разведывательных операциях.

Численность корейских партизан была невелика. Кроме них, в состав бригады входило несколько советских корейцев — по большей части сотрудников советской военной разведки (будущий начальник оперативного управления Генштаба КНДР Ю Сон Чхоль и др.), но их было очень мало. По преимуществу первый батальон состоял из тех, кто в 30-е годы воевал в Маньчжурии под командованием Ким Ир Сена (7).

В краткой кампании на Дальнем Востоке 88-я бригада никакого участия не принимала, оставаясь на своей базе под Хабаровском. После завершения боевых действий, когда под контролем советских войск оказались значительные районы Китая и Кореи, советское командование решило расформировать 88-ю бригаду, а ее бывших солдат и офицеров направить в их родные места в качестве помощников советских военных комендантов. Они должны были, оставаясь советскими военнослужащими, помочь в налаживании контактов с местным населением. Поскольку самым крупным населенным пунктом, находившимся под советским контролем, был Пхеньян, а самым старшим по званию и должности из служивших в бригаде корейцев был Ким Ир Сен, то нет ничего удивительного в том, что именно он был назначен помощником коменданта будущей северокорейской столицы.

Вместе со своими партизанами Ким Ир Сен прибыл во Владивосток, а оттуда на пароходе «Пугачев» добрался до Вонсана. В Пхеньян Ким Ир Сен приехал в конце сентября 1945 г. и, надо признать, его появление там оказалось весьма кстати (7).

К этому времени советским властям стало ясно, что попытки наладить сотрудничество с местными националистами закончились полной неудачей и необходимо искать другую фигуру, на которую можно было бы опереться в проведении своей политики на Севере Корейского полуострова. По некоторым данным, работники советского консульства в Сеуле, которые к тому времени уже завязали тесные контакты с Пак Хон Еном и сумели высоко оценить его способности и ум, считали, что поддерживать следует в первую очередь его. Однако, эта точка зрения не встретила понимания ни у руководства 25-й армии, ни в Москве. Находившийся в Сеуле Пак Хон Ен был, во-первых, недостаточно хорошо известен советскому руководству, во-вторых, казался слишком ненадежным из-за своих сравнительно слабых связей с СССР, в-третьих, в прошлом был представителем Коминтерна, что не могло понравиться Сталину, недолюбливавшему бывших коминтерновцев. О каком-либо кандидате из числа собственно советских корейцев, которые в подавляющем большинстве впервые прибыли в Корею и были совершенно неизвестны там, не могло быть и речи. Таким образом, появление молодого и энергичного капитана Советской Армии Ким Ир Сена, в прошлом — командира маньчжурских партизан, а ныне — помощника коменданта города Пхеньяна, пришлось весьма кстати. Выбор пал на него, и после серии консультаций с Москвой, которые вел Т. Ф. Штыков, было принято реше-

ние о всяческой поддержке Ким Ир Сена как будущего лидера Северной Кореи.

В этой обстановке состоялось первое публичное выступление будущего руководителя КНДР перед жителями Пхеньяна на митинге 14 октября в честь Советской Армии. И. М. Чистяков представил собравшимся Ким Ир Сена как «национального героя» и «знаменитого партизанского вождя». Это, разумеется, было преувеличением, подавляющее большинство собравшихся о Ким Ир Сене до этого времени и не слышало. После этого Ким Ир Сен произнес речь в честь Советской Армии. Речь эта была написана в политделе 25-й армии и переведена на корейский язык майором М. Каном, поэтому многие ее обороты производили на пхеньянцев странное впечатление. Показательно, что одновременно с Ким Ир Сеном с речью на митинге выступил и Чо Ман Сик (4).

К моменту своего выступления на митинге Ким Ир Сен уже занимал один немаловажный пост, о чем, впрочем, почти все собравшиеся еще не знали. 13 октября в Пхеньяне было создано северокорейское бюро Компартии Кореи, которое подчинялось располагавшемуся в Сеуле ЦК Компартии во главе с Пак Хон Еном и должно было координировать деятельность коммунистов в районах, оказавшихся под советским контролем. Подчиненное положение бюро было подчеркнуто направленной после его создания в Сеул телеграммой, в которой выражалась «поддержка правильной линии товарища Пак Хон Ена». Официально о создании бюро было объявлено лишь через неделю, 20 октября. Председателем бюро избрали Ким Ен Бома, который еще в 30-е годы был направлен в Корею Коминтерном для нелегальной работы. Ким Ир Сен сначала стал членом бюро, а через два месяца сменил Ким Ен Бома на посту его председателя, став, таким образом, главным руководителем северокорейских коммунистов (9, С. 70—71; 6).

К началу 1946 г. Ким Ир Сен возглавил и государственный аппарат Северной Кореи. Давно назревавший конфликт между советским командованием и националистическими группировками в народных комитетах разразился в самом начале 1946 г., когда в Корею стали известны результаты Московского совещания министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции. На этом совещании было, в частности решено установить над Кореей совместный протекторат четырех великих держав. Это решение вызвало массовые протесты националистов и их сторонников как на Севере, так и на Юге страны. В Пхеньяне решение о протекторате привело к своего рода правительственному кризису. Когда в начале января советское командование обратилось к Административному комитету пяти провинций с требованием выразить поддержку решениям Московского совещания, комитет, во главе которого стоял Чо Ман Сик, отказался это сделать. В знак протеста против Московского совещания Чо Ман Сик подал в отставку, его примеру последовали почти все члены комитета, стоявшие на националистических позициях. Вскоре Чо Ман Сик был арестован (4). Созданная им правонационалистическая Демократическая партия потеряла какое-либо самостоятельное значение после того, как в феврале 1946 г. вместо Чо Ман Сика (обвиненного не только в «связях с южнокорейскими реакционерами», но и в «тайном сотрудничестве с японцами») под советским давлением ее председателем стал Цой Ен Ген, в прошлом — маньчжурский партизан, впоследствии — офицер 88-й бригады, близкий друг Ким Ир Сена (8, С. 58; 4, С. 176). Таким образом, произошел окончательный разрыв между коммунистами и советским командованием — с одной стороны, и националистами — с другой.

На месте распавшегося Административного комитета пяти провинций в феврале 1946 г. был создан Временный народный комитет Северной Кореи, главой которого был назначен Ким Ир Сен (8, С. 87). Из 17 членов комитета 12 были членами Компартии Кореи, а двое представляли Демократическую партию, которая перестала быть самостоятельной политической организацией. В состав Временного народного комитета входило 11 бюро, которые выполняли функции министерств и были созданы на базе соответствующих департаментов СГА. После создания этого комитета руководство СГА заявило, что в целом оно выполнило свою задачу и отныне власть в стране переходит в руки местных административных органов, а соответствующие учреждения СГА берут на себя по преимуществу консультативные функции. Объявлялось, что под контроль Временного народного комитета передаются департаменты СГА, суд и прокуратура (13, С. 126). Заявление это лишь отчасти соответствовало истине: фактический контроль над ситуацией еще некоторое время оставался в руках СГА (в частности, именно советскими властями была подготовлена аграрная реформа). Бесспорно и то, что и молодой северокорейский государственный аппарат постепенно начинал играть свою роль в жизни страны.

Следующий важный шаг был сделан в июле 1946 г., когда была создана Компартия Северной Кореи, которая превратилась в самостоятельную организацию, независимую от сеульского ЦК, что обеспечивало ей большую свободу рук. Бывшее Северокорейское бюро Компартии Кореи превратилось в ЦК Компартии Северной Кореи. Первым руководителем Компартии Северной Кореи стал Ким Ир Сен.

К тому времени ряды Компартии Кореи, которая фактически уже была правящей партией, быстро росли, в ее руководстве особую роль играли и бывшие маньчжурские партизаны, и советские корейцы, многие из которых с конца 1945 г. стали переходить из Советской Армии и учреждений СГА на работу в аппарат Компартии Кореи и новых местных органов власти. Этот переход, принявший к середине 1946 г. массовый характер, дал формирующемуся корейскому государству немало ценных специалистов. Обычно советские корейцы не назначались на высшие посты в тех или иных организациях, но, обладая большим опытом, именно они сплошь и рядом осуществляли реальное руководство деятельностью своего учреждения. В то же самое время, вернувшиеся из Китая коммунисты из яньаньской группировки, во главе которых стоял Ким Ду Бон, в основном не вступили в Компартию Северной Кореи, а на базе созданной еще в Яньани «Лиги независимости» образовали собственную Новую народную партию.

Слияние этих двух партий, которому активно способствовали советские военные власти, не без основания опасавшиеся фракционных распрей между коммунистами, произошло в июле 1946 г. В августе состоялся I съезд объединенной партии, которая получила название Трудовая партия Северной Кореи и насчитывала к тому времени около 170 тыс. членов (134 тыс. — в Компартии и 35 тыс. в Новой народной партии) (9, С. 174). Любопытно, что почетным председателем I съезда ТПК был избран Сталин. На съезде состоялись выборы ЦК и руководящих органов новой партии. Первым председателем ЦК ТПК стал, однако, не Ким Ир Сен, как можно было бы ожидать, а бывший лидер Новой народной партии Ким Ду Бон (10, С. 57). Ким Ир Сен был избран его заместителем, но довольно быстро выяснилось, что реальный контроль над партийными делами находится в руках Ким Ир Сена и его ближайших помощников из числа маньчжурских партизан советских корейцев (в первую очередь — А. И. Хегай, обладавшего большим опытом административной деятельности), в то время, как сам Ким Ду Бон остается лишь символической фигурой (2). Отчасти это может быть объяснено поддержкой Ким Ир Сена советскими властями⁴, а отчасти — и явным нежеланием самого Ким Ду Бона заниматься текущей административной деятельностью.

Несмотря на то что высшим партийным руководителем формально считался Ким Ду Бон, главой исполнительной власти — Временного народного комитета Северной Кореи — оставался Ким Ир Сен. В ноябре 1946 г. в Северной Корее прошли выборы, а в феврале 1947 г. состоялся I съезд народных комитетов, которые символизировали местную законодательную власть (излишне говорить, что реальная власть принадлежала партийному аппарату, как это и предусматривали сталинские представления об обществе и государстве). От имени съезда было сформировано новое северокорейское правительство — Народный комитет Северной Кореи. Его главой остался Ким Ир Сен (8, С. 101).

Важным событием стало создание в августе 1946 г. единого Демократического национального фронта, объединившего все партии страны на платформе признания руководящей роли коммунистов. С этого времени все существующие в стране партии оказались под жестким коммунистическим контролем.

Несколько позже слияние левых партий произошло и на Юге, но вплоть до 1949 г. ТПК Северной и Южной Кореи оставались самостоятельными партиями, хотя и действовали в тесном контакте: нелегальные поездки лидера южнокорейских коммунистов Пак Хон Ена в Пхеньян были частным явлением, а в 1947—1948 гг. в связи с усилением антикоммунистической кампании на Юге большинство руководителей Трудовой партии Южной Кореи перешло на Север. Впрочем, и Ким Ир Сен также поддерживал контакты не только с командованием 25-й армии. Летом 1946 г. состоялся секретный визит Ким Ир Сена и Пак Хон Ена в Москву и их тайная встреча со Сталиным, на которой обсуждались перспективы политической ситуации в Корее (6).

С лета 1946 г., когда стало ясно, что принятый на Московском совещании план установления над Кореей совместной опеки и формирования единого общекорейского правительства окончательно сорвался, на Севере началось формирование независимого государства. Аналогичные процессы пошли и на Юге, где пришедшая к власти при прямой поддержке американских оккупационных властей группировка Ли Сын Мана также стала

проводить линию на создание «своего» государства в южной части полуострова.

Весной 1946 г. в Северной Корее была проведена аграрная реформа, которая полностью уничтожила помещичье землевладение. В августе 1946 г. началась национализация. Оба эти важнейшие мероприятия были от начала и до конца подготовлены США, хотя и проводились от имени местных властей (4). Формально национализации подлежали только предприятия японских фирм и сотрудничавших с японскими властями корейских капиталистов, однако в условиях колониальной Кореи подавляющее большинство крупных и средних предпринимателей не могло не сотрудничать с японскими властями, так что фактически национализирована оказалась вся крупная и почти вся средняя промышленность. Эти мероприятия привели к тому, что экономические структуры Севера и Юга стали все более отличаться друг от друга. В то время как на Юге сохранялась капиталистическая рыночная экономика, Север постепенно переходил к плановому хозяйству (первый народнохозяйственный план был принят в 1947 г.) (9, С. 193). Декабрь 1947 г. ознаменовался проведением денежной реформы, которая привела к введению на Севере собственной валюты и еще большему разрыву экономик Севера и Юга (2, С. 95; 3).

Одновременно с экономическими реформами на Севере началось формирование собственных вооруженных сил и служб безопасности. Первые подразделения северокорейской армии были созданы еще в 1946 г. под непосредственным руководством советских военнослужащих. На первых порах открытое формирование собственных вооруженных сил на Севере могло бы привести к осложнениям в отношениях с американской оккупационной администрацией на Юге, поэтому создавались они в целях маскировки под видом полицейских подразделений. Официально о создании собственной северокорейской армии было объявлено только 8 февраля 1948 г., но к тому времени она уже не только реально существовала, но и представляла из себя значительную военную силу. Значительное число младших корейских офицеров прошло подготовку в СССР и Китае, генералы же в большинстве своем были выходцами из партизан или же бывшими офицерами вооруженных сил Компарии Китая. Советских корейцев в армии было мало, причем почти все они находились на нестроевых должностях — результат репрессий 1937 г., которые привели к гибели почти всех советских офицеров-корейцев. Во главе Генерального штаба встал бывший маньчжурский партизан Кан Гон, служивший вместе с Ким Ир Сеном в 88-й бригаде (1).

Северокорейская полиция и служба безопасности также возникла еще в 1946 г., когда в составе Временного народного комитета Северной Кореи было образовано бюро безопасности, во главе которого на первых порах встал Цой Ен Ген. Вскоре, однако, контроль над службой безопасности оказался в руках приехавшего из СССР в 1947 г. Пан Хак Се, бывшего работника прокуратуры города Кзыл-Орда (2).

Советские власти оказывали разнообразную поддержку и помощь в решении возникающих проблем, самой острой из которых были, пожалуй, кадровая. В условиях колониального режима корейцы, как правило, не могли получить высшего и среднего специального образования. Немногочисленные квалифицированные специалисты-корейцы были в своем большинстве выходцами из привилегированных слоев, представители которых весьма неодобительно относились к происходящему на Севере и уже с весны 1946 г. стали уезжать в оккупированную американцами Южную Корею, что еще более обостряло нехватку кадров. В значительной степени помогли решению кадровых проблем советские корейцы, которые приезжали на Север в массовом порядке и занимали в первую очередь посты, требующие специальной подготовки. С 1946 г. началось обучение корейских студентов в советских вузах. Большое значение имело открытие в июле 1946 г. в Пхеньяне университета имени Ким Ир Сена и ряда других вузов. Летом 1946 г. США также открыла в Пхеньяне Высшую школу кадровых работников, где преподаватели — советские корейцы обучали будущих северокорейских руководителей по программам, довольно близким к тем, что использовались в советской системе партийной учебы. Несколькими позднее была основана и Центральная школа работников службы общественного порядка, которая готовила не только и не столько полицейских, сколько офицеров будущей северокорейской армии. Наконец, в 1947 г. в Кандоне под Пхеньяном было создано Кандонское политическое училище, готовившее кадры для нелегальной деятельности на юге страны. Директором этого училища стал советский кореец Пак Пен Юль (1; 5).

Таким образом, к концу 1947 г. на Севере Корейского полуострова фактически уже

существовало самостоятельное государство со своим правительством, финансами, законодательством, армией и полицией. Аналогичные процессы происходили и на Юге, так что окончательный раскол был совершенно неизбежен.

Последним шагом к закреплению раздела страны стало проведение в 1948 г. выборов и провозглашение на Севере и на Юге независимых государств. После состоявшихся выборов в Сеуле в мае 1948 г. на Юге была провозглашена Корейская республика. В ответ на это в августе 1948 г. на Севере также прошли выборы в Верховное народное собрание.

2 сентября в Пхеньяне открылась первая сессия Верховного народного собрания, которая 9 сентября провозгласила Корейскую Народно-Демократическую Республику и приняла ее первую Конституцию. На этом завершился период формирования на Корейском полуострове двух враждебных друг другу государств, началась эпоха раскола Кореи, отмеченная кровавой бурей 1950—1953 гг. и десятилетиями взаимной подозрительности и напряженности.

¹ Эта трактовка событий 1945—1947 г. как антифеодальной, национально-освободительной, антиимпериалистической революции, которая впоследствии переросла в социалистическую, получила большое распространение в советской историографии / например, отчасти посвященную этому вопросу работу Ф. И. Шабшиной (11, С. 70—71).

² Наиболее тщательное рассмотрение биографии Ким Ир Сена до его прибытия в Советский Союз, основанное на всех опубликованных к настоящему времени документах, содержится в известной работе американского исследователя Со Дэ Сука (15).

³ Пожалуй, наиболее обстоятельно версия о «подмененном Ким Ир Сене» изложена в работе японского историка корейского происхождения Хо Дон Чхана «Критическая биография Ким Ир Сена» (16).

⁴ При знакомстве с публикациями тех лет бросается в глаза, что советская печать постоянно подчеркивала особую роль Ким Ир Сена как «вождя корейского народа», в то время, как Ким Ду Бона упоминала достаточно редко и вскользь.

ЗАПИСКИ ИНТЕРВЬЮ

1. Интервью с Кан Сан Хо.— 1989.— 31 октября. Кан Сан Хо — советский журналист и партийный работник, в 1945—1959 гг. на работе в КНДР, занимал ряд постов: директор Высшей партийной школы, замминистра внутренних дел и др.

2. Интервью с Кан Сан Хо.— Ленинград, 1989.— 30 ноября.

3. Интервью с Ким Чханом.— Ташкент, 1991.— 15 января. Ким Чхан — специалист по финансовым вопросам, в 1945—1956 гг. на работе в КНДР, занимал ряд высших постов в банковских учреждениях.

4. Интервью с Н. Г. Лебедевым. Н. Г. Лебедев — советский генерал, в 1945 г.— член военного совета 25-й армии, позднее — глава СГА.

5. Интервью с Пак Пен Юлем. Пак Пен Юль — учитель, в 1947—1959 гг.— на работе в КНДР, 1947—1950 гг. директор Кандонского политического училища.

6. Интервью с Ф. И. Шабшиной. Ф. И. Шабшина — выдающийся советский кореевед, в первые послевоенные годы вместе со своим мужем, советским вице-консулом в Сеуле, находилась в Корее.

7. Интервью с Ю Сон Чхолом Ташкент, 1991.— 18 января. Ю Сон Чхоль — в 1941—1946 гг. сотрудник советской разведки, в 1948—1956 гг.— начальник оперативного управления Генштаба Корейской народной армии.

ПУБЛИКАЦИИ

8. Кравцов И. Агрессия американского империализма в Корее (1945—1951). М., 1951.

9. Крайнов П. Борьба корейского народа за независимость. М., 1948.

10. Пигулевская А. Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М., 1952.

11. Сапожников Б. Г. Из истории советско-корейской дружбы. Освобождение Кореи. М.: Наука, 1976.

12. Шабшина Ф. И. Социалистическая Корея. М., 1963.

13. Щетинин Б. В. Власть — народу. Во имя дружбы с народом Кореи. М., 1965.

14. Чистяков И. М. Божьей путь 25-й армии. Освобождение Кореи. М., 1976.

15. Suh Da e - suk. Kim Il Sung: The North Korean Leader. New York: Columbia University Press, 1988.

16. Хо Дон Чхан. Ким Иль Сон пхинчжон=Критическая биография Ким Ир Сена. Сеул, 1988.

17. Пукхан сасил пен=40 лет Северной Кореи. Сеул: Ырю мухва са, 1988.

Страницы истории Дальневосточной республики

А. АЗАРЕНКОВ, Э. ШАГИН

Заключительный этап гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке страны отличался глубокой спецификой. Одним из выражений этой специфики было создание особого, промежуточного между Советской Россией и Японией, государственного образования — Дальневосточной республики.

Проблематика буферного государства давно привлекала внимание исследователей. Однако лакировка действительности привела к многочисленным упрощениям. Некоторые проблемы, без которых нельзя понять смысл политического компромисса, воплотившегося в идее буфера, остались обойденными. Особенно это касается политической истории ДВР, относящейся к деятельности политических партий оппозиционного лагеря. Требуют переосмысления и сюжеты, много раз исхоженные (вопросы истории образования ДВР, ее внешней политики, деятельности партии и профсоюзов, кооперации, иных общественных организаций, экономической политики буферного государства и многие другие).

Митинг в г. Чите после освобождения города от семеновцев. Октябрь 1920 г.

Азаренков Александр Алексеевич, аспирант кафедры истории СССР (Советский период) МГПУ имени В. И. Ленина.

Шагин Эрнст Михайлович, профессор, заведующий кафедрой истории СССР (Советский период) МГПУ имени В. И. Ленина, доктор исторических наук.

Правдивая история дальневосточного буфера должна быть написана, по существу, заново. Мы предполагаем коснуться не только вопросов становления политической системы ДВР, освещаемых в этом выпуске, но и вопросов экономической политики и международного положения ДВР — в последующих номерах журнала.

1. Идея буферного государства

Ключевой в понимании всего комплекса вопросов истории буферного государства является проблема создания Дальневосточной республики. ДВР строилась в тесном взаимодействии различных политических сил, требовала от них во многом оригинальных подходов к пониманию роли и места нового государственного образования, форм власти и ее содержания.

После разгрома колчаковского режима Советская Россия оказалась перед фактом сложного и запутанного положения на востоке страны. Здесь тесно сплетались проблемы как внутривластные, так и международного свойства. До прихода частей 5-й Красной Армии во многих районах Восточной Сибири и Дальнего Востока вакуум власти был заполнен организованными еще в период белогвардейской диктатуры демократическими силами. Массовое движение, развивавшееся под лозунгами единого народного фронта, смело колчаковских наместников. Были созданы временные органы власти переходного типа, коалиционные по составу входивших в них социалистических группировок.

В своих программных документах новая власть, при различии в тактике сил, ее составляющих, выдвигала три общих требования. Во-первых, отличные от советских формы власти до созыва Сибирского Учредительного Собрания, которому предстояло определить конструкцию власти. Во-вторых, продолжение вместе с РСФСР до полной победы борьбы с реакцией и интервенцией на востоке. В-третьих, отказ от военной борьбы против Советской России и мирные переговоры с нею об образовании особых форм государственности в Сибири в рамках единой России, установление гражданского мира на территории Сибири и Дальнего Востока¹. Справедливости ради необходимо отметить, что вновь образовавшиеся правительства не обладали достаточной военной силой.

Как отнеслись к появлению власти умеренных срединных группировок в Сибири и на Дальнем Востоке другие силы, внешние и внутренние, втянутые в российский граждан-

Члены Дальревкома первого состава.

Слева направо: И. П. Уборевич, Н. М. Матвеев, П. А. Кобозев, П. П. Постышев, Г. Н. Кореньев, Н. А. Кубяк (1922).

ский конфликт? Американцы, обеспечивая дипломатическую поддержку сибирской демократии, поспешили в одностороннем порядке отозвать свои войска. Для чехословаков новая власть была наиболее приемлемой, поскольку обеспечивала все необходимые условия для их беспрепятственного возвращения на родину. Япония заняла враждебную позицию, продолжая безоговорочно поддерживать казачью атамановщину и остатки разбитых белых армий к востоку от Байкала. Почти 100-тысячный экспедиционный корпус Японии не собирался отказываться от экспансии в «сфере ее жизненно важных интересов». Цеплялись за ускользавшую власть и зависимые от Японии атаманы Семенов и Калмыков.

Для Советской власти, а также для командования наступавшей на Сибирь 5-й Красной Армии появление островков демократии на востоке явилось несколько неожиданным фактом. Заняв первоначально весьма непримиримую позицию, большевики вскоре вынуждены были внести в нее необходимые коррективы. По мере продвижения на восток все больше втягиваясь в борьбу международную, Москва должна была формировать новую тактику. В ходе переговоров представителей Сибревкома и Реввоенсовета 5-й Армии с делегацией иркутского эсеро-меньшевистского правительства (Политического Центра) в январе 1920 г. выдвинутая последней идея буферного государства получила поддержку со стороны сибирских большевиков.

21 января 1920 г. в телеграмме на имя председателя Сибревкома И. Н. Смирнова и в Реввоенсовет 5-й армии В. И. Ленин и ЦК РКП(б) одобрили мысль о создании буферного государства. Для практического осуществления этого предложения сибирскому партийному руководству предоставлялся тактический простор в условиях быстро меняющейся обстановки².

Однако, несмотря на поддержку Центра, идея буфера столкнулась с серьезной оппозицией со стороны большинства членов Сиббюро ЦК РКП(б), Реввоенсовета 5-й Армии, большевистских организаций на местах. Старые настроения «революционного штурма» по-прежнему преобладали. Несмотря на резкое падение боеспособности, усталость бойцов от тысячекilометровых переходов по Сибири, отставание тыловой базы, тиф, Красная Армия быстро продвигалась вдоль линии Транссибирской магистрали. Но в дальнейшем нереалистичная позиция грозила неудачами и нарушением зыбкого мира с Японией и втягиванием Советской республики в новую большую войну, на этот раз на Дальнем Востоке.

В этой ситуации решающее слово сказал Центр. 18 февраля 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) вернулось к рассмотрению вопроса о дальневосточных делах, подтвердив решение о необходимости поддержки буферного государства. В телеграмме за подписью секретаря ЦК Н. Н. Крестинского, адресованной Сибревкому, приводился текст резолюции: «Политбюро ЦК безусловно за политику поддержки буферного государства. Противники этой политики обязаны прекратить свою оппозицию под угрозой строгого наказания. Политбюро безусловно против отвлечения военных и других сил дальше Иркутска»³.

На следующий день В. И. Ленин изложил и свою личную позицию по этому вопросу, направив телеграмму председателю Реввоенсовета РСФСР Л. Д. Троцкому: «Надо бешено изругать противников буферного государства, (...) погрозить им партийным судом и потребовать, чтобы все в Сибири осуществили лозунг: «ни шагу на восток далее, все силы напрячь для ускоренного движения войск и паровозов на запад в Россию». Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят. Это будет преступление»⁴. По мысли В. И. Ленина буфер предусматривал определенный компромисс, заключавшийся в отказе от военного решения проблемы и в переходе к осторожной тактике дипломатических переговоров с Японией. Кроме того, в условиях острого продовольственного кризиса Сибирь мыслилась не театром военных действий, а глубоким тылом, снабжавшим страну хлебом. Примерно в это же время, в январе 1920 года, В. И. Ленин пишет проект постановления Политбюро по вопросу о торговых взаимоотношениях с Антантой через российскую кооперацию. В числе наиболее вероятных районов для товарообмена фигурировал Дальний Восток⁵.

Директивы большевистского партийного Центра и указания В. И. Ленина резко активизировали работу по строительству дальневосточного буферного государства. Пока вопрос о его необходимости дебатировался в Сиббюро и РВС, на местах уже началось практическое создание новых форм власти, различавшихся в условиях каждой из областей.

В Приморье коммунисты, не имея связи с руководящими центрами, определяли свою тактику самостоятельно, принимая во внимание намерения Японии. Приморская организация РКП(б) независимо от решения Москвы подошла к идее буфера, вступив в соглашение с местными социалистическими группировками и поддержав образовавшуюся земскую власть. Но сложная обстановка требовала объединения усилий по созданию буфера в рамках всего Дальнего Востока. Начался поиск взаимного согласия в образовании демократических, коалиционных институтов власти, чтобы склонить интервентов к мирным переговорам.

Понимание основных задач буферного государства сибирскими красными комитетами социалистических партий в целом совпадало с мнением Москвы. Однако в трактовке путей достижения этих задач существовали принципиальные разногласия. Большевики по существу предлагали идею формального буфера, в политическом, дипломатическом и хозяйственном отношениях неразрывно связанного с Советской Россией, армия должна была всецело находиться под контролем коммунистов, во главе с командующим 5-ой армией, с политорганами из большевиков.

Меньшевиком, а в еще большей степени эсеров совершенно не удовлетворял объем прав, которые получал буфер по проекту большевиков, хотя они и не отрицали безусловную важность и необходимость тесного союза с Советской Россией. Для эсеров идеалом являлся принцип народоправства как основы государственного устройства, для меньшевиков — идея диктатуры пролетариата на базе единого революционного фронта всех партий, выражающих интересы трудящихся. Эти партийные программы были трансформированы социалистами применительно к их пониманию характера политического строя буферного государства и форм учреждений, его воплощающих. В частности, эсеры требовали государственного образования с достаточно крупной территорией, обеспечивавшей его хозяйственно-политическую устойчивость и сопротивляемость японской экспансии. Законодательные органы парламентского типа мыслилось избирать на основе всеобщего голосования, хотя в состав правительства буржуазия не должна была допускаться. Последнее становилось коалиционным, с участием социалистических группировок и коммунистов.

Идея коалиции социалистов и коммунистов находила поддержку и у меньшевиков. Социал-демократы считали обязательным условием своего участия в создании новой государственности выработку компромиссной программы строительства буфера и совместные действия по ее реализации⁶. Таким образом, если для эсеров идея гражданского мира должна была воплотиться в созыве всенародных представительных учреждений парламентского типа снизу доверху, то для меньшевиков она означала прежде всего единство внутри демократии и политический блок социалистов и коммунистов.

В ответ на информацию об отказе сибирских партийных центров эсеров и меньшевиков участвовать в создании буфера, лишь формально независимого от Москвы, В. И. Ленин 9 марта 1920 г. отреагировал достаточно резко: «Никаких условий с эсерами и меньшевиками: либо подчиняются нам без всяких условий, либо будут арестованы»⁷. Однако по мере практической наработки возникала реальная возможность в достижении компромисса. Для коммунистов такой компромисс, не затрагивая руководящей роли РКП(б) в новом государстве, означал привлечение социалистических группировок к деловому сотрудничеству в органах власти, приемлемых и для большевиков, и для их оппонентов.

Путь к компромиссу оказался довольно непростым и длительным. Формы и структура власти не сразу стали ясными. Съезд трудового населения Прибайкалья, открывшийся 28 марта 1920 г. в Верхнеудинске, декларировал создание Дальневосточной республики, образовав временное правительство буфера. Однако он не дал четкого определения формы государственного устройства ДВР. Представленные социалистами предложения о «четырёххвостке» — всеобщем, равном, прямом избирательном праве при тайном голосовании как демократической формуле для избрания законодательного органа власти и о созыве Учредительного Собрания для выработки Конституции буфера были отвергнуты. В то же время глава временного правительства ДВР А. М. Краснощёков выступил против резолюции о недопущении в состав органов власти представителей земства. «Исключив представителей земства из состава власти, мы тем самым исключаем самую сущность буфера, который построен именно на начале привлечения к власти представителей общественности и всех социалистических партий», — заявил на съезде А. М. Краснощёков⁸. Поправка была отклонена, но социалистические партии отказались войти во

временное правительство, потребовав от коммунистов более серьезных уступок*. Кризис власти, подрывавший возможность практического воплощения идеи буфера, побудил Москву более четко определиться в вопросе о государственной структуре и содержании политики ДВР.

2. Большевистский план

Решениями пленумов ЦК РКП(б) от 17 июля и 5 августа 1920 г. образовывалась комиссия по разработке проекта развернутой директивы Центра партийным организациям Дальнего Востока. Вопросами дальневосточного буфера непосредственно занимался и В. И. Ленин. 17 июля он получил телеграмму от члена Дальбюро РКП(б), председателя временного правительства и министра иностранных дел ДВР А. М. Краснощёкова с информацией о подписании договора о перемирии с Японией и просьбой ответить на некоторые принципиальные вопросы, касающиеся практической работы коммунистов в новых условиях. «Необходима новая точная формулировка основ Дальреспублики», — говорилось в телеграмме. В ответном послании, касаясь основ будущей Конституции ДВР, В. И. Ленин указывал: «Допустима демократия с маленькими привилегиями коммунистов». В качестве принципов избирательного права для буферной государственности В. И. Ленин считал вполне возможным использовать «четырёххвостку»⁹. А 13 августа 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело подготовленный комиссией проект «Кратких тезисов по Дальневосточной республике». Этот документ излагал основные принципы политики буферного государства и формы его организации. После утверждения проекта в окончательном виде они выглядели следующим образом.

По форме организации власти, ДВР должна была стать буржуазно-демократическим государством. Однако, указывалось в тезисах, «этот характер ее является чисто формальным». В частности, не допускался парламентаризм как система организации государственной власти, основанная на принципе разделения властей. Вместо нее было признано целесообразным применять «методы так называемого в Америке и Новой Зеландии комиссионного управления, то есть управления комиссиями, выбираемыми центральными и местными периодически собирающимися съездами». Такими комиссиями в последующей практике государственного строительства ДВР, согласно ее Конституции, стали в центре правительство республики, а на местах — областные управления, получившие широкие права законодательства, делегированного им съездами (Народными Собраниями). Эти комиссии должны были «формально считаться беспартийными, фактически же должны состоять целиком или в подавляющем большинстве из коммунистов».

Поскольку центральное и областные правительства, согласно этой схеме, избирались Народными Собраниями, то принципиальное значение приобретал вопрос о составе последних, особенно в связи с допущением демократической «четырёххвостки» на выборах. Тезисы давали лишь общее направление действий коммунистов по этому вопросу: «Путем ряда мер состав съездов может быть сделан чисто трудовым». Определить содержание предлагаемых мер должны были сами дальневосточные большевики. Формальный характер буржуазно-демократического строя буфера отражала и та часть тезисов, которая касалась Амурской области, где была установлена Советская власть. Директива Центра не требовала проводить здесь немедленных и категоричных изменений: Советская форма власти «может в местном масштабе продолжать существовать, не нарушая формального буржуазно-демократического характера республики».

Директивой 13 августа во многом подтверждались выдвинутые ЦК РКП(б) и В. И. Лениным еще на переговорах с эсерами и меньшевиками в начале 1920 г. положения о роли и месте Народно-Революционной Армии (НРА) ДВР. Этот реальный рычаг власти коммунистов в буфере лишь формально оставался в подчинении правительства ДВР. НРА «на деле должна быть одной из армий Советской России. Все сношения (...)

* Представители социалистических партий присутствовали на съезде трудящихся Прибайкалья в конце марта — начале апреля 1920 года, будучи избраны от областного земства. Партийные комитеты эсеров и меньшевиков отказались делегировать на съезд своих представителей.

должны вестись непосредственно из московского Центра со штабом главкома НРА (...) Главком назначается Реввоенсоветом РСФСР и формально утверждается правительством ДВР».

Что же касается политического руководства буфером, то принципиальные вопросы тактики дальневосточных коммунистов должны были решаться с согласия ЦК РКП(б). «ЦК руководит политикой ДВР через назначенное из Центра Дальбюро из трех лиц, непосредственно подчиняющихся ЦК РКП(б) и Наркоминделу и сносящихся с ними, как и с Наркоминделом, непосредственно (...) Все существенные вопросы внутренней и все без исключения вопросы внешней политики, в особенности все вопросы о концессиях, экономических соглашениях и взаимоотношениях с иностранным капиталом, решаются с согласия Центра», — подчеркивалось в тезисах¹⁰.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 13 августа стало программой строительства дальневосточного буферного государства руками партии коммунистов. После разгрома атамана Семенова, ликвидации «забайкальской пробки» и объединения всех областей Дальнего Востока в единое целое встал вопрос о созыве Учредительного Собрания для выработки и принятия Конституции ДВР. С учетом новой внутривосточной ситуации в республике, а также на основе обобщения уже накопленного опыта строительства буферной государственности и хозяйственной политики потребовалось частично скорректировать и расширить программу действий большевистской партии в ДВР. 4 января 1921 г. этот вопрос обсуждался на пленуме ЦК РКП(б) в присутствии приехавшего в Москву с информацией члена временного правительства ДВР П. М. Никифорова. Последний выступил с докладом об экономическом и политическом положении республики. По поводу принятого Дальбюро ЦК РКП(б) в декабре 1920 г. решения настаивать перед Москвой о ликвидации буфера, пленум ЦК утвердил постановление, гласившее: «Признать советизацию ДВР безусловно недопустимой в настоящее время, равно как недопустимыми какие бы то ни было шаги, способные нарушить договор с Японией». Тем самым Центр подтверждал взятый курс на строительство буферного государства.

Пленум ЦК РКП(б) от 4 января 1921 г. создал комиссию под председательством Г. В. Чичерина, в задачи которой входила выработка новой подробной директивы о буфере¹¹. Заключение комиссии было поставлено на обсуждение очередного пленума ЦК РКП(б), состоявшегося 12 января.

Утвержденный документ получил название «Краткие тезисы о ДВР». Подтверждая требование о недопущении парламентской политической системы и имея в виду использование отдельных элементов парламентской демократии, принятое решение гласило: «Учредительное Собрание (...) после установления Конституции, выборов центрального правительства и расширенного президиума (Совета Министров ДВР.— Авт.) должно разбегаться и собираться периодически на краткосрочные сессии по мере надобности». Парламент, таким образом, по существу лишился возможности осуществлять реальный контроль за деятельностью других органов власти и управления в центре и на местах, а также резко ограничивался в своих законодательных полномочиях. Демонстрируя буферный демократизм перед иностранными державами, он не обладал действительной властью. По существу неограниченными полномочиями в сфере законодательства наделялось правительство ДВР — узкоколлегиальный орган из семи лиц. Через институт делегированного законодательства правительство получало право издавать временные законы, подлежащие затем утверждению органов народного представительства. Фактически же правительство заменяло парламент в периоды между краткосрочными сессиями. По Конституции ДВР сессии парламента могли продолжаться в общей сложности не более четырех месяцев в году.

Хотя правительство и избиралось парламентом, оно целиком состояло из коммунистов. В условиях, когда почти $\frac{2}{3}$ состава Учредительного Собрания контролировали большевики, в правительство не было проведено ни одного представителя от оппозиционных фракций. Голосами «беспартийных» депутатов парламента, объединенных в крестьянскую фракцию большинства, куда входили и так называемые «скрытые коммунисты», Дальбюро ЦК РКП(б) обеспечило однопартийный состав правительства ДВР.

Директива Центра — «Краткие тезисы о ДВР» — предоставляла «семерке» также полномочия по определению времени и даже целесообразности созыва очередных сессий парламента. На практике эта прерогатива была использована весной 1922 г.,

Группа руководящих работников ДВР.

1 ряд справа: Н. М. Матвеев, Н. М. Никифоров, Д. С. Шилов

когда очередная сессия Народного Собрания не созывалась правительством по причине чрезвычайной военной обстановки в Приморье. Парламент в большинстве случаев лишь механически утверждал принятые правительством, а следовательно, уже действовавшие временные законы.

Конституционно закрепленные законодательные полномочия правительства ДВР были особенно широко использованы большевиками для проведения в жизнь ряда нормативных актов чрезвычайного характера в 1922 г. В числе таких законов — временное приостановление действия 26-й статьи Конституции, отменяющей смертную казнь в республике, введение уголовной ответственности за «злоупотребления свободой слова и печати», установление «положения особой охраны» в ряде районов (по сути объявление чрезвычайного положения) и др.

Тезисы ЦК РКП(б) от 12 января 1921 г. устанавливали строгую зависимость коммунистов в правительстве от Дальбюро ЦК РКП(б). Любые решения могли приниматься «семеркой» только после предварительного рассмотрения соответствующего вопроса и санкции Дальбюро. В свою очередь Дальбюро решения принципиального характера, связанные с внутренней политикой, обязано было согласовывать с московским партийным Центром¹².

Органом исполнительной власти по Конституции, наряду с правительством, являлся Совет Министров ДВР. Внешний демократизм буферного государства требовал привлечения в органы власти различных политических сил. Поэтому в Совмине существовала коалиция, правда, этот орган не был определяющим в механизме принятия важнейших политических решений. С середины 1921 г. ряд министерских портфелей получили представители меньшевиков, народных социалистов, эсеров. В то же время этот компромиссный вариант огонаривался рядом политических условий. Ключевые по важности министерства оставались забронированными от оппозиции. В департаменты внутренних дел, военный, а также в МИД ДВР ни одного их представителя допущено не было. Коммунисты контролировали и карательный орган — Государственную

Политическую Охрану (ГПО), напрямую подчиненный руководству ВЧК (позднее — ГПУ) РСФСР. Указанное обстоятельство способствовало тому, что скоро в согласованной поначалу совместной работе партнеров по коалиции появились первые трещины.

Острый министерский кризис разразился в конце августа 1921 года в связи с принятым Дальбюро ЦК РКП(б) и санкционированным Москвой решением о начале дипломатических переговоров с Японией в китайском городе Далянь (Дальний). Делегация ДВР в намеченном Дальбюро составе уже выехала к месту переговоров, когда на одном из заседаний Совета Министров представители социалистических партий заявили решительный протест против устранения этого органа от участия в принятии решения по вопросу об интервенции. Они ультимативно потребовали включения своих представителей в состав мирной делегации ДВР, широкого и гласного обсуждения наказа и программы работ делегации, а также установления контроля за ходом переговоров. В противном случае оппозиция в Совмине угрожала отставкой.

За обстоятельствами этого министерского кризиса лежали, однако, причины гораздо более глубинные и существенные. Социалистические партии явно не устраивала второстепенная роль, отведенная им коммунистами в Совмине. Через некоторое время они раскрыли карты полностью, потребовав разброширования всех министерств и заключения равноправной политической коалиции.

Несмотря на отдельные непринципиальные уступки, сделанные с обеих сторон, окончательно кризис так и не удалось урегулировать. Деловой подход к решению вопросов государственной работы постепенно все больше уступал место политическим амбициям и взаимным претензиям. Острые проблемы неоднократно возникали и по многим другим вопросам деятельности кабинета. В этих условиях продолжение эффективной работы исполнительной власти в рамках политической коалиции сделалось невозможным. В декабре 1921 г. отставка министров-социалистов была принята председателем Совмина П. М. Никифоровым. В то же время, руководствуясь интересами успешного функционирования государственного аппарата республики, Дальбюро ЦК РКП(б) выступило за привлечение персонально ряда специалистов — членов социалистических партий к работе в новом составе кабинета и других центральных органах управления ДВР на основе заключения делового соглашения.

Бывшие партнеры по коалиции отнеслись к сделанному предложению по-разному. Дальцентр меньшевиков приветствовал его, считая деловое сотрудничество «вполне возможным в отношении всех должностей, не связанных с политической ответственностью». Аналогичную позицию занял и ЦК трудовой народно-социалистической партии. Одновременно в заявлениях руководящих центров этих партий выражалась готовность, вне зависимости от того или иного разрешения вопроса о коалиции, оказать новому кабинету полную поддержку во всех шагах, направленных к обороне республики и проведению в жизнь программы прежнего состава Совета Министров.

Более несговорчивую позицию по этому вопросу, как и по многим другим, заняло Дальбюро эсеров. «Признавая вообще необходимость участия членов нашей партии в деловой работе аппаратов государственной и местной власти, поскольку это не связано с политической ответственностью, — говорилось в его заявлении, — сотрудничество исключительно на деловом принципе в Совмине, органе, ответственном за всю политику ДВР (...), мы считаем бесплодным. Ибо, по нашему мнению, это, наряду с сужением базы власти, лишает коалицию ее основного качества политического соглашения, единственно обеспечивающего фактическое координированное сотрудничество партий в деле разрешения намеченных общих задач».

В результате переговоров, проведенных председателем Совмина П. М. Никифоровым, некоторые из социалистов, участвовавших в прежнем составе кабинета, согласились занять предложенные им государственные посты. Бывший министр финансов меньшевик Б. М. Берлацкий стал председателем правления государственного банка ДВР и консультантом по финансовым делам при Совмине¹³. Заявление об отставке от должности министра юстиции отказался подать эсер Е. А. Трупп*, вскоре после этого опуб-

* Е. А. Трупп согласился войти в Совет Министров ДВР нового состава персонально, вне связи со своей принадлежностью в то время к партии эсеров, в начале января 1922 г. Однако новый кабинет уже был сформирован, поэтому согласие Труппа запоздало. Несколько позднее он был назначен заместителем старшего юрисконсульта министерства народного хозяйства ДВР.

ликовавший открытое письмо о своем выходе из партии социалистов-революционеров¹⁴. Однако в целом разрыв политической коалиции в Совете Министров ДВР нельзя прокомментировать иначе, как устранение социалистических группировок от какого бы то ни было участия в дальнейшей государственной работе. Центральный аппарат управления целиком оказался под контролем коммунистов. Внутреннее и, что еще более важно, внешнеполитическое положение Советской России к весне 1922 г. заметно упрочилось, что в значительной мере делало «ненужным» для правящей партии соблюдение в прежнем виде буферного демократизма.

Завершая анализ политического строя Дальневосточной республики, заметим, что до сих пор времени как в фундаментальных трудах по истории гражданской войны в СССР, так и в отдельных монографических исследованиях характер власти в ДВР определяется либо в качестве «диктатуры пролетариата», либо «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»¹⁵. Между тем при всестороннем и объективном анализе всего комплекса источников по истории буфера не остается никаких сомнений в том, что при формальной самостоятельности ДВР и ограниченности ее демократических институтов содержание проводимой здесь коммунистами политики по своим функциям не отличалось от советской. ЦК большевистской партии через свой полномочный орган в республике — Дальбюро осуществлял на Дальнем Востоке в 1920—1922 гг. политическое руководство РКП(б) в сфере государственного строительства.

Продолжение следует

¹ ЦПА ИМЛ.— Ф. 274.— Оп. 1.— Ед. хр. 8.— Л. 27, 32, 35.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 40.— С. 473.

³ ПАЧО — Ф. 4307.— Оп. 2.— Ед. хр. 904.— Л. 12—14.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 51.— С. 137.

⁵ Там же. Т. 40.— С. 53.

⁶ ЦГА РСФСР ДВ.— Ф. р.— 4676.— Оп. 1.— Ед. хр. 9.— Л. 597; ПАИО. Ф. 300.— Оп. 1.— Ед. хр. 875.— Л. 17 об.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 51.— С. 156; Т. 40. с. 486; Т. 51, с. 413.

⁸ АВП СССР. Ф. 490.— Оп. 1.— П. 10, Ед. хр. 1.— Л. 19 об.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 54.— С. 428—429, 714.

¹⁰ ЦПА ИМЛ.— Ф. 144.— Оп. 1.— Ед. хр. 13.— Л. 13.

¹¹ ЦПА ИМЛ.— Ф. 144.— Оп. 1.— Ед. хр. 80.— Л. 12—13; Ф. 372.— Оп. 1.— Ед. хр. 60.— Л. 70.

¹² ЦПА ИМЛ.— Ф. 144.— Оп. 1.— Ед. хр. 80.— Л. 13.

¹³ ЦПА ИМЛ.— Ф. 372.— Оп. 1.— Ед. хр. 54.— Л. 205; Ед. хр. 1160.— Л. 17, 19—19 об, 18 об, л. 48; Ед. хр. 1164.— Л. 447; Ед. хр. 1191, Л. 30, 37 об.

¹⁴ Труд (орган Дальбюро партии социалистов-революционеров, Чита).— 1922.— 28 апреля.— № 46/ 107/.

¹⁵ См.: История гражданской войны в СССР.— М., 1960.— Т. 5.— С. 349; Василевский В. И.

К вопросу об осуществлении коммунистами ДВР ленинской тактики компромиссов с мелкобуржуазными партиями // В. И. Ленин и Дальневосточная республика.— Владивосток, 1985.— С. 62—72; Соини В. В. Становление ДВР (1920—1922). Диссертация на соискание уч. степени доктора историч. наук.— Владивосток, 1990 и др.

Дж. ЧЭПМАН

Нет сомнения, что доктор Рихард Зорге, советский разведчик, работавший в Китае и Японии более десяти лет, был выдающейся личностью. Он оставил неизгладимое впечатление у всех, кто его знал. Тем не менее, высказывания о результативности действий его группы, большинство из которых появились после присвоения ему звания Героя Советского Союза 7 ноября 1964 г., проникнуты стремлением подтвердить его действительные достижения. Сегодня есть возможность объективно оценить его работу. Многие из тех, кто поддерживал с ним деловые контакты, до сих пор хранят молчание, а задокументированные показания, касающиеся Зорге и условий, в которых он действовал, хотя их и стало больше, все еще не исследованы с должным вниманием даже после выхода в свет в 1984 г. последнего важного научного труда о его жизни и деятельности¹. Вполне вероятно, что в будущем могут быть найдены новые материалы, поэтому автор не претендует на большее, чем на стремление ответить на все еще существующие пробелы в раскрытии работы группы Зорге. Например, о степени осведомленности Зорге о намерениях японского военно-морского флота — главного инициатора неожиданного нападения на США, Великобританию и Нидерланды 7 декабря 1941 г. — и как эти намерения учитывали отношения между Японией и Советским Союзом. Это менее всего исследованная область в исторических работах о Зорге.

1. Доктор Зорге и адмирал Веннекер

Часто отмечают, что больше всего виноваты за утечку секретной информации из Посольства Германии в Японии два офицера немецкой армии — генерал-майор Юген Отт и подполковник Эрвин Шолл. Отт был военным атташе с 1934 по 1938 г., а затем послом с 1938 по 1943 г. А Шолл приехал в 1935 г. на должность помощника военного атташе и работал в Токио до июня 1941 г., когда его перевели в Бангкок. Отта заставили уйти в отставку, что было прямым результатом «дела Зорге», что касается судьбы Шолла, то его держали в Таиланде, и все его попытки добиться перевода на советско-германский фронт, были безрезультатны. Идя на сделку с японскими обвинителями, Зорге всячески старался скомпрометировать отношения между Германией и Японией. Однако примечательно, что он, кажется, сделал все возможное, чтобы не навредить сотрудникам посольства Германии, которым, казалось, он симпатизировал. Особенно много времени, как полагают, он уделял военно-морскому атташе — адмиралу Паулю Веннекеру.

В заявлении, сделанном перед следователями американской контрразведки 5 декабря 1945 г., радист группы Зорге Макс Клаузен утверждал, что он лично рассматривал Веннекера как «антифашиста». Клаузен также сказал, что Зорге очень верил Веннекеру. В тех случаях, когда Зорге уезжал из города, он оставлял на хранение чемодан с личными бумагами или Клаузону, или Веннекеру. Клаузен считает, что чемодан с рукописью труда на политическую тему, над которым работал Зорге, был в последний раз оставлен Веннекеру, когда Зорге забрали в тюрьму в октябре 1941 г.²

На допросе Клаузен заявил, что его волновала судьба бумаг в чемодане и он еще раз связался с Веннекером 11 декабря в Каруидзаве. От Веннекера он знал, что последний

Джон В. М. Чэпман — член Канонического благотворительного фонда при факультете международных отношений Университета Рицумэйкан в Киото. Главный редактор журнала Британской ассоциации исследований по Японии «Джэпэн форум», издание Оксфордского университета.

действительно хранил чемодан Зорге перед тем, как сдать его японским властям, но он не читал бумаг Зорге и не знает их содержания. Однако как Веннекер, так и Франц Крафт, бывший вторым секретарем в посольстве Германии и часто встречавшийся с Зорге, подтвердили, что бумаги состояли главным образом из рукописных материалов, касающихся научных исследований об условиях труда в Японии, которыми Зорге занимался на протяжении многих лет. Как Клаузен, так и его жена впоследствии связались с советским Посольством в Токио и получали там денежные средства, а в конечном итоге им организовали возвращение в Москву через Владивосток в марте 1946 г.³

На протяжении всей войны адмирал Веннекер вел официальный дневник о военных действиях, но нигде на страницах этого дневника не упоминается имя Зорге. Существуют противоречивые версии того, как была раскрыта агентурная сеть Зорге. Наиболее часто утверждают, что провал последовал сразу же после арестов членов коммунистической партии Японии, преданных полицейскими информаторами, внедрившимися в ряды партийной организации. Однако Клаузен, например, частично винил себя, так как полицейские работники, обыскивавшие его дом, нашли несколько сообщений с открытым текстом, которые раньше передавались закодированными, но оправдывал это тем, что атмосферные условия не всегда были благоприятны для передач и Московский центр просил его повторять ранее переданные, но искаженные сообщения. Члены группы Зорге высказывали также подозрения относительно конкретных лиц из немецкой колонии. Клаузен упоминал, например, что Зорге «был очень близок с Лили Абегт, и среди членов агентурной сети ходили подозрения, что человеком, который сообщил японской полиции об их деятельности, могла быть Абегт»⁴.

С другой стороны, представитель гестапо в посольстве в Токио Жозеф Мейзингер в специальном сообщении, составленном в ходе его допросов в американской контрразведке, заявил, что японцам удалось раскрыть код к донесениям Зорге еще до арестов⁵. Это утверждение горячо оспаривалось в ГДР, где утверждалось, что только после ареста Клаузена были найдены инкриминирующие незакодированные тексты и он был вынужден раскрыть методы шифрования, при которых использовались «Статистический ежегодник Германии» и «Ежегодник по Маньчжурии»⁶. Сообщения о методах шифрования, применяемых советскими агентами в Китае, поступали еще в 1931—1935 гг., когда управляемая англичанами полиция международного селтльмента в Шанхае захватила ряд соответствующих документов и разослала их разным странам. Интересно также отметить запись в дневнике адмирала Веннекера от 27 августа 1941 г., где сообщается, что в соответствии с введенными недавно правилами цензуры японские прибрежные радиостанции больше не передают закодированные тексты, даже поступающие с японских судов. Это отчетливо указывает на усилия японских властей оградить японскую территорию и территориальные воды от незаконных кодированных и шифрованных передач.

В прошлом имела место недооценка технических возможностей японских властей в тот период. Однако мы знаем, что к 1941 г. 11-й отдел 4-го дивизиона (связь) штаба ВМС Японии имел обширную сеть пеленгации и радиоконтроля. С лета 1941 г. современным оборудованием пользовался и генеральный штаб сухопутной армии. Об этом свидетельствует представление, направленное вскоре после начала войны на Тихом океане посольству Германии в связи с незаконным использованием передатчика на его территории, с угрозой глушить передачи, если они будут продолжаться. Насколько известно, штаб ВМС Японии был не в состоянии расшифровывать советские сообщения, однако уже в декабре 1940 г. представители японской армии начали переговоры с руководителем немецкой армейской связи генералом Феллгибелем через военного атташе в Берлине (впоследствии главы военной разведки) генерал-майора Окамото о сотрудничестве в использовании информации, касающейся советских военных кодов и шифров. Во время визита японской военной делегации под руководством генерала Ямасита в Берлин в январе—мае 1941 г. ей был предоставлен допуск к средствам связи и в подразделения связи немецкой армии. В августе—сентябре были разрешены поездки военнослужащих японской армии, включая офицеров тайной разведывательной службы (токуму кикан) во главе с полковником Ямамото Бин в Берлин для осмотра захваченных советских средств связи и наставлений по их эксплуатации. При этом велись переговоры с абвером. Вполне возможно, что после захвата советских средств кодирования и шифрования знакомство с советскими методами криптографии представляло определенную ценность для японской армии. Однако нельзя полностью игнорировать

утверждения Мейзингера, хотя надежность его как свидетеля, следует оценивать с некоторой осторожностью.

Есть также доказательства, что довольно систематический контроль за радиопередачами в районе Тихого океана в течение 1941 г. стал налаживать итальянский военно-морской флот, который расширил организационную структуру контроля на надводных кораблях и на берегу в Пекине, Тяньцзине и Шанхае с прибытием в Кобе в марте отрядов связистов из Восточной Африки на борту кораблей «Эритрея» и «Рамб-2», а также с прибытием делегации военно-морского флота Италии через Южную Америку под руководством адмирала Бальсамо в Токио 2 октября 1941 г.

В состав делегации входил капитан 3-го ранга Гиоргио Галетти, который возглавлял отдел радиоконтроля и дешифровки в министерстве ВМС Италии. Галетти был представлен руководству в министерстве ВМС Японии 9 октября, где было получено разрешение на его назначение в качестве помощника военно-морского атташе в Шанхае⁷. Прямая связь по радио существовала между Римом и Пекином, где в здании итальянского посольства был установлен мощный передатчик. Отсюда перехваченный материал мог передаваться в центральную организацию с кодовым названием «Ганнибал», а последняя имела с июня 1940 г. прямую телетайпную связь с центральной организацией контроля и дешифровки (Пункт наведения Б) ВМС Германии. Сотрудничество было также налажено между управлениями связи вооруженных сил Германии и Италии через регулярную переписку между полковником Кемпфом и генералом Гамба, которая затрагивала и взаимный интерес к системам криптографии Советского Союза⁸.

Генерал Гамба в письме от 16 августа 1941 г. проявил интерес к советским шифрам, которыми пользовались в посольствах и военные. В ответном письме от 3 сентября полковник Кемпф информировал, что его организация на протяжении уже нескольких лет не проводит какую-либо работу по советским шифрам, используемым в посольствах, но все немецкие служащие, имеющие достаточную квалификацию для работы над советскими военными шифрами, активно трудились на многочисленных боевых системах на фронте. Итальянцам было заявлено, что потребуется примерно неделя, чтобы дать пояснения по многим системам, и им было предложено прислать группу специалистов, которым можно было бы достаточно подробно рассказать о наиболее важном, касающемся этих систем. Из сохранившейся переписки неясно, воспользовались ли итальянцы этим предложением, как это сделали, по-видимому, японцы, хотя последующее письмо из Рима от 3 октября указывает, что итальянцы попросили, чтобы им прислали в Рим шифровки, переданные советской дипломатической службой⁹. Как закончились попытки проникнуть в здание советских дипломатических или консульских представительств аналогично тому, как были добыты в это же время так называемый «черный код», которым пользовались военные атташе США, а также шифры военных атташе Румынии и Турции, еще не выяснено.

С началом советско-германского конфликта все более жесткую политику по отношению ко всем государствам «Оси» стали проводить Соединенные Штаты. Напряжение в отношениях между Японией и США стало нарастать во время усиления Квантунской армии в июле и августе 1941 г.¹⁰, так как руководство США дало ясно понять, что оно не будет безучастно стоять в стороне, в каком бы направлении ни предпочли двигаться японские политики, в том числе по отношению к Советскому Союзу. Напряжение росло и в районах Атлантического океана и Средиземного моря по мере того, как укрепление англо-американского сотрудничества начало сказываться на экономиках Германии и Италии в связи с нехваткой ресурсов в результате прекращения экспорта сырья из Советского Союза и введения эмбарго на ряд поставок Соединенными Штатами. Как следствие этого, немцы и особенно итальянцы начали все больше рассчитывать на вступление Японии в войну как средство смягчения последствий их окружения, а в результате всего этого их службы радиоконтроля и дешифровки стали все больше внимания уделять движению англо-американской и японской информации.

Сотрудничество между японскими и немецкими секретными службами, направленное против Советского Союза, можно проследить с мая 1932 г., когда установились тесные контакты между подразделением специальной службы японской армии в Берлине с абвером и нацистской партией. В конечном итоге представители японской армии и военно-морских сил подписали в 1937 и 1938 гг. соглашение с адмиралом Канарисом¹¹. В апреле 1939 г. штаб ВМС Японии подписал в Токио со спецслужбами Германии соглашение о взаимном предоставлении каждой из сторон секретных и разведыватель-

ных данных, касающихся британского, американского и французского флотов. Сотрудничество приняло форму обмена данными в столицах той и другой страны по очереди, как это было со взаимным обменом данных о Советском Союзе в предшествующие годы. Летом 1940 г. абвер создал военную организацию в Китае по рекомендации капитана Лицманна, германского военно-морского атташе в Токио, который ранее информировался об отправке через Советский Союз и Японию в Соединенные Штаты многочисленных немецких агентов для укоренения их на местах. Однако абвер и секретная служба ВМС Японии сотрудничали прежде всего через центральные органы в Берлине, и очень небольшая по объему информация поступала немцам военно-морским атташе в Токио и Вашингтоне. Поэтому наиболее важные действия остались бы в тайне, если бы даже код, которым пользовались военно-морские атташе, попал в чужие руки.

Представители ГДР утверждали, что Зорге удалось заполучить копии кода, который использовался в германской сухопутной армии и в сообщениях неофициальной делегации немецких военных советников в Китае с 1927 по 1938 г., а также код, которым пользовался капитан Лицманн до января 1940 г. Лицманн якобы также показал Зорге экземпляр своего официального военного дневника перед тем, как вернуться домой в Германию в апреле 1940 г.¹² Что касается кода военно-морского атташе, то шифрование с его помощью производилось вручную (код А) до конца 1939 г., когда стала использоваться шифровальная машина типа «Загадка». Мы еще не знаем, как загружалась каждый день эта машина, шифры для которой поставлялись сразу на три месяца. Не знаем мы также подробностей приобретения военным министерством Германии в 1934 г. кода, использовавшегося при передаче сообщений между Нанкином и полевыми штабами Чан Кайши во время действий против китайской Красной армии, было ли это шифрование вручную, или более ранний вариант шифровальной машины «Загадка». Известно, что машина «Загадка» была поставлена полковнику Отту в 1935 г. во время переговоров между адмиралом Канарисом и генералом Осима, касающихся заключения секретного соглашения о взаимном обмене разведывательными сведениями с японской сухопутной армией о Советском Союзе, и что капитан Шолл был офицером генерального штаба в разведывательном отделе, хорошо знавшим русский язык и приехавшим в Токио в качестве помощника Отта летом 1935 г. По крайней мере одна машина «Загадка» была поставлена в это же самое время компании «Хапро», служившей прикрытием в Китае для деятельности военного министерства Германии¹³. В результате открытия новых официальных документов по истории разведывательной службы Великобритании во время второй мировой войны высказывается довольно много предположений относительно знакомства советских специалистов с системой «Загадка». Однако, если даже и были примеры более раннего доступа к технологии «Загадки» советских организаций, реальные успехи, полученные криптоаналитическими методами, пришли только после 1942 г. с разработкой более современных электронных технологий, но и тогда не все машины системы «Загадка» поддавались дешифровке¹⁴.

Система «Загадка» использовалась военно-морским атташе Германии в Японии с января 1940 по май 1942 г., после чего была заменена типовой машиной «Шифратор М Загадка» с 4 барабанами, находившейся в оперативном использовании ВМС Германии и использовавшейся в дальних морских походах. Новую проблему англо-американские дешифровальные команды решили, по всей видимости, только после 1943 г. Машина «Загадка» широко применялась и абвером начиная с 1938 г. Один из ее вариантов, видимо, был поставлен организации абвера в Китае, которая начала массированное применение установленного в 1940—1941 гг. министерством иностранных дел и представительством газет Германии радиоборудования с целью контроля за советскими и англо-американскими сообщениями в районе Тихого океана. В эту организацию, созданную Вернером Шулером в течение лета и осени 1940 г., возможно, с самого начала проникла советская контрразведка в результате продолжительной инфильтрации в абвер, которая шла с 20-х годов. Вне зависимости было или нет это проникновение, очевиден факт, что большинство сообщений, зашифрованных на машине «Загадка» и поступавших из Китая и Японии в Германию, проходили через постоянно действующие кабельные системы, проложенные и по территории Советского Союза. Это означало, что советские организации, занимавшиеся дешифровкой, имели гораздо лучшие возможности для перехвата материалов, шедших сплошным потоком, по сравнению со странами англо-американского блока, которые, как правило, были ограничены сообщениями, передаваемыми по радио и кабельной связи, в сетях, контролируемых английскими или американскими компаниями.

В последние годы стали доступны австралийские архивы с новой информацией о бегстве семьи Петровых в 1956 г. Выяснилось, что жена Петрова была подготовлена для работы в центральной организации КГБ по дешифровке в качестве специалиста японского языка. Она заявила австралийцам, беседовавшим с ней, что во время второй мировой войны был получен доступ к японскому коду и шифрованным материалам частично благодаря информации, предоставленной агентами¹⁵. Этот факт говорит о более важном вкладе граждан японской национальности, а не европейцев в группе «Рамзай».

2. Япония и война между Советским Союзом и Германией

Гитлер, как хорошо известно, считал, что нападение на Советский Союз, по всей видимости, поможет втянуть Японию в войну со странами англо-американского блока, поскольку обезопасит ее от нападения Советского Союза. Однако даже во время визита министра иностранных дел Японии Мацуока в Берлин в конце марта — начале апреля 1941 г. он приказал не информировать японцев о своих намерениях. Гитлер планировал неожиданно напасть на Советский Союз не в 1941 г., а в июле 1940 г. Однако время было упущено и не было возможности накопить необходимые ресурсы тылового обеспечения и сосредоточить живую силу на местах развертывания, что и явилось убедительной причиной для переноса начала действий. Хотя и были достигнуты секретные соглашения о территориальном разделе стран Восточной Европы на немецкую и советскую сферы влияния, Гитлера раздражала оккупация прибалтийских государств в то время, когда с другой стороны ему угрожал Запад. Гитлера особенно беспокоил ультиматум Советского Союза Румынии в июле 1940 г. с требованием передачи Бессарабии, поскольку это создавало прямую угрозу основному источнику нефти-сырца Германии в Европе.

Тем не менее министерству иностранных дел Германии было предписано проводить политическую линию, одобренную после заключения советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 г., на содействие формированию во всех частях мира антибританской коалиции. Замыслы включали и подталкивание Советского Союза на вмешательство в дела Ирана и Ирака и поддержка возникшей еще раньше идеи трехстороннего военного альянса с Италией и Японией, которая потерпела фиаско в августе 1939 г. из-за отказа японских ВМС присоединиться к альянсу, который преждевременно втянул бы их в военные действия против Великобритании и Соединенных Штатов. Риббентроп планировал добиться присоединения Советского Союза к трехстороннему пакту от 27 сентября 1940 г. через специальную серию протоколов, проекты которых были заранее подготовлены перед визитом министра иностранных дел Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Эта политическая линия была с одобрением встречена офицерами японских ВМС в особенности вице-адмиралом Номура Наокуни, бывшего начальника штаба Объединенного флота, а затем главы японской военно-морской миссии в Шанхае, который вместе с другими офицерами, проявлявшими симпатии к Германии, указал, что, несмотря на отрицательное отношение общественного мнения Японии к сообщениям о германо-советском пакте и связанными с ним наступательными операциями Красной Армии на границах с Манчжурией и Внешней Монголией, эта политическая линия рассматривается японскими ВМС как возможность восстановить дружеские отношения с Советским Союзом и создать обстановку, при которой Япония могла бы быть включена в систему союза Германии и России, направленного против Англии. Германия рассматривалась как главный инициатор такого соглашения, однако последнему не суждено было осуществиться, поскольку обстановка быстро менялась, особенно после событий, развернувшихся в Норвегии и Нидерландах. Для Японии стало более важным не «упустить автобус» и присоединиться к трехстороннему пакту, то есть заплатить в некотором роде вступительный взнос за участие в новом мировом порядке, определяемом Берлином.

Посол Японии в Лондоне Сигэмицу Мамору, с другой стороны, пытался проводить курс на более осторожную политику со стороны Японии, поскольку он считал, что опрометчивая перебежка на сторону государств «Оси» породит враждебную реакцию среди стран англо-американского блока. Он предлагал руководству Японии проводить политику аналогичную той, которой придерживался Советский Союз, — стараться держаться на равном удалении от двух враждебных коалиций. Однако, поскольку было широко распространено мнение, что нападение Германии с воздуха на Британские острова было прелюдией к высадке и общей победе Германии, этот совет остался незамеченным в Токио. Оппозиции союзу с «Осью европейских стран», существовавшая внутри японских ВМС, начала окончательно

разваливаться в первой половине сентября 1940 г., когда в Токио вела переговоры немецкая делегация. Руководство японских ВМС поразила способность германских ВМС и ВВС преодолеть сопротивление британского флота, который по примерным подсчетам «имел десятикратное превосходство», и успешно оккупировать Норвегию. Глава японских военно-морских и военно-воздушных сил адмирал Ямагата заявил 2 мая 1940 г., что «достижения германских военно-воздушных сил в Норвегии свидетельствуют о поворотном моменте в приемах ведения войны на море». 3 июля заместитель начальника штаба ВМС вице-адмирал Кондо докладывал, что японский военно-морской атташе в Лондоне «твердо уверен в поражении Великобритании» и события в Норвегии убедили японские ВМС, что им больше не следует бояться даже огромного американского превосходства. Отставка министра и заместителя министра ВМС Японии явились важным показателем изменения политики в ВМС, а 16 сентября 1940 г. один из офицеров штаба ВМС Японии информировал адмирала Веннекера, нового германского военно-морского атташе в Японии, что «в последнее время, насколько ему известно, произошло изменение во взглядах главнокомандующего флотом Ямамото, который до данного момента всегда придерживался проанглосаксонской позиции». ВМС рассматривались как последнее препятствие на пути подписания договора о союзе, однако для немецкой стороны было ясно, что даже в союзе японцы автоматически не вступят в войну, если США нападут на Германию или Италию. Адмирал Веннекер также сделал вывод, что японцы надеялись, что «пакт возможно также приведет к улучшению отношений с Россией — к отношениям, которые всегда рассматривались и оценивались со стороны ВМС Японии как основа для той или иной ориентации по отношению к Югу».

Адмирал Веннекер и ранее с 1933 по 1937 г. работал военно-морским атташе в Токио, и был поражен, как решительно японские ВМС выступали против войны с Советским Союзом. Японская сухопутная армия видела в Советском Союзе своего главного противника в любой будущей войне. Это мнение сохранялось еще с 1918 г. Однако ВМС Японии, которые нацеливались на Соединенные Штаты как на свою главную цель, считали, что любая война с Советским Союзом будет означать национальную трагедию, поскольку, если даже японцы и выйдут победителями, то эта победа достанется такой большой ценой в пересчете на жизни и материально-технические ресурсы, что выгоды в виде бесплодных и неприветливых степей Сибири в качестве территориальной компенсации составят такую малую ценность, что это будет означать пустую победу. Эти выводы подкреплялись не только опытом русско-японской войны, но и уроками интервенции в Сибирь и нынешним, кажущимся не имеющим конца, конфликтом во внутренних районах Китая. Тяжелое поражение 6-й японской армии в районе Халхин-Гол от танковых частей генерала Жукова в сентябре 1939 г., по-видимому, явилось самым убедительным уроком и, кажется, это поражение стало рассматриваться японскими ВМС как поворотный момент, которого они ждали, чтобы убедить сухопутную армию придать большее значение вопросу изоляции Китая от всякой внешней поддержки, особенно со стороны Соединенных Штатов, и вновь подумать над необходимостью более длительной подготовки любого нападения на Советский Союз.

Во время своей первой служебной командировки в Токио Веннекер, который недавно развелся, жил холостяцкой жизнью в своей частной резиденции, находящейся недалеко от немецкого посольства, расположенного поблизости от здания парламента в Нагата-тё, и компания корреспондента-холостяка Зорге казалась ему наиболее подходящей. Их часто видели вместе за обедом или на общественных мероприятиях, и в их частной жизни было много одинакового. Во время февральского инцидента 1936 г., когда подразделения японской сухопутной армии заняли деловую часть Токио и окружили районы Нагата-тё и Касумигасеки, жена германского посла фрау фон Дирксен была послана предупредить Веннекера об опасности. Она проехала на машине через оцепление, вошла в дом и была шокирована, найдя рано утром Веннекера в компании прелестной женской особы, японской компаньонки. В другом случае, разъезжая по барам и прикладываясь к спиртному, Веннекер заехал на машине в море с парой подруг, однако этот и другие инциденты были заматы¹⁶. По всей видимости, в связи со всем тем, что произошло во время первой служебной командировки, адмирал Рёдер настаивал, чтобы условием поездки Веннекера в Токио на второй срок службы являлась его вторичная женитьба. Последний внял совету своего начальника и вторично женился, найдя молодую жену, с которой был счастлив до своей смерти в 1979 г. и которая, подобно большинству жен сотрудников и секретарш в посольстве, находила Зорге очаровательным и обаятельным человеком. Зорге часто посещал семейство Веннекеров начиная с 1940 г. до своего ареста.

Чаще всего информацию, которую передавал Зорге, приписывали главным образом Отту, Шоллу и Лицманну и доказывают, что ничего, представляющего важность, не было получено от Веннекера. Однако это не соответствует фактам. Если сравнить известную статью Зорге в научном журнале «Геополитика» по поводу февральского инцидента 1936 г. с официальным отчетом Веннекера верховному командованию ВМС на эту же тему, то станет вполне ясно, что эти двое совещались по данному вопросу. Перехваченный сверхсекретный отчет Веннекера, посланный в июле 1942 г. верховному командованию ВМС, который был расшифрован и проанализирован ВМС США после войны, но который не числится в сохранившихся немецких материалах, прямо касается его отношений с Зорге. В нем высказываются опасения Веннекера относительно возможности того, что эти отношения могут повлиять в будущем на его хорошие связи с офицерами японских ВМС. Если правда, что Зорге получил доступ к кодовой книжке Лицманна и читал записи в его официальном дневнике о военных действиях, то нет сомнений, что даже при отсутствии какого-либо обмена информацией между Зорге и Веннекером Москва получала уникальные сведения о большой заинтересованности и стремлении японских ВМС избежать любой ценой войны с Советским Союзом. Если же Зорге и Веннекер детально обменивались мнениями во время обеих служебных командировок последнего, а именно это предполагается в данной статье, тогда важность сведений о заинтересованности японских ВМС в компромиссе с Советским Союзом значительно возрастает при анализе событий 1941 г., и эти сведения, вполне возможно, могли в значительной степени содействовать появлению неожиданного предложения Сталина Мацуока заключить пакт о нейтралитете вместо пакта о ненападении между Японией и Советским Союзом, подписанном 13 апреля 1941 г., когда японская сторона почти уже потеряла надежду продвинуться сколько-нибудь ближе к своей цели.

Во время визита Мацуока в Берлин ему намекали на возможное столкновение Германии с Советским Союзом, несмотря на приказ Гитлера держать японцев в неведении. Когда Мацуока спросил о состоянии германо-советских отношений на данный момент, то ему ответили, что все будет хорошо, если Советский Союз будет вести себя, как положено, но если он будет вести себя плохо, то придется сделать его «безвредным». Официальные лица Германии встречавшиеся с Мацуока, и особенно посол Отт, утверждали, что Мацуока не отреагировал открыто на это заявление. Тем не менее они считали его хитрой лисой и полагали, что он полностью осознал значение упомянутой альтернативы. Вне зависимости верно это или нет, представители Японии в Европе уже собирали сообщения о предстоящем нападении. 23 апреля адмирал Номура и капитан Ёкой доложили из Берлина начальнику штаба ВМС и морскому министру о признаках охлаждения германо-советских отношений. Позже Ёкой телеграфировал адмиралу Ока и адмиралу Маэда в Токио, а копии послал в Москву и Рим, о получении секретной разведывательной информации от торговца в Гамбурге, свидетельствующей о намерении Германии запретить впредь заходы торговых судов в порты Советского Союза. Военно-морской атташе в Риме капитан Мицунобу Тоё передал информацию от итальянского связного S, основанную на утверждениях в министерстве иностранных дел Италии, что Германия нападет на Советский Союз 21 июня. 3 июня 1941 г. посла Осима принял Гитлер и информировал его о запланированном нападении. Посол проконсультивался со своими военным и военно-морским атташе и послал сообщение в Токио¹⁷.

Британский посол сэр Стаффорд Криппс получил указание Черчилля передать Сталину предупреждения о предстоящем нападении на основании информации, поступившей из Польши и касающейся концентрации германских войск, из перехваченных немецких радиосообщений и расшифровок японских материалов. Еще 24 апреля немецкий военно-морской атташе в Москве капитан фон Баумбах докладывал, что иностранные дипломаты уже заключают пари о дате нападения на СССР. Большинство из них говорили, что это нападение состоится 20 мая (первоначально назначенная дата), однако фон Баумбах слышал от советника итальянского посольства, что посол Великобритании назвал и правильное число. Как хорошо известно, сообщения Великобритании были отвергнуты как «английская провокация», а все донесения о надвигающемся нападении, включая донесения Зорге, не были представлены Сталину, поскольку считались незаслуживающими доверия.

С гораздо большей серьезностью подошли к оценке достоверности английских данных в Соединенных Штатах, и беспокойство, возникшее там в связи с перспективами значительного расширения войны в Европе, немедленно чутко было воспринято руководством японских ВМС. Большинство в нем стремилось избежать любой провокации со

стороны Соединенных Штатов: некоторые действительно стремились избежать войны, другие же хотели, чтобы война началась на японских, а не американских условиях. Адмирал Номура Китисабуро, посол Японии в Вашингтоне, например, предпринял необычный шаг, послав шифровки морскому министру и начальнику штаба ВМС для передачи военному министру и премьер-министру не по каналам министерства иностранных дел, а по связи ВМС. В них он обращал внимание и аргументировал нежелательность визита министра иностранных дел в Европу, информировал об отрицательной реакции в Соединенных Штатах на сообщения о таком визите. За этими шифровками в мае последовали аналогичные телеграммы с жалобами, что политика по отношению к государствам «Оси» несовместима с инструкциями, доведенными до сведения посольства в Вашингтоне. В мае военно-морской атташе в Вашингтоне указывал на ужесточение позиций США после укрепления достоверности слухов об агрессии, планируемой Германией против Советского Союза. Известие о пакте о нейтралитете с Советским Союзом вкуче со слухами о возможном советско-германском конфликте заставили японских политиков повременить с принятием решения, пока более отчетливо не проявятся тенденции в зоне Средиземного моря и в Восточной Европе¹⁹.

Боевые действия при оккупации Германией Крита и потоплении линкора «Бисмарк» подтвердили правильность курса в области военных приготовлений предприятых Объединенным флотом Японии и направленных на существенное усиление «оперативных сил», действующих с авианосцев, и подразделений морской авиации, базирующихся на суше». Однако перспектива войны между Германией и Советским Союзом сильно осложняла ситуацию для представителей флота, поскольку ободряла тех полевых офицеров, которые жаждали реванша за поражения от Красной Армии в 1938 и 1939 гг. С другой стороны, раздоры между фракциями усиливали неопределенность национальной политики. Необходимость быстро решать конкретные дела и не вдаваться в теоретические споры, учет того, что ресурсы Японии в экономической и военной областях уменьшаются в результате сокращения импорта технологий и сырьевых материалов, привели к выводу, что Япония не может позволить себе воевать одновременно против Советского Союза и стран англо-американского блока. Давнее утверждение представителей ВМС, что движение на Север, а не на Юг, будет явно означать отказ от непосредственных экономических выгод и повлечет тяжелые потери в людской силе и ресурсах, кажется, одержало победу и выразилось в исключении Мацуока из кабинета Коноэ в июле месяце²⁰.

Выбор лежал, по сути, между войной на Севере, выиграть которую с точки зрения каких-либо осязаемых приобретений у Японии не было надежд, и войной на Юге, где надежды на победу по крайней мере казались вполне возможными. С другой стороны, руководители ВМС не слишком рекламировали свои внутренние противоречия, которые были связаны с выводами, что, если даже и будут захвачены ресурсы стран Юго-Восточной Азии, то их все равно будет «недостаточно для полного самообеспечения». Было также вполне ясно, что Соединенные Штаты не потерпят подобных действий и никак нельзя исключить войну между Японией и США, которая затянется на десяток лет, и существовали сомнения, сможет ли Япония выдержать такой конфликт. Соединенные Штаты все еще оставались главным источником импортных поставок в Японию, и для последней также было важно не терять до последней возможности эти ресурсы, как и для Германии продолжать получать по импорту нефть и сырьевые материалы из Советского Союза. Однако в отличие от Советского Союза Соединенные Штаты являлись одним из основных экспортеров передовой технологии, и единственной альтернативой Соединенным Штатам в этой области была Германия. Тем не менее, учитывая, что с началом войны между Советским Союзом и Германией будет потеряна безопасная транспортная магистраль через советскую территорию, японские ВМС без всякого энтузиазма восприняли решение Гитлера, несмотря на то, что сам Гитлер считал, что его нападение на Советский Союз создаст японцам безопасный тыл, к чему они давно стремились.

Были и другие причины, которые вызывали неудовольствие среди японских ВМС и создали определенные предпосылки, заставившие представителей японских военно-морских сил выдвигать начиная с октября 1941 г. предложения о посредничестве Японии в германо-советской войне. Отчетливое проявление этих настроений можно найти в подробно излагаемых заявлениях японского военно-морского атташе в Риме капитана Мицунобу, зятя адмирала Симыда, командовавшего с 1939 по 1941 г. 2-м и 3-м флотами и бывшим морским министром с 1941 по 1944 г. По сообщениям ка-

питана Лёвиша, германского военно-морского атташе в Риме, Мицунобу доказывал, что немцы попали в такую же ловушку, в какую попала японская армия в Китае. Пусть Германия и захватит всю европейскую Россию, но уже предприняты меры, чтобы создать военную промышленность за Уралом, поэтому он предполагает, что Советский Союз прибегнет к партизанской войне, которая свяжет огромное количество немецких войск и не даст им возможности достичь финала, окончательной победы.

Еще более важным фактом, с точки зрения японских ВМС, было то, что начало войны между Германией и Советским Союзом подстегнуло Соединенные Штаты увеличить свою материальную поддержку Великобритании, Китаю и Советскому Союзу. Информация, поступившая с Американского континента, изобиловала всеми признаками того, что «стала более реальной возможность скорого вступления американцев в войну» и «вступление США в войну следует ожидать в пределах нескольких месяцев». Мицунобу принадлежит и такое замечание: «Перед германо-советской войной русские проводили передислокацию значительного количества войск из Сибири к своей западной границе, после начала войны такого движения войск не наблюдается. Их вооруженные силы в Сибири будут развертываться на Дальнем Востоке против Японии».

Другими словами, ожидания Гитлера относительно изменения ситуации на советском Дальнем Востоке в результате нападения Германии были сильно преувеличены, поскольку это нападение не повело к какому-либо серьезному сокращению войск, дислоцированных вдоль границ с Маньчжурией и Монголией. Тот факт, что генеральный штаб сухопутных сил Германии обратился с просьбой к сухопутной армии Японии в конце декабря 1941 г. «проводить такие военные мероприятия, как, например, мобилизацию в Маньчжоу-го, которые не давали бы возможность выводить в дальнейшем советские сухопутные войска из Сибири», подтверждал провал первоначального наступления немцев, что уже в конце августа — начале сентября 1941 г. становилось очевидным для опытного наблюдателя. Факт сохранения существовавшего уровня ударной силы советских вооруженных сил на Дальнем Востоке неоднократно подтверждался самими немцами, исходившими в своих выводах из захваченных советских документов и допросов военнопленных в 1941 г., но распространенных среди немецких воинских формирований в начале следующего года. Не оправдал ожиданий даже первоначальный расчет Мицунобу, что германские вооруженные силы смогут захватить Москву и достигнуть Урала. Скептицизм подобного рода был выражен и военно-морским атташе Италии в Токио 16 сентября 1941 г. Очевидно, что тогда, когда другие немецкие журналисты проявляли энтузиазм в связи с быстротой первоначальных продвижений на русском фронте, сам Зорге в своих прогнозах высказывался, что хорошо бы этим журналистам посоветовать «считать цыплят по осени»²¹.

Риббентроп, по всей видимости, был главным лицом среди тех, кто предпринимал усилия уговорить японцев напасть на Советский Союз, поскольку он, совместно с большинством более умеренных нацистских руководителей, в душе чувствовал, что концепция Гитлера о Советском Союзе как колоссе на глиняных ногах была ошибочна²². Однако Гитлер вместе с генеральным штабом, который так же был мало уступчив, придерживался той точки зрения, что Японии нет смысла делить свои силы и ей предпочтительно напасть или на Советский Союз, или на западные державы, но не на всех одновременно. Короче, в течение августа, когда впервые было признано, что всеобщего краха Советского Союза, как предсказывал Гитлер, не происходит, последний, по-видимому, лелеял некоторое время надежду получить поддержку своим стратегическим планам в результате развертывания Японией военных действий в направлении Севера или Юга, хотя сам Гитлер, несомненно, предпочитал движение Японии на Юг, поскольку не видел причины делить с Японией выгоды той или иной победы над Советским Союзом. Японская сухопутная армия, следуя теории «спелой японской хурмы» и ожидая, когда осуществляются обещания Гитлера нанести Советскому Союзу сокрушительный удар, воздерживалась от вмешательства до второй половины августа²³. До этого времени каких-либо серьезных действий в направлении Севера не предвиделось и адмирал Веннекер телеграфировал в Берлин 22 августа о взглядах офицеров, занимавших ключевые посты в японских ВМС. Он сообщал: «Япония не нападет на Россию. По предварительным прогнозам, крушение последней придется самое позднее на зиму — и у японцев нет желания совершать жертвоприношения за военную операцию, успех которой нельзя гарантировать».

Помимо этого, война, без всякого сомнения, породит столкновение с Великобрита-

нией и Америкой. Япония тогда окажется перед необходимостью разворачивать наступление как в направлении севера, так и юга с тем, чтобы получить сырье, однако такие действия не представляются возможными. ВМС надеются сдержать сильное желание, господствующее внутри сухопутной армии, начать наступление на север».

Веннекер подчеркивал в телеграмме, которая была доведена до сведения многих лиц в германских вооруженных силах и министерстве иностранных дел, что эти взгляды характерны только для японских ВМС, а не для всех ведущих групп в правительственной системе, где принимаются решения. Однако уже в следующей телеграмме от 30 августа он еще более подкрепляет свое мнение: «Намерение не нападать на Россию полностью подтверждено в ходе новых прений. Согласно доверительной информации, сухопутная армия Японии также отказалась от планов, направленных против севера, по меньшей мере — до осени или зимы.»

Источником информации для телеграммы, датированной 22 августа, были морские офицеры, а источник информации для телеграммы, посланной 30 августа, не указывается, поэтому не исключено, что вторая информация могла быть получена через Зорге от тех в окружении Коноэ, кто поддерживал с ним контакты, и дополнена информацией, полученной от Мияги о передвижении в южном направлении некоторых воинских подразделений, мобилизованных во время маневров «Кантокуэн». Однако, поскольку Веннекер подтвердил, что адмирал Ямамото Исироку остался на посту командующего флотом, то по крайней мере часть информации должна рассматриваться как поступившая из источников штаба ВМС и морского министерства. Категоричность заявлений, с другой стороны, предполагает наличие весьма надежных сведений, особенно если их сравнивать с содержанием параллельного доклада военного атташе полковника Кречмера, который был специалистом не столько по Японии, а сколько по Советскому Союзу. Эти факты прямо указывают и на то, что адмирал Веннекер был источником информации для Зорге по вопросам, касающимся стратегии, которая все больше выходила на передний план в качестве решающего, но позитивного элемента в японской внешней политике в противоположность положению вещей в прошлом, когда эта стратегия имела тенденцию быть негативным, или препятствующим фактором, что не всегда означало решающим.

3. Советский Союз и японо-американские отношения

Обещания англичан и американцев поддержать Советский Союз всплывали на поверхность международной политики довольно редко. Чтобы получить сведения об этих обещаниях, приходится вспоминать закончившиеся неудачей переговоры между Англией, Францией и Советским Союзом летом 1939 г. или даже период предшествовавший 1933—1936 гг., когда в последний раз шел разговор об эмбарго против Японии между Советским Союзом, Соединенными Штатами, Францией и Великобританией. Исследование политики Японии в области обороны, проведенное штабами трех родов войск Германии и представленное Гитлеру в конце мая 1936 г., показало, что наибольшая вероятность расстроить планы японского экспансионизма возможна только при наличии коалиции между Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами. Японские ВМС уже с начала 30-х годов стали сознавать, к чему приведет развитие советских наступательных военно-воздушных и военно-морских сил на Дальнем Востоке. Наибольшую угрозу представляли формировавшиеся подразделения бомбардировщиков, дислоцировавшихся на базах в непосредственной близости от Японских островов и центров промышленного производства, и наращивание советского подводного флота в Тихом океане — угроза путям снабжения Японии в открытом море. Тем не менее возможность такой коалиции никогда не приводила к конкретным результатам в связи с отказом того или иного вероятного партнера заключить соглашения о взаимной обороне или сотрудничестве, касающееся как Европы, так и Дальнего Востока.

В результате, когда в связи с нападением Германии на Советский Союз возникли разговоры о возможностях взаимной поддержки и союза, особенно и прежде всего в рамках англо-советских отношений, то представители японских ВМС за границей проявляли к этим разговорам живой интерес. Военно-морской атташе Японии в Риме, например, когда с ним связался капитан Лёвиш 10 июля 1941 г., «проявил необычный интерес к вопросу, есть ли в Германии какая-нибудь заслуживающая доверия

информация относительно того, ведутся ли те или иные переговоры между Сталиным и англичанами о сдаче в аренду Великобритании каких-либо русских баз». Единственное, что смог сделать Лёвиш в этой ситуации, что отослать Мицунобу к поступившим из нейтральных стран сообщениям прессы о Мурманске и дипломатической активности Великобритании в Иране. Он упомянул о росте вероятности вступления США в войну после начала германо-советской войны и о том, что народу в Японии внушают мысль, что американцы стремятся создать базы как можно ближе к Японии, откуда можно будет напасть на нее, и, кажется, имеют свои взгляды на Петропавловск-на-Камчатке. В дальнейшем, 10 сентября, Лёвиш сообщил о разговоре с вице-адмиралом Лейсом, председателем комиссии трехстороннего пакта в Риме, о содержании состоявшейся 27 августа беседы между Лейсом и адмиралом Абэ, руководителем японской военно-морской делегации в Италии. Абэ спросил Лейса, считает ли последний, что американцы могут поставлять как Великобритании, так и Советскому Союзу материалы военного назначения сверх своих собственных потребностей, и получил ответ, что, судя по опыту Лейса на посту военно-морского атташе в Вашингтоне (а на этом посту он был продолжительное время) ему представляется, что военная экономика США способна давать значительные количества продукции, однако, будут ли военные поставки осуществляться через океан, зависит как от держав «Оси», так и Японии, от их совместных действий. С другой стороны, Лейс, по-видимому, не ответил на другой вопрос Абэ, считает ли он, что американцы будут создавать базы во Владивостоке и на Камчатке.

Вялое течение переговоров с представителями японских ВМС и Риме и Берлине в этот период подчеркивало важность вступления Японии в войну, однако, думается, обе делегации на протяжении сентября ждали более ясных указаний из Токио. Только в конце месяца на приемах, где отмечалась первая годовщина трехстороннего пакта, было получено твердое указание. У нас нет данных, свидетельствующих, что было сказано в Берлине, поскольку папки с соответствующими документами были уничтожены в конце войны в Европе. Однако у нас есть информация о содержании инструкций японской военно-морской миссии в Риме. Капитан Мицунобу на приеме конфиденциально сообщил капитану Лёвишу следующее.

- 1) Отношения между Японией и Соединенными Штатами не отрегулированы.
- 2) Экономические соглашения не заключены.
- 3) Если Япония втянется в войну с Америкой, то это будет борьба не на жизнь, а на смерть.
- 4) На протяжении последних 20 лет подготовка японского флота велась исходя только из возможной войны против Америки.
- 5) Четыре года войны против Китая создали для Японии ситуацию, которая надлежащим образом не учитывается в Италии и Германии. В настоящее время Япония вынуждена очень внимательно следить за общественным мнением в Америке. «Мы, японцы, знаем, что американское общественное мнение может неожиданно измениться — за одну ночь. Однако в настоящее время оно не должно настраиваться на войну против Японии. Поэтому мы должны проявлять осторожность».

Последние две фразы этого тщательно сформулированного обращения заслуживают пристального внимания. Для японских инструкций 1940 и 1941 гг. характерно общее — стремление избежать провокации со стороны держав англо-американского блока, создать у них ложное чувство безопасности и подготовить условия, гарантирующие Японии нанесение первого удара. Однако ситуация на этой стадии была довольно деликатная, поскольку, как мы утверждаем, до сих пор не было ясных доказательств возможности той или иной советско-американской сделки. Соединенные Штаты вводили в строй все большее число тяжелых бомбардировщиков, большинство из которых направлялись на Филиппины. Но теоретически их эффективность могла бы быть гораздо больше, если бы они базировались в районах Советского Приморья, откуда могли бы свободно наносить удары по военно-морским базам и промышленным объектам Японии, что было хорошо продемонстрировано в конце войны на Тихом океане. Такие сценарии наводили кошмар на руководство японских ВМС, которое считало своим священным долгом нести ответственность за неприкосновенность Японии и защиту императора от опасности.

После прояснения намерений японских ВМС придерживаться трехстороннего пакта, в чем частично сомневались ранее в Берлине и что заставило после Осима активно

протестовать перед Токио в связи с дезориентирующими замечаниями посла Номура в Вашингтоне, положение вещей для Берлина и Рима стало в значительной степени ясным, а это, по-видимому, открыло путь к большей откровенности между секретными службами государств «Оси». Мы знаем из содержания консультаций, проведенных между немцами и итальянцами в мае 1941 г., что обе державы «Оси» считали в тот период преждевременным начинать какое-либо планирование стратегического или оперативного сотрудничества с Японией, поскольку все еще было неясно, каковы реальные намерения Японии в отношении Соединенных Штатов. Германия считала, что поставки оружия и технологии в Японию из США представляли собой не больше того, что уже делалось для Советского Союза. Итальянцы, ждущие указаний от немцев, предложили, что наибольшее, что можно было бы сделать в тот период, видимо, подготовиться к совместным шифровальным работам на случай вступления японцев в войну. Это предложение, выдвинутое адмиралом Балсamo, было направлено 16 мая в Берлин и одобрено на следующий день адмиралом Гроосом, отвечавшим за координацию военного сотрудничества с Японией, как в принципе приемлемое. Гроос призвал к взаимной поддержке в военной и экономической областях, включая решение вопросов, связанных с экономической войной и помощью Германии и Италии в наращивании военного потенциала Японии. Он также выступил за сотрудничество в содержании и развитии наземных, морских и воздушных средств связи, в «сборе и взаимном обмене разведывательной информацией военного и военно-экономического характера». Далее он заявил: «Необходимо проводить существенную грань между вопросами, относящимися к нынешней фазе, и теми вопросами, которые связаны со вступлением Японии в войну, и выносить на передний план тот вклад, который Япония может внести в общую выгоду в случае войны, и те выгоды, которые Япония может дать Германии и Италии, даже не будучи вовлеченной в войну, во всех отношениях, касающихся США.»

С другой стороны Гроос подчеркнул, что представитель сухопутных вооруженных сил Японии в Берлине зарезервировал за собой право решать, когда подойдет время переговоров по оперативным вопросам, однако в данное время штаб ВМС остается ключевым органом для организации связей с Японией, и германо-японские переговоры будут проводиться непосредственно в Берлине, а итало-японские — отдельно в Риме. Германский военно-морской атташе в Риме получил инструкцию сообщать в Берлин только те сведения, которые он получил в Риме, и не проявлять своих собственных инициатив.

В период с июня по октябрь 1941 г., когда акцент делался на взаимный обмен военной разведывательной информацией и зашифрованными материалами, наибольшую важность приобретают в связи с этим тайные разведывательные органы. Прояснение позиции японцев в конце сентября указало на решительный сдвиг к новой фазе, когда вступление Японии в войну с Соединенными Штатами приблизилось наконец к своему практическому осуществлению. В сентябре итальянцы, после того, как смогли расшифровать «черный код» США, предоставили доказательства, что военные атташе американских государств и США получили официальные указания сотрудничать во взаимном обмене военной разведывательной информацией, касающейся держав «Оси». Поэтому и для государств «Оси» настал подходящий момент организовать более активное сотрудничество в этой же области с Японией, направленное против стран англо-американского блока. Сразу же после начала войны между Германией и Советским Союзом японские ВМС отклонили просьбу итальянских ВМС использовать сторожевой корабль «Эритрея», находящийся в Кобе, для нападения на советские торговые суда, вовлеченные в импортные поставки материалов из США по ленд-лизу в Тихом океане (о чем адмирал Лейс туманно упомянул во время своих бесед с адмиралом Абэ). Однако в сентябре «Эритрей» было предоставлено разрешение выйти из Кобе в Шанхай, а 2 октября в Токио прибыли адмирал Балсamo и капитан 3-го ранга Галетти с указаниями наладить более активное сотрудничество с японскими ВМС. Но было и тайное намерение итальянцев — создать условия скрытно контролировать связь японских ВМС между Токио и Шанхаем.

В свете такого сдвига в политике японских ВМС было создано поле деятельности для тайных органов всех трех государств «Оси», чтобы более активно обмениваться информацией. Особенно информацией, полученной путем радиоконтроля, средствами пеленгации и в результате дешифровки. То, что итальянцы были особенно активны в осуществлении этой инициативы, ясно уже из замечаний адмирала Балсamo, сделанных

в мае 1941 г. А тот факт, что выбор руководителя сопровождал ведущий специалист с техническими знаниями, лишь отчетливо подтверждает эту активность. Это подтверждается также ускоренным ритмом сотрудничества в августе—октябре 1941 г. между генералом Гамба и полковником Кемпфом, которые действовали от имени верховного командования итальянских вооруженных сил и верховного командования германских сухопутных сил. Есть показания, что интерес итальянцев в этот конкретный период сосредоточивался в значительной степени на советских и американских дипломатических сообщениях. Телеграммы с информацией, поступившей от американских военных атташе в Каире, Лондоне, Москве и Токио направлялись военным департаментом в Вашингтоне, и это можно сказать с большой долей уверенности, полковнику Фиску, военному атташе США в Риме. Эта информация становилась доступной итальянцам. К началу октября 1941 г. у итальянцев уже был экземпляр кодовой книжки «А. I», которой пользовался государственный департамент, и они активно работали над находящимися в обращении таблицами по расшифровке, а также над системами шифрования «В. I» и «С. I». В последнем случае они пытались заручиться содействием немцев²⁴.

Мы знаем, что министерство иностранных дел Японии смогло расшифровать некоторые из сообщений государственного департамента США и военного министерства Великобритании и начиная с 30-х годов органы дешифровки японской армии и военно-морских сил добились довольно значительного успеха в обработке англо-американских дипломатических сообщений²⁵. По всей видимости примерно с 1 октября 1941 г. развернулось активное сотрудничество между соответствующими органами Германии, Италии и Японии, особенно в Берлине, Риме и Шанхае. Поскольку немцы не добились успеха, работая над советскими системами шифровки дипломатических сообщений и незначительно продвинулись, имея дело с полевыми кодами, нам представляется маловероятным, чтобы итальянцам помогли при обработке дипломатических материалов сведения, которые они запросили 3 октября в Берлине. Более определенно то, что итальянцы и японцы совместно смогли гораздо дальше продвинуться при работе над системами США. 15 октября 1941 г. капитан Маэда Тадаси, руководитель европейского отдела в третьем (разведка) отделе штаба японских ВМС, совершенно неожиданно информировал адмирала Веннекера в Токио, что «японские ВМС в состоянии расшифровать часть телеграмм государственного департамента США», и передал изложение недавно расшифрованной телеграммы, посланной в Посольство США в Москве. Это позволяет сделать безошибочный вывод, что японцы, при поддержке немцев и итальянцев, были в состоянии читать большой процент американских сообщений между Москвой и Вашингтоном во время советско-американских переговоров, и в результате этого получить данные, подтверждающие отказ Советского Союза предоставить Соединенным Штатам в аренду какие-либо военно-воздушные базы на своей территории.

Конечно, переговоры по дипломатическим каналам между Советским Союзом и Японией также дали бы гарантии того, что Советский Союз останется верен пакту о нейтралитете, который Сталин предложил Мацуока в апреле 1941 г., однако независимое подтверждение из расшифрованных источников, возможно, представляло для Японии даже большую ценность, чем возможность американских и английских организаций по дешифровке читать начиная с сентября 1940 г. выполненный на высоком техническом уровне шифр японских дипломатических служб. 6 октября 1941 г. капитан Маэда подробно изложил адмиралу Веннекеру требования США к японцам вывести войска из Индокитая и Центрального и Южного Китая, а также отказаться от участия в трехстороннем пакте. «Все это,— заявил Маэда,— представляет собой требования, принятие которых несколько не зависит от каких-либо возможных переговоров». Маэда схематично обрисовал план операций, направленных на юг, при этом главной целью была указана Манила. Это означало войну с Соединенными Штатами, однако ничего не было сказано относительно каких-либо планов прямого нападения на США. Эта последняя задача рассматривалась как грандиозная, однако «японские ВМС были твердо уверены, что операция, как она была задумана, завершится успехом».

9 октября Маэда вновь нанес визит Веннекеру, чтобы сообщить ему, что внутренние дебаты относительно того, что делать, чтобы разрешить кризис во взаимоотношениях с Соединенными Штатами, достигли своего апогея, и попытаться выяснить, объявит ли Германия автоматически войну США, если Япония первой нападет на них. Он также спросил, будет ли Германия готова и дальше помогать Японии, если даже Великобритания и будет повержена. Веннекер изложил свою точку зрения, сказав, что не

может говорить от имени своего правительства. Его точка зрения состояла в том, что Германия фактически уже находится в состоянии войны с Соединенными Штатами. Он также выразил сомнение, что война против США в Атлантике закончится раньше, чем война на Тихом океане. Маэда также сообщил, что дни кабинета Коноэ сочтены и ему на смену придет военный кабинет (который действительно приступил к своим обязанностям 16 октября во главе с генералом Тодзио).

Веннекер наверняка информировал посла Отта об этих беседах 6 и 9 октября, и трудно поверить, что сообщение об изменении в зафиксированной позиции японских ВМС тем или иным путем не достигло ушей Зорге, учитывая, что он ежедневно бывал в посольстве. Если, как нам известно, подтверждение об радиообмене с радиостанциями на Дальнем Востоке Советского Союза было получено позднее с помощью методов пеленгации, тогда представляет интерес тот факт, что арест Зорге был отложен до падения кабинета Коноэ. Возможен ли такой вариант, что японские власти хотели, чтобы сведения о решении начать войну с Соединенными Штатами как бы невзначай просочились тем или иным путем в Советский Союз еще до того, как окончательно прикроется деятельность агентурной сети, и перед тем, как эта сеть сможет добыть новую подробную информацию о времени и месте практического осуществления этого рокового решения начать войну?

¹ Julius Mader. Dr. Sorge — Report: Ein Dokumentarbericht über Kundschafter des Friedens mit ausgewählten Artikeln von Richard Sorge.— Berlin, Militärverlag der DDR, 1984.

² National Archives, Washington D. C., Record Group 319, File No. NND 853105. Citation from such sources are abbreviated hereinafter to NAW/RG., and file number.

³ Ibid.

⁴ NAW/RG 319/NND 853105.

⁵ USAINSCOM/FOIPO/File D-3304, declassified 17 June 1986.

⁶ NAW/RG 319/NND 853105.

⁷ Бозйтё, Бозйкэнкюдзё. Сэнсисицу. Кайгун Дайдзин камбо нисси (1941—1945).— P. 10 (на яп. яз.).

⁸ Public Record Office, London: RRO/ADM1/16229; NAW/RG457/SRH — 375.

⁹ Ibid.

¹⁰ Бозйтё, Бозйкэнсюсё. Сэнсисицу. Сэнси сосё.— Том 73. Кантогун-2: Кантокуэн сюсэн токи-но Тай-Сосэн.— Токио, 1974.— Асагумо симбунся (на яп. яз.).

¹¹ Самэдзима Цунао. Мотогунрэйбу цусин катё-но кайсо: Нихон кайгун цусин дэмпа канкэй-но сэки. Токио, 1981.— Синкюся (на яп. яз.).

¹² J. Mader. Op. cit.

¹³ Информация получена автором от бывшего служащего компании «Ханро».

¹⁴ See: Ralph Erskine. The Soviets and Naval Enigma, Intelligence and National Security 4/3 (July 1989).

¹⁵ Информация любезно предоставлена автору профессором Дж. Барроу.

¹⁶ Информация получена автором от контр-адмирала ВМС Великобритании Г. Росса, бывшего помощника военно-морского атташе Великобритании в Токио (1934—1936), который сохранил карту официального обеда с именами Зорге, Отта, Веннекера, фон Дирксена.

¹⁷ NAW/RG457/SRNA.

¹⁸ NAW/RG457/SRNA.

¹⁹ Бозйтё, Бозйкэнсюсё, Сэнсисицу. Сэнси сосё.— Т. 68.— С. 197—218 (на яп. яз.).

²⁰ Там же.— Т. 73.— Гл. 1.

²¹ Информация получена автором от покойного Вернера Крома в сентябре 1965 года в Токио.

²² B. Wegner. The Tottering Giant // C. Andrew & J. Noakes, eds., Intelligence and International Relations, 1900—1945. Exeter U. P., 1987.— P. 293—311.

²³ Alvin Cox. The Pacific War, The Cambridge History of Japan, Vol. 6.— P. 326—328.

²⁴ NAW/RG457/SRH — 375.

²⁵ Самэдзима. Указ соч.

Планы покушения на Сталина

Е. ХИЯМА

24. Беседа с Аматами Ясабуро, бывшим сотрудником юридического департамента администрации государства Маньчжоу-го.

— Аматами. Я помню этот случай. Тогда говорили, что политическая сфера государства Маньчжоу-го — это настоящая дьявольская обитель. А этот случай был вообще из ряда вон выходящим и оставил особенно гнетущее впечатление.

— Хияма. Расскажите, пожалуйста, об этом деле поподробнее.

— А. В то время я работал секретарем заместителя главы внешнеполитического ведомства Маньчжоу-го. Непосредственно этим делом не занимался и не знаю точно, как обстояло дело. Однако думаю, что это случилось сразу же после занятия нашими войсками Ханьхоу. Сообщение об этом вызвало среди населения большой подъем и в самой Японии, и в Маньчжурии. Начальник канцелярии политического департамента мой друг Камикаваути Кадзу принес в паспортный отдел заявление нескольких русских с просьбой о выдаче им загранпаспортов, а также фотокарточки и другие необходимые документы, удостоверявшие их личность, а также копии выписок из регистрационных книг по месту жительства. Судя по документам, это были русские, все жители Харбина, занимавшиеся торговлей мехами. Один из них, хотя по документам и носил другую фамилию, на фотокарточке был очень похож на Люшкова, который тем летом сбежал из Советского Союза. Во внешнеполитическом ведомстве его дело вызвало большое недовольство.

— Чем оно было вызвано?

— А. Наше ведомство совершенно не было информировано об инциденте с Люшковым. Мы получили о нем информацию от штаба Квантунской армии лишь спустя полмесяца после побега. В результате, когда советский генеральный консул в Харбине обратился к нам с запросом по этому делу, внешнеполитическое ведомство, не поставленное в курс дела и ничего не знавшее о действиях и намерениях армии, не знало, что отвечать и собиралось оставить этот запрос без ответа. Впоследствии, в связи с этим инцидентом глава внешнеполитического ведомства государства Маньчжоу-го даже предпринял демарш — заявил нечто вроде протеста штабу Квантунской армии. Вот такой получился неприятный случай.

В связи с поступлением указанных документов на этих русских среди работников паспортного отдела распространился слух о том, что здесь речь идет скорее всего опять о Люшкове. Среди представленных документов была также фотокарточка Бориса Безыменского. Это был русский белогвардеец, служивший чиновником по особым поручениям при внешнеполитическом ведомстве, занимавшийся также сбором разведывательной информации о Советском Союзе для политического департамента. Как раз незадолго перед этим он был освобожден от своей должности.

— Остальные пять человек были из так называемых «политических организаций» русских белогвардейцев в Харбине?

— А. Да, все они были активными членами или входили в руководство Союза русских патриотов в Харбине.

— Значит все они, кроме Безыменского, представили свои заявления о выдаче им загранпаспортов под вымышленными именами?

— А. Я слышал об этом. Все они, включая Безыменского, представили удостоверения личности и копии выписок из регистрационных книг по месту жительства как жители Харбина и торговцы.

— В удостоверении Люшкова тоже фигурировало другое имя?

— А. Да, там стояло совсем другое имя. Как будто там фигурировало имя человека, действительно проживавшего в Харбине.

— После того, как Люшков сменил фамилию, ему было предоставлено гражданство государства Маньчжоу-го?

— А. Кажется, в представленных на него документах были указаны все данные: фамилия, имя, место жительства, род занятий. Однако, когда представленные данные были сверены с регистрационной книгой по месту жительства, то обнаружилось, что человека с такой фамилией в списках граждан Маньчжоу-го не значилось.

— Значит копия выписки из регистрационной книги по месту жительства была фальшивой?

— А. В каком-то смысле фальшивой, а в каком-то — и нет. Эта выписка была официальным документом, выданным специальным городским политическим управлением Харбина. Когда по этому поводу паспортный отдел запросил специальное городское политическое управление Харбина, то оттуда пришел ответ, что данный документ был выдан по просьбе начальника органов особого назначения Квантунской армии со штабом в г. Харбине. Вот почему в паспортном отделе возникли большие сомнения по поводу того, можно ли выдавать загранпаспорт по таким документам — или следует от этого воздержаться. Мнения в отделе разделились. Одни считали, что поскольку это дело связано с органами особого назначения, то паспорт нужно выдать. Другие же придерживались противоположного мнения, что в таком случае внешнеполитическое ведомство Маньчжоу-го лишалось бы права на самостоятельные действия.

— А вы не пробовали запросить г-на Камикаваути Кадзу, на каком основании он обратился с этим вопросом в паспортный отдел?

— А. Разумеется, исполнявший в то время обязанности начальника паспортного отдела г-н Сайхё запросил г-на Камикаваути по всем этим вопросам. Однако, как я слышал, г-н Камикаваути никаких разъяснений не дал и лишь продолжал настаивать на том, чтобы запрошенные им загранпаспорта были выданы. Оказавшись в весьма затруднительном положении, г-н Сай ё обратился к своему вышестоящему начальнику департамента внешней торговли г-ну Кэйсэн. Тот в свою очередь доложил это дело главе внешнеполитического ведомства. Последний лично запросил начальника органов особого назначения генерал-майора Кати. А генерал распорядился запросить информацию по этому вопросу у г-на Утагава Тацуя!

— Это был тот самый Утагава Тацуя, который в то время отвечал во втором отделе штаба Квантунской армии за организацию всей диверсионной деятельности?

— А. Да, тот самый. В то время он отвечал за осуществление диверсионных операций против Советского Союза и часто использовал в антикоммунистических целях белогвардейцев Харбина. Я лично познакомился с этим человеком, когда он стал советником при армии государства Маньчжоу-го. Это был довольно нелюдимый и молчаливый человек. А уж если он открывал рот, то постоянно говорил резкости, с языка у него так и сыпались едкие, язвительные слова. Поэтому окружающие его не любили.

— А что было потом?

А. Когда сам глава внешнеполитического ведомства позвонил по телефону г-ну Утагава в штаб Квантунской армии, то последний лишь сказал, что нужно все сделать в соответствии с указанием г-на Нисино Тадаси*. После этого мы обратились за разъяснениями к г-ну Нисино, который, как я слышал, сформировал о том, что эти лица отправляются за границу со специальным заданием Квантунской армии и поэтому он просил бы незамедлительно оформить им загранпаспорта.

— Разъяснил ли г-н Нисино, что это было за специальное задание?

— А. Что Вам сказать... Во всяком случае я об этом ничего не слышал.

— Итак, группа в составе семи русских и одного японца по имени Нагатанибэ

* Нисино Тадаси окончил юридический факультет Токійского государственного университета, работал 1-м секретарем Посольства Японии в СССР. Оттуда был переведен на пост нач-ка Политического департамента внешнеполитического ведомства государства Маньчжоу-го. Затем был назначен зам. начальника этой службы. В послевоенное время вел курс международной политики в университете Васэда. Был избран депутатом палаты представителей японского парламента. Погиб в автомобильной катастрофе в 1967 году.

Таро выехала за границу. И никто не усмотрел в этом ничего подозрительного или хотя бы странного?

— А. Пожалуй никто. Но то, что Вы мне сейчас сказали, я слышу впервые.

— Вот как? Тогда я начинаю догадываться, что г-н Нагатанибэ получил загранпаспорт не от администрации государства Маньчжоу-го, а от японского правительства. Если г-н Нагатанибэ имел японское гражданство, то, естественно, и загранпаспорт он должен был получить от Министра иностранных дел Японии.

— А. А кто был этот человек?

— Вот этого я как раз и не знаю. Я только слышал, что летом следующего, то есть 1939 года, он вновь появился в Маньчжурии, но вскоре и там пропал из вида. Если бы мне удалось выяснить, что это был за человек, то, может быть, нам удалось бы разобраться в том, что это было за специальное задание...

— А. Наверное об этом знал г-н Нисино Тадаси, он после войны вернулся в Японию, но, к сожалению, погиб в автокатастрофе.

— Г-н Нисино Тадаси, видимо, по просьбе подполковника Утагава содействовал положительному решению вопроса о выдаче загранпаспортов этой группе. А что представлял из себя г-н Нисино?

— А. Он перешел из японского МИДа во внешнеполитическое ведомство Маньчжоу-го сразу же как только было создано это государство. Он был молодой и очень способный работник. Ему весьма симпатизировал сам министр иностранных дел Японии г-н Мацуока Ёсукэ. Но г-н Нисино был еще очень молод и отличался самоуверенностью и самонадеянностью, ему явно не хватало человеческой глубины и мудрости. И в дипломатии, и в повседневной жизни он строил вполне реалистические планы и со стороны казался даже прагматиком и приспособленцем. Но вполне признавая его способности, в то же время полностью доверять ему было нельзя. Перед самым окончанием войны он выдвинул предложение заключить тайную сделку с Чан Кайши и как только в Маньчжурию вторгнется Советская армия, сформировать там народное правительство. После чего следовало ожидать прихода Советов.

— Он дружил с подполковником Утагава?

— А. Г-н Нисино, похоже, был очень близок к г-ну Амакасу Масухико. Они часто встречались в гостинице «Хинэнро» в Синьцзине и в гостинице «Хама-но Изэ» в Дайрене.

— Г-н Амакасу Масухико, как я слышал, помогал подполковнику Утагава в осуществлении диверсионной деятельности против Советского Союза. В этой связи не мог ли в этом участвовать также и г-н Нисино?

— А. В те времена в Маньчжурии, можно сказать, царил атмосфера анархии и вседозволенности. Закон и порядок и в грош не ставились. Такая вседозволенность заражала всех и каждого, людей поражала нравственная слепота. Они как бы погружались в какой-то нигилизм и декаданс. Видимо, как раз по этой причине г-н Исихара Кандзи тогда полностью разочаровался в перспективах Маньчжурии и летом 1938 года покинул ее. Я думаю, что действия и г-на Амакасу, и г-на Нисино, и г-на Утагава как раз и выражали эту атмосферу разложения и упадка.

— Эти русские, похоже, были направлены подполковником Утагава для осуществления крупномасштабной диверсии против Советского Союза, получившей кодовое название «операция медведь». Вы никогда не слышали этого названия — «операция медведь»?

— А. Нет, не слышал.

— Эта группа 17 января 1939 г. прибыла в итальянский порт Неаполь, и впоследствии никто из ее состава, за исключением г-на Нагатанибэ, в Маньчжурии уже больше никогда не появился. К тому же, в числе этих семи русских, возможно, был советский шпион, носивший кличку «Лео». Хотелось бы знать, с какой целью эта группа отправилась в Италию, что собиралась там делать.

— А. Это, наверное, мог бы знать господин Камикаваути Кадзу. В настоящее время он живет где-то в районе Сугинами.

— Как? Г-н Камикаваути еще жив?

— А. Конечно. Г-н Камикаваути не раз говорил, что ему нельзя умирать, пока он не напишет историю государства Маньчжоу-го. Он старается сдержать свой зарок. Еще осенью прошлого года он расспрашивал меня по телефону о разных прошлых событиях, связанных с историей Маньчжоу-го.

25. Беседа с г-ном Камикаваути Кадзу, занимавшим в то время пост начальника канцелярии политического департамента внешнеполитического ведомства государства Маньчжоу-го, состоявшаяся 5 апреля.

Благодаря любезному содействию г-на Аматами я посетил г-на Камикаваути Кадзу в его доме в токийском р-не Сугинами. Г-н Камикаваути только что перенес простуду и еще не вставал с постели, но, узнав о цели моего визита, он любезно согласился, несмотря на недомогание, помочь мне в моем деле.

— Камикаваути. Это было, по-моему, в начале ноября 1938 г. Я сужу об этом по тому, что 9 ноября члены миссии дружбы государства Маньчжоу-го, завершив свою поездку по ряду иностранных государств, в итальянском порту Неаполь сели на борт парохода, чтобы вернуться на Родину. За несколько дней до этого я был вызван к начальнику политического департамента г-ну Нисино. Он попросил меня проследить за оформлением загранпаспортов для группы лиц и передал мне все необходимые для этого документы. В тот момент я и подумать не мог, что среди этих людей был и генерал Люшков.

— Когда Вы это обнаружили.

— К. Возвратившись в свою рабочую комнату, я взглянул на фотографии этих людей. Их было семь. Там были фото Бориса Безыменского, Николая Лебеденко...

— Вы сказали Николая Лебеденко?

— К. Да, это был председатель Союза русских патриотов, действовавшего в то время в Харбине. Он был офицером Семеновской армии, тесно сотрудничавшей с японским экспедиционным корпусом, направленным в тот период в Сибирь. У Николая Лебеденко на левой руке был протез. На конце протеза находилось устройство в виде острого наконечника. Этого человека можно было увидеть в русских ресторанах Харбина, где он ловко подцеплял наконечником своего протеза кусочки мяса и отправлял в рот.

— А кто еще входил в состав этой группы?

— К. Имена остальных я уже забыл. Помню лишь, что четверо из них входили в руководство Союза русских патриотов, во главе которого стоял Лебеденко. Был там и Люшков. Он отпустил усы и бороду, носил очки, волосы расчесывал на прямой пробор. Тем не менее, хорошенько приглядевшись, я сразу понял, кто это.

— Я слышал, что все остальные русские, за исключением Безыменского, фигурировали под вымышленными именами.

— К. Да, Люшков проходил под фамилией Алексея Варского. Он представил удостоверение личности на этом имя в качестве владельца харбинской торговой компании («Харбин сёкай»). Поскольку я знал, что в Харбине не существует такой компании, я сразу понял, что это фальшивка.

— Под какими именами фигурировали остальные русские?

— К. Давнишнее это дело. Я уже совсем забыл их имена. Но у всех род занятий был заявлен в качестве служащих торговой компании «Харбин сёкай».

— Борис Безыменский тоже указал, что он служащий этой компании?

— К. Да, в удостоверении личности Безыменского значилось, что он служит в этой торговой компании.

— А что за человек был Безыменский?

— К. Это был русский белогвардеец. Когда начались маньчжурские события, он, кажется, стал активно сотрудничать с г-ном Амакасу Масухико и участвовать в анти-советской деятельности. В Харбине тогда была создана группа русских белогвардейцев, которая, маскируясь под коммунистов, совершала налеты на харбинских торговцев. Этой группой из-за кулис и руководил г-н Амакасу. В результате таких налетов русские торговцы из делового р-на Харбина «Пристань» были вынуждены обращаться к японской армии с просьбой взять их под свою защиту. Ходили слухи, что Безыменский имел отношение к этим налетам. Когда было создано государство Маньчжоу-го, по рекомендации г-на Амакасу он был принят на службу в качестве внештатного чиновника при политическом департаменте внешнеполитического ведомства Маньчжоу-го. «Внештатный чиновник» был по существу чиновником по особым поручениям.

— В чем заключалась его работа? В сборе различной информации или проведении подрывной деятельности?

— К. Ему очень доверял г-н Нисино, который советовался с ним по всем вопросам, связанным с Советским Союзом. Похоже, что у Безыменского были какие-то дела с г-ном Амакасу и с г-ном Утагава. Его часто видели в их обществе в различных

местах. Зато он редко появлялся в нашем внешнеполитическом ведомстве. Это был огромный мужчина с заросшим волосами лицом, постоянно куривший крепкие русские папиросы. На руке у него была татуировка.

— Когда Вы получили от г-на Нисино такие явно фальшивые документы, у Вас не возникло никаких сомнений и вопросов?

— К. Копии выписок из регистрационных книг по месту жительства были официально выданы специальным городским политическим управлением Харбина. Поэтому хотя некоторые пункты анкет этих лиц были явно взяты с потолка, я подумал, что за всем этим должно стоять что-то очень важное, и передал заявления о выдаче загранпаспортов в паспортный отдел. В этом отделе, разумеется, проверили записи в регистрационных книгах по месту жительства и высказали мнение, что все это выглядит довольно странно. С одной стороны, г-н Нисино настаивает на скорейшей выдаче загранпаспортов, а с другой, — чем больше вникали в это дело, тем оно представлялось все более затруднительным. В конце концов г-н Нисино, обратившись непосредственно к главе внешнеполитического ведомства, все-таки добился выдачи этим лицам заграничных паспортов. Я получил эти паспорта в канцелярии г-на Нисино и сразу же был послан в посольство Италии, чтобы получить на них итальянские транзитные визы.

— Значит, это были визы не на постоянное пребывание в Италии, а лишь на транзит через нее.

— К. Да, это были лишь транзитные визы.

— Раз это был лишь транзит, следовательно, пунктом назначения их поездки была не Италия. Тогда в какую же страну они направлялись?

— К. Этого я не знаю. Можно допустить лишь то, что это была страна, с которой у государства Маньчжоу-го не было дипломатических отношений. Поэтому эти люди не могли въехать туда прямо из Маньчжоу-го. Видимо, они намеревались сначала перебраться в Италию, посольство которой находилось в Синьцзине, а уж только потом запросить там въездные визы в страну, в которую они направлялись. Такой способ практикуется и сейчас, когда, например, человек, направляющийся из Японии в Северную Корею, едет туда через Китай. А Италия как раз в ноябре 1938 г. признала государство Маньчжоу-го и открыла в Синьцзине свое посольство.

— Итальянские въездные визы для этих лиц были выданы посольством без задержки?

— К. Да, г-н Нисино, похоже, уже заранее связался с посольством Италии по этому вопросу, и оно выдало визы немедленно. При этом по просьбе г-на Нисино была получена итальянская въездная виза еще и для одного японского гражданина.

— Это был г-н Нагатанибэ Таро, тот человек, который выехал за границу в одной группе с семьей русскими и лишь он один вернулся обратно.

— К. Имени его я уже не помню, но его заграничный паспорт был выдан министерством иностранных дел Японии.

— Вы тогда не подумали, что и этот паспорт тоже мог быть фальшивым?

— К. Могу сказать, что если это и была подделка, то настолько искусная, что ее нельзя было отличить от подлинного документа.

— А какая цель поездки этих лиц была заявлена в итальянском посольстве?

— К. От г-на Нисино было получено указание обозначить цель поездки как торговую. Так и было сделано.

— Единственный японец тоже был назван служащим харбинской торговой компании «Харбин сёкай»?

— К. Нет. В удостоверении личности этого человека было сказано, что он является служащим японской торговой компании «Мицуй буссан».

— Он действительно являлся служащим этой компании?

— К. Нет. В те времена в Синьцзине, на площади Хигаси, располагался филиал торговой компании «Мицуй буссан», в котором работал мой знакомый. Спустя какое-то время, вспомнив об этом случае, я заинтересовался у него, был ли у них служащий с такой фамилией. Тот навел справки, и обнаружилось, что такой человек у них не числился.

— Таким образом, группа из восьми человек, в составе которой был и Люшков, выехала за границу, направляясь в Неаполь. Как Вы думаете, какова же была подлинная цель их поездки?

— К. Тогда я не спрашивал об этом у г-на Нисино, да и сам не задумывался

об этом. Однако сейчас вижу, что в этом деле было действительно много подозрительного.

— Что Вы имете в виду?

— К. В начале ноября к нам из японского консульства в Варшаве на имя г-на Нисино поступила телеграмма с просьбой выслать для сотрудников консульства зимние меховые пальто. Если бы эти меховые пальто требовались для сотрудников консульства, то их можно было бы гораздо дешевле купить в самой Польше. Не было никакой необходимости специально телеграфом запрашивать эти вещи из Маньчжурии. Однако г-н Нисино послал ответную телеграмму «Просьба о пальто удовлетворена. Срочно высылаем». Но эти пальто так и не были никогда высланы. К тому же вся эта переписка велась шифром. Я еще подумал, что все эти так называемые «пальто» для сотрудников консульства влетят в копеечку, ведь только затраты на одну эту шифропереписку были сопоставимы со стоимостью этих пальто. Сразу после этой странной телеграммы от г-на Нисино и поступил тот самый запрос на получение загранпаспортов для группы русских.

— Эта телеграмма пришла из консульства государства Маньчжоу-го в Варшаве? Что было потом?

— К. В середине ноября я передал оформленные загранпаспорта и визы г-ну Нисино, и тот приказал мне никому не болтать об этом деле и даже пригрозил, что если я не буду держать язык за зубами, то могу в два счета вылететь из Маньчжурии.

— Кроме этого, что-либо еще было связано с этим делом?

— К. В начале декабря органы особого назначения Квантунской армии со штабом в Харбине начали проверку шестерых русских, состоявших в той группе, кроме седьмого Люшкова. В политическом департаменте нашего внешнеполитического ведомства также принялись проверять личность Безыменского. Все эти проверки начались в связи с тем, что пошли разговоры, будто в эту группу внедрился советский шпион по кличке «Лео». Каковы были результаты этой проверки, я не знаю.

— Теперь я вижу, что г-н Нисино, по просьбе подполковника Утагава, оказал содействие в оформлении документов для выезда этой группы за границу. В тот период подполковник Утагава занимался подготовкой и осуществлением диверсионной операции против Советского Союза под кодовым названием «операция медведь». Полагаю, что Утагава задействовал в этой операции указанных русских. Однако перед самым отъездом этой группы за границу кто-то из ее состава попытался установить контакт с советской разведкой. Это, конечно, чрезвычайно обеспокоило подполковника Утагава, и он решил еще раз проверить всех семерых русских.

— К. Этого я не знал. А что это за «операция медведь»?

— Пока не знаю. А у Вас никаких догадок на этот счет нет?

— К. «Операция медведь»... Нет, впервые слышу.

— Вы не припоминаете, не замечалось ли за г-ном Нисино чего-либо такого, что могло бы навести на мысль о его причастности к проведению диверсионных операций против Советского Союза?

— К. Насколько я знаю, он весь отдавался обеспечению поездки Миссии Дружбы государства Маньчжоу-го в Европу. Было такое впечатление, что заниматься чем-либо другим он уже был не в состоянии. Он даже поддерживал постоянный контакт с заместителем главы этой миссии г-ном Амакасу Масухико, осуществляя эти контакты через наше консульство в Варшаве.

— Г-н Амакасу специально приезжал для этого в Варшаву?!

— К. Конечно, нет. Всю корреспонденцию от г-на Нисино доставлял для г-на Амакасу сотрудник нашего консульства в Варшаве и он же направлял все сообщения от г-на Амакасу во внешнеполитическое ведомство государства Маньчжоу-го на имя г-на Нисино.

— Почему же для этой цели не использовалось консульство Маньчжоу-го в Берлине?

— К. Было опасение, что эта корреспонденция будет перехватываться немцами.

В то время германское гестапо вскрывало корреспонденцию иностранных дипломатических представительств, находившихся в Берлине, подслушивало их телефонные разговоры, перехватывало радиogramмы. Эта практика не знала исключений даже в отношении такой дружественной державы, как Япония.

— Теперь я понимаю, зачем г-н Амакасу, находившийся тогда в Европе, специально прибыл в Гонконг, где на борту парохода «Азия мару» он встретился с выехавшим за

границу Нагатанибэ. Г-н Амакасу регулярно получал от г-на Нисино через консульство в Варшаве информацию о ходе подготовки и проведения «операции медведь». Но зачем, однако, г-н Нисино информировал г-на Амакасу об этой операции?

— К. Потому что г-на Амакасу называли «гением диверсий», и г-н Нисино нуждался, по-видимому, в его советах и опыте.

— Если бы мне удалось проникнуть в суть «операции медведь», то я, наверное, получил бы ключ для уяснения роли г-на Амакасу в этом деле.

Органы особого назначения* в Харбине

Есть сведения, что в органах особого назначения в Харбине, занимавшихся сбором разведывательной информации о Советском Союзе, в разгар их деятельности было занято около трех тысяч человек. Сеть этих органов покрывала всю Маньчжурию, и ее звенья размещались в каждом пункте Маньчжоу-го и даже в странах Восточной Европы, граничивших с СССР. Тогдашняя деятельность этих органов до сих пор окутана тайной. В розыске бывших работников органов особого назначения в Харбине мне помогало множество людей из числа прежних граждан Маньчжоу-го. Мне удалось составить список из восьми фамилий бывших работников этих органов, служивших там в 1938 г. Судьбу пятерых из них мне не удалось установить, были ли они еще в живых к этому моменту или уже умерли. Мне удалось узнать местожительство троих оставшихся и войти с ними в контакт. Но двое из них наотрез отказались сообщить мне что-либо и лишь последний согласился поделиться со мной некоторой информацией, и то лишь при условии, что его имя и фамилия мною будут изменены.

26. Рассказ Ямада Итиро (имя и фамилия изменены), работавшего в то время в органах особого назначения в Харбине.

«Хотя я и именовался работником органов особого назначения, но мне, как и другим таким же парням, не было тогда и двадцати лет. Поэтому использовали нас на самой простой работе. Штаб органов размещался за зданием синтоистского храма Харбина. Начальником органов тогда был генерал-майор Кати Рэй. Когда в Маньчжурию вторглась Советская Армия, он застрелился. Из тогдашнего руководства почти никого не осталось в живых: одни покончили жизнь самоубийством, другие были репрессированы Советской Армией. Уцелевшие работники органов после войны создали свою организацию — «Общество Харбина». Регулярно, один раз в году, мы собираемся вместе, но нас остается все меньше.

Я хорошо помню г-на Утагава Тацуя и все, что с ним связано. Он часто приезжал в Харбин, и у меня осталось о нем впечатление как о весьма опасном человеке. С ним было связано много непонятного.

Г-н Амакасу Масукико также часто у нас появлялся. Он приезжал в черном блестящем лимузине с шофером. О нем тоже говорили, что это опасный человек, но держался он очень просто. Обычно, когда он уезжал, то давал нам по 100-иеновой банкноте и говорил при этом: «Отведайте чего-нибудь вкусненького». Г-н Амакасу приезжал, чтобы встретиться с генералом Кати.

Если говорить о лете 1938 г., то как раз в это время мы развернули отчаянную охоту за одним русским шпионом. Его звали не то «Лео», не то «Лена». Вы говорите «Лео»? Тайная полиция приказала нам вместе с харбинским полицейским управлением во что бы то ни стало арестовать его. Город Харбин был построен еще во времена царской России. В нем жило около пятидесяти тысяч русских белоохранцев. Кроме них, в городе проживали служащие Китайско-Восточной железной дороги, центром управления которой был Харбин. Вместе с членами семей их насчитывалось около двадцати тысяч человек. В 1935 г. КВЖД была продана японской компании Мантэцу, а советские железнодорожники вместе с семьями выехали в Советский Союз, но некоторые из них, ненавидевшие коммунистов, остались в Маньчжурии. Среди них, естественно, остались и советские агенты. И одной из задач наших органов было разоблачение и поимка этих агентов.

* Органы информации и разведки японской армии в оккупированных районах Китая.

По нашим данным, этот советский агент «Лео», похоже, имел штаб-квартиру в Харбине, поэтому наши органы и харбинская полиция буквально прочесывали весь город. Вот так это было... Мы проверили тогда более 2 тысяч русских, и среди них задержали около 30 подозрительных лиц, похоже работавших на Советских Союз. Их допрашивали в бывших русских казармах.

Харбинские полицейские были, на наш взгляд, довольно слабоваты, поэтому допросы задержанных вели наши работники. Тогдашние работники органов особого назначения были большими мастерами в ведении допросов. Обычно нам удавалось развязывать задержанным языки. Хотя нам тогда и не удалось поймать «Лео», но мы сумели подобрать вплотную к его логову.

Один из арестованных русских, хотя и не был его агентом, тем не менее сообщил нам, что слышал от своего знакомого какие-то рассказы о «Лео». Мы взяли этого знакомого — владельца продовольственной лавки на Большой улице в Харбине. Этот человек оказался членом организации, возглавлявшейся самим «Лео». Он в конце концов дал показания о структуре шпионской организации, созданной «Лео». Она состояла из групп, каждая из которых насчитывала четыре человека. Один из них был старший. Таких групп было несколько, но ни одна из них ничего не знала о существовании других. Такая система позволяла в случае ареста одного или нескольких членов группы и даче ими показаний сводить до минимума ущерб от этого провала для всей организации. Последствия провала одной группы не распространялись на остальные группы.

Время от времени «Лео» появлялся в подпольном центре своей организации в Харбине, но даже старшие группы не знали, где этот центр находился. Всю поступающую к ним информацию старшие групп сообщали своим командирам, а уже те, в свою очередь, передавали ее в штаб. Там действовала группа связи, поддерживавшая контакт с советским консульством в Харбине и ее штабом в Хабаровске.

Обо всем этом хозяин продовольственной лавки знал от своего старшего по группе.

Разумеется, после этого органы особого назначения при содействии харбинской полиции арестовали старшего этой группы. Имя его я уже, конечно, забыл, но помню, что это был шеф-повар русского ресторана, расположенного недалеко от вокзала в Харбине. Этот человек вступил в Союз русских патриотов, возглавлявшийся Николаем Лебеденко, и вел себя так, что его никак нельзя было заподозрить. От этого шеф-повара удалось добиться показаний и мы получили имя его старшего командира. Им оказался издатель еженедельной газеты «Голос нации», издававшейся в районе харбинской пристани для русских, проживавших в Маньчжурии. Полиция немедленно произвела обыски на квартире издателя газеты и в ее редакции, но захватить его нам не удалось. Я слышал, что он успел скрыться в Восточной части города, которая называлась «Путятин». В этом районе проживали, в основном, китайцы. Это был главный опорный пункт анти-японского сопротивления в Харбине. Затем этому человеку удалось воспользоваться лодкой, и он по реке сумел уйти от нас в Благовещенск на советскую территорию. Таким в то время, как говорили, был путь бегства из Маньчжурии, где мы были хозяевами.

У нас были еще некоторые возможности добраться до «Лео», но вскоре возник инцидент у высоты Заозерной, и поиски «Лео» были свернуты. Было уже не до него, в первую очередь надо было принимать меры против возможных забастовок, других подрывных действий, а также против красных бандитов, которые стали периодически появляться в Маньчжурии в связи с событиями на советско-маньчжурской границе. Наши органы особого назначения перехватили информацию о том, что Советский Союз направил маньчжурскому комитету Китайской компартии, находившемуся в Харбине, директиву об организации антияпонских вооруженных выступлений. День 1 августа был объявлен Международным Красным днем действий. Поэтому заблаговременно были проведены массовые аресты всех лиц китайской и корейской национальностей, участвовавших в антияпонском движении, по подозрению в нарушении закона о наказании мятежников. Благодаря заранее принятым мерам положение в Маньчжурии во время событий у высоты Заозерная оставалось под контролем.

«Союз русских патриотов», как белогвардейская организация, был создан Николаем Лебеденко, одним из офицеров атамана Семенова. Число членов Союза едва ли насчитывало тридцать человек. Штаб его размещался в подвальном помещении русского ресторана, расположенного на улице Китайская. Содержала этот ресторан одна женщина, про которую говорили, что она русская графиня. Эта женщина стала женой Лебеденко.

В это время многие русские, бывшие белогвардейцы, дошли до полной нищеты и страшно бедствовали. Глядя на них, я думал: «Вот уж настоящие изгнанники, люди без Родины». На площади перед зданием вокзала в Харбине все время толпились русские рикши со своими повозками. Нельзя было пройти и нескольких шагов по улице, чтобы не встретить русских девушек, продававших цветы и буквально навязывавших свой товар каждому прохожему. Тут же можно было видеть множество русских нищих, проституток, мальчиков-боев. Многие русские зарабатывали себе на жизнь, выступая с танцами в ресторанах и кабаках. По соседству с советским консульством в Харбине был расположен так называемый «Голубой рынок». Это был район лачуг русской бедноты. Там слонялись омерзительные типы, готовые всего за 10 сен убить человека.

«Союз русских патриотов» был местом сборища для этих полностью опустившихся русских, а также настоящих бандитов. Это было именно так...

Органы особого назначения и организация г-на Амакасу Масухико подбрасывали членам Союза деньги и давали им различные поручения. Эти люди были очень удобны для того, чтобы собирать информацию о русском обществе в Харбине, а также для того, чтобы, изменив внешность, засылать их на советскую территорию со шпионскими заданиями. Среди заданий были и такие, о которых и язык не поворачивается говорить.

Думаю, что это было в сентябре 1938 года, когда в органы особого назначения пришел подполковник Утагава и попросил подобрать ему пятерых человек из «Союза русских патриотов». Да, это было точно в середине сентября. Подполковник Утагава и его подчиненный капитан Мурата посетили генерал-майора Кати и, переговорив с ним, уехали. Генерал Кати вызвал Николая Лебеденко, приказал ему подобрать шесть человек из числа активистов «Союза русских патриотов». Когда это было сделано, он связался с г-ном Утагава.

Г-н Утагава тут же приехал и встретился в кабинете генерала Кати с этими пятью людьми. На следующий день он увез их с собой в Синьцзин. Позже я слышал, что там они были размещены в казармах маньчжурской армии и прошли там курс каких-то тренировок.

Как звали этих людей? Я и сейчас их помню. Ведь это были хорошо знакомые мне люди. У меня вообще хорошая память на лица. Я до сих пор помню, как звали близких моих прошлых сослуживцев, с которыми я когда-то вместе работал. Итак, этих пятерых звали: Николай Лебеденко, Леонид Марухан, Василий Смирнов, Михаил Сурков, Айзак Зеленин. Все пятеро уже никогда больше не вернулись в Харбин. Наверное погибли.

Что они собирались делать? Я не знаю. Генерал Кати, наверно, знал это. Но он покончил жизнь самоубийством. Это был сильный человек. Настоящий герой.

Иногда я думаю, не были ли эти пятеро посланы на территорию России? Ведь и до этого второй отдел штаба Квантунской армии много раз засылал русских агентов на территорию Уссурийского края и Приморья. Однако на этот раз у меня осталось впечатление, что в этом случае дело выглядело не совсем так, как обычно. Почему? Потому что проверка этих людей была гораздо строже по сравнению с прошлыми. После того, как их уже отобрали и проверили, им устроили еще и вторичную проверку. Вторая проверка началась где-то в конце ноября или в начале декабря, причем особенно тщательно проверялся Леонид Марухан. Он был заместителем председателя «Союза русских патриотов» и вроде бы заслуживал доверия...

Из этих пятерых трое Марухан, Сурков и Зеленин были семейными людьми. Когда они пропали, их семьи должны были попасть в ужасное положение. Однако, на мой взгляд, они не бедствовали. Как я полагаю, этим семьям подбрасывало деньги ведомство Утагава. А вот уже совсем другой разговор. Эстрадная певица Нина Асанума — а я, между прочим, председатель общества поддержки этой артистки, — является внучкой Михаила Суркова. Она родилась у дочери Суркова от одного японца. Я лелею мечту послать эту девушку на конкурс эстрадных певцов, проводимый японской телевизионной компанией Эн-Эйч-Кэй. Но чтобы попасть на этот конкурс, нужны деньги... У Вас их нельзя раздобыть?!!»

* * *

Итак, я думаю, что план «операции медведь» был разработан после вооруженных столкновений у высоты Заозерная, т. е. в период с середины августа и до декабря

1938 года, когда группа Люшкова выехала за границу. Если бы мне удалось разобраться в действиях подполковника Утагава в этот период, то я, наверное, сумел бы, понять, в чем заключалась диверсионная операция против Советского Союза, под кодовым названием «операция медведь». Может быть, в этот период или позже подполковник Утагава делился с кем-нибудь мыслями об этой операции? Так я пришел к выводу о необходимости собрать всю возможную информацию о подполковнике Утагава.

Я попросил собрать все сведения о нем частное сыскное агентство «Дайтоке». Однако первоначально в моей просьбе мне отказали, сославшись на то, что подобными расследованиями оно никогда не занималось. Мне пришлось разъяснить цель этой работы и в конце концов мой заказ был принят.

Спустя примерно месяц я получил от агентства долгожданный доклад.

27. «Полученные данные на Утагава Тацую. (Отчет от 17 мая)

Раздел I. Биография от рождения до окончания офицерской школы императорской армии (опускается).

Раздел II. От начала службы в штабе 7-й дивизии до назначения в штаб Квантунской армии (опускается).

Раздел III. От назначения в штаб Квантунской армии до назначения советником при армии государства Маньчжоу-го.

15 марта 1938 г. Утагава Тацую был произведен из майора в подполковники и получил назначение во 2-й отдел штаба Квантунской армии. По предложению Амакасу Масухико начальник штаба Квантунской армии Тодзио Хидэки создал во 2-м отделе штаба специальную группу по разработке и проведению диверсий и назначил ее руководителем Утагава Тацую. По словам сводного брата Утагава Тацую Утагава Рэй, подполковник Утагава сначала категорически отказывался от этого назначения, но затем внял аргументам Тодзио и Амакасу и принял на себя командование этой группой.

О деятельности подполковника Утагава в качестве руководителя диверсионной группы собраны следующие сведения. (Приводятся ниже в хронологическом порядке):

1. Подготовка провозглашения независимости внутренней Монголии.
2. Организация разведывательных полетов военных самолетов над советской территорией с фотосъемкой районов Уссурийской области и Приморья.
3. Разбрасывание с самолетов над советской территорией листовок антисоветского содержания.
4. Похищение сына генерального консула СССР в Харбине.
5. Подстрекательские действия и агитация среди корейского населения, проживавшего на территории СССР.
6. Диверсия на Транссибирской железнодорожной магистрали (попытка).
7. Формирование вооруженных частей на территории Внутренней Монголии.
8. Разработка планов выпуска советских фальшивых денежных знаков.
9. Установка подслушивающей аппаратуры в здании генконсульства СССР в Харбине.
10. Развертывание антикоммунистической пропаганды среди населения Маньчжурии.
11. Осуществление диверсии по частичному заражению хлором юго-восточного р-на города Благовещенска.

Насколько мы смогли установить, конкретная деятельность Утагава Тацую сводилась, в основном, к вышеперечисленным пунктам.

Далее, по просьбе клиента, нами было особенно детально изучены все действия Утагава Тацую во второй половине 1938 г. Поскольку эти события относятся к периоду 40-летней давности, а место действия находится вне Японии, на территории Маньчжурии, наше исследование столкнулось с большими трудностями. Но наше агентство постаралось максимально возможно удовлетворить пожелание клиента.

С этой целью нами был использован следующий метод расследования. Мы опросили всех родственников и знакомых Утагава Тацую, поддерживавших с ним контакты, и зафиксировали все, что сохранилось в их памяти о действиях Утагава, относящихся к тому периоду. Далее, специалисты агентства по анализу систематизировали все полученные сведения, записанные на магнитофонную пленку. Были выделены лишь самые существенные факты, бесспорно имевшие место. Так имелись различные предположения о возможных целях поездки группы русских за границу. Для того чтобы установить, была ли это поездка с целью отдыха или она была связана с какими-то задачами военного характера, нами был проведен соответствующий анализ и выделены факты, позволяющие судить о том, что данная поездка носила военно-политический характер.

Об этом говорят следующие факты:

1. В конце августа 1938 г. Утагава Тацүя передал служившему в компании «Окура Доки» в гор. Синьцзине своему брату Утагава Рэй пачку стоиновых купюр на сумму триста тысяч и попросил его положить эти деньги на текущий счет в синьцзинском банке «Сёкин».

2. Управляющий маньчжурской кинокомпанией документальных фильмов Суэцугу Кадзүя столкнулся в гостинице «Ямато» в гор. Синьцзине с Утагава Тацүя, который сопровождал Люшкова. Последний спустил из номера свой багаж и покинул гостиницу. В этот момент он находился между двумя японцами в штатском. Г-н Суэцугу попытался заговорить с Утагава, с которым был знаком, но был им прерван на полуслове. Ему при этом было сказано, чтобы он сохранил эту встречу в тайне. Это было либо 30, либо 31 августа 1938 г.

3. Утагава Рэй в середине сентября 1938 г. посетил дом Утагава Тацүя, где беседовал со своим родственником на различные темы. Тацүя сказал ему, что скоро случится великое событие, которое перевернет весь мир, и это событие подготовил он, Утагава Тацүя. Когда ему был задан вопрос, что за событие он имеет в виду, тот лишь засмеялся и сказал, что скоро все поймут, о чем идет речь.

4. По словам Сироиси Таки, служанки, работавшей в доме Утагава Тацүя, в указанный период он очень часто совершал поездки. Пункты его назначения, в основном, были Харбин или Дайрен. Этот факт подтверждает также и Утагава Рэй.

5. По словам племянника Утагава Мацүмаэ Набору, Утагава Тацүя в этот период, приехав в Токио, ночевал однажды в доме своей младшей сестры Мацүмаэ Фуэсэ. В беседе за ужином он высказал убеждение в том, что не пройдет и трех лет, как Китай, Монголия и Сибирь перейдут под власть японской империи, и Япония станет самой сильной державой мира. По воспоминаниям Мацүмаэ Набору, этот разговор происходил в середине сентября 1938 г.

6. По показаниям начальника информационного отдела агентства «Мансю Ниппо» Синтобэ Сакондзи, Утагава Тацүя собрал в зале заседаний клуба «Мантэцу» представителей газет, журналов и радиоконпаний Маньчжурии и разъяснил им основы антикоммунистической линии, которой им следовало придерживаться. По словам Синтобэ Сакондзи, такое совещание было вторично проведено в октябре 1938 г. На этом втором совещании Утагава Тацүя заявил о том, что безопасность Маньчжурии прямо зависит от того, удастся ли Японии обессилить Советский Союз. Достичь этой цели, прибегая к военным средствам можно лишь с помощью диверсий и пропаганды. Это выступление Утагава Тацүя произвело сильное впечатление на слушателей.

7. По показаниям начальника отдела кадров компании «Мантэцу», Сайто Сакити, его дальний родственник фотокорреспондент журнала «Мансю Сясин Таймс» во время прогулки по набережной в дачном местечке Хосигаура вдруг столкнулся с Люшковым и сфотографировал его. Корреспондент тут же был схвачен охранниками, представленными к Люшкову, и отправлен в жандармерию города Дайрен. Там он был подвергнут обыску и допросу. Сайто Сакити обратился к знакомому офицеру жандармерии с просьбой помочь освободить его родственника, однако, тот ответил, что с этой просьбой нужно обращаться к Утагава Тацүя. Г-н Сайто был немного знаком с Утагава Тацүя, поэтому, встретившись с ним, он попросил его об освобождении своего родственника. Утагава сказал ему в шуточной форме, что если бы фотокорреспондент не был его родственником, то он был бы уже расстрелян как советский шпион. В конце концов у фотокорреспондента была изъята фотопленка и он был отпущен под письменное обязательство не разглашать случившееся с ним.

8. По словам служанки Сироиси Таки старший сын г-на Утагава Масая как-то был срочно помещен в военный госпиталь «Эйдзю Бёин» с приступом острого аппендицита, который осложнился перитонитом. Состояние больного стало очень опасным, и супруга г-на Утагава Сатоко тщетно пыталась как-то связаться с мужем. Это ей так и не удалось, поскольку его местонахождение оказалось неизвестным. Спустя несколько дней Утагава Тацүя объявился в казарме офицерской школы императорской армии и выяснилось, что он был в это время в Дайрене в гостинице «Ямато». Насколько запомнила Сироиси, это было в начале октября 1938 г.

9. По свидетельству служащего исследовательского отдела компании «Мантэцу», контактировавшего по работе с Утагава Тацүя, последний как-то обратился к нему по телефону с вопросом, нет ли у него карты Советского Кавказа в масштабе 1:30 000.

Служащий ответил, что карты такого масштаба должны быть в архиве исследовательского отдела компании. Утагава попросил представить ему на время такую карту. Спустя два часа после получения карты Утагава вернул ее с посыльным. Это было, примерно, в середине октября 1938 г.

10. По показаниям знакомого Утагава, Эндо Тэцуо, служившего в тот период советником политуправления Квантунской армии, он случайно встретился с Утагава в харбинском отеле «Хокуман». На вопрос Эндо: «Как дела?» Утагава намекнул, что он готовит очень большое дело и поэтому очень занят. Утагава также встречался в отеле с начальником органов особого назначения генералом Кати Рэй и Эндо не помнит точно время встречи с Утагава, но запомнил, что на нем была зимняя шинель, так что это было либо поздней осенью, либо зимой.

11. Согласно показаниям Синтобэ Сакондзи, директора информационного отдела агентства «Мансю Ниппо», Утагава Тацуя часто видели в конце октября 1938 г. в различных ресторанах Синьцзиня. Он был в обществе заместителя главы внешнеполитического ведомства государства Маньчжоу-го Нисино Тадаси и президента общества «Кинкидай» Синда Харуэси. Обычно их сопровождали 2—3 японца и 5—6 русских белогвардейцев.

12. Близкий друг Утагава Миясиро Ёхати зимой 1938 г. получил, находясь в больнице, письмо от Утагава. Это письмо, конечно, уже давно потеряно, но в нем было сказано, что в будущем году все проблемы для Японии на материке, в Маньчжурии и в Монголии будут разрешены одним ударом и он, Утагава, преисполнен решимости отдать этому делу все свои силы.

13. Согласно сведениям, полученным от однокашника Утагава по офицерской школе Фукудзи Тоётаро, когда он был прикомандирован к штабу 23 дивизии, находившемуся в Хайларе, он посетил Утагава в штабе Квантунской армии. В ходе беседы разговор коснулся Советского Союза, и Фукудзи высказал мысль о том, что, если Япония не сумеет поладить либо с Советским Союзом, либо с Китаем, то ей придется туго. Согласившись с этим, Утагава сказал, что в таком неблагоприятном для Японии раскладе остается надеяться только на то, что Сталин вдруг умрет от какой-либо болезни, и при этом громко рассмеялся. Когда Фукудзи попросил разъяснить, что он имеет в виду, Утагава пояснил, что если Сталин умрет, то в Советском Союзе разгорится борьба за власть и начнутся внутренние беспорядки. Вот тогда Япония сможет спокойно сосредоточить все силы на борьбе с режимом Чан Кайши в Китае, и ей удастся таким образом одним камнем убить сразу двух зайцев. Фукудзи на это сказал, что, к сожалению, Сталин, похоже, пока не собирается умирать, на что Утагава заметил, что судьбы людей неисповедимы, и поэтому никому не известна судьба Сталина. Этот разговор состоялся 7 или 8 ноября 1938 г.

14. По словам служанки Сироиси Таки в то время семья Утагава, в которой было пятеро детей, испытывала серьезные материальные затруднения. Утагава Тацуя почти не давал семье денег из своего жалованья, и его супруга Сатоко была вынуждена подрабатывать, занимаясь на дому шитьем японской одежды. Ей приходилось также обращаться за помощью к своим родителям. Сироиси выражала удивление, на что мог тратить свое жалованье г-н Утагава, который не пил, не курил, да и непохоже было, что он копил деньги.

15. По словам Хано Макото, служившего в отделе кадров штаба Квантунской армии, Утагава Тацуя часто действовал совершенно самостоятельно, что подчас являлось причиной его столкновений с начальством в штабе армии. Было видно, что он абсолютно уверен в своих силах, и случалось, что он откровенно, прямо в глаза, выражался неуважительно по отношению к вышестоящим начальникам, которые, по его мнению, лишь прикрывали высоким положением свою полную несостоятельность. Из-за этого его недолюбливали и начальство, и многие коллеги, и в штабе армии он находился в довольно изолированном положении. Начальник штаба армии генерал Китани Рэнсукэ сочувствовал ему, говорят, что он санкционировал самостоятельные, иногда даже самовольные действия Утагава.

16. Согласно показаниям Эндо Тэцуо, советника политического управления армии, Утагава Тацуя поселил своих русских белогвардейцев в отдельном помещении в казармах маньчжурской армии, которые остались еще от охранных частей старой русской армии. Эндо слышал об этом от офицера маньчжурской армии. Говорилось также, что Утагава организовал для них курс тренировок, который проходят агенты,

предназначенные для заброски на территорию Советского Союза. Эти русские покинули город в самом конце 1938 г.

17. Сводный брат Утагава Камисаки Дэиро при отъезде из Маньчжурии посетил дом Утагава Тацуя. В разговоре с ним Утагава не исключал возможности того, что в состав группы русских мог каким-то образом проникнуть советский шпион. Камисаки спросил, почему он так думает, и Утагава ответил лишь, что эта группа только что отправилась из Дайрена в Европу, но среди ее членов, похоже, может быть русский шпион. Камисаки больше не решился углубляться в эту тему, поскольку вид Утагава был задумчивый, вид человека, углубившегося в собственные мысли. Это было в самом конце 1938 года.

18. По словам Утагава Рэй, в самом начале января, на новогодние праздники 1939 года он посетил дом г-на Утагава, чтобы поздравить его. Во время беседы Утагава Тацуя выразил свое убеждение, что нынешний год, возможно, принесет Японии исторические перемены. На новогодние праздники в следующем 1940 году Утагава Рэй напомнил ему об этом несбывшемся предсказании. Утагава Тацуя с горькой усмешкой сказал: «Я собирался в прошлом году изменить судьбы всего мира своими собственными руками, но произошла непредвиденная осечка». Утагава Рэй спросил, что же это за осечка, но собеседник переменял тему разговора.

Частное сыскное агентство из приведенных выше фактов делает вывод о том, что руководитель диверсионной группы Утагава Тацуя в указанный период разработал план определенной диверсионной операции и осуществлял ее подготовку. Этот вывод подтверждается вышеперечисленными фактами №№ 3, 10, 16.

Далее, можно полагать, что эта операция была рассчитана на то, чтобы Япония могла «одним ударом разрешить все свои проблемы на материке, в Маньчжурии и в Монголии» (факт № 12) и «изменить судьбы всего мира» (факт № 18). Частное сыскное агентство проанализировало все полученные сведения с помощью компьютера и пришло к выводу, что Утагава Тацуя, говоря так, не лгал и не хвастался. Опираясь на показания очевидцев, мы считаем, что эти высказывания Утагава Тацуя нужно воспринимать вполне серьезно.

Из того, что Утагава Тацуя занимался подготовкой и проведением диверсионных операций против Советского Союза, использовал для реализации своего плана русских, запрашивал подробную карту советского Кавказа — из всего этого можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что план данной диверсионной операции, реализацией которого он был занят в тот период, был направлен против Советского Союза.

Чтобы уяснить суть и характер данной операции сыскное агентство постаралось выяснить, не говорил ли Утагава Тацуя чего-либо об этой операции после 1939 года. В результате наших расследований мы получили материалы и показания, которые приводим ниже:

а) По словам бывшего работника оперативного отдела штаба Квантунской армии Нава Акинори, во время событий на Халгин-Голе, когда японская армия потерпела серьезное поражение, Утагава Тацуя с сожалением говорил о том, что, если бы нам вовремя удалось устранить Сталина, то всего бы этого не произошло. Из этих слов Нава Акинори заключил, что Утагава Тацуя в свое время что-то замышлял против Сталина.

б) Нисино Митаси — старший сын начальника политического департамента внешнеполитической службы государства Маньчжоу-го Нисино Тадаси показал, что когда во время войны в Корее распространились слухи, будто бы пропавший без вести Утагава Тацуя жив, здоров и сотрудничает с Советской Армией, Нисино-старший в разговоре с сыном сказал ему, что вряд ли Сталин оставил в живых человека, который пытался убить его. Нисино Митаси, бывший в то время студентом университета, не обратил тогда внимания на сказанное отцом, пропустил эти слова мимо ушей, но теперь вспомнил об этом.

в) Уже после войны Кавасаки Хидзаки, адъютант Утагава Тацуя, будучи вместе с ним в советском лагере военнопленных под Читой, слышал воспоминания г-на Утагава и по возвращении на Родину в журнале «Найгай Дзэссэй» опубликовал статью «Загадка гибели генерал-лейтенанта Утагава». Г-н Кавасаки в своей статье писал, что Утагава Тацуя собрал и подготовил группу русских белогвардейцев и в конце 1939 г. направил эту диверсионную группу с целью убийства Сталина. Однако в этой группе оказался предатель, в результате чего операция закончилась провалом. Исходя из

всех вышеперечисленных показаний и материалов, агентство приходит к выводу о том, что операция, план, который разработал во второй половине 1938 г. Утагава Тацуя, была направлена против Сталина. К сожалению, наше агентство не может установить, как этот план осуществлялся.

Раздел VI. Служба Утагава Тацуя от назначения на должность советника при армии государства Маньчжоу-го до того момента, когда он исчез без вести (сокращается).

Приложение. Для Вашего сведения прилагаются нижеследующие материалы:

а) Отчет об анализе характера Утагава Тацуя, сделанном на компьютере на основании всех собранных о нем материалов и показаний опрошенных по этому вопросу лиц.

б) Копии фотоснимков Утагава Тацуя, полученные агентством из всех возможных источников (28 штук).

в) Список лиц, имеющих отношение к делу Утагава Тацуя, оставшихся в живых на сегодняшний день.

г) Копия статьи Кавасаки Хидзаки «Тайна гибели генерал-лейтенанта Утагава Тацуя», опубликованной в журнале «Найгай дзэсэй» (август 1948 г.).

Следователь частного сыскного агентства «Дайтоке»
Сасанума Митаро.

28. Кавасаки Хидзаки. «Тайна гибели генерал-лейтенанта Утагава».

Журнал «Найгай дзэсэй», август 1948 года

В конце войны Утагава Тацуя имел чин генерал-лейтенанта и командовал 141-ой дивизией.

После поражения Японии он попал в советский лагерь японских военнопленных под Читой. Из лагеря он был взят сотрудниками Народного Комиссариата внутренних дел и в лагерь уже больше не возвратился. Вскоре после этого стали циркулировать слухи о том, что кто-то будто бы видел в штабе советской дальневосточной армии в Хабаровске японского генерал-лейтенанта, сотрудничавшего с Советами. Позже говорили также, что генерал-лейтенант Утагава Тацуя имел якобы какое-то отношение к тайным операциям, осуществлявшимся Советским Союзом в Северной Корее.

После войны Кавасаки Хидзаки, адъютант генерал-лейтенанта Утагава, опубликовал в августовском номере журнала «Найгай дзэсэй» статью «Тайна гибели генерал-лейтенанта Утагава». В ней он отвергал версию о том, что Утагава еще остается в живых.

Журнал «Найгай дзэсэй» был одним из огромного множества выходивших тогда бульварных изданий, специализировавшихся на публикации всевозможных «разоблачительных» материалов. В январе 1949 года вышел последний его номер. Что касается господина Кавасаки Хидзаки, то он скончался в больнице префектуры Окаяма в 1975 году. Ниже приводится текст указанной статьи:

«Его Превосходительство командир дивизии так исхудал и ослаб, что смотреть на него было страшно и его положили в больничную палату. Лагерный врач поставил диагноз: воспаление кишечника, но у генерала был сыпной тиф. В то время весь лагерь был охвачен эпидемией сыпного тифа.

Тяжело больных в лагере помещали в отдельную больничную палату, но все лечение, которое назначал советский врач любому больному, сводилось лишь к одному рецепту: аспирин, по две таблетки каждому.

Через неделю после того, как командир дивизии был помещен в палату для тяжелобольных, я тоже свалился от сыпного тифа и был помещен в ту же комнату. Так я вновь оказался вместе со своим генералом.

К счастью, мое состояние не было таким тяжелым, как у командира дивизии и поэтому я мог постоянно находиться рядом и ухаживать за ним. Как раз в это время я и услышал от Его Превосходительства командира дивизии о том, что армия, оказывается, замышляла убийство Сталина.

На больничной койке командир дивизии часто вспоминал прошлую жизнь. О том, каким озорным мальчишкой он был, каким строгим было родительское воспитание, свою учебу в офицерской школе, а потом в академии сухопутной армии... Обо всем этом он обычно рассказывал, обращаясь ко мне, но манера речи у него была довольно бессвязная и невнятная.

Вот как-то где-то в октябре 1945 года командир дивизии сказал мне, что если бы

в то время увенчалась успехом наша попытка покончить со Сталиным, то мы не потерпели бы поражения в войне. Я сидел у его кровати, услышав его слова, я вздрогнул и сказал укоризненно генералу: «Ваше превосходительство, кто-нибудь может услышать Вас и донести на Вас Советской охране. Поэтому, пожалуйста, не говорите больше таких вещей».

На это генерал с улыбкой ответил: «Чего ты боишься? Ведь русские все равно нас пустят в расход. Мне все равно как умирать, лишь бы поскорее, чтобы не мучиться».

Обстановка вокруг нас была сложная, и я решил ни в коем случае не затрагивать эту тему о заговоре с целью убийства Сталина. Но теперь по прошествии времени я очень жалею об этом. Мне хотелось бы услышать об этом деле поподробнее.

Понятно, что если бы задуманный заговор с целью убийства Сталина вышел наружу, то это неизбежно привело бы к осложнению японо-советских отношений. Поэтому думаю для того, чтобы осуществить этот план, была приведена в действие мощная организация.

Однако внутрь заговора проник предатель, он сумел информировать о нем советские органы и задуманное дело кончилось провалом. Все это произошло, по-моему, как раз перед инцидентом у реки Халхин-Гол.

Если бы заговор с целью убийства Сталина увенчался успехом, мы не имели бы трагического исхода халхингольских событий. Не случилось бы без сомнения и неправомерного вступления Советского Союза в войну против Японии в 1945 году. Поэтому вновь и вновь приходится повторять: «Как жалко, что этот заговор сорвался».

Я просил генерала никому больше не говорить про этот заговор. Ведь чтобы добиться расположения советской охраны, военнопленные вовсю доносили ей на своих же товарищей. Ни перед кем нельзя было раскрывать свою душу, потому что в лагере было немало таких людей, кто за миску похлебки был готов продать вчерашних друзей.

Примерно месяц спустя после того, как командир дивизии обмолвился об этой тайне, его забрали сотрудники советской тайной полиции, он уже больше к нам не возвратился. Вокруг этого ходит масса всяких толков, но никто не знает, где правда, а где ложь. Ведутся всякие разговоры о том, что Советский Союз, высоко ценя диверсионный опыт и знания генерала Утагава Тацуя, привлек его к проведению диверсионных операций против Японии и Соединенных Штатов. Это наглая ложь. Ходят также слухи, будто он обучал планированию и проведению диверсионных операций северных корейцев. Верить этому также нельзя.

Я был свидетелем того, как генерала забирали советские агенты. Я находился в этот момент у изголовья его постели и все видел собственными глазами. Мы только что кончили обедать и о чем-то разговаривали с генералом. В этот момент в нашу комнату вошли комендант лагеря и за ним еще трое русских. Один из них о чем-то спросил генерала по-русски. Генерал привстал и ответил тоже по-русски. В этот момент выступил вперед другой русский и обратился к генералу. Как только Его превосходительство увидел лицо этого человека, он откинулся назад, было похоже, что он был страшно поражен этой встречей. Он крикнул: «Это он! Вот кто сорвал все дело!» При этом генерал начал смеяться. Здесь по знаку коменданта из-за его спины ко мне подскочили охранники и оттолкнули в угол комнаты.

Генерал некоторое время разговаривал по-русски с пришедшими, но не прошло и пяти минут, как появились охранники с носилками и положили на них генерала. В нашей палате кое-как размещалось около тридцати больных, и когда генерала выносили из помещения он, обращаясь ко всем, громко сказал на прощание: «Спасибо за все. Желаю всем скорейшего выздоровления и благополучного возвращения на Родину!».

После этого все находившиеся в помещении пленные стали так и сяк обсуждать то, чему они стали свидетелями. Я молчал, про себя думая, что скорее всего генерала забрали из-за того, что он имел отношение к тому заговору, о котором он обмолвился. Об этом я рассказываю на страницах журнала впервые.

Я думаю, что после того, как командира дивизии Утагава забрали советские агенты, он вскоре умер. Не знаю только, был ли он казнен или скончался в больнице. Он был уже в очень тяжелом состоянии, когда его брали. Вряд ли он мог выдержать допросы в советской контрразведке. Считаю, что правительство Японии должно немедленно запросить советское правительство о судьбе командира дивизии генерала Утагава».

Л. ПЕРЕЛОМОВ

Завершающий этап пребывания Конфуция на посту сыкоу

В последние годы царствования Дин-гун начинает проявлять все больше внимания делам управления. Его интересует какие требования лучше предъявлять чиновникам, и он обращается к сыкоу: «Скажи, как правитель должен использовать сановников и как сановники должны служить правителю?» Конфуций ответил: «Правитель использует сановников, руководствуясь ритуалом («ли»), сановники же служат правителю, руководствуясь чувством преданности («чжун»»). Любопытство ему соответствующее, как бы мы сейчас удовлетворены, и он просит сыкоу подыскать такое, как бы мы сейчас определили, «волшебное слово», которое наставило бы его на путь истинного правления и оберегало от ошибок.

«Дин-гун спросил: «Есть ли одно слово, которым можно добиться процветания страны?» Кун-цзы ответил: «Одно такое слово трудно подобрать, но люди говорят: «Быть правителем очень трудно. Сановником быть также нелегко». Если правящий понимает трудности управления (и проявляет осмотрительность.— Л. П.) — не является ли это высказывание близким тому слову, которым можно добиться процветания страны? Тогда Дин-гун вновь спросил: «А нет ли такого слова, которым можно погубить государство? Кун-цзы ответил: «Одно такое слово трудно подобрать, но люди говорят: «Когда я правлю государством, нет у меня иной радости, кроме той, что никто не перечит ни единому моему слову». Если произносятся праведные слова и никто им не перечит, разве это не хорошо? Но коль говорится неправедные слова и никто им не перечит — разве это высказывание не близко тому слову, которым можно погубить государство?»¹

Конфуций как бы наставляет Дин-гуна сплотить вокруг себя верных администраторов, но для этого тот должен усвоить и претворять азы истинного управления: не нарушать правил поведения в отношении с сановниками, добиваясь в ответ не ложной, а искренней преданности; проявлять осмотрительность в решениях, памятуя, что управление государством дело чрезвычайно сложное, и ни в коем случае не зазнаваться, уметь стойко выслушивать критические замечания в свой адрес. Упоение льстивыми чиновничьими речами — прямой путь к гибели государства.

В то же время он понимал, что словом делу не очень-то поможешь, ибо несмотря на некоторое ослабление части аристократических семей и наведение порядка, царству Лу еще было весьма далеко до того идеала, к которому стремился Конфуций.

Тем не менее присутствие Учителя на высоком государственном посту оказывало свое влияние на положение дел в царстве. Обратимся вновь к Сыма Цяню:

«Прошло всего три месяца, как (Кун-цзы) начал участвовать в управлении царством: продавцы баранины и свинины уже не пытались чрезмерно завышать цены; мужчины и женщины стали ходить по дорогам порознь и никто не присваивал оставленного на дороге; гости, прибывавшие со всех четырех сторон, не обращались с просьбами к местным чиновникам; все находили то, что искали и (довольные) возвращались домой»².

Читатель невольно обратил сразу внимание на мажорность тона и красочность описания. Нас в данном случае интересует, как оценивали деятельность Конфуция те, кто жил в конце Чжаньго — начале Хань. Как мы уже выяснили, Конфуций не управлял царством, однако он все же был приобщен к административным делам на высшем уровне. И, видимо, кое-что в приведенном описании, например регулирование рыночных цен, проводилось не без воздействия Конфуция. Изгнание местных смутьянов («слуг слуг») и временная стабилизация политической обстановки не могла не тревожить давнего недруга Лу — правителей царства Ци.

И здесь мы подходим еще к одному печальному эпизоду в жизни Конфуция, где роковую роль суждено было сыграть «красивым девушкам».

Воспроизведем данный эпизод в описании Сыма Цяня. «Цисцы прослышав (об усилении сыкоу) стали поговаривать с опаской: «Поскольку Кун-цзы занялся делами правления, (Лу) непременно станет гегемоном. Коль станет гегемоном, а земли наши находятся рядом, то мы станем первыми, кого они присоединят. Не лучше ли отдать эти земли (добровольно)?» Ли Чу сказал: «Давайте сначала попробуем воспрепятствовать этому. Если же не сможем воспрепятствовать, то разве будет поздно отдать земли!» И тогда отобрали в Ци восемьдесят красивых девушек, нарядили в изящные одежды, научили танцевать «канлэ» и, усадив в тридцать повозок, запряженных четверками коней, покрытых вышитыми попонами, направили в дар правителю Лу. Девичий табор и украшенные попонами кони остановились у Южных высоких ворот луской городской стены. Цзи Хуаньцзы, переодевшись в чужую одежду, вновь и вновь выходил за ворота посмотреть (табор) и уже вознамерился принять (дар). И тогда он посоветовал правителю Лу проехать туда окольным путем. Целыми днями занимались они зрителями, напрочь забросив дела правления.

Цзы Лу сказал: «Теперь Вам, учитель, можно уходить». Кун-цзы ответил: «В Лу ныне будут приносить жертвы Небу и Земле. И уж коль скоро дафу будут наделять жертвенным мясом, мне, по-видимому, лучше остаться». (Цзи) Хуаньцзы наконец принял в дар певичек и три дня (в Лу) не прислушивались (к советам) об управлении, а после жертвоприношения Небу и Земле жертвенное мясо не было раздано дафу и тогда Кун-цзы ушел из столицы Лу и поселился в Тунь. Учитель музыки, провожавший его, сказал: «Не совершаете ли Вы, учитель, ошибки?» Кун-цзы произнес: «Разрешите ответить песней. В ней поется: «Уста тех женщин изгнали меня, их приезд сюда может привести к смерти и гибели». Вот почему остается теперь до конца моих дней кручиниться и скитаться!» Когда учитель музыки (Ши И) вернулся, Хуаньцзы спросил: «Ну и что сказал Кун-цзы?» Ши И рассказал все как было. (Цзи) Хуаньцзы, выслушав (собеседника), тяжело вздохнул: «Учитель осудил меня из-за этих певичек-рабынь»³.

Несколько пояснений к тексту Сыма Цяня. Политическая обстановка в Ци кардинально отличалась от той, что была в Лу — верховная власть действительно находилась в руках Цзин-гуна. В Ци еще прочны были традиции управления, введенные крупным сановником Янь Инном, скончавшимся вскоре после совещания в Цзягу.

Цзин-гун и его окружение помнили, сколь высоко оценивал интеллектуальный потенциал Конфуция сам Янь Ин. Их действительно обеспокоило возвышение мудрого лусца. Поэтому-то они и поспешили расколоть намечавшийся, по их расчетам, союз Дин-гуна, Цзи Хуаньцзы и Конфуция, принудив последнего «добровольно» покинуть пост сыкоу. Они прекрасно знали увлеченность Дин-гуна и Цзи Хуаньцзы слабым полом и породистыми лошадьми. Поэтому красочный табор и был снаряжен в Лу, и не случайно он расположился у Южных ворот, ибо по установившейся традиции именно там совершалось великое жертвоприношение в честь Неба и Земли.

По мнению Ли Чанчи, Дин-гун вначале опасался осуждения Конфуция, поэтому попросил Цзи Хуаньцзы «оценить» девушек и коней⁴. Вероятно и тот, не желая сначала сорваться со строгом ревнителем вводимых в госуправление принципов «ли», также принял меры предосторожности — переоделся в чужую одежду. О дальнейшем развитии событий красочно живописует Сыма Цянь. Я лишь добавлю, что красавицы не только всячески ублажали высоких гостей, но и могли нашептывать своим поклонникам слова, порочащие престиж служителя Добродетели и Морали. Занимались этим наиболее красивые и способные, которых, по-видимому, обучали не только танцам и пению.

Первым почувствовал неладное Цзы Лу — не случайно он считался самым способным учеником Конфуция. Став ближайшим помощником Цзи Хуаньцзы, он очень скоро разобрался в любимых пристрастиях своего господина, познал черты его характера. Создалась ситуация, когда даже молчаливое присутствие сыкоу сковывало поведение загулявших владык, и они решили избавиться от моралиста. Но сделать это надо было так, чтобы инициатором неизбежно стал сам сыкоу. Хорошо зная Конфуция, они были уверены, что у них есть лишь один единственный путь — грубейшее нарушение одной из норм «ли». Случай как бы сам шел в руки. Предстояла самая торжественная церемония года — жертвоприношение в храме Неба и Земли. Согласно традиции, после официальной церемонии жертвенное мясо раздавалось сановникам, как знак доверия и свидетельство их сопричастности к святой святых из деяний правителя. И вдруг эта устойчивая полити-

ческая традиция нарушается на глазах у сыкоу: ни один из дафу не получает своей порции жертвенного мяса. Конфуцию ничего не остается, как в знак протеста покинуть пост сыкоу и царство Лу. Мэн-цзы писал, что Учитель покинул Лу, даже «не сняв шапки». Разъясняя смысл этой фразы, Цуй Дунби указывает — «...уйти «не сняв шапки» значит очень торопиться»⁵. Куан Ямин дополняет сведения, дошедшие до нас от того же Мэн-цзы. По его мнению, фраза «покинул поспешно Лу» означает — покинуть столицу царства. Чем дальше Конфуций удалялся от своей столицы, тем медленнее он шел. Куан Ямин вновь обращается к трактату «Мэн-цзы» и цитирует то место, где говорится: «...шел очень медленно, думая о родном государстве»⁶.

Годы странствий

У Конфуция не было тогда четко разработанного плана хождения по царствам. Им владела одна лишь мысль — реализация хотя бы основных разработок, связанных с его представлениями об истинном правлении. Куан Ямин в качестве доказательства приводит слова Цзы Лу из 18-й главы «Лунъюя», отражающие тогдашнее состояние Учителя. Я считаю целесообразным привести здесь весь отрывок, ибо он действительно важен для постижения душевного состояния добровольного изгоя в момент переоценки собственных ценностей. В настоящее время трудно точно идентифицировать время описываемого эпизода, ясно одно — это произошло уже в конце периода странствий. Конфуций обычно шел пешком или ехал в повозке в сопровождении десятков учеников:

«Цзы Лу следовал за Кун-цзы, и однажды далеко отстал (от Учителя). По дороге он встретил старца, несшего на плече тяпку. Цзы Лу спросил: «Вы не видели моего Учителя?» Старец ответил: «Четыре конечности не подвижны, не различает пять видов знаков; какой это Учитель?»⁷. И, закончив говорить, начал полоть тяпкой. Цзы Лу почтительно прижав руки к груди, стоял в сторонке. Старец оставил Цзы Лу у себя дома на ночлег, зарезал курицу, приготовил желтый рис, позвал двух сыновей участвовать в трапезе, накормил Цзы Лу. На второй день Цзы Лу нагнал Кун-цзы и поведал о случившемся. Кун-цзы сказал: «Это отшельник». И послал Цзы Лу возвратиться и посмотреть на старца»⁸.

Далее следует наиболее значимая для нас часть текста, нуждающаяся в специальном анализе: «(Конфуций) сказал Цзы Лу, чтобы он вернулся посмотреть на старца, Цзы Лу, пришел к нему, но тот уже покинул дом. Цзы Лу вернулся. Учитель сказал: «Неразумно не быть чиновником. Нормы отношений между старшими и молодыми не могут быть уничтожены; что касается справедливых принципов отношений правителя и чиновников, то как они могут быть уничтожены? Хочешь остаться чистым, но тем самым рушишь основные принципы отношения правителя и чиновников. Благородный муж становится чиновником, дабы осуществить свои справедливые принципы»⁹.

По-существу здесь идет спор о месте и роли человека в обществе между представителями двух школ: даоской (старец-отшельник) и раннеконфуцианской, в лице самого Учителя. В анализируемом отрывке как бы столкнулись два жизненных кредо. Даос-отшельник удалился от мирских дел, особенно таких «грязных» как политика (отношения правителя и чиновников); он слился с природой, обрабатывая землю, и осуждает праздношатающихся, которые не желают работать (не шевелят четырема конечностями: руки, ноги) и не разбираются в главном — земледелии (не могут различить пять основных знаков).

Конфуций возражает даосу: ты удалился, не хочешь «пачкаться» в делах управления; особенно в отношениях правителя и чиновников, когда последним приходится подчас поступать вопреки своим взглядам и желаниям. Действительно, продолжает он, политика дело «грязное», но это лишь когда не соблюдаются основные нормы отношений правителя и чиновников. Ты же своим добровольным самоустранением по-существу несколько не способствуешь внедрению этих норм. Более того, именно из-за таких самоустранившихся эти нормы так часто нарушаются. Гораздо легче осуждать со стороны, нежели самому взяться за исправление. Я же не чужаюсь «испачкаться» во имя того, чтобы политика (отношения правителя и чиновников) вошла в норму. Ради этого я и странствую, забыв об усталости, и не мое дело различать злаки, для этого существуют профессионалы-земледельцы. Мое же дело — претворять в жизнь мои принципы управления: чиновник должен быть предан правителю, а тот должен проводить гуманное правление. Это и есть «Дао-Путь» Конфуция. По сути он излагает свою политическую концепцию и одновременно жизненное кредо. Долг благородного мужа — участвовать в управлении обществом и государством, мудрыми советами наставлять правителя на истинный путь. Именно

такого рода суждения и способствовали в дальнейшем превращению раннего конфуцианства в государственную идеологию. На них воспитывались десятки поколений чиновников императорского Китая.

Фактически в рассматриваемом нами кратком суждении слились воедино и цели и итог долгих странствий.

Таковы истинные намерения Конфуция, с которыми он отправился поневоле в изгнание, не ведая еще, что это странствие затянется на долгих четырнадцать лет.

Конфуцию ко времени исхода из Лу (497 г. до н. э.) исполнилось 55 лет. Это был уже умудренный опытом мыслитель, уверенный, что его знания, частично реализованные в Лу, пригодятся правителю какого-нибудь государства. За эти годы он посетил, задерживаясь подчас надолго, царства Вэй, Чэнь, снова Вэй, опять Чэнь, Цай... И не его вина, а беда, что ни в одном из них он так и не смог получить достойную должность.

И, наконец, в третий раз царство Вэй. Случилось это на седьмом году правления луского Ай-гуна, то есть в 488 г. На этот раз Конфуцию суждено было задержаться здесь на долгих пять лет. Он прожил в Вэй с 64-х до 68-и лет.

Это его последнее пребывание в Вэй прошло под знаком «чжэн мин» — концепции необходимости периодических преобразований, как залога оздоровления общественных нравов и системы управления. В нашей научной литературе «чжэн мин» переводят обычно как «исправление имен». Я же склонен трактовать «чжэн мин» как «упорядочение названий». Краткий смысл концепции — в делах управления государством слова не должны расходиться с делом; то же самое обязательно и во взаимоотношениях людей. Это концепция оказала мощное воздействие на политическую культуру Китая, да такое, что функционирует и поныне в КНР. Периодические политические кампании «упорядочения стиля партии» («чжэн дан») являются прямыми наследниками конфуциевской «чжэн мин». В этом словосочетании второй иероглиф — «мин» (название, имя) изменен на знак «дан» («партия»), но суть осталась прежняя. Нам же необходимо попытаться представить состояние Учителя и восстановить творческий процесс. Почему именно в 488 году, ни раньше, ни позже, решился изложить он эту концепцию? Ведь многие правители неоднократно спрашивали его об искусстве политики, и у него не раз была реальная возможность рассказать о «чжэн мин»? И почему из всех царств он выбрал Вэй, и именно в свое третье посещение этого государства?

Для ответа на эти вопросы необходимо возвратиться к началу странствий. Впервые Конфуций посетил Вэй в 496 г. до н. э., когда ему было 56 лет. То был тридцать девятый год пребывания на престоле вэйского царя Лин-гуна. Срок по тому времени довольно редкий, что свидетельствовало о стабильности политической власти. В глазах Конфуция Вэй являло тогда типичный образец того государственного устройства, о котором он говорил еще в 515 году в беседе с циским Цзин-гуном: «государь должен быть государем, чиновник чиновником...» После кончины Лин-гуна положение в Вэй кардинально изменилось — на престол вместо законного наследника, стараниями юной вдовы Лин-гуна был возведен его внук, принявший титул Чу-гуна. Началась длительная борьба между Чу-гуном и его отцом, находившимся в изгнании. Чу-гун приложил максимум усилий для укрепления своей власти, поэтому активно набирал талантливых советников из других царств, не связанных кровным родством с местной аристократией. В их числе оказались и лучшие ученики Конфуция. Получив солидные должности и хорошо зарекомендовав себя в административных начинаниях, они, естественно, стремились устроиться на службу и своего Учителя. В этом был заинтересован и сам Чу-гун, ибо приход Конфуция как бы освящал его право на трон. Чу-гун надеялся, что девять лет безрезультатных поисков должны были как-то повлиять на привередливого ортодокса. Дабы добиться максимума успеха Чу-гун посылает к Конфуцию служившего у него Цзы Лу, пообещав самый высокий пост.

Итак, на девятом году странствий на чужбине судьба, словно смилостивившись, ниспослала ему наконец осуществление долгожданной мечты — высший чиновничий пост. Но взамен ему вежливо намекнула о желательности пересмотра одного из основных принципов государственного устройства, высказанных еще в 515 году — моральное право на управление народом могут иметь лишь истинные правители и чиновники. 64-летнему проповеднику предстояло как бы пройти еще один публичный экзамен на нравственную прочность. Первый он успешно выдержал ровно девять лет назад, когда в знак протеста против нарушения луским правителем и одним из высших сановников своих основных обязанностей, демонстративно отказался от службы и покинул родные края. Небо словно вопрошало, а как поведет себя он ныне после стольких лет горьких скитаний, не стал ли более podatлив?

Самое раннее сведение о реакции Конфуция на предложение Чу-гуна содержится в 13-й главе «Луньюя»: «Цзы Лу спросил: «Вэйский государь намерен привлечь Вас к управлению государством. С чего Вы собираетесь прежде всего начать? Кун-цзы ответил: «Начать необходимо с упорядочения названий («чжэн мин»), которые не соответствуют сути!» Цзы Лу спросил: «Неужто Вы вновь будете настаивать на своем! Зачем непременно нужно упорядочение?» Учитель ответил: «Как же ты невежествен. Благородный муж осторожен к тому, чего не понимает»¹⁰.

В ответ Учитель слышит: «Неужто Ваш педантизм дойдет до такой степени? Зачем понадобилось это исправление?»¹¹.

И по-человечески Цзы Лу можно понять: получив поручение Чу-гуна, он радостно спешит к Конфуцию. Ведь именно от него услышит Учитель о столь высоком назначении, хотя сначала придется выведать о планах новоиспеченного первого советника, но это уже мелочи. Главное, что Учитель наконец-то получит административную власть. И что же он слышит в ответ? Реакция его моментальна и непосредственна. Он не только удивлен, но и возмущен. Не в силах совладать с собой, он допускает неслыханное — повышает голос на самого Учителя! Но он естественен в своей реакции, ибо желает Учителю блага. Значит Цзы Лу, судя по реакции, знал кое-что об этой концепции; возможно отдельные ее элементы проговаривались Учителем в школе. Он тут же понял, сколь опасны и неприемлемы замыслы Конфуция. Такова и реакция на планы Учителя: испуганный Цзы Лу вопрошает — неужто Вы начнете свое «упорядочение названий» с самого, что ни на есть верха?

Тут произошла сшибка двух нравственных позиций. Цзы Лу и его сотоварищи довольны жизнью, наконец-то они получили столь вождельные должности. Учитель же не мог принять пост от человека, незаконно находящегося на престоле. Ответ Конфуция на первый вопрос Цзы Лу: «С чего Вы начнете...» по-существу означал отказ от должности. И первым это уразумел Цзы Лу. Конфуций на этом наглядном примере преподавал урок не только Чу-гуну, но и своим ученикам. Принципы человека, коль он «цзюньцзы» («благородный муж», «совершенный человек») дороже самой высокой должности.

Ответ Конфуция — наглядный урок личного и гражданского мужества. Демонстративно отказавшись от службы у Чу-гуна, Конфуций целиком погрузился в преподавательскую деятельность и чтение классической литературы. Так прошло пять лет.

А тем временем в его родном Лу прошли весьма знаменательные перемены. Его ученики, демонстрируя высокий профессионализм, успешно продвигались по административной лестнице и в царстве Лу. Наибольшим авторитетом пользовался Жань Ю. По традиции, подобно Учителю, он поступил на службу в патронимию Цзи, которую возглавлял в то время Цзи Канцзы. Жань Ю показал себя не только талантливым администратором, но и способным военачальником. В 484 г. ведомые им отряды патронимии Цзи одержали победу над цискими войсками в местечке Лан, в то время как войска других аристократических патронимий позорно отступили. Пораженный Цзи Канцзы стал расспрашивать Жань Ю, где он обучался воинскому искусству. Хитрый Жань Ю понял, что наступил именно тот момент, когда он сможет делом отблагодарить своего Учителя. Предоставим слово Сыма Цяню: «Цзи Канцзы спросил Жаня: «Вы изучали военное дело или это у Вас прирожденный (талант)?» Жань ответил: «Я учился этому у Кун-цзы». Тогда Цзи Канцзы спросил: «Что это за человек Кун-цзы?» Тот ответил: «Тот, кто захочет использовать его, должен обладать известностью (именем). Если давать ему (Кун-цзы) в его деятельности возможность предстать перед народом или перед небесными или земными духами, то делать это надо без сомнений и колебаний. Если Вы потребуете от Кун-цзы встать на (избранный Вами) путь, то предоставив в дар нашему Учителю даже тысячу общин, все это будет ему не нужно». Канцзы тогда сказал: «Я хотел бы призвать Кун-цзы к себе, но как это сделать?» Последовал ответ: «Если Вы хотите привлечь Кун-цзы к себе, то не следует допускать, чтобы мелкие людишки («сяо жэнь») стесняли его, тогда это удастся осуществить»¹².

Судьба Конфуция была решена. Вскоре трое посланцев Цзи Канцзы из числа знатных семей, прибывают в Вэй и Конфуций со всей торжественностью вернулся на родину.

Возвращение. Последние годы.

Четырнадцать долгих лет позади. Он вновь на родине, в своем Лу. Обдумывал ли годы странствий? Сожалел ли, что покинул тогда так демонстративно Лу? И главное — как собирался провести остаток лет?

Годы скитаний не прошли бесследно. Он многое узнал, но и многое потерял. Вернулся Конфуций один, год назад, в 485 году, в царстве Вэй скончалась жена. К сожалению,

мы почти ничего не знаем о супруге Учителя, кроме того, что родом была из царства Сун и носила имя Ци Гуань. Можно лишь догадываться, что она последовала за мужем, но сопровождала ли на всем пути? Ответить на эти вопросы пока невозможно. Но несомненно — Конфуций тяжело переживал смерть супруги.

Вторая тяжкая потеря за прошедшие четырнадцать лет — это осознание несбыточности планов построения хорошо управляемого государства, населенного высоконравственным народом. Он долго мучился и никак не мог понять, почему правители, спрашивавшие его о политическом искусстве и вроде бы довольные умными и прямыми ответами, не желали следовать его советам. Прозрение пришло где-то лет семь-восемь назад, когда он произнес, ставшую потом бессмертной фразу: «Лишь в шестьдесят научился отличать правду от неправды». Он понял наконец, что главный противник всех его политических начинаний, не правитель, а чиновники. Поначалу они принимали его как равного, а потом возникла зависть — слишком умен, поведение непредсказуемо, и все они объединялись, словно против чужого. За четырнадцать лет странствий он ни разу не ощутил поддержки со стороны чиновной братии. Более того, как только дела у него налаживались, чиновники соседних царств тут же начинали возводить на него напраслину своим правителям. Хотя казалось — какое им-то дело? Ведь он вознамерился наладить систему правления не в их царствах! Что это — зависть, думал Учитель, или страх за свое личное благополучие? Или же — неспособность к творческому мышлению, переменам? А его недавняя находка — «чжэн мин»! Это же ключ не только к созданию нормально работающего государственного аппарата, но и средство для постоянного оздоровления народных нравов. Но сам он печально взирал на судьбу своего только что народившегося детища, ибо понимал, что чиновный люд не даст ему и дыхнуть. И прежде всего из-за идеи постоянных переоценок их «законных» прав на занимаемые должности. Как сам он внутренне не противился, а мысль не могла уже остановиться, она искала способа спасения детища. Раз «чжэн мин» в этом виде отвергают, то надо все-таки продумать, чтобы люди сами поняли целительность этой концепции. А понять и претворить ее в силах лишь образованная и высоконравственная личность, кого он называл «прямыми людьми». Все вновь упиралось в человека. Каков человек, таково и правление данного государства, таково и восприятие «чжэн мин»; надо и в чиновнике суметь разглядеть человека. Перед его внутренним взором начинает проступать облик человека естественно воспринимающего «чжэн мин». Но для этого необходимо поначалу научить людей правилам поведения, и тогда легче будет «кривых» превратить в «прямых». Мысль все чаще подсказывала — давно пора расстаться с бесплодными поисками службы, копь не склонен сам к уступкам. Остаток лет на родине, уже без жены, лучше посвятить ученикам и редактированию древней литературы.

Однако слава знатока политики опережает Конфуция. Не успел он вернуться на родину, как вновь посыпались все те же вопросы и связаны были уже с пониманием «чжэн мин».

Сыма Цянь воспроизводит вкратце две беседы Конфуция: с луским царем Ай-гуном и аристократом Ци Канцзы, полный же текст содержится в главе второй «Луньюйя». Из известных на сегодняшний день переводов наиболее адекватно сумел отразить суть бесед академик В. М. Алексеев, поэтому обращаюсь к его трактовке:

Беседа с Ай-гуном:

«Князь Скорбной Памяти¹³ спросил Кун-цзы: «Что делать мне, чтобы народ слушался?» Кун-цзы отвечал ему: «Выдвигай прямых, отстроняй всех кривых, — и народ будет слушаться. Если же возвеличишь кривых, а всех прямых отстранишь, то народ слушаться не станет».

Беседа с Ци Канцзы:

«Ци Канцзы спросил его: «Чтобы заставить народ быть благоговейно-почтительным, вернопреданным и в этом его убедить — как это надо сделать?» Он сказал: «Подходи к народу величаво, и он будет благоговейно-почтителен. Проявляй свое сыновнее благочестие и отеческую любовь — он будет вернопредан. Выдвигай хороших людей и учи тех, кто не может, — и народ поддастся увещанию»¹⁴.

Ответы Конфуция были выслушаны правителем и сановником с большим вниманием. Но, как уже повелось, никаких политических реформ в Лу проведено не было. Да Конфуций и не ожидал иного. Он весь ушел в занятия с учениками.

Занятия потребовали колоссального напряжения — приходилось быть не только Учителем в созданной им школе, но одновременно и автором учебников. Начинать пришлось

буквально с нуля. Все, что он написал и отредактировал за отведенные судьбой пять последних лет жизни в Лу, тут же включалось в учебный процесс.

Принцип набора в школу был сформулирован им предельно кратко: «ю цзяо у лэй» — «в образовании не должно быть различия по происхождению». Это был качественно новый неизвестный ранее в Китае принцип набора учеников. До этого в школы, а они, как правило, все были государственными, принимали только детей аристократов. И вот в царстве Лу сам Конфуций открыл частную школу, доступную каждому. Плата за обучение была сугубо символическая: «связка сушеного мяса», ведь Учителю тоже надо было что-то есть.

И потянулись за знаниями люди со всей страны. Сыма Цянь сообщает, что количество учеников доходило до трех тысяч, но число тех, кто глубоко проник в суть учения, не превышало и сотни. Ознакомление с их «анкетными» данными позволяет выявить следующее: тридцать четыре были уроженцами царства Лу, восемь из Ци, семь из Вэй, по три ученика из царств Чэнь и Чу, двое из Цинь и по одному из Сун, У, Чжэн и Цзинь¹⁵. Происхождение остальных неизвестно. Социальное положение было самым различным: Янь Хуэй, Чжун Гун, Цзы Сы и другие представляли беднейшие слои населения. Вот что говорил Конфуций о своем самом любимом ученике Янь Хуэ:

«Какой достойный человек Хуэй! Он пользуется для еды единственной плетушкой, а для питья — единственной коркою от тыквы. Живет в убогом переулке. Другие не выдерживают этих горестей, Хуэй не изменяет этим радостям. Какой достойный человек Хуэй!»¹⁶

Среди учеников встречались и состоятельные люди, особенно из числа детей наследственной аристократии.

Возраст учеников был самый разный. В источниках отчет обычно велся от возраста самого Учителя. Так, Янь Хуэй был моложе Учителя на тридцать лет, Цзы Лу — на девять лет, Цзы Гун — на тридцать один год, Цзы Ся — на сорок четыре года, Цзы Чжан — на сорок восемь лет, Цзы Ю — на двадцать девять. Самым юным из известных нам учеников был видимо Гунсунь Лун (прозвище Цзы Ши) из царства Чу, он был моложе Конфуция на целых пятьдесят три года. Но встречались и ученики почти одного возраста с Учителем, таким был Цинь Шан из царства Чу, который был моложе Конфуция всего на четыре года.

Характерным показателем активности учеников может служить частота упоминания их имен в беседах с Конфуцием. Пальму первенства держат здесь Цзы Лу и Цзы Гун — они по тридцать восемь раз упомянуты в «Суждениях и беседах»; далее следует Янь Хуэй — двадцать одно упоминание; за ним идут Цзы Чжан — двадцать, Цзы Ся — девятнадцать, Цзы Ю — шестнадцать, Цзэн Цзы — четырнадцать, Цзы Юй — восемь, Чжун Гун — семь, Цзы Чи — пять, и так далее.

Тематика занятий была весьма обширна, ибо ученики задавали массу вопросов, но Конфуций все время стремился свести их к четырем магистральным темам. По словам Сыма Цяня, «Кун-цзы учил четверем вещам: «вэнь» — письменным памятникам, «син» — действиям в жизни, «чжун» — преданности (учению) и «синь» — правдивости. Он предлагал покончить с четырьмя вещами: с «и» — предвзятостью, с «би» — непререкаемостью, с «гу» — упрямством и с «во» — сомнением. Он учил быть внимательным к соблюдению поста — «чжай», к военным делам — «чжань», к эпидемиям — «цзи»¹⁷.

Интересно представить как воспринимали ученики суждения Конфуция? В «Лунъюэ» сохранилось воспоминание Янь Хуэя (Янь Юаня):

«Янь Юань со вздохом сказал: «Чем больше (я) всматриваюсь в учение (учителя), тем возвышеннее оно кажется; чем больше стараюсь проникнуть в него, тем тверже оно оказывается. (Я) вижу его впереди, но вдруг оно оказывается позади. Учитель шаг за шагом искусно завлекает людей, он расширяет мой ум с помощью образования, сдерживает меня посредством ритуала. Я хотел отказаться (от постижения его учения), но уже не смог; я отдал все свои силы и кажется, что его учение находится передо мной, я хочу следовать ему, но не могу этого сделать»¹⁸.

И это говорит Янь Хуэй, которого сам Учитель назвал наиболее способным и старательным. Порой действительно было нелегко, ибо Конфуций вводил совершенно новые понятия или же по-новому толковал уже привычные вещи. Поэтому он постоянно раз-нообразил форму подачи материала: рассказывал притчи, истории, задавал вопросы, подчас парадоксальные; заставлял самих учеников, из числа наиболее способных, разъяснять смысл пройденного. При обсуждении поставленной темы, он никогда не навязывал своего мнения, наоборот, всегда давал высказаться всем ученикам и лишь в конце занятий делался мыслью. Для тугодумов он любил облекать новые понятия в наглядные образы,

используя наиболее характерные черты самих учеников. Вот, например, как Конфуций объяснял жизненную необходимость придерживаться принципа «середины», разыграв сцену беседы с умным учеником:

«Цзы Гун спросил:

— Кто лучше Ши или Шан?

Учитель ответил:

— Ши переходит через край, Шан не доходит.

— Тогда Ши лучше?

Учитель ответил:

— Переходить не лучше, чем не доходить»¹⁹.

Не все способны были в равной степени овладевать знаниями и применять их на практике. Обучение в школе еще не гарантия успеха и не визитная карточка для получения должности, многое зависело от личных способностей, характера ученика. Не всякий прослушавший курс получал рекомендацию Учителя — то был удел наиболее старательных и способных. Из многих сотен учеников, прошедших через школу, наивысшей оценки с указанием профиля деятельности удостоились лишь десять человек:

«(Среди учеников самыми выдающимися) в области осуществления Добродетели («дэ») были Янь Юань, Минь Цзыцзянь, Жань Бою, Чжун Гун; в умении говорить — Цзай Во, Цзы Гун; в делах политики — Жань Ю, Цзы Лу; в памятниках древней культуры — Цзы Ю, Цзы Ся»²⁰.

Составление учебного материала Конфуций начал с истории, дабы ученики знали свое прошлое. Он любил повторять — «я передаю, но не создаю», подчеркивая, что лишь восстанавливает события прошлого, насыщенные именами выдающихся личностей. Именно на истории воспитывал он в своей школе любовь к древности, прошлому китайского народа. Обращение к древности являлось у него ядром системы доказательств. Апелляция к древности («гу») в качестве самого весомого аргумента прочно вошла в политическую культуру Китая. И начало этой традиции положил Конфуций.

Вот как Сыма Цянь излагает процесс творчества и цели, преследуемые Учителем в своем первом историческом сочинении:

«Следуя историческим записям, составил Кун-цзы летопись «Чуньцю» («Весны и осени»), начиная от луского Инь-гуна (722—712 гг.) и вплоть до четырнадцатого года (правления) луского Ай-гуна (481 г.), охватив правление двенадцати гунов. Он опирался на сведения о княжестве Лу, был близок к делам Чжоу, охватил свершения дома Инь и смену трех династий (Ся, Инь, Чжоу)». Когда ученикам был вручен текст «Чуньцю», Кун-цзы сказал им: «Последующие поколения узнают обо мне, Цю, благодаря «Чуньцю», а если будут порицать, то тоже из-за «Чуньцю».

Закончив свой главный труд, где история прошлого стала наглядным учителем деяний современников и заложив туда идеи своей последней концепции «чжэн мин», Конфуций отнюдь не успокоился. Надлежало теперь ознакомить учеников со всем богатством культурного наследия китайцев. Он приступает, а скорее всего продолжает, но уже более систематически, работу над «Шуцзином» («Книга истории»), «Шицзином» («Книга песен»), «Ли цзи» («Записки о ритуале»), «Ю цзи» («Записки о музыке») и «Ицзином» («Записки о гаданиях»). Эти пять книг вместе с «Чуньцю» вошли впоследствии в китайскую культуру под наименованием «Лю цзин» — «Шесть канонов». Эти каноны и по сей день являются компендиумом духовной сокровищницы Китая, оказавшие формирующее влияние и на развитие национального характера китайцев.

Обращают на себя внимание четыре характерные особенности, пронизывающие все шесть канонов, а именно: идейной основой является концепция «жэнь» («человеколюбие»); в них не превалируют чудеса, сила, хаос, божество; материал построен по методу пересказа, а не творчества; отсутствует непристойность. Именно в этом видит он воздействие интеллектуального и нравственного потенциала Учителя.

По мере насыщения учебной программы новым материалом, почерпнутым из шести новопеченных книг, знания в школе становились все более насыщенными и интенсивными. Авторитет Конфуция рос буквально на глазах современников. В Лу его стали именовать «го лао» — «почтенный старец государства». Подобного титула до сих пор не было ни у кого, Учитель пользовался всеобщим уважением.

Шли годы, чрезмерная перегрузка не могла не сказаться на здоровье, но Конфуций мужественно боролся с недугом.

В 482 году Учителю исполнилось семьдесят лет. Осмысливая в беседе с учениками

пройденный путь, Конфуций выделил шесть периодов:

«Учитель сказал: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю неба. В шестьдесят лет научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала»²¹.

Окружающие запомнили это суждение на всю жизнь, кто-то из них, а может быть и не один, возвратясь домой, поспешили записать его, сохранив на века. Для многих последователей Учителя эти периоды стали символами становления личности.

Четыреста восемьдесят второй год стал несчастливым — скончался единственный сын Кун Ли, в тот год ему исполнилось пятьдесят лет. Конфуций тяжело переживал кончину сына, единственным утешением стал внук Цзи, который продолжит род Кунов. Однако, одна беда следовала за другой. В 481 году умер самый любимый ученик Янь Хуэй, на следующий год еще одно потрясение — погиб неутомимый спорщик, преданный и любимый Цзы Лу.

Все исследователи единодушны в том, что свалившиеся беды ускорили смерть Конфуция. Прележав у себя дома в постели не вставая семь дней, он скончался на шестнадцатом году правления Ай-гуна, то есть в 479 г. до н. э., в четвертой луне, в день «цзи чоу», на 73-м году жизни.

Учителя хоронила вся столица, прощальное слово произнес Ай-гун. Похоронили его на берегу реки Сычу к северу от столицы. Ученики, верные традиции «сяо» — «сыновней почтительности» — построили хижину недалеко от могилы Конфуция и в течение трех лет совершали траурные церемонии. Лишь один из них «нарушил» традицию, то был Цзы Гун, который прожил в хижине у могилы Учителя целых шесть лет, тщательно соблюдая все траурные церемонии.

Последующие поколения соорудили храм Учителя, где были собраны одежда, головные уборы, музыкальные инструменты, повозка, книги Кун-цзы. Могила Конфуция стала местом паломничества народа. Начиная с ханьского периода, китайские императоры и высшие сановники поклонялись храму Конфуция на протяжении более двух тысяч лет. То было самое священное место на территории страны.

¹ См.: Ян Боцзюнь. Указ. соч.— С. 145—146.

² Исторические записки с собранием...— Гл. 47.— С. 34.

³ Там же.— С. 35—36.

⁴ См.: Ли Чанчжи. Указ. Соч.— С. 38.

⁵ Цуй Дунби.— Указ. соч.— С. 288.

⁶ Куан Ямин.— Указ. соч.— С. 78, 79.

⁷ Возможен и иной вариант перевода: «Много таких бродит, кто знает, какой из них твой Учитель».

⁸ Ян Боцзюнь.— Указ. соч.— С. 196.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.— 133—134.

¹¹ Там же.— С. 134.

¹² Исторические записки с собранием...— Гл. 47.— С. 65—66. Перевод Р. В. Вяткина.

¹³ «Как везде и всюду,— отмечает В. М. Алексеев,— в Китае с отдаленнейших времен обычай запрещал обращаться к князю, называя его по имени. Однако в Китае этот обычай принял совершенно необыкновенные для других стран формы. Было не только воспрещено обращение к нему по имени, но и вообще употребление его имени в титуле, как то было принято у других народов. И не только это, но и самый иероглиф впоследствии принято было изгонять из употребления вовсе, или же значительно исказить его. Взамен этого давались, между прочим, особые храмовые прозвания, уже не ему, а его духу — духу предка. Эти титулы, конечно, вряд ли переводимы на практике, но не в принципе. Данный титул князя, правившего в 494—467 гг. до н. э. по традиции означает «Вежливого, Доброго, Рано Сломленного», т. е. приблизительно так, как в переводе // Алексеев В. М. Китайская литература.— М.— 1978.— С. 458.

¹⁴ Там же.— С. 459.

¹⁵ См.: Куан Ямин.— Указ. соч.— С. 309—320.

¹⁶ Семенов И. И. Афоризмы Конфуция.— М., 1987.— С. 271.

¹⁷ Исторические записки с собранием...— Гл. 47.— С. 75—76. Перевод Р. В. Вяткина.

¹⁸ Ян Боцзюнь.— Указ. соч.— С. 90. Перевод В. А. Кривцова.

¹⁹ Семенов И. И.— Указ. соч.— С. 282.

²⁰ Ян Боцзюнь.— Указ. соч.— С. 110.

²¹ Древнекитайская философия.— Т. 1.— С. 143.

С. БЕЛОУСОВ

ГЛАВА 7. ТОРКВЕМАДА П

Большие праздники

Пародия на великого инквизитора

На основании Высочайшего повеления по учреждении храма «Кенкоку Синбо» был установлен **ТАБЕЛЬ О ПРАЗДНИКАХ**. Праздники были разделены на большие, средние и малые. Проведение церемоний на всех праздниках было возложено Высочайшим повелением на президента Департамента государственных храмов генерал-лейтенанта Т. Хасимото.

Президент Управления по делам Государственных Храмов, ген. Хасимото

Большие праздники — двух видов: 1. Установленные навсегда, и 2. Чрезвычайные праздники.

Установленными навсегда большими праздниками являются:

1 марта — День Основания Маньчжу-Ди-Го.

15 июля — День Божественной Прародительницы богини Амаэрасу омиками.

Чрезвычайные праздники устанавливаются в дни больших исторических событий, а также обновлений храма.

Средние праздники

1 января — День Нового года.

6 февраля — День рождения ныне благополучно царствующего Его Величества Императора Маньчжу-Ди-Го.

20 апреля — День моления об урожае.

17 октября — День преподношения Его Императорскому Величеству плодов нового урожая.

Малые праздники

15-й день каждого месяца — память учреждения Храма Основания Государства.

31 декабря — День вознесения благодарности за прошлый год.

7 ноября — День Антиконтинтера.

9 апреля 1932 года Веспу вызывают к шефу спецслужбы. Получена информация: советские торговые организации продолжают экспортировать значительные партии соевых бобов во Владивосток.

— Мы должны положить конец этому бизнесу. Передайте нашим хунхузам инструкции: фрагтовые поезда должны взлетать на воздух в районе Мулина, у самой советской границы.

Приказ передан главарю хунхузов Иню, который в ответ просит доставить

ему 50 фунтов динамита. Веспа поручает это своему человеку № 2.

На рассвете 11 апреля в квартире Веспы раздается телефонный звонок. Инь настаивает на немедленной встрече. Конспиративная квартира на Саманной улице. Первые слова Иня: «Что вы скажете на это?.. Поезд, который должен был доставить к нам вашего помощника с 50 фунтами динамита, прибыл в Мулин, но того, кого мы ждали, в составе не оказалось».

Веспа немедленно информирует шефа, тот — жандармерию. Десятки телеграмм отправлены на все железнодорожные станции. Никаких следов № 2.

В 5 утра 12 апреля Веспа с жандармским капитаном Муту вылетают на место. В 2 часа пополудни они в Мулине. Ничего нового ни о № 2, ни о динамите. В 6 утра следующего дня начальник станции получает телеграмму: около другого крупного железнодорожного узла Хэндаохэцзы, в 100 милях к западу от Мулина, в 5.30 взорван японский состав, имеются сотни жертв.

В 7 часов с мигунами Веспа и Муту уже на месте катастрофы. Здесь есть над чем задуматься. Короткий мост через глубокий овраг с ручьем на дне взлетел на воздух как раз в тот момент, когда через него проходил паровоз. Он потащил за собой в пропасть семь вагонов с японскими солдатами. Остальные одиннадцать вагонов скатились под откос, где весь состав сгорел.

Только через сутки рабочие с прибывшего спасательного поезда извлекают последнюю из сильно обожженных жертв из-под обломков. Всего вдоль насыпи лежит 192 трупа. Два тормозных кондуктора, русский и поляк — среди 374 раненых, 60 из которых в крайне тяжелом состоянии. Погрузив раненых, санитарный состав уходит в Харбин. Погибшие японцы, по обычаю, кремированы, прах помещен в миниатюрные урны и отослан семьям в Японию. Опознанных сжигают отдельно; тела тех, кого опознать не удалось, сожжены все вместе, пепел разделен ровно на столько частей, сколько урн отправляется по адресам родственников.

На следующее утро другой поезд привозит должностные лица железнодорожной администрации, отряд солдат и бесчисленное число японских, китайских и русских следователей, инспекторов и сыщиков.

Место взрыва обнаружить не состав-

Встреча на Синьзизинском вокзале Пу И и принца Такамацу (28 мая 9 года Кан-Дэ)

ляет труда. В фундаменте под одной из стальных опор моста вынут большой камень, куда и был установлен заряд динамита. Тонкая проволока, найденная неподалеку, тянется к густому кустарнику в 200 метрах на краю берега; там же обнаружена электрическая батарея со взрывателем.

Все это невольно напоминает Веспе другой взрыв динамитной шашки, взрыв, положивший конец карьере Чжан Цзолина. Тогда, четыре года назад, тоже фигурировали мост, стальная опора, проволока, динамит, дистанционный взрыватель в кустах. Совпадает в точности даже время взрыва — 5.30 утра...

Японцы приступают к поискам виновных. Полицейские следователи, жандармы, инспекторы и сыщики обходят в Хэндао каждый дом по обе стороны полотна. К ночи арестовано более 400 китайцев, русских эмигрантов, беженцев и советских граждан. Из Цицикара на специальном самолете прилетает лейтенант-полковник японской жандармерии, чтобы взять расследование под свой контроль. Он японец, но носит китайское имя. Это никого не удивляет, и меньше всех Веспу: ему лучше других известно, что в Маньчжоу-

Го и Внутренней Монголии сотни и сотни японских офицеров принимают китайские и монгольские имена вместе с бутфорской военной формой армии Пу И. Смысл этой очередной уловки ясен: маскарад дает возможность японским властям безо всякого риска быть опровергнутыми отмечать в официальных сообщениях, что должностные лица Маньчжоу-Го или Монголии «после консультаций с представителями Японии приняли соответствующее решение и выразили чувства симпатии к империи Ямато».

Вновь прибывший жандарм сразу (и как выяснится позже, вполне заслуженно) вызывает острую неприязнь Веспы. Итальянец называет его про себя «мешком дерьма на двух ногах», а за глаза саркастически величает «Торквемадой II», хотя этому низкорослому, кривоногому и озлобленному существу с редкими кривыми зубами далеко, конечно, до своего печально знаменитого испанского предшественника. Роднит их, пожалуй, только животная ненависть к евреям и вообще инородцам, да карликовая большая душа.

Лейтенант-полковник знает несколько русских слов и говорит на чудовищном английском. Первое, что от него слышат по приезду — все убийцы должны быть найдены, даже если для этого придется применить пытки. Не намерен он остановиться и перед массовыми расстрелами населения.

400 арестованных заперты в помещении просторного ангара для скота — здесь и китайцы и русские, мужчины и женщины, нищие и состоятельные люди, есть и подростки, почти дети. Охраняет их около сотни японских солдат с пулеметами.

Торквемада II вызывает Веспу на вокзал, где две комнаты превращены им в свою резиденцию.

— Мне было сказано, что вы переводчик Генерального штаба в Харбине. (Веспа догадывается, что это информация капитана Муто, который не мог, конечно, назвать истинный род его занятий). Передали также, что вы итальянец. Тем лучше. Не люблю русских. Точнее, ненавижу. Всех — белых, красных, черных — любого цвета. Абсолютно бесполезные люди. Как, впрочем, и китайцы. Могут убивать только под покровом ночи, из-за угла, никогда не выйдут драться открыто. Свины, все они свины. 450 миллионов китайцев. 160 миллионов русских. Знаете,

что все они из себя представляют?.. Молчите? Ладно, я сам вам скажу. 600 миллионов свиной!.. А теперь перейдем к допросам.

В сопровождении еще двух офицеров и двадцати жандармов Торквемада отправляется к ангару. Ворота открывают и людей проклятьями и прикладами выгоняют наружу. Они сбиваются в кучу. Со всех сторон смотрят дула пулеметов. Лейтенант-полковник грузно усаживается за принесенный стол, на котором уже лежит папка документов. Взглянув в одну из бумаг, японец передает ее Веспе:

— Вызовите этого человека.

— Федор Васильевич Астахин!

Из толпы выходит русский лет 45-ти. — Этот парень — сторож, которому было поручено охранять тот участок полотна, где расположен мост. Он советский гражданин, а потому, вероятно, коммунист. Будучи охранником, обязан знать, как была подложена взрывчатка. Скажите ему, чтобы говорил правду, иначе будет расстрелян.

Веспа переводит. Астахин держится спокойно:

— Я ничего не знаю. Вот все, что я могу сказать. Если они хотят убить меня, пусть убивают.

Торквемада II приходит в ярость.

— Не хочешь отвечать?! Не боишься смерти! Может, думаешь, мы не сможем тебя убить? Я тебе продемонстрирую...

Сторож получает страшный удар рукояткой револьвера в переносицу. Кровь заливает рубаху, капает на носки пыльных сапог.

— Повторите вопрос и предупредите еще раз: если не ответит, я пристрелю его на месте.

Веспа переводит. Астахин, не выказывая никаких признаков страха, спокойно смотрит итальянцу в глаза и тихо говорит:

— Я ничего не знаю.

Японец вскидывается:

— Что он сказал?

Веспа колеблется, но в конце концов переводит. Почти сразу же звучит выстрел. Русский падает замертво. В толпе арестованных матерятся, женщины рыдают. Неожиданно сквозь кордон прорывается высокий китаец, бросается к Торквемаде, но падает под револьверными выстрелами. С большим трудом японцам удается установить относительное спокойствие. Два трупа за ноги отволакивают в сторону. Допросы продолжены.

Всего допрошено с пристрастием более 50 человек. Результаты ничтожны. Никто не может ничего сообщить об обстоятельствах катастрофы. Только какой-то мальчишка-китаец показывает, что будто бы видел в день катастрофы двух китайцев и русского, которые лежали в гаоляне неподалеку от разрушенного моста. По окончании каждого допроса следует приказ встать слева или справа от стола.

К десяти вечера Торквемада заявляет, что на сегодня хватит. Следует приказ вновь запереть всех тех, кто еще не был допрошен, группу справа отпустить, тех же, кто стоит слева от стола, расстрелять. Слева, в числе прочих, стоят и женщины — три русские и китаянка.

Шабаш

Пока идут допросы, около 200 японских солдат, прибывших на место катастрофы «для поддержания порядка», полностью предоставлены самим себе. К чему это приводит, нетрудно догадаться. Пьяные кровавые бесчинства. Винные магазины и лавки разграблены, владельцы их, пытавшиеся сопротивляться, убиты. Пострадали даже крупные фирмы — «Водочный завод А. И. Климова», существующий с 1905 года, «Мясная торговля и домовладение И. Д. Никитина и Б. М. Фадеева». Много китайцев и русских застрелено на улицах и в квартирах, дома их обыскивают и поджигают. Десятки молодых женщин и девушек изнасилованы — не щадят и совсем девочек, не достигших и десятилетнего возраста; пять из них в результате умирают. Пьяный японский лейтенант ударом бутылки по голове убивает в публичном доме одну из проституток. Выйдя на улицу, самурай открывает стрельбу по прохожим: убит кореец, ранены двое китайцев и русская женщина.

По дороге к вокзалу, временной резиденции Торквемады II, Веспы и остальные сталкиваются с группой вдребезги пьяных японских солдат, которые волокут за собой нескольких девушек, китаянок и русских. Одежда с них сорвана, нагие тела белеют на фоне весенней грязи. Лейтенант-полковник криво усмехается: «Уверен, здесь больше не будет взрывов поездов. Охотников до взрывов, всех этих китайцев и русских, можно образумить только террором... А теперь приглашаю вас отобедать».

Чтобы не вызывать лишних подозре-

Водочный завод Г. Д. Антипас в г. Харбине

ний, Веспы соглашается. Стол накрывают на пятерых. Помимо Веспы и самого хозяина, присутствуют двое сопровождающих его жандармских офицеров и капитан Мута. Стол уставлен деликатесами — в избытке вина и крепкие напитки — добыча из разграбленных лавок и магазинов, судя по ярлыкам — в основном фирмы Е. Г. Токарева «Винно-гастрономическая и мясная торговля».

Лейтенант-полковник с аппетитом ест и пьет, но пьет значительно больше. Изрядно нагружившись, он и его спутники забывают о своих манерах «на экспорт» и возвращаются к более привычному для себя ритуалу: выходят из-за стола, оставляют стулья за ненадобностью, садятся на пол и, сняв с себя почти все, приступают к серьезному, методичному пьянству. Разговор, ведущийся по-японски, временами прерывается громким хриплым смехом. В какой-то момент Торквемада II, как будто немного придя в себя, что-то говорит прислуживающему солдату, который тут же выходит из комнаты.

Повернувшись к Веспы, жандарм громко предлагает:

— Ну-ка, выпей! Выпей! Я слышал, итальянцы не любят воду, предпочитают

ей вино... Они просто купаются в нем. Это так?... Почему ты не хочешь с нами разговаривать? Ведь тебе оказана честь — ты находишься в компании японских офицеров...

Один из жандармов с трудом отползает в сторону и засыпает с открытым ртом, демонстрируя два ряда испорченных зубов. Начальник его оказывается крепче. Несмотря на молчание Веспы, он продолжает пить и хрипло бормочет.

— А что бы вы сказали, если бы вам предложили стать японским офицером? Я отвечу за вас. Вы бы не пожалели своей жизни... Но даже это не сделало бы из вас японского офицера. Японская армия — самая достословная в мире. Это единственная армия, не проигравшая ни одного сражения и победившая крупнейшие мировые империи — Россию и Китай. Мир еще не знает всей нашей мощи, но скоро узнает — когда мы начнем действовать. Америке придется дорого заплатить за то, что она захлопнула дверь перед нашим носом. Но мы все равно войдем, но уже как хозяева. Они будут счастливы начищать нам сапоги до блеска... Известно ли вам, сколько понадобилось бы японских дивизий, чтобы

разгромить германскую армию в 1914 году? Вы не знаете. Ладно... Я скажу вам. Нами все подсчитано. Мы могли разгромить немцев с пятнадцатью нашими дивизиями. Одна японская дивизия равноценна 15 русским, 15 американским, 12 английским, 10 французским и 6 немецким. Маршал Чжан Сюелин, когда мы пригрозили ему, дал нам понять, что за ним стоят Гоминьдан, Лига наций, советская армия, американский и английский флот. Но разве нас это испугало? Нет, не испугало. И не остановило. Вот мы уже шесть месяцев в Маньчжурии и здесь останемся. И что же? Гоминьдан, то есть Нанкинское правительство, отказалось воевать. Лига наций направляет сюда свою комиссию из старушек, которые только и думают, как посетить побольше банкетов и поесть досыта... Будьте уверены, мы устроим для них множество банкетов в Харбине... Что-то не видно ни американского, ни английского флота. Советская армия?.. Хваленая советская армия! Где же она? Вы случайно не встречали ее где-нибудь поблизости? Чтобы показать всем, как мало мы опасаемся этой армии, мы намерены захватить их железную дорогу и расстре-

Представители «дружественных держав» на празднествах по случаю 10-летия Маньчжу-Ди-Го

лять столько красных русских, сколько сочтем нужным... Скоро, очень скоро мы приступим к установлению нового порядка в Восточной Азии, к созданию Великой Восточноазиатской сферы взаимного процветания. На первом этапе мы покоряем весь Китай, включая Гонконг и Сингапур; захватываем Французский Индокитай, Таиланд, Малайю, Голландскую Ост-Индию, Филиппины и Новую Гвинею. На втором этапе мы намерены присоединить Австралию, Новую Зеландию, Бирму и Восточную Индию... А теперь еще... выпьем...

Дверь открывается, в комнату вталкивают пятерых плачущих русских девушек. Их усаживают на пол рядом с Торквемадой, который пытается вести себя галантно, предлагает пива. Те отказываются. Жандарм обращается к Веспе:

— Скажите им, что я полковник и жизнь их в моей власти. Они должны вести себя благоразумно... Которая из них вам больше по вкусу? Выбирайте, вы гость. Мы японцы, всегда относимся к гостям с должным почтением. Почему вы молчите? Может, вам не нравятся русские женщины? Может, вы предпочитаете китайок? Я распоряжусь...

Веспа поднимается и собирается откланяться. Жандарму это не нравится:

— Вы уйдете только тогда, когда я разрешу вам уйти.

— Вы ошибаетесь. Я уйду, когда захочу, то есть прямо сейчас. Мои обязанности — переводить для Генштаба, когда же дело касается пьяных любовных утех, то здесь я пас.

Переночевав в одном из пустых вагонов, Веспа утром сталкивается на путях с нищим в лохмотьях.

— Пожалейте, высокий господин, у меня жена и трое детей, два мальчика и девочка.

Роясь в карманах в поисках мелочи, Веспа тихо спрашивает:

— Как далеко отсюда ваш отряд?

— Три дня перехода.

— Неплохо. Попробуйте управиться за два. И передай своему начальнику, чтобы он сам прибыл сюда немедленно. Здесь убивают китайцев и русских... Что случилось с моим человеком № 2?

— Мы его похоронили.

— Тебе нужны деньги?

— Нет.

— Желаю удачи.

Веспа кладет на протянутую ладонь пятицентовую монету.

Землянка в сопках вместо «Избушки туриста»

Мисс Ёсико Кавасима, японка, прозванная «маньчжурской Жанной д'Арк», в 1934 году заявляет по радио: «Жестокое высокомерие, проявляемое японцами, особенно жандармскими офицерами, в Маньчжурии, вызывает у всех слоев местного населения ничем не измеримую ненависть. Главная причина этого в том, что из Японии в Маньчжурию едут худшие представители японской нации, озабоченные лишь одним — как сколотить состояние в кратчайший срок и любыми средствами. Они не брезгуют ничем, вымогают деньги у населения и заставляют крестьян выращивать опийный мак вместо соевых бобов».

Все это лишний раз подтверждается в Хэндао. Расследование катастрофы, сопровождаемое мародерствами, насилиями и расстрелами, продолжается еще несколько дней. Из Харбина приезжает около 20 русских, личностей с темным прошлым, работающих на японскую жандармерию. Они сразу приступают к незаконным обыскам и конфискациям. Большая часть добычи предназначена для японских хозяев, остатки — для непосредственных исполнителей.

Вечером 19 апреля в Хэндао появляется Инь с двумя своими лейтенантами. Их арестовывают сразу же, как только они сходят с поезда. Веспе сообщает об этом один из бесчисленных и вездесущих осведомителей хунхузов. Итальянец идет к Торквемаде П и говорит, что Инь — близкий друг японцев и прежде, чем применить к нему какие-либо санкции, надо запросить Харбин.

— Кому я должен телеграфировать в Харбин? Полковнику Доихаре? Вы считаете, что Доихара — фигура покрупнее меня? Учтите, что жандармский лейтенант-полковник по нашей иерархии выше армейского генерала. Короче говоря, я сам допрошу этих троих китайцев, и если не получу удовлетворительных объяснений о цели их пребывания в Хэндао, расстреляю. Здесь командую я, а не Доихара.

Веспа отправляется к капитану Муту: необходимо что-то предпринять для спасения Иня и его лейтенантов; иначе возможны малоприятные и непредсказуемые последствия: несколько сотен хунхузов скрываются где-то здесь, между Хэндао и Мулином, и если они узнают (а они узнают), что их атаман аресто-

ван, то почти наверняка нападут на японский гарнизон. (Это как раз и не входит в планы Веспы, у него иной расчет).

...Ночью из японского Генштаба приходит телеграмма с приказом освободить Иня. И приказ этот выполнен немедленно.

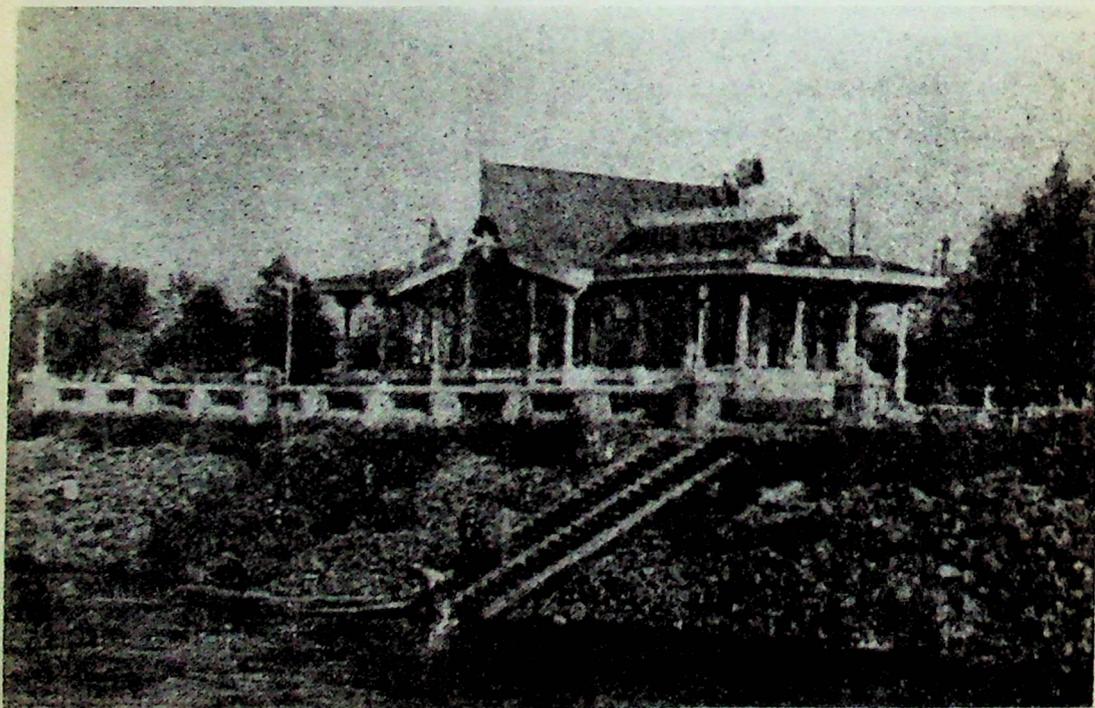
Этой же ночью в вагоне Веспы раздается звук брошенного в окно камешка. На путях в темноте смутно маячит одинокая фигура. Это все тот же нищий.

— Полковник К. будет здесь завтра вечером с отрядом в 2 тысячи штыков. Он встанет лагерем в нескольких ли отсюда. Ваш знакомый С. уже здесь. Ближе к рассвету он навестит вас.

Веспа знает, что ротмистр С., совсем еще недавно совладелец книгоиздательства «Наука» на Большом проспекте, завсегдагатай харбинских салонов, Коммерческого собрания, Яхт-клуба, кафе «Дальконд» и ресторана «Канкотэй» («Избушка туриста») на Бульваре (Городской берег Сунгари), теперь, как и многие другие офицеры русской армии, члены Союза бывших военнослужащих генерала Вержбицкого, оставив променады по «Харбинскому Невскому» — главной улице Пристани, прямой, как стрела,

Китайской, присоединился к нерегулярным отрядам, поклявшись не оставлять в живых ни одного японца, который попадет в руки. Эти большие и малые банды становятся истинными хозяевами всей территории по обе стороны железнодорожного полотна. Даже после шести лет оккупации японцы будут контролировать лишь саму дорогу и узкую полосу вдоль нее.

«Немного осталось тех, кто может рассказать о героическом патриотизме этих рассеянных по всей Маньчжурии отрядов бывших офицеров и солдат, которых японцы именовали бандитами, но которых надо было бы называть более достойно — партизанами. Немногие уже теперь помнят, как в мае 1935 года отряд из 323 человек, окруженный 2 тысячами японцев в деревушке Мэйтэкатэ в ста милях от Цицикара, в течение трех суток отбивал непрерывные атаки, хотя людям практически нечего было есть. Японская авиация сбросила на деревню более сотни тяжелых бомб, не считая мин и фугасов. Деревня была стерта с лица земли вместе с жителями. Когда был израсходован последний патрон, 60 оставшихся в живых че-

Ресторан «Канкотэй» из набережной Сунгари

ловек, почти все раненые, оцетинив штыки, с саблями и ручными гранатами глухой ночью проникают в расположение японцев, которые совершенно уверены, что уничтожили всех, кто был в деревне, спокойно спят, даже не выставив сторожевого охранения.

Ночной рукопашный бой. Партизаны смешиваются с японцами, нанося удары направо и налево; «сыны Ямато» открывают беспорядочную стрельбу по мятущимся теням, убивая в суматохе и своих. Заканчивается это только после того, как все нападавшие уничтожены. Но на земле остаются лежать и 157 японцев, еще более 200 ранено.

«Не может быть героев, кроме японцев, не бывает иной смелости, кроме японской». Японский полковник, командовавший частями, атаки которых партизаны отражали трие суток, осыпал оскорблениями тело погибшего командира противника и напоследок пнул его в лицо сапогом».

ГЛАВА 8. ЗАКОН БУМЕРАНГА

Прерванный ужин

Ночью Веспу навещает ротмистр С., тот самый книгоиздатель и завсегда тай званных вечеров. Они давно знакомы: после окончания 1 Мировой войны ротмистр поступает в маньчжурскую разведку и несколько лет служит в подчинении Веспы. Сейчас он спокойно и буднично говорит о жизни в отряде нерегулярных войск у полковника К., о кровопролитных стычках с японцами и перспективах на будущее. Веспы, в свою очередь, в деталях рассказывает об обстановке в Хэндао и вокруг него, о численности японских войск и где они расквартированы; не забывает упомянуть, где штаб-квартира жандармерии, японский штаб и где остановились на постой русские. Уже светает, когда С. уходит от Веспы.

На следующий день, 23 апреля, Веспы приглашает Иня поужинать. Назначенное время — 9 вечера. А около четырех пополудни все тот же нищий предупреждает Веспу, что отряд полковника К. окружил город: «Полковник не советует выходить из вагона после наступления сумерек».

Инъ приходит ровно в 9.00. С ним, как всегда, двое «лейтенантов». Еще четверо, по его словам, дежурят снаружи. Несмотря на превосходный ужин и обилие спиртного, Инъ выглядит мрачно:

— Кто я теперь? Долгие годы у меня в подчинении было полторы тысячи людей. А сейчас от силы тысяча и, говорят, скоро цифра эта сократится до пятисот... Они поручают мне только грязную работу, которая не приносит больших денег. Неужели они думают, мне не известно: после того, как мои ребята разоряют деревню, ее занимают японские и — черт бы их побрал! — корейские переселенцы. Значит, они принимают меня за дурака?.. Тогда им надо бы поостеречься. Они твердо обещали, клялись, что я и мои люди будут использованы только в борьбе с советскими и корейцами. Вместо этого они натравливают меня на китайцев под тем предлогом, что все они — коммунисты. Это уж... Да мыслимое ли это дело, чтобы китайский крестьянин стал коммунистом?! Просто бред... Мне порядком все это надоело, и в один прекрасный день я пошлю их к чертовой матери! И пойду своей дорогой...

Инъ исподлобья смотрит на Веспу. Тот молчит.

— Вы не должны думать, что я имею что-то против вас лично. Мне хорошо известно, на каких условиях вам приходится работать. Мне известно, что японцы удерживают вас силой. Мне известно все, даже то, что вы скрываете в глубине вашего сердца... И больше всего меня беспокоит, что вы мне не доверяете. А мы с вами можем сколотить целое состояние. Я все-таки надеюсь, что когда-нибудь, может быть скоро, мы сможем действовать свободно, как того захотим... Кто такие, в конце концов, эти японцы? Видели вы этого жандармского полковника? Отвратительная криветка. Перед тем, как уехать отсюда, я намерен отрезать ему уши — пусть иногда вспоминает обо мне. Мой лейтенант Ли Тун поклялся, что...

Одинокий пистолетный выстрел, за которым следует пулеметная очередь, прерывают монолог. Один из охранников, дежуривших снаружи, вбегает в вагон и говорит, что стрельбой охвачен весь город. Веспы бросает взгляд на часы (они показывают четверть одиннадцатого), потом — на Иня, который кажется совершенно спокойным.

— Может быть, нам лучше уйти отсюда?

— Уйти? Куда? И зачем? Что мы можем сделать? У нас только пистолеты. Замечательное зрелище — мы с ними про-

тив винтовок и пулеметов! Нет, мы уйдем, когда все закончится. Не думаю, чтобы они, кто бы эти «они» ни были, стали беспокоить нас здесь...

Инь приказывает наружной охране войти в вагон. Он говорил о четверых «крепких парнях», Веспа насчитывает одиннадцать.

Стрельба время от времени стихает, тут же возобновляется с новой силой. Так продолжается до 2 часов ночи. В 4 утра Веспа и Инь выходят из вагона.

Японцы оказались застигнутыми врасплох. Не успели даже разобрать оружие. Многие убиты прямо в казармах, остальные попадают в плен. Японские офицеры, большинство из которых проводили время в компании гейш, захвачены прямо в кимоно и босыми. Разоружить их не составило никакого труда. Те же, кто все-таки пытался оказать сопротивление, убиты. К рассвету части нерегулярной армии вместе с пленными исчезают где-то в сопках.

Но в плен попадают все-таки не все. К 7 утра выясняется, что 11 офицеров, старший по званию из которых капитан, избежали плена. Из 23 русских помощников жандармерии 14 убиты, девятерым удалось бежать. Общее число потерь — 143 убитых и 127 человек взято в плен. Как только снова начинают работать телеграф, становится известно, что одновременно с рейдом на Хэндао другой отряд нерегулярных частей атаковал станцию Имяньпо, в ста километрах восточнее Харбина. Японцы и там вынуждены были отступить, потеряв 134 человека убитыми и 86 пленными.

В 11 утра в Хэндао прибывает специальный эшелон с японскими солдатами «для наведения порядка». Эскадрилья японской авиации с базы в Харбине кружит на окружающих Хэндао сопками в поисках участников налета. Но мимикрия маньчжурских партизан давно уже вошла в поговорку, и поиски не дают, конечно, результатов.

На следующий день Веспа получает телеграмму от шефа с приказом вернуться в Харбин. На вокзале его провожает Инь: «Если бы вы не пригласили меня и моих людей на ужин, все мы были бы сейчас трупами. Поверьте, я никогда этого не забуду».

При первой встрече в Харбине шефа интересует поведение и действия Торквемады II в гораздо большей степени, нежели подробности крушения поезда и налет

на Хэндао. Шеф хочет знать о лейтенанте-полковнике все, начиная с момента его приезда на место и до того момента, когда он был взят в плен. Что касается жертв — японцев, русских, китайцев (и вообще японских потерь) — о них не сказано ни слова.

Аматэрасу и пропаганда или Credo, quia absurdum*

По возвращении в Харбин Веспа наталкивается в газетах на официальную японскую версию событий в Хэндао:

Официальное сообщение. 24 апреля.

Инцидент на станции Хэндаохэцзы.

12 апреля в 5.30 утра в районе Хэндао советские агенты пустили под откос поезд, следовавший в Мулин. Трое человек погибли, десять получили ранения. В связи с инцидентом были произведены аресты и в ходе следствия убедительно доказано: террористический акт — дело рук коммунистов.

23 апреля в 11 вечера бандитское формирование общей численностью более 4 тысяч человек совершило нападение на японский гарнизон в Хэндао. Нашим войскам удалось отразить атаку. 376 бандитов убито, 211 взято в плен. Захвачено также большое количество оружия и военного снаряжения. Наши потери — 4 убитых и 11 раненых.

**Начальник Японской военной миссии
Полковник Доихара**

Что можно сказать о японской пропаганде? Точнее так: что может сказать очевидец, в данном случае Веспа, о японской пропаганде?

«Подобные «официальные» сообщения типичны для японцев. Непокоримая, убежденность в том, что японцы — это высшая раса, раса Богов, в сравнении с которой все прочие народы просто ничто, не позволяет им признать, что они недостаточно активно вели себя в какой-либо военной стычке или — тем паче — вообще были побиты. Поражение для японцев немислимо. Пленение недопустимо. Убеждение в божественности своей расы заставляет их закрывать глаза на очевидные факты или искажать их.

Японцы уверены, что их армия и флот способны одержать победу над объединенными военными силами всего мира. «Мы безусловно сильнее всех». На этом всякая аргументация заканчивается. Это относится к каждому в Японии, от императора

и до рикши. Да и как может быть иначе? Армия императора, который является прямым потомком Аматэрасу-омиками, Богини Солнца, не может не быть непобедимой.

Поэтому сообщать, что, скажем, японский патруль был уничтожен группой партизан, значит наносить оскорбление всей армии, самому Микадо и Богине Солнца — ни больше, ни меньше. Писать о том, что какие-то китайцы взорвали японский воинский эшелон, жертвой чего стали сотни японских солдат, значит утверждать то, чего абсолютно не может быть. А раз так, надо заменить китайцев на «советских агентов», уменьшить насколько возможно масштабы катастрофы, снизить число потерь и тем самым спасти честь японской армии, а задно и честь старушки Аматэрасу.

Все это объясняет, почему японские «официальные сообщения» не имеют ничего общего с реальными фактами. Главная задача — бесконечная реклама боевого духа и непобедимости японской армии и вообще любого японца. Для достижения этих целей все средства хороши. Более того, чем больше будет фигурировать «божественного» и невероятного, даже абсурдного, тем охотнее военные власти, да и японская аудитория, это примут. На сцене непременно должен появиться герой древнего мифа — одинокий самурай, уничтоживший чужь ли не голыми руками сотни врагов. Подобные сказки и преувеличения, которые, казалось бы, могут вызвать только недоуменную илинисходительную усмешку, воспринимаются японцами вполне серьезно — в них видят лишь подтверждение истинного боевого духа Японии. Если бы кто-нибудь взял на себя труд собрать все официальные коммюнике, переданные прессе японским военным командованием, то у него составила бы самая забавная коллекция невероятных историй, которые можно было бы назвать нелепыми и неудачными шутками, если бы это не были официальные документы».

Вот официальное сообщение о сражении при Сунбэй, составленное для прессы командующим расквартированной в Харбине дивизии генералом Тамоном:

Из официальных источников. 26 мая. 18 мая 1932 года отряд японских солдат в 1.200 штыков столкнулся в районе Сунбэй (деревня в нескольких километрах от Харбина) с бандой численностью

более 8 тысяч человек, хорошо вооруженной винтовками советского производства и пулеметами. После упорного сражения, продолжавшегося более шести часов, в ходе которого применялись штыковые атаки, бандиты, благодаря непреодолимой храбрости наших бойцов, были обращены в бегство, оставив на месте боя 1214 человек убитыми и 763 ранеными. Наши потери — 14 убитых и 31 раненый.

Командующий дивизии
Генерал Тамон

Если обратиться к реальным фактам, то вся эта история должна выглядеть примерно так.

В сражении при Сунбэй японский отряд численностью 3,5 тысячи человек атакован значительными силами нерегулярной армии. После отчаянного сопротивления японцы вынуждены отступить к Сунгари и занять глухую оборону в рыбацкой деревне на берегу. Дождавшись наступления темноты, они переправляются через реку на рыбацких лодках под жестоким огнем нерегулярных частей. Из 3,5 тысяч человек только 1676-ти, большинство из которых ранено, удается достичь противоположного берега. Шесть дней спустя, когда прибывшие в качестве подкрепления усиленные японские части захватывают Сунбэй, они обнаруживают 907 трупов своих солдат на пространстве между деревней и рекой: все трупы раздеты — их форму партизаны уносят с собой. В течение следующих двух недель еще около 530 трупов найдено в реке — среди них и тело полковника, командира отряда. 27 мая глава японской военной миссии в Харбине получает письмо от командира нерегулярных войск, в котором тот сообщает: у него в качестве военнопленных находятся 382 японских солдата и 11 офицеров. Предлагается обмен пленными...

«Японский солдат, будучи «сыном Богов», не может быть побежден». Эта фундаментальная черта японского менталитета находит отражение не только в сводках о серьезных военных делах, но и в рядовых сообщениях, проявляется в самых простых, обыденных вещах. Скажем, японский жандарм останавливает в Харбине на Аптекарской русского и пытается его обыскать. Русский, нагруженный до воротника водкой, хватается японца за шиворот, отнимает револьвер и устраивает самураю такой мордобой, что тот остается на мостовой со сломанной рукой и про-

ломленным черепом. Младший инспектор уголовной полиции Федоров арестовывает пьяного русского, отводит в полицейский участок и составляет протокол, в котором излагает, как было дело. На следующее утро начинается суматоха. Начальник японской жандармерии вызывает Федорова и устраивает ему форменный разнос, угрожая разжалованием и даже расстрелом.

— Как вы только посмели написать, что какой-то пьяный русский сумел разоружить и избить японского жандарма?! Вы нанесли оскорбление всей японской армии, божественному японскому Императору!.. Отправляйтесь к себе и составьте другой протокол, предварительно хорошенько подумав, что в нем надо написать.

Бедняга Федоров в растерянности. Он обращается к японскому адвокату Исибаси, и в результате на свет рождается новый текст протокола, веселивший харбинскую полицию в течение всего следующего месяца:

Уголовная полиция г. Харбина.

Протокол № 013/33 от 6 июня 1933 года.

В 10 часов вечера 5 июня 1933 года жандарм Синтаро Какехи столкнулся на Аптекарской улице с группой из 20 молодых коммунистов, нарушавших тишину и покой обывателей. В ответ на приказ Какехи прекратить бесчинства и разойтись, пьяные коммунисты напали на мужественного представителя закона и избили его палками. Японский жандарм, как и подобает истинному самураю, защищался, проявляя незаурядное мужество, и, хотя и получил серьезные травмы, сумел все-таки отбиться от нападавших, арестовать их главаря и отвести его в участок. После чего потерял сознание.

В качестве младшего инспектора полиции Маньчжоу-Го считаю своим долгом привлечь внимание высших японских властей к мужественному поведению жандарма Синтаро Какехи, этого достойного представителя славной японской армии, истинного самурая, чей героизм достоин удивления и восхищения.

Младший инспектор уголовной полиции А. Федоров
Начальник отделения
И. Попков

Три месяца спустя жандарм Синтаро Какехи получает медаль за проявленную доблесть.

ГЛАВА 9. КОМИССИЯ ЛИТТОНА

Превентивные меры. Хунхузы в роли жандармов

Система и Флаг государства. Народное движение за создание нового независимого государства стихийно ширилось, захватывая все более народные массы.

25 февраля (1932) Северо-Восточный Административный комитет выработал основной план государственного строительства и тезисы управления им.

28 февраля Комитет, закончив свою работу, утвердил от имени правительства Маньчжоу-Го и обнародовал следующее:

1. Наименование государства — Маньчжоу-Го.
2. Глава государства — Верховный правитель.
3. Государственный флаг — Пятицветный.
4. Эра государства — «Дай-Хо» — «Да-Тун».
5. Базис государственной политики — Принцип Народного Управления.
6. Столица государства — Синьцзин (бывший Чанчунь).

Государственным стягом принять пятицветный флаг, состоящий из желтого, красного, синего, белого и черного цветов, символизирующих:

Красный цвет — страсть, преданность, верноподданничество.

Синий цвет — молодость, свежесть, благоденствие (процветание).

Белый — гуманность, мир, справедливость.

Желтый — цвет Маньчжурии — прицветствие.

Такое значение цветов флага было первоначально утверждено 28 февраля 1932 года, но 6 февраля 1933 года кабинет министров вынес постановление о значении цветов флага, а именно:

Желтый цвет — Центр.

Красный — Юг.

Синий — Восток.

Черный — Север.

В целом, таким образом, государственный флаг символизирует: Маньчжоу-Го — цитадель распространения принципов Ван-Дао на четыре страны света.

Веспа возвращается в Харбин 1 мая. До приезда комиссии Лиги наций во главе с лордом Литтоном остается всего десять дней. Различные полицейские ведомства города получают официальное, но

негласное указание:

Циркуляр ЯВМ II

**Распоряжение Координационного штаба полицейских служб г. Харбина № 108/32: ГФ.
(Секретно)**

Всем департаментам, находящимся в подчинении Координационного штаба полицейских служб г. Харбина накануне прибытия Комиссии Лиги наций и в период ее пребывания на территории Маньчжоу-Го надлежит: а) установить самый тщательный контроль и наблюдение за несанкционированными контактами членов означенной Комиссии; б) в случае необходимости подвергать аресту те лица, кто замечен или подозревается в намерениях представить означенной Комиссии (и, соответственно, Лиге наций) какую-либо жалобу или иные устные и письменные свидетельства, материалы, документы и т. п., компрометирующие власти Маньчжоу-Го; в) немедленному аресту подлежат также лица, замеченные или заподозренные в стремлении опорочить политику Японии в Северо-Восточном Китае.

(Без подписи)

Полицейская система Маньчжоу-Го. Нечто невероятное. Не имеющее, вероятно, аналогов. При японцах в Маньчжурии функционируют девять (!) полицейских служб:

1. Японская разведывательная служба (начальник ее назначается Токио и отвечает за свои действия только перед Токио);

2. Японская жандармерия (подчиняющаяся японским военным властям);

3. Жандармерия Маньчжоу-Го (подчиняющаяся военным властям Маньчжоу-Го);

4. Государственная политическая полиция Маньчжоу-Го (действующая под руководством Министерства внутренних дел Маньчжоу-Го);

5. Городская полиция (контролируемая муниципальными властями);

6. Японская консульская полиция (подчиняющаяся Японскому консульству);

7. Криминальная (уголовная) полиция (подчиняющаяся муниципальным властям, но действующая независимо от городской полиции);

8. Государственная разведывательная служба (при Военном министерстве Маньчжоу-Го);

9. Железнодорожная полиция (в веде-

нии железнодорожной администрации).

Каждое из названных полицейских учреждений функционирует независимо от всех прочих. Более того, вместо координации своей работы, они действуют в оппозиции друг к другу, в их взаимоотношениях доминируют плохо скрываемые подозрительность, ревность и враждебность, если не ненависть. Фактически, вместо выполнения своих прямых функций, главной обязанностью каждого департамента становится слежка за своими коллегами и их дискредитация. Нередки случаи, когда одна из полицейских организаций настойчиво преследует и даже арестовывает какого-либо человека, считая его социально опасной или просто подозрительной личностью, а другая провозглашает его достойным гражданином и образцом для подражания. Скажем, случай с поляком Ковальским, бывшим миллионером, которого военные власти собирают в конце концов до нитки, и он, видя, что не в состоянии заплатить по всем векселям, объявляет себя банкротом. На суде Государственная разведслужба, а чуть позже и муниципальная, берут его под защиту, утверждая, что это порядочный и честный человек, стоящий выше всяких подозрений; но политическая полиция и жандармерия продолжают настаивать, что Ковальский — отъявленный негодяй, способный на любое преступление. Заседание суда время от времени прерывается спорадическим и откровенным смехом публики.

Нетрудно догадаться, что приказ задерживать всех «подозрительных лиц», которые намерены, или просто «могут», так или иначе представить какую-либо негативную информацию комиссии Литтона, становится просто подарком для различных полицейских служб Харбина.

В приказе обозначено, что все аресты должны производиться ночью. И вот теперь, как только наступает темнота, полицейские департаменты отряжают своих людей на охоту; проявляя завидную осведомленность, они арестовывают наиболее состоятельных горожан. Цель каждой такой акции — солидный выкуп. Это, конечно, не делает полицейским чести уже само по себе, но еще хуже то, что дело, как правило, на этом не кончается: человек, заплатив, скажем, жандармерии и полагая, что уж теперь-то он свободен, становится жертвой другой полицейской службы — опять он арестован и опять надо платить выкуп. Некоторые богатые китайцы проходят через подобную про-

цедуру по шесть, а то и семь раз, их выдают до конца.

Все арестованные «подозрительные лица» в соответствии с приказом японских властей должны содержаться за решеткой до отъезда комиссии Лиги наций. Их сажают в общие камеры с уголовниками. Многим из них удается выйти за ворота тюремного здания на Коммерческой только через месяц или полтора после отъезда комиссии.

Подготовка к приему комиссии самая тщательная. Японцы поручают заметным в харбинском обществе фигурам, китайцам и русским, сформировать комитеты для сбора подписей и вручения лорду Литтону петиций, с выражением энтузиазма по поводу славного настоящего и захватывающего будущего Маньчжоу-Го. Сформирован и комитет по приему комиссии. Всем его членам даны строгие инструкции по поводу того, как себя вести в той или иной ситуации; они должны выучить наизусть, что, когда и где говорить.

Встреча властей Маньчжоу-Го с комиссией Лиги Наций. Второй справа — лорд Литтон

В результате лорд Литтон примет в Харбине, в числе прочих, и делегацию белоэмигрантов, «пострадавших во время советско-китайского конфликта 1929 года». Среди членов делегации такие влиятельные фигуры, как Колокольников, Вержбицкий, Коробов, Шильников. Они назовут главными виновниками напряженной обстановки в Маньчжурии советские и китайские власти:

«Такая делегация, в составе представителей ряда эмигрантских организаций, 17 мая была принята обследовательской комиссией Лиги наций в помещении британского консульства в Харбине. Вручая свои доклады, члены делегации пояснили:

«Мы апеллируем к мировому общест-

венному мнению и мировой совести».

В дальнейшей части речи, обращенной к членам комиссии Лиги наций, возглавлявший делегацию, ныне покойный, В. И. Колокольников указал:

«Не приходится нам, русским эмигрантам, закрывать глаза на то, что если бы новое, неокрепшее еще государство, не выдержало бы натиска враждебных сил, если бы оно на первых же шагах своей ответственной работы лишилось поддержки со стороны культурного мира, Маньчжурия неизбежно сделалась бы достоянием коммунистов и стала бы недоступной не только для русской эмиграции, но и для всего цивилизованного мира».

Составленные объединенными силами эмигрантских общественных организаций и врученные комиссии Лиги наций исчерпывающие доклады рисовали полную картину того ужасающего положения, которое переживала российская эмиграция как в правовом, так и в экономическом отношении при старых маньчжурских порядках».

**Великая Маньчжурская Империя.
К 10-летию юбилею.**

Наиболее фешенебельный харбинский отель «Модерн» оказывается в настоящей осаде. Комнаты по соседству с апартаментами, предназначенными для руководящих членов комиссии Литтона, заняты японскими и русскими агентами Государственной политической полиции, играющими роль постояльцев. Еще три агента изображают клерков администрации, другие — коридорных, посыльных, при-

Сестры Марининской общины на торжестве открытия Памятника борцам с Коминтерном

слугу, официантов. Десятки агентов получают назначения в ресторан, библиотеку, комнату для приемов и различные посты вокруг самого отеля. Такие же меры предосторожности приняты в крупнейших магазинах, театрах и ресторанах города. 1360 китайцев, русских, корейцев и девять «подозрительных» японцев, которые, по мнению властей, могут организовать демонстрации в ходе пребывания комиссии Литтона, арестованы и отправлены в концлагерь Сунбэй на другом берегу Сунгари, в шести километрах от Харбина.

Следующим шагом в организации шоу становится обеспечение шумного общественного энтузиазма. Сотни тысяч пятицветных флажков «Маньчжоу-Го» и дешевых портретов Пу И отпечатаны по цене 3 цента за флажок и 2 цента за портрет. Не только поголовно все харбинцы, но и все китайцы, русские и корейцы, живущие вдоль железной дороги, обязаны купить флажок и изображение Пу И по доллару за штуку. Формируются специальные «патрули по продаже Государственного флага и портрета Пу И», в которые входит «интернациональный набор» — китаец, русский, кассир-японец и эскорт из двух жандармов. Десятки подобных команд ходят от дома к дому и принуждают население покупать флажки и портреты под угрозой ареста главы семьи.

Приезд комиссии Литтона ожидается 10 мая 1932 года.

Шеф Веспы, судя по всему, теряет голову. Он отдает приказы, отменяет их, отдает новые. Несколько человек арестованы, потом отпущены. 4 мая шеф посылает за Веспой:

— Вечно вы ничего не знаете. Обо всем узнаете только от меня. Что, черт возьми, маршал Чжан Цзолин мог найти в вас — никак не могу постичь. Почему повышал по службе, за что платил деньги?.. Ладно, слушайте. Знаете ли вы Чжан Фэнтиня и Мо Вэньхуана?

Разумеется, Веспа знает. Первый — миллионер, президент Харбинского биржевого комитета, владелец и президент около двадцати финансовых организаций. Второй тоже очень богат, хозяин универсального магазина «Дунфалу».

— Эти двое готовят петицию за подписанием богатых купцов. Намерены ее тайно вручить комиссии Литтона. Один из моих японских агентов доставил эту информацию несколько часов назад. Ваша задача — добиться любыми средствами, чтобы эта петиция попала к нам в руки.

Если удастся, мы сможем передать этих правдолюбцев Военному трибуналу, обвинив их в государственной измене. Что, разумеется, повлечет за собой конфискацию всего их имущества. А это более ста миллионов долларов. Сумма, которой японская армия найдет достойное применение... Установите за ними слежку. Следите за каждым иностранцем, который их посетит — у меня такое предчувствие, что они попытаются передать свою бумагу через иностранца.

— Все это прекрасно, но мои агенты работают по 24 часа в сутки и у меня нет дополнительного персонала, чтобы оказывать жандармерии подобные услуги.

— И этот момент учтен. Действительно, все полицейские службы крайне заняты, и этими двумя китайцами займется Инь со своими хунхузами. Жандармерия выдаст им удостоверения спецагентов на короткое время. Но они будут работать под руководством Иня, которому вы, в свою очередь, будете давать соответствующие инструкции.

— Вы думаете, им можно доверять? Ведь они же бандиты. Только дай им власть в руки, а уж они найдут способ, как ею злоупотребить. Кроме того, вам хорошо известно, в каком тряпье они ходят — типичные китайские кофты и халаты, засаленные и залатанные. К тому же этот отличительный признак, от него они никогда не откажутся — кусок красной материи, которой перевязывается оружие — винтовка, револьвер или просто нож. Вряд ли у них будет соответствующий вид для спецагентов.

— Я позаботился и об этом. Мы предоставим Иню 500 комплектов униформы армии Маньчжоу-Го. Это решит проблему. Что касается их возможного самоуправства — то мне на это наплевать. Единственное, что имеет значение — ни один случайный человек не должен получить доступ к членам комиссии.

Три дня спустя пятерки «спецагентов» в военной форме размещаются в доме каждого богатого китайца в качестве «особого почетного караула». Другие патрулируют соседние кварталы, следя за всеми, кто наносит визиты их клиентам. Правда, люди Иня, против ожидания, весьма горды тем доверием, которое им оказано, строго и честно исполняют возложенные на них обязанности. Более того, уже после отъезда комиссии Литтона многие из них не захотят вернуться в ряды

хунхузов, и подадут заявления с просьбой принять их на постоянную службу в полицию.

Не пишите писем

9 мая 1932 года в четыре часа утра специальный поезд комиссии Лиги наций подходит к перрону Харбинского вокзала. Еще накануне вечером все прилегающие к вокзалу улицы заполняются полицейскими — китайцами и русскими — в форме Маньчжоу-Го и штатском. Японские мундиры, напротив, неожиданно совершенно исчезают с харбинских улиц.

Официальная церемония приветствия. Лорд Литтон и члены комиссии направляются к выходу. В этот момент какой-то кореец, стоящий в почетном карауле в полицейской форме Маньчжоу-Го, пытается вручить лорду Литтону письмо. Он успевает только выйти из строя, когда его окружают японские жандармы и заталкивают за кордон солдат.

Кореец немедленно арестован и доставлен к шефу Веспы. Выясняется, что зовут его Ким Ку Ок. Он уже 7 лет служит в японской жандармерии. В своем письме, написанном по-корейски, он спрашивает, почему Лига наций так обеспокоена судьбой Маньчжурии, оккупированной японцами всего несколько месяцев назад, тогда как Корея страдает от оккупации уже долгие годы.

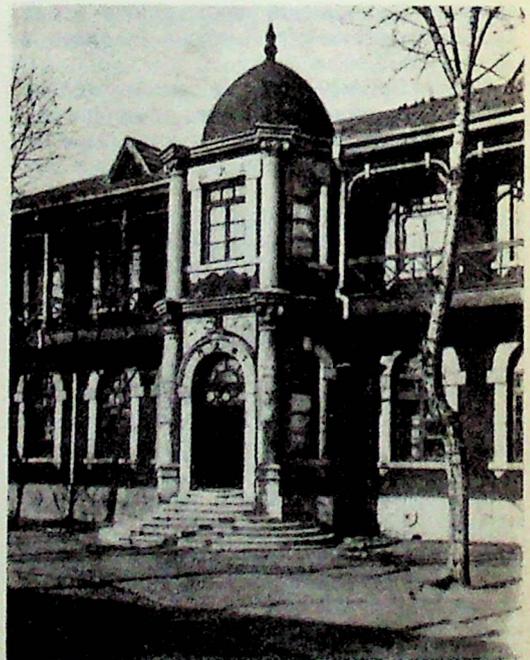
В тот же вечер, около девяти часов, когда члены комиссии Литтона поднимают бокалы на своем первом банкете в Харбине, Ким проходит на допросе через «физическое воздействие I-й степени». Шеф японской разведслужбы принимает непосредственное участие в допросе. Кореец молчит. Даже если кто-то и надумил его написать подобное письмо, он никого не выдает. Шеф выходит из себя и утрачивает над собой всякий контроль. Кому вырывают ногти на ногах и руках, выворачивают руки из суставов, обжигают ступни спиртовой лампой... В окончательном пароксизме жестокости шеф Веспы, образованный человек, выкальвует корейцу глаз самопишущим пером, которым заполнял только что бумаги. Двумя часами позже Кима, полумертвого, относят на ближайшее кладбище и приканчивают выстрелом в затылок.

Комиссия Литтона так и не узнает, что произошло с Ким Ку Ок. Не узнает она и того, что за 14 дней ее пребывания в Харбине пятеро китайцев и двое русских

были расстреляны японцами только за то, что тоже пытались передать членам комиссии письма протеста. Лорд Литтон и его спутники не узнают, что 13 мая в 9.30 утра русский юноша, студент Политехнического училища, был убит на втором этаже отеля «Модерн» опять-таки за попытку вручить главе комиссии письмо с протестом против закрытия своего учебного заведения. Не узнают члены комиссии, что около 150 китайцев и 50 русских были арестованы за то, что просто оказались поблизости от отеля «Модерн»; и что родители под угрозой ареста вынуждены были посылать своих детей для участия в отрепетированных демонстрациях и парадах, на которых полагалось размахивать пятицветными флажками и скандировать «Да здравствует Маньчжоу-Го!»

Но кое-что Лорду Литтону и его спутникам все-таки станет известно. Несмотря на то, что к каждому члену комиссии приставлено по четыре агента для пресечения всяческих «нежелательных контактов», такие контакты имеют место. Кроме того, японские «потемкинские деревни», скроенные на скорую руку, не всегда и не всех могут обмануть.

Из доклада главы Комиссии лорда Литтона, прочитанного в Лиге наций:

Дворец Пу И в Синьцзинь

«Письма, которые мы получили от фермеров, мелких торговцев, городских рабочих и студентов, в полной мере отражали чувства, испытываемые их авторами. После возвращения Комиссии в Пекин в июне, вся эта масса корреспонденции была переведена, разобрана и проанализирована целым штатом экспертов, специально для этого созданным. Из 1,5 тысячи писем все, за исключением двух, выражали негативное отношение авторов к новому «правительству Маньчжоу-Го» и японцам.

Высшие должностные лица администрации «Маньчжоу-Го» занимают свои посты в силу различных причин. Многие из них находились на службе у прежнего режима и были оставлены на прежних постах либо с помощью каких-то стимулов, либо при помощи угроз. Некоторые из них направляли в Комиссию записки, в которых сообщали, что были вынуждены остаться при должностях в силу принуждения со стороны японцев.

Главы правительства «Маньчжоу-Го», как и местных администраций — чистокровные китайцы. Японцы занимают только посты «советников». Но организованная здесь система такова, что предоставляет этим официальным «советникам» различные возможности не только подавать какие-то технические советы, но и строго контролировать все действия местных властей и фактически руководить подчиненной территорией.

Внимательно изучив свидетельства, представленные нам в ходе публичных и частных бесед, в письмах и различных письменных документах, мы пришли к выводу, что среди китайцев не существует никакой поддержки правительству «Маньчжоу-Го», которое рассматривается местным населением как орудие в руках японцев».

Продолжение следует

Конференция по уйгуроведению в Алма-Ате

3—5 июня 1991 года в Алма-Ате, в Институте уйгуроведения АН Казахской ССР состоялась II Республиканская уйгуроведческая конференция.

Конференция была запланирована как внутривнутриреспубликанское научное мероприятие. Однако в ее работе приняли участие ученые из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ташкента, Бишкека, Пржевальска, Оша, а также США, Германии, КНР, что превратило ее, по существу, во всесоюзную, а в известной мере даже и в международную. Примечательно, что она вызвала большой интерес не только у ученых-уйгуроведов, но и у самого широкого круга уйгурской интеллигенции, представители которой также выступали с интересными сообщениями и предложениями при обсуждении докладов.

Конференцию открыл вице-президент АН Каз. ССР, академик Ж. М. Абдильдин. С докладом «Уйгуроведение в системе общественных наук АН Каз. ССР: современное состояние, проблемы, перспективы» выступил директор Института уйгуроведения, член-корреспондент АН Каз. ССР Садвакасов Г. С. (Алма-Ата). Докладчик отметил, что за последние 40 лет центром уйгуроведческих исследований выступает Казахстан. За эти годы успешно функционировал Отдел уйгуроведения при Институте языковедения АН Каз. ССР, подготовлена большая группа специалистов-уйгуроведов, изданы фундаментальные труды по языкознанию, истории и литературоведению, что и создало необходимые предпосылки для организации в 1986 г. Института уйгуроведения в системе Академии наук Казахской ССР.

Работа конференции проходила в четырех секциях. На секции «Языкознание» (руководители: академик АН Каз. ССР А.-А. Т. Кайдаров, д. ф. н. Д. М. Насилов, к. ф. н. Г. И. Семятова) было заслушано 20 докладов.

На заседании секции «История и этнография» (руководители: д. и. н. С. Г. Кляшторный, Г. М. Исхаков, к. и. н. А. К. Камалов) было заслушано 19 докладов. Тематика их охватила вопросы этнической и политической истории уйгуров, их этно-культурного развития, современной общественно-политической ситуации в жизни уйгуров СССР и СУАР КНР.

(Продолжение см. на стр. 181).

В. СИДХМЕНОВ

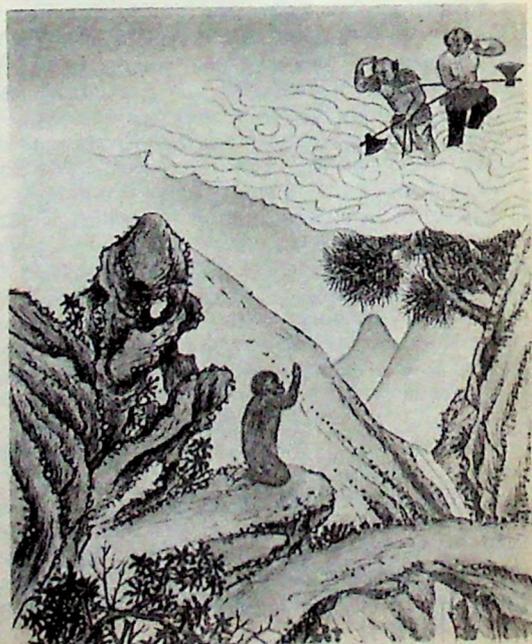
1992 год, согласно китайскому гороскопу, значится под знаком зодиака «обезьяна», которая в мифах древнего Китая занимает особое место.

В старом Китае обезьяна почиталась как всемогущее священное животное. Она контролировала поведение демонов, ведьм, колдунов, даровала хорошее здоровье, изгоняла злых духов. Считалось, что болезни, недуги, неудачи по службе, убытки в торговле порождались влиянием демонов и ведьм, а прежде всего — невниманием к духу обезьян.

Наиболее выдающимся из обезьяньего племени считается царь обезьян Сунь Укун (или Сун Хоуцзы). Легенды о его невероятных проделках получила широкое распространение в Китае. Картинки с изображением этой удивительной обезьяны печатались миллионами экземпляров, их можно было увидеть почти в каждом крестьянском доме. Его изображение встречалось в даосских и буддийских храмах и было предметом поклонения.

Прохождение фантастического существа царя обезьян Сунь Укуна стало основным сюжетом популярного романа «Путешествие на Запад», написанного в XVI в. знаменитым китайским писателем У Чэньэнем. Этим романом зачитывалось не одно поколение китайцев; он стал неотъемлемой частью китайской культуры, историей ее становления и развития.

Герой романа царь обезьян Сунь Укун устроил грандиозный переполох в Небесном царстве, проявив при этом полнейшее неуважение к святым. Он обладал отчаянной сме-

Рождение обезьяны

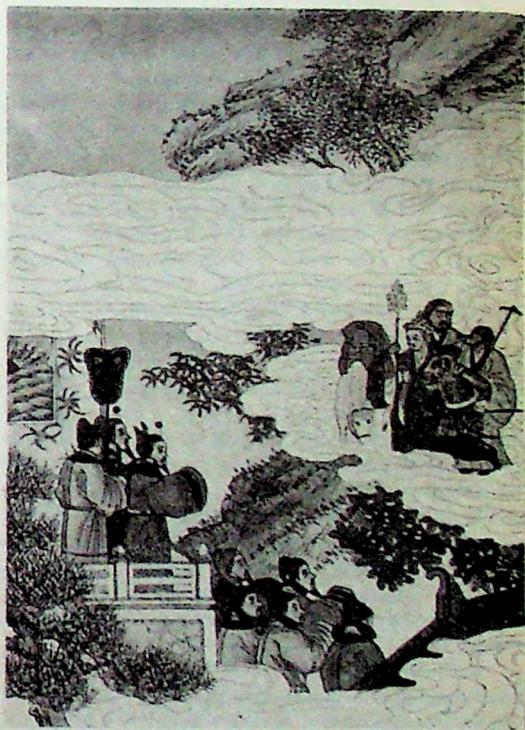
лостью и ловкостью, проявлял большую изобретательность в борьбе с нечистью. Мятажный дух Сунь Укуна, его отрицание авторитета всех владык неба, земли и ада воспринимались читателями романа как протест народа против духовной и политической деспотии.

О проделках царя обезьян Сунь Укуна существуют удивительные легенды. Воспроизведем одну из них.

В Восточном Китае, где-то над морями, находилась гора Хуаго. На самую вершину горного пика ветер занес яйцо, из которого вылупилась каменная обезьяна. Появившееся на свет необычное существо приветствовало четыре стороны света, а из его глаз исходил блестящий, огненный свет, озарявший дворец Полярной звезды. Обезьяна обладала способностью преодолевать высочайшие горы и прыгать над водными гребнями. За необыкновенную ловкость ее избрали в обезьяньем мире царем обезьян. И тогда он захотел стать бессмертным.

18 лет Сунь Укун путешествовал по морям и суше и постепенно приобрел манеры и привычки людей, одевался и говорил как обычный человек. Только черты лица выдавали его происхождение. Во время дальних путешествий Сунь Укун познакомился с бессмертным духом по имени Пути, который научил его летать по воздуху и перевоплощаться в 72 различные формы. Одним прыжком Сунь Укун мог преодолевать расстояние в 108 тысяч ли.

Вернувшись на гору Хуаго, царь обезьян убил злого духа Хуньши, который жестоко обращался в его отсутствие с обезьяньей стаей. Затем он организовал из своих сородичей

Возвращение царя обезьян Сунь Укуна и пленников из Индии в Китай

Наставник Сюань-чуань

огромную армию из 47 тыс. воинов, которые защищали обезьян и обеспечивали мир в этом районе.

Однако у царя обезьян не было достойного его оружия, и он просил царя-дракона Восточного моря Лун-вана подыскать ему такое оружие. Лун-ван одарил Сунь Укуна металлической палочкой, которая могла увеличиваться до бесконечных размеров и уменьшаться так, что ее можно было спрятать в собственное ухо. С помощью такого оружия царь обезьян наводил страх на четыре морские царства.

Наставником царя обезьян был паломник Сюань-чуань, символизировавший человеческую совесть. Его священная одежда олицетворяла собой результаты труда по очищению человеческой природы и защищала от тысячи злых существ, окружавших наставника и добивавшихся его падения.

Поскольку обезьяны падки на всевозможные выходки Сюань-чуань обязал Сунь Укуна носить на голове шлем. Этот шлем якобы сдавливал голову царя обезьян всякий раз, когда он совершал неразумные поступки и приводил его в нормальное состояние.

Сунь Укун не признавал никаких авторитетов — ни земных, ни небесных, смело критиковал небесные власти, вступал с ними в борьбу, не боялся никаких духов, был абсолютно непримирим ко всякой подлости, предательству, несправедливости и угнетению.

Стараясь как-то обуздать самоуправство Сунь Укуна, соседние правители устроили пышное пиршество и споили его. Возвращаясь домой в сильном опьянении, он упал на землю и крепко уснул. Пока Сунь Укун спал беспробудным пьяным сном, царь-дракон пожаловался Янь-вану — владыке ада на царя обезьян, который своим поведением беспокоил его морское царство.

Спящего Сунь Укуна крепко связали и отправили в преисподнюю, Придя в сознание, он увидел себя в аду. С помощью своей волшебной палочки царь обезьян разорвал кандалы, убил двух стражников, проник в царство владыки ада Янь-вана и пригрозил его разрушить. Он повелел десяти божествам ада принести Книгу живых и мертвых и вырвал из нее страницы, на которых значились имя царя обезьян и имена его сородичей. Владыке ада Янь-вану было сказано, что царь обезьян не подвластен смерти. После этого он с триумфом вернулся в родные места. Но на этом его злоключения не закончились.

Согласно даосской религии, всем миром сверхъестественных сил правит небесный император Юй-хуан (Нефритовый император), который является владыкой рая и ада. Верующие считали его человеческим воплощением Неба, поэтому он пользовался большой популярностью в китайском народе.

Нефритовый император, узнав о проделках Сунь Укуна, решил образумить его, назначив управителем небесной конюшни. Такая должность оскорбила царя обезьян, и он, опрокинув трон Нефритового императора, с помощью волшебной палочки открыл южные ворота неба и улетел на тучах в свои родные края — на гору Хуаго. Его поступок оскорбил небесные божества, и Нефритовый император решил организовать осаду горы Хуаго, где находилось обезьянье царство. Туда были посланы небесные войска, которые, однако, не могли одержать победу и отступили перед решительным сопротивлением обезьян.

В результате одержанной победы Сунь Укун присвоил себе звание великого святого и повелителя Неба. Он даже стал угрожать Нефритовому императору, что разрушит до основания его царство, если последний не признает почетного положения царя обезьян. Нефритовый император, напуганный военным поражением, пошел на уступки и определил Сунь Укуну должность управителя небесного персикового сада, плоды которого приносили бессмертие.

Как-то богиня Западного неба Сиванму устроила Праздник персиков, на который не был приглашен царь обезьян. Затаив обиду, он решил ей отомстить. Вскоре Сиванму созвала бессмертных на пиршество. Когда все было готово и яства расставлены, Сунь Укун произнес заклинание, от которого все слуги пиршества впали в состояние оцепенения. Пользуясь случаем, он отведал персиков бессмертия, съел и выпил все, что было приготовлено для торжества небесных покровителей. Выпитое вино сделало свое дело: царь обезьян опьянел, у него закружилась голова и глаза заволкло туманом. Наполнив персиками бессмертия пять тыквенных бутылей, он улетел на тучах в свой родной край — гору Хуаго и стал дважды бессмертным.

Такое поведение Сунь Укуна возмутило небесных покровителей, и они пожаловались Нефритовому императору. Он повелел занять гору Хуаго и пленить царя обезьян. Небесные воины накинули небесную сеть на гору Хуаго. И хотя проникнуть через такую сеть было невозможно, Сунь Укун, изменив свой облик, вырвался из западни. Однако его все же

изловили при помощи волшебного зеркала и небесной собаки, схватили и посадили на цепь.

Нефритовый император приговорил слушника к смерти, но возникло новое препятствие: Сунь Укун оказался неуязвимым. Его не брали ни меч, ни огонь, ни даже молния. И в этом не было ничего удивительного: ведь он отведал персиков жизни и проглотил пилюли бессмертия!

Тогда Нефритовый император повелел посадить пленника в особую печь, где в течение 49 дней поддерживалась очень высокая температура: так предполагалось удалить из его плоти элементы, сохранявшие бессмертие. Но и здесь царь обезьян не растерялся: он ухитрился приоткрыть дверку печи, выскочить и похитить волшебные снадобья алхимика. С помощью своей волшебной палочки он пригрозил расправиться со всеми небожителями.

Нефритовый император пришел в замешательство и даже стал побаиваться за свою жизнь. Он призвал на помощь Будду и попросил его уговорить царя обезьян.

— Почему ты пытаешься завладеть небесной обителью? — спросил Будда Сунь Укуна.

— А разве у меня нет силы быть божеством Неба, — последовал дерзкий ответ.

— Какими способностями ты обладаешь? — поинтересовался Будда.

— У меня бесчисленные способности. Я неуязвимый, бессмертный, могу принять 72 различных облика, умею летать по воздуху и одним прыжком преодолевать расстояние в 108 тыс. ли.

На это Будда ответил: «Если ты прыгнешь дальше моей ладони, я сделаю тебя управителем неба и земли». Сказав это, Будда схватил царя обезьян и выдворил его с неба. Затем, превратив свои пять пальцев в пять первоэлементов (металл, дерево, вода, огонь, земля), которые в свою очередь были превращены в «горы пяти первоэлементов», Будда заточил царя обезьян в эти горы, чтобы тот не мог больше устраивать беспорядки в небесном царстве.

Но заточение Сунь Укуна продолжалось недолго. В древности китайцы совершали длительные поездки в Индию для изучения индийских религиозных и научных трактатов. Во времена династии Тан (618—906 гг.) китайский монах Сюань-цзан, еще в молодости сделавшись ревностным буддистом, перечитал всю имевшуюся тогда в Китае переводную литературу по буддизму, и постоянно встречался с его проповедниками. Постепенно он пришел к выводу, что постичь сущность буддизма можно только на родине Будды — в Индии, куда и задумал совершить пономничество.

В те годы на выезд из Китая существовал запрет. В 629 г. Сюань-цзан тайно покинул родину и отправился в далекое путешествие, сопряженное с огромными трудностями и лишениями, требовавшее незаурядного мужества и стойкости.

Вместе с Сюань-цзаном в Индию направились два паломника. К ним присоединился и царь обезьян Сунь Укун. Он, как уже говорилось, сидел в заточении в горах, но был освобожден оттуда богиней милосердия Гуаньинь при условии, что согласится сопроводить паломников, отправлявшихся в Индию. Это путешествие длилось более 14 лет и проходило в невероятно трудных условиях. Только благодаря сверхъестественным способностям царя обезьян все закончилось благополучно.

Когда Сюань-цзан покидал столицу Китая, отправляясь в дальнейшее путешествие, император одарил его белой лошадей, которая предназначалась лично для паломника и для перевозки священных книг из Индии в Китай. Однако произошло непредвиденное: при переходе реки из ее глубоких вод появился дракон и проглотил лошадь вместе с седлом. Сунь Укун пытался обнаружить дракона, но его усилия не увенчались успехом. Тогда он обратился к богине милосердия Гуаньинь. С ее помощью дракон был обнаружен, наказан и превращен в белую лошадь.

Сунь Укун, сопровождая Сюань-цзана, проявлял строптивость, нарушал порядок, однако отличался храбростью, удалью, находчивостью, смелостью, с неизменным успехом преодолевал фантастические препятствия, возникавшие на их пути.

Паломники не раз встречались с миражом и колдовством. Однажды на царя обезьян свалилась целая гора, но ему не только удалось выскочить из-под нее, но еще и одурачить демонов, добыть себе обманным путем волшебную тыкву, волшебную веревочку и волшебную вазу.

Демоны не унимались. В результате их проделок паломникам не раз грозила смертельная опасность. Однажды богиня милосердия Гуаньинь появилась посреди дороги в виде пожилой женщины, которую сопровождал маленький мальчик. Она шла навстречу паломникам, чтобы предупредить их о грозящей опасности. Смерть грозила всем четверым. Они приближались к стране, где пытались искоренить религию. Жители принесли клятву каз-

нить десять тысяч священнослужителей. Им уже удалось умертвить почти всех, недостава-
ло лишь четверых главных, и они ожидали их прибытия.

Сунь Укун тотчас перевоплотился в светлячка, чтобы проникнуть к жителям и сориенти-
роваться в обстановке. Он выкрал тюрбаны для своих спутников. А когда им грозило разо-
блечение, царь обезьян перевоплотился в муравья. И тут же, вырвав несколько своих волос-
ков, превратил их в тысячу себе подобных обезьян, снабдил их снотворным снадобьем и
острыми лезвиями.

Обезьяны, усыпив всех жителей, обрили им головы, начиная от правителя и придвор-
ных, кончая их женами. На следующее утро в городе поднялась страшная суматоха —
все поголовно оказались наголо обритыми как буддисты. Таким образом были преодолены
препятствия на пути паломников к цели.

Путь паломников пролегал через пустыни и горы. Они часто терпели холод и голод.
Однак в конце концов Сюань-цзан благополучно добрался до Индии, побывал в известных
буддийских монастырях, встречался со многими знаменитыми проповедниками, изучил
несколько индийских языков.

В 645 г., т. е. спустя более 15 лет, Сюань-цзан, преодолевая всевозможные препятст-
вия, достиг пределов Индии. Он пересек 400-километровую каменистую пустыню, прости-
равшуюся в пограничных районах между провинцией Ганьсу и Синьцзяном, затем в течение
семи суток преодолевая перевалы у высочайшей вершины Тяньшаня, где на каждом шагу
его подстерегала смертельная опасность. Из Индии в Китай он привез более 600 буддий-
ских канонов. Написанный им труд «Записки о странах Запада» не только дает подробные
исторические и географические сведения, но и является выдающимся произведением древ-
ней литературы.

Паломников встречал сам Будда. Обратившись к Сунь Укуну, он сказал: «Ты был заклю-
чен под горой из пяти первоэлементов за учиненный тобой беспорядок в Небесном двор-
це до той поры, пока вся полнота небесного возмездия не обрушилась на твою голову, и ты
не раскалялся и не присоединился к святой буддийской вере. Теперь же ты стремишься не
совершать зла и лелеешь добродетель. Во время своего странствия на Запад ты подчинил
себе злых духов и демонов. За свои подвиги ты назначаешься «божеством победонос-
ного сражения». Так закончились приключения и подвиги царя обезьян Сунь Укуна, и
в небесном царстве воцарился мир.

Как только Сунь Укун был пожалован высоким саном, он, решив избавиться от сдавли-
вающего его голову шлема, обратился к своему наставнику Сюань-чуаню со словами:
«Ныне, когда я стал буддой, как и ты, мне бы хотелось, чтобы ты освободил меня от шлема,
надетого на мою голову в годы моего непослушания». Наставник ответил: «Если ты в самом
деле стал буддой, то шлем должен исчезнуть сам по себе. Уверен ли ты, что он все еще на
твоей голове?»

Сунь Укун поднял свою голову и почувствовал, что шлем исчез.

Белую лошадь, на которой ехал Сюань-цзан со своими священными книгами, Будда на-
правил к берегам «Пруда перевоплощения драконов». Стоило лошади погрузиться в воду,
как она моментально превратилась в четвероногого дракона с рогами, когтями, чешуей
и крыльями. С тех пор он стал главарем небесного отряда драконов.

Сюань-цзан проделал титаническую работу по переводу индийских сутр на китайский
язык. Он не только был прекрасным переводчиком буддийских сутр, но и сделал значитель-
ный вклад в дело культурной связи между древним Китаем и Индией, в особенности в рас-
пространении буддийской культуры в Китае.

В 664 г. знаменитый паломник скончался. Хоронили его как святого, жизнь которого
не кончилась с его физической смертью: он продолжал свое земное существование, но уже
в качестве легенды. И хотя паломник Сюань-цзан является исторической личностью, его
путешествие в Индию обросло бесчисленными легендами и преданиями, а сам он сделался
персонажем почти мифическим и для многих поколений буддистов стал символом святого
подвижничества.

В 20 км к югу от города Сиань (провинция Шэньси) находится буддийский монастырь
Синьцзяосы, построенный в 669 г. н. э. во времена Танской династии (618—906 гг.). На за-
падной части территории монастыря стоит пятиэтажная пагода, где, по преданию, покоится
прах Сюань-цзана. В монастыре хранилась каменная плита с изображением легендарного
монаха.

Царь обезьян Сун Укун с его сверхъестественными способностями, бесстрашием, сме-
лкой и хитроумием вот уже много веков является веселым любимцем китайского народа.

В 1986 г. в Пекине вышла в свет серия книжек «Царь обезьян», составленных по китайскому классическому фантастическому роману «Путешествие на Запад». В них рассказывается об удивительных странствиях буддийского монаха Сюань-цзана в Индию за священными буддийскими книгами. Его сопровождал царь обезьян Сунь Укун, проявивший необычайную смекалку и изворотливость.

В провинции Фуцзянь талантливый самородок из народа молодой резчик Линь Пунцюань по мотивам классического романа «Путешествие на Запад» вырезал свыше 20 различных образов царя обезьян Сунь Укуна. На сцене эта кукла буквально оживала: чудесная обезьяна то и дело меняла свой облик, то уносилась в небо, то пряталась в землю.

По мотивам приключения обезьяны Сунь Укуна была написана пьеса «Переполох в небесном царстве», завоевавшая всенародную популярность.

* * *

Характеристики людей, родившихся в год Обезьяны, в различных гороскопах не полностью совпадают. Ниже приведены характеристики людей, приведенные в двух вариантах гороскопа.

Первый вариант. Родившиеся в год Обезьяны ненадежны и противоречивы, умны, ловки, изобретательны, легко и оригинально разрешают самые сложные проблемы. В любом деле могут добиться успеха, но их легко переубедить. Хотят сделать все сразу, но любое, даже мелкое препятствие, способно испортить им настроение и сорвать все их планы. Многие из них отличаются большим самомнением, умеют принимать решения и обладают здравым смыслом. На первом месте у них любознательность, много читают, много знают, у них великолепная память. Темпераментны, своевольны, вспыльчивы, но отходчивы.

Второй вариант. Родившиеся в год Обезьяны любознательны, страстны, имеют хорошую память и твердый характер, но болтливы, а иногда этим портят себе судьбу. С возрастом их планы сбываются реже.

Мы привели два варианта гороскопа, в котором дается характеристика людей, родившихся в год Обезьяны (1908, 1920, 1932, 1944, 1956, 1968, 1980, 1992). Пусть каждый читатель по своему усмотрению применяет к себе любой гороскоп, если он верит в предсказания.

(Начало см. на стр. 175).

23 доклада было заслушано на заседании секции «Литературоведение и искусствоведение» (руководители: член-корреспондент АН Кыргызстана А. И. Нарынбаев, к. ф. н. М. Абдрахманов, С. Моллаудов). Об особенностях становления и развития уйгурской литературы, о творческой деятельности видных ее представителей, а также о ее проблемах и трудностях говорилось в докладах Б. Алахуновой, Р. Юсупова, А. Хамраева, Х. К. Хамраева (Алма — Ата), М. Рахмаевой (Ташкент).

На заседаниях секции «Современные проблемы социально-экономического и культурного развития уйгуров» (руководители: к. философ. наук К. Талипо, д. э. н. К. Ш. Абдуллаева, к. э. н. Ш. М. Надыров) было заслушано 13 докладов в которых был дан анализ современных проблем районов компактного проживания уйгуров Казахстана, различных сторон общественной жизни Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, где проживает основная часть уйгурского народа, и рассмотрены актуальные проблемы дальнейшего расширения экономических и культурных связей Казахстана и СУАР КНР.

На заключительном пленарном заседании подведены итоги конференции и была принята ее Резолюция, в которой отражены рекомендации секций, намечены перспективные направления научно-исследовательской работы в области уйгуроведения.

В целом II Республиканская уйгуроведческая конференция показала, что за последние годы тематика уйгуроведческих исследований значительно расширилась и весьма интенсивно разрабатывается не только признанными учеными-уйгуроведами, но и молодыми исследователями, число которых заметно увеличилось. Участниками и гостями конференции выдвинуто предложение о создании Всесоюзной Ассоциации Уйгуроведов, что также нашло отражение в Резолюции конференции.

Праздники четырёх времен года

М. СОЛНЦЕВ, Б. РЫЧИЛО

Предлагаем читателю совершить с нами экскурсию в четыре времени пекинского года, взглянуть на то, как живут сегодняшние горожане, какие отмечают праздники и каким традициям следуют.

В Китае тысячелетиями пользовались лунным, или сельскохозяйственным, календарем, сложившимся в колыбели китайской нации — бассейне Хуанхэ (Желтой реки). В 1911 г. произошла буржуазная революция и на съезде представителей всех провинций было решено перейти на григорианский календарь. С этого времени официально новый год начинается 1 января, а летосчисление повели с момента образования Китайской Республики (прежде по традиции каждый император вводил свое летосчисление). В 1949 г. в молодой Китайской Народной Республике перешли к общепринятому календарю (от «рождества Христова»), и только на острове Тайвань сохраняется отсчет времени с 1911 г.

Тем не менее традиции оказались сильнее нововведений, и лунный календарь, по которому год начинается с праздника Весны, не был предан полному забвению.

Чуньцзе — или праздник Весны — остался самым большим и любимым в Китае. После «культурной революции» он возродился почти во всем богатстве и разнообразии связанных с ним народных традиций. Сельское население в большей степени сохранило обрядовую сторону праздника, чем жители городов, тем более столицы, однако, по сути, любой китаец связывает с Чуньцзе надежды на будущее семейное счастье, здоровье и благополучие.

Праздник Весны считался началом нового года со времен императора У-ди (140—86 гг. до н. э.). Он наступает в полночь второго новолуния после дня зимнего солнцестояния (22 декабря). По-

этому праздник Весны по григорианскому календарю приходится в разные годы на разные даты, с конца января до второй половины февраля.

В Пекине приближение Чуньцзе ощущается уже за несколько недель до праздника. Задолго начинается переписка между родственниками, живущими в разных городах, провинциях, а зачастую и за границей. Смогут ли они повидаться в праздник Весны? Ведь общий семейный сбор в эту ночь — традиция, освященная тысячелетиями. Накануне Чуньцзе в школах и университетах начинаются каникулы, в учреждениях — разгар сезона отпусков. Сотни тысяч людей штурмуют кассы вокзалов. Тут же шныряют спекулянты железнодорожными билетами. У полиции сразу прибавляется масса дел: приходится заниматься и спекулянтами, и досконально проверять багаж пассажиров, чтобы не допустить в вагоны опаснейший груз, ставший уже причиной многих трагедий на железной дороге, — хлопушки.

Эти хлопушки — неременный атрибут Чуньцзе. Ведь перед праздником повсюду делают генеральную уборку: моют окна, в комнатах вытирают пыль и убирают грязь со двора. А как быть с «нематериальным» мусором? С IV в. н. э. в Китае появился обычай бросать в предновогодний вечер в печь бамбуковые палочки, которые, сгорая, своим треском отгоняли от домашнего очага «злых духов». Позднее бамбуковые стреляющие палочки (по-китайски — баочжу) были заменены пороховыми хлопушками, но за ними осталось прежнее название. Сейчас в Пекине в канун праздника торговля «пиротехникой» идет повсюду и покупателю предлагается богатейший выбор: здесь и обыкновенные, с треском разрывающиеся хлопушки, и ракеты, высоко взрывающиеся с длинных деревян-

ных спиц, и длинные картонные трубки, выстреливающие целую серию шипящих разноцветных ракет, и гирлянды последовательно соединенных небольших петард, производящих эффект бесконечной пулеметной очереди... Однако в последние годы в столице, да и других городах страны власти предпринимают шаги по ограничению этой опасной забавы. Ведь с каждым годом все больше происходит пожаров и случаев ожогов, ранений, причиной которых стало неосторожное обращение с хлопушками. Нередко в новогодние дни в переулках можно увидеть едва научившихся зажигать спички детей, уже вооруженных целым ворохом ракет. На рынках появляется немало самодельной, крайне ненадежной и опасной пиротехники. Вот почему полицейские вынуждены осматривать багаж пассажиров, изымая из него взрывоопасные «гостинцы».

Праздник — большая радость для пекинцев, но он требует и немалых дополнительных расходов. В Китае считают, что как встретить Новый год, так он в будущем и сложится. За несколько месяцев до него семья начинает откладывать деньги. В пекинских магазинах нет дефицита на продукты, однако, чтобы купить к столу что-нибудь повкуснее, приходится немного раскошелиться. Поэтому-то и необходимы дополнительные сбережения, да и прошлогодние долги в соответствии с традицией следует обязательно вернуть накануне Нового года.

В предпраздничный день работу заканчивают пораньше. Торговые улицы, рынки и магазины до отказа заполняются народом. Озабоченные, возбужденные, но веселые пекинцы спешат по домам с полными авоськами, в которых тесно уложены куски парной нежирной свинины, бутылки с арахисовым, кукурузным, кунжутным и бог весть каким еще растительным маслом, соевым соусом и пряными приправами, куриными яйцами, которые продаются здесь на вес, с полюбившимися горожанам мягкими воздушными батонами белого хлеба, упакованного в целлофан. Свешиваются из сумок широкие рыбы хвосты, на багажниках велосипедов позвякивают в коробках большие, по 0,7 л., бутылки пекинского, циндаосского, гуанчжоуского пива, безразлично глядят в убегающий из-под колес асфальт подвешенные за лапы к рулю живые куры. По случаю предпраздничной торговли в гастрономах пря-

мо в залах и в витринах выставляют пирамиды разнокалиберных бутылок с 60-градусной китайской водкой и сладким вином. Но... равнодушно проходит покупатель мимо этого сияющего великолепия, а скучающая продащица с удивлением и даже обидой вскинет на вас глаза, если вы спросите ее о достоинствах той или иной водки: обычно китайские женщины за всю свою жизнь не прикасаются к вину, да и большинство мужчин относится к спиртному без особого интереса.

Согласно традиции, праздничный ужин следует приготовить за несколько часов до наступления полуночи: ведь на кухне неизбежно приходится пользоваться ножами, а ими можно невзначай отрезать и потерять уже предназначенное судьбой счастье. К новомуднему столу почти всегда подают пельмени, которые обычно лепят всей семьей.

Многочисленные обряды, сопутствовавшие празднику, ушли в прошлое в городах, где уже забыты поклонение предкам, посещение их могил, заклеивание бумажными ярлыками входных дверей перед полуночью, чтобы не проникли в дом «злые духи». Сегодня в Пекине сохранилась традиция спокойного семейного застолья у телевизора, вручения друг другу подарков (подарки могут быть самыми разными, но обязательно упаковываются в красивую оберточную бумагу) да устройства грандиозного самодельного фейерверка. В полночь над Пекином раздается оглушительная канонада, фонтаны огня поднимаются вверх со дворов и с балконов многоэтажных домов, улицы окутываются черным дымом и... в восторге все — от мала до велика. Пальба, постепенное затихая, продолжается до утра, и новый день застает пекинские улицы усыпанными бумажным крошевом — остатками хлопушек и ракет.

В последующие два-три дня Пекин отдыхает. Но потом целых две недели по вечерам городские парки и храмы наполнены празднично оживленными людьми. Самые многолюдные гуляния проходят в храмах Байюньгуань, Дачжунсы и в парках Дагуаньюань, Дитань, Цычжюань. Здесь можно увидеть представления акробатов и фокусников. В центре внимания публики обычно находятся экзотические танцы львов и драконов. Можно потолкаться и среди бесчисленных лотков со множеством забав-

ных и бесполезных вещей, у дымящихся котлов и жаровен отведают приятно обжигающие на морозе пекинские горячие закуски.

Легенды связывают появление танца львов с эпохой Южных и Северных династий. В соответствии с ними в 466 г. н. э. войска императора Вэнь-ди в войне с южными народами встретились с противником, применившим в сражениях боевых слонов. Китайцы, столкнувшись с этой грозной силой, понесли большие потери и терпели поражение за поражением. Наконец один из военачальников предложил оригинальный выход из положения, рассудив, что слоны обязательно должны испугаться львов. Живых львов в Китае никогда не было, но в войске закипела работа: из пакли и полотна сшили множество «львиных» шкур с ярко раскрашенными мордами и широкими зубастыми пастьями. В каждую шкуру влезали по два воина, которые и приводили «льва» в движение.

Наступил день решающего сражения. «Львы» укрылись в зарослях, а по краям будущего поля боя солдаты тайно вырыли и замаскировали «волчьи ямы». Началось сражение, и, как только в боевом порядке противника заняли свое место слоны, под грохот барабанов из зарослей выскочили, страшно оскалившись, «львы». Слоны побежали, сбрасывая седоков, сминая ряды своих войск и проваливаясь в ямы. Победа императорских войск была полной. С тех пор в торжественных случаях китайские солдаты исполняли танец львов. В XIV—XV вв. этот танец в праздник Весны появился в деревнях провинции Гуандун, а впоследствии распространился по всему Китаю. При этом он символизировал защиту в новом году от всевозможных несчастий.

Почти столь же давнюю историю имеет и танец драконов. Уже в VII в. н. э. он часто включался в праздничные обряды. Считалось, что в танце дракона выражается преклонение людей перед этим могущественным существом и просьба к нему укротить ветры и пролить на землю ровно столько дождей, сколько необходимо для получения щедрого урожая.

Для исполнения танца из полотна, бумаги, проволоки и ивовых прутьев изготавливается ярко раскрашенный дракон. Он может достигать 8—10 м в длину. Тело дракона состоит из соединенных вместе частей (их число обяза-

тельно должно быть нечетным: 9, 11 или 13), каждую часть с помощью прикрепленного к ней шеста несет один участник танца. Под грохот барабанов и медных тарелок дракон, плавно извиваясь, движется перед зрителями, взмывает высоко вверх и прижимается к самой земле, совершает волнообразные движения и свивается эффектным кольцами. Управление драконом требует высокой слаженности исполнителей, поэтому тренировки начинаются задолго до праздника Весны. Когда-то устраивались настоящие состязания между поселками и городскими районами: чей дракон лучше? От села к селу и по городским улицам драконов сопровождали толпы зевак и болельщиков. Увы, сегодня в Пекине уже не бывает таких красочных и шумных процессий и драконов не выпускают за пределы отведенных для них площадок.

Две недели гуляний после встречи Нового года завершает Юаньсяоцзе — своеобразный праздник, отмечаемый в первое полнолуние после Чуньцзе, то есть на 15-й день первого лунного месяца. История этого праздника уходит во II в. до н. э. Император Вэнь-ди (179—156 гг. до н. э.) из династии Западная Хань в этот день занял трон, одержав нелегкую победу в борьбе с соперниками. С тех пор он ежегодно выходил из дворца вечером 15-го числа первого месяца, чтобы повеселиться вместе с народом. Название праздника составляет три слога: «юань» — первая, начальная; «сяо» — ночь и «цзе» — праздник. Таким образом, это — праздник первой ночи императора Вэнь-ди на троне.

Как и праздник Весны, пекинцы отмечают Юаньсяоцзе в семейном кругу. К ужину обязательно подается особое блюдо — юаньсяо, представляющее собой отваренные в воде белоснежные шарики из рисовой муки размером с небольшое куриное яйцо. Юаньсяо, история которых насчитывает уже больше тысячелетия, бывают более чем десяти разновидностей, и настоящие гурманы в канун праздника не поленились обойти несколько магазинов, чтобы отыскать то, что нужно для их приготовления. А вообще-то юаньсяо на вкус европейца пресноваты и вязковаты, и их основное достоинство заключается в том, что блюдо это является символическим пожеланием семье быть всегда вместе и жить счастливо.

Есть у Юаньсяоцзе и другое название — Дэнцзе (праздник Фонарей).

Дело в том, что в I в. н. э. в Китае распространился буддизм, и с 67 г. н. э. император Мин-ди (58—75 гг. н. э.) из династии Восточная Хань ввел обычай посещать в этот день храм и зажигать фонари в знак почтения к Будде. Красочный обряд сразу полюбился народу. В правление династии Мин в Пекине с 8-го по 17-е число первого лунного месяца тысячи фонарей зажигались на улицах Дэншикоу и Цяньмэньдацзе, здесь же шла бойкая торговля ими. В наше время большую популярность получили выставки-конкурсы фонарей, которые разворачиваются в пекинских парках Цзычжюань, Юаньминьюань и других. Отдельные мастера, предприятия, фирмы, университеты и воинские части готовят к празднику свои конструкции: традиционные четырех- или шестигранные светильники, сделанные из бумаги, шелка или стекла, украшенных рисунками в жанрах «вода и горы», «цветы и птицы», надписями-загадками. Но встречается немало и сложных многоярусных композиций с подвижными элементами, воспроизводящих сцены из классических литературных произведений или содержащих современные мотивы; пользуются успехом фонари в виде драконов, львов, фениксов. И несмотря на то, что в это время года по вечерам мороз бывает еще достаточно крепким, толпы пекинцев допоздна заполняют аллеи парков, любясь волшебными огнями.

В эту пору года все живут ожиданием близкой весны. Горожане скучают по теплу солнцу, устав от вечно дмящих чугунных печек, рассыпающихся угольных брикетов, полухолодных батарей (в домах, где они есть), от скудости овощных прилавков. И еще одно неудобство досаждаст пекинцам на рубеже зимы и весны — частые пыльные бури.

Нередко бывает так: улицы уже заливают яркий солнечный свет, кое-кто уже распахивает теплое пальто, как вдруг в переулках, поднимая пыль и мелкий мусор, начинает завывать ледяной ветер, налетевший с песчано-каменной пустыни Гоби. Вскоре на город обрушивается многотонная масса принесенного бурей песка, а солнечный свет, преломляясь в кристалликах кварца, приобретает синеватый оттенок. Пыль забивается в нос и заставляет велосипедистов, тяжело вращающих педали, невольно зажмуриться, проникает под одежду, оседает на подоконниках, скрипит на зубах.

Пекинцы вынуждены защищать лицо марлевыми повязками, да и вообще без большой необходимости стараются не выходить на улицу. Но... попробуйте посоветовать на пыль старожилу Пекина. «Э-э-э, — скажет он вам, — разве это пыльная буря? Вот раньше бывали бури!» Действительно, в последние десятилетия горные массивы в окрестностях Пекина, да и городские улицы интенсивно засаживают деревьями и кустарником. Посадки обычно производят осенью и в начале марта, доставляя из питомников взрослые деревья. Их устанавливают в ямы, корни засыпают землей, а стволы укрепляют несколькими толстыми веревочными растяжками, с тем чтобы ветры не повалили еще не успевшее приняться дерево. Вот эти-то посадки и принимают теперь на себя значительную часть приносимой из пустыни пыли.

Наконец, к апрелю, ветры стихают, появляются первые цветы и зелень, наступает период лунного календаря Цинмин (чистый, ясный). Однако Цинмин — это и название древнего праздника, из традиций которого до наших дней сохранился только обычай поминовения умерших родственников, посещения их могил. Когда-то в окрестностях Пекина располагалась масса родовых кладбищ, на остатки некоторых из них и сегодня еще указывают небольшие рощицы сосен и кипарисов. С середины 60-х годов нашего века в целях экономии земли в столице для всех умерших горожан в обязательном порядке введена кремация. Поэтому новых могил не появляется, а пекинцы символически посещают в Цинмин кладбища Бабаошань в западной пригороде и Ваньань неподалеку от храма Вофосы. По своей сути Цинмин должен быть днем спокойным, настраивающим на философские размышления. Но...

Цинмин — единственный из традиционных праздников, отмечаемых в строго фиксированную дату по григорианскому календарю: 5 апреля. В 1976 г. в стране сложилась неустойчивая обстановка. Народ был измотан десятилетием «культурной революции». Безнадежно больной Мао Цзэдун уже не мог, да, возможно, и не желал обуздать группу, раскручивавшую новый виток «классовой борьбы» и получившую впоследствии название «банды четырех». 8 января 1976 г. умер любимый китайцами Премьер Чжоу Эньлай, в котором они видели

едва ли не единственного защитника от бесчинств «революционеров». Тело Премьера было кремировано, и, согласно воле покойного, пепел развеяли с самолета над горами и реками Китая. Велики были скорбь и отчаяние пекинцев, велики настолько, что они решились на невиданный по тем временам шаг: в праздник Цинмин народ стихийно вышел на площадь Тяньаньмэнь.

Это событие вошло в историю как «кампания народного поклонения памяти Чжоу Эньлая». Море бумажных венков заполнило постамент памятника Народным героям и площадь вокруг него. Появились многочисленные листовки — дацзыбао, в которых не только выражалось почтение к Чжоу Эньлаю, но и звучала критика в адрес Председателя Мао и «четверки». В ночь с 5 на 6 апреля власти распорядились очистить площадь, венки спрятали в здании охраны, стоявшем в юго-восточном углу Тяньаньмэнь. А днем здесь произошли стычки между небольшими группами полицейских и гражданских лиц, завершившиеся поджогом помещения охраны. По свидетельствам очевидцев событий, все это походило на заранее подготовленную инсценировку. К вечеру того же дня полиция разогнала толпы пришедших на площадь пекинцев, а 7 апреля официальная пропаганда объявила о том, что виновником попытки «контрреволюционного переворота» явился Дэн Сяопин, что он уже снят со всех своих постов в партии и государстве (члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета, начальника Генерального штаба НОАК) и что Мао Цзэдун назначил своим преемником на посту Председателя ЦК КПК Хуа Гофэна (произнеся при этом свою знаменитую фразу: «Когда дело в твоих руках — я спокоен») ... До смерти Мао и бесславного завершения «Великой пролетарской культурной революции» оставалось меньше полугода.

Отличительная черта пекинского апреля — буйное цветение по всему городу самых разных кустов и деревьев. Слово разноцветный туман, стоят над журчащей речушкой белые, розовые, желтые и голубоватые вишни в ущелье Интаогу за храмом Спящего Будды. На набережных парка Ихэюань густо покрыты крупными яркими цветами сливы. В северо-западном уголке парка Юйюаньтань, что за высотным зданием

нового Центра цветного телевидения, привлекает толпы зевак японская сакура. Цветут деревья в древних двориках, в яркие краски одеваются скверы вдоль современных автомагистралей. Особое зрелище — распускающаяся магнолия. Эти деревья любят солнечные, укрытые от ветра уголки, какие можно найти внутри Чжайгуна в храме Неба или между корпусов гостиницы «Дружба». Но самые роскошные растут во дворе жилых покоев вдовствовавшей императрицы Цыси в Летнем дворце. Пекинцы приходят сюда целыми семьями, подолгу любуются магнолиями, фотографируются под ними (а надо отметить, что они вообще очень любят фотографироваться) и даже пытаются, насколько это им удается, изобразить в своих блокнотах прекрасные и недолговечные цветы.

«Потоки воды уносят лепестки цветов, и весна тоже проходит», — гласит древнекитайская мудрость. По лунному календарю на первую декаду мая приходится период Лися — начало лета. 1 мая в Китае выходной день. Праздник обходится без демонстрации, только в центральных парках Пекина устраиваются выступления певцов, музыкантов, акробатов, фокусников, мастеров ушу, цигун и тайцзицюань. Играют оркестры, повсюду видны яркие группы участников детских танцевальных ансамблей, на прудах жужжат радиоуправляемые модели кораблей. К сожалению, вход на эти гуляния — только по приглашительным билетам, и подавляющее большинство пекинцев 1 мая проводит дома или в ближайших скверах и парках.

В начале мая отмечается еще один революционный праздник — годовщина движения «4 мая». Однако день этот — рабочий, отличается от обычных проведения митингов молодежи на площади Тяньаньмэнь, да появлением тематических статей в газетах. В мае прогревается вода и на берегах рек, каналов и озер появляются многочисленные любители рыбной ловли. Наиболее распространенные способы ужения в Пекине имеют существенные отличия от принятых в Европе. Здесь многие пользуются длинным, до 5 м длиной, удилищем, без поплавка и грузила. К концу лески привязывают целую гирлянду крючков, которую закатывают в приманку. Получается шар размером почти с теннисный мяч. Секрет состава приманки каждый рыбо-

лов держит в тайне. Сильным взмахом шар забрасывается чуть ли не на середине водоема, удилище закрепляется на специальной подпорке, и рыбак может спокойно отдыхать в тени. В это время жирная ленивая рыба находит приманку и, медленно съедая ее, заглатывает крючки. Выждав необходимое время, хозяин удочки вытаскивает улов, помогая себе большим сачком — ведь в Пекине рыбыны весом в 15 кг — не редкость.

Что особенно радует горожан с наступлением лета — так это начинающееся овощное изобилие. Рынки полны зелени, свежих огурцов, помидоров, капусты разных сортов. Прилавки завалены грудями свежего чеснока, кипами салата, аниса, шарообразными синими кабачками. А с началом июня нарастает оживление у арбузных палаток. В середине месяца город заполняется тяжелыми грузовиками, груженными арбузами из провинции Шаньдун, грязные коренастые лошади ташат в Пекин телеги на резиновом ходу из деревень провинции Хэбэй, почерневшие от солнца крестьяне из пригородов столицы крутят педали трехколесных велосипедов. Арбузы продаются повсюду: на базарах, на улицах, у входа в парк и музеи, они становятся непременно десертом во всех ресторанах. Газеты публикуют сводки и прогнозы цен на арбузы, радио и телевидение сообщают: «Цены на арбузы падают!» День и ночь продавцы не покидают своих мест, ночуют тут же, рядом с арбузами под легким полотняным тентом. Выкрикивают название сортов: «Чжэнчжоу сань хао!» («Чжэнчжоуский номер три» — один из самых сладких сортов). У каждого продавца над головой висит планшет, крашенный в черный цвет, на котором мелкими пишется цена за полкило. Чем арбуз крупнее — тем обычно выше цена.

Проходит две-три недели, «арбузная лихорадка» постепенно спадает, сезон проходит, и понемногу поднимаются цены. Но это уже не очень беспокоит пресытившихся арбузами горожан, ведь на прилавках появляются персики — еще одна страсть пекинцев.

Июль и август в китайской столице — самое жаркое время года. Погоду, когда из-за горячего влажного тумана, окутывающего город, нельзя различить линию горизонта, называют «футянь» («низкое небо»). В «футянь» сокращается рабочий день в госучреждениях и иностран-

ных представительствах. Никому не хочется совершать лишних движений: каждое вызывает обильную испарину, мучает жажда, но выпитая чашка воды тут же оборачивается малоприятными ощущениями — и брюки, и рубашка прилипают к телу. В это время мечта любого пекинца — сесть в легкой одежде где-нибудь в тени на ветерке, обмахиваясь веером и попивая мелкими глотками тонизирующий зеленый чай. Когда солнце опускается к горизонту, оживают берега водоемов. Игнорируя грозные запреты на купание, помещенные на специальных щитах, стар и млад лезет в мутную, замусоренную воду, чтобы хоть немного остыть после изнурительного, жаркого дня. Плавательных бассейнов Пекину катастрофически не хватает, да и попасть туда может далеко не каждый.

С наступлением сумерек почти все население города выходит на воздух и не спешит возвращаться в душные помещения, кое-кто даже спать устраивается во дворах и на тротуарах, вытаскивая сюда раскладные кровати. Определенное разнообразие в это жаркое время года внесли городские власти, организовавшие с 1988 г. в парке Бэйхай грандиозное зрелище — Ляньхуацзе (праздник Лотосов).

Праздник требует значительных приготовлений, так как в нем участвуют мастера не только из столицы, но и из провинций. Сначала на больших грузовиках в парк завозят контейнеры, из которых осторожно извлекают и монтируют декорации будущего праздника. Весь Бэйхай покрывается красочными композициями: белая пагода на острове опоясывается огромными розовыми лепестками и становится похожей на распускающийся лотос, вдоль берегов озера устанавливаются плоты с фигурами небожителей, персонажей классических романов, с объемными изображениями рыб. Разноцветные гирлянды украшают аллеи, беседки, мосты и арки. Вечером, когда наконец открываются ворота для посетителей, и взрослые, и дети замирают от восторга: светится белая пагода, пляшут над озером зеленые лазерные лучи, скользят по зеркальной воде ярко освещенные прогулочные корабли, выполненные в виде императорских лодок, светятся изнутри гирлянды. Но самое неожиданное в том, что приходит в движение замысловатые конструкции, устроенные на ступенях древних храмов. Гремит му-

зыка, и механические фигуры разыгрывают целые сцены из старинных опер, шевелят головами драконы, веселые гномы обступают Белоснежку, в облаках парят прекрасные феи. А в павильонах — новые чудеса, которыми любят поражать пекинцев мастера из города Чэнду провинции Сычуань: многометровый живописный дракон из сахара и карамели, еще один дракон, но уже сложенный из тысяч фарфоровых блюдец, тарелок, пиал, чашек, ложек и чайников. Рядом — такой же феникс, чуть дальше — бодисатва Гуаньинь... и нет счета новым и новым чудесам. Лишь к полуночи посетители нехотя покидают этот радужный сказочный мир.

Продолжается Ляньхуацзе несколько недель. В этот же период стоит выбрать куда-нибудь на природу и полюбоваться цветущими зарослями лотоса. Особенно хороши они в парке Цзычжунюань, в Летнем дворце, на озере Хоухай и в парке Циняньху.

Вообще-то лето в Китае небогато праздниками. Еще не так давно ежегодно широко и торжественно отмечалась годовщина создания Народно-освободительной армии Китая, датой рождения которой считается 1 августа 1927 г. Однако в последние годы этот праздник проходит почти незаметно, ограничиваясь рамками официальных собраний.

К середине сентября жара в Пекине спадает, устанавливается тихая ласковая погода. На площади Тяньаньмэнь по вечерам любители запускают причудливых воздушных змеев. Воздух над городом наполнен в эти дни гулким протяжным звуком — прохожий поднимает глаза вверх в поисках снижающегося реактивного самолета и видит лишь высоко парящих голубей, к перьям которых пекинские голубятники привязывают особые полые свистки.

Вот в это-то благодатное время и приходится в 15-й день восьмого лунного месяца Чжунцзюцзе — праздник Середины осени, известный в Китае с глубокой древности и завершавший сезон полевых работ, уборки и обмолота урожая. Сегодня пекинцы сохраняют старую традицию веселого дружеского застолья на открытом воздухе с главным угощением — «лунными лепешками» и с созерцанием полной осенней луны.

Удивительно, но в этот вечер над Пекином всегда тихо и безоблачно, и часов около шести вечера в темное небо спо-

койно и величественно поднимается сияющий лунный диск. В Китае существует поверье о том, что если люди, даже разделенные огромными расстояниями, в праздник Середины осени одновременно любят и думают друг о друге, то они как бы оказываются рядом.

Юэбин («лунные лепешки») — непрерывная принадлежность праздничного стола. С их происхождением связаны многочисленные легенды, и в одной из них рассказывается о временах заката монгольской династии Юань. Опасавшиеся народного гнева правители запретили китайцам иметь оружие. существовало даже такое ограничение, когда на десять семей разрешалось иметь только один кухонный нож. Всюду были шпионы и осведомители. Как в таких условиях сплотиться для совместной борьбы? Патриоты нашли способ вложить листочки бумаги с призывом к восстанию в лепешки, которыми торговали на рынке перед праздником. Когда вечером люди сели за праздничный ужин и принялись за лепешки, призыв был обнаружен и народ поднялся на борьбу с чужеземными правителями.

С тех пор лунные лепешки стали не только любимым лакомством, но и распространенным традиционным подарком родственникам и друзьям в дни осеннего праздника. Выпекаются они из пшеничной муки с самой разнообразной начинкой: сахаром, фасолью, вяленым мясом, ветчиной, сверху могут украшаться цветной глазурью и тисненым рисунком. Продаются юэбин во всех продуктовых магазинах города на вес и упаковываются в красочные картонные коробки, которые накануне праздника пекинцы закупают целыми связками.

Вскоре за Чжунцзюцзе наступает самый главный государственный праздник в стране: Гоцинцзе — годовщина образования КНР, отмечаемая 1 октября.

Непрерывной частью торжеств в 50-е годы был военный парад на площади Тяньаньмэнь. Руководство страны хотело, чтобы он ни в чем не уступал подобному зрелищу на Красной площади в Москве, и даже привлекло к подготовке советских военных советников. Эти парады стали одной из главных причин коренной реконструкции площади. Во-первых, потребовалось построить гостевые трибуны, а во-вторых, при подготовке парада в 1952 г. выяснилось, что древние ворота Императорского города Дунчань-

аньмэнь серьезно затрудняют выход на площадь танковой колонны. В канун праздника, несмотря на возражения старых пекинцев, правительство приняло решение снести ворота, что и было исполнено в ту же ночь. Позже разобрали и находившиеся напротив ворота Сичань-аньмэнь.

После 1959 г. было принято решение устраивать только юбилейные парады, однако «культурная революция» помешала проведению таких юбилеев. Лишь 1 октября 1984 г., в 35-ю годовщину образования КНР, состоялась грандиозная демонстрация возросшей военной мощи Китая. Перед трибунами прошли новая бронетанковая техника и стратегические ракеты. Принимал парад Председатель Центрального военного совета и Военного совета ЦК КПК Дэн Сяопин.

Интересно оформляются к этому празднику улицы города. На видных местах возводятся замечательные по своей сложности и красоте композиции из осенних цветов. Под них сначала сооружают помост и каркас из реек, досок, металлических труб и проволоки. Затем в центре устанавливают искусно сделанную из зеленых веток и цветов фигуру: дракона, павлина, слона и т. д., а помост плотно заставляют цветами в глиняных горшках, которые образуют красочную клумбу. С особым искусством и выдумкой оформляется площадь Тяньаньмэнь. Здесь в октябре 1987 г. миллионы пекинцев любовались фонтанами и прудами, среди которых возвышались сплетенные из цветов и зеленых ветвей сооружения, имитирующие Великую китайскую стену и пагоду в городе Яньань, тайваньскую двойную беседку и лодку, на которой проходило конспиративное заседание I съезда КПК. На следующий год площадь украсила совершенно иная композиция, только было решено впредь не устанавливать здесь портреты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

1 октября в центральных парках проходят такие же гуляния, как и 1 мая. Вечером иногда устраивается праздничный фейерверк.

Примета октября — появление красочных календарей на следующий год. Календари на любой вкус свешиваются с потолков книжных магазинов, скрывают стены домов рядом с газетными прилавками. Особой популярностью пользуются календари с видами экзотических стран, с европейскими красави-

цами и, конечно, с репродукциями произведений известных китайских художников.

Октябрь прибавляет пекинцам забот. Прежде всего необходимо на всю зиму запастись капустой. Каждая семья заготавливает несколько десятков килограммов удлинённых кочанов. Государство субсидирует некоторую часть закупок капусты для служащих, рабочих и пенсионеров, но капуста требуется много, и разговоры о ценах на нее чрезвычайно занимают горожан. Используя последние погожие дни капусту подсушивают, раскладывая ее прямо на земле во дворах и на тротуарах. А потом до самой весны штабеля побуревшей капусты будут загромождать лестничные клетки, коридоры и балконы, издавая резковатый запах и вызывая недовольство соседей в адрес друг друга. Однако обойтись без этих заготовок нельзя: зимой цены на свежие овощи резко повышаются, и семьи с невысоким достатком вынуждены добавлять капусту в бедную витаминами пищу.

До наступления холодов пекинцы обзаводятся и чугунными печками, и новыми жестяными трубами к ним. В морозные зимние дни такую копящую трубу нередко можно увидеть торчащей из окна современного многоэтажного жилого дома.

К концу ноября горожане одеваются в длинные и толстые ватные пальто и стеганые теплые куртки, однако многие в любой мороз не признают шапок. Двери магазинов традиционно закрываются тяжелыми коленкоровыми занавесями, удерживающими тепло, а в самих торговых залах выставляются пышущие жаром чугунные печи, на которых пыhtят чайники с кипятком для персонала.

Зима в Пекине обычно бывает бесснежной и солнечной, но морозы достаточно сильны для того, чтобы озера покрылись прочным гладким льдом. В давние времена катание на коньках по льду озера Чжунхай существенно оживляло чрезмерно чопорную атмосферу императорского двора. Сегодня катки стали любимым зимним развлечением пекинцев. Катание отличается своеобразием: все пользуются почти исключительно беговыми коньками, а передвигаются преимущественно по кругу шириной в десять — пятнадцать метров. Наибольшей популярностью пользуются катки в парке Бэйхай, на озере Хоухай, в Летнем дворце.

Определенное оживление в жизнь Пекина зимой вносит католическое Рождество. Проходит праздничная служба в нескольких вновь открытых после «культурной революции» храмах. Рестораны, гостиницы и магазины, стремясь привлечь многочисленных западных туристов, используют приближение Рождества для рекламы своих услуг и товаров. Все это вызывает немалое любопытство пекинцев, особенно молодых, с энтузиазмом пробующих примерить к себе европейские привычки и обычаи — мостик в заманчивый заокеанский свет.

В Китае, как и во многих других странах мира, 1 января — выходной день. Однако здесь никто не воспринимает его как достойную альтернативу празднику Весны. Вот когда придет Чуньцзе, все наполнится привычным и понятным смыслом, и в новом году все повторится в

очередной раз. Где-то сломают старые лачуги и засыпят землей ненужный канал, а рядом восстановят во всей красе древний храм и возведут сверкающий гранями небоскреб. И все реже можно будет увидеть на улицах аккуратных старушек, обутых в крохотные черные туфли, но обязательно наступит в Пекине весна, и вывезут на прогулку краснощеких китайчат в бамбуковых тележках, верой и правдой служивших еще дедам и прадедам сегодняшних пекинцев.

Так старое и новое, история и современность переплетаются в жизни китайской столицы, подобно могучим драконам, играющим с волшебным жемчугом «Исполнение желаний».

*Пекин — Москва,
1985—1990 гг.*

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

На пересечении цивилизаций

Г. СУХАРЧУК

Л. А. Боровкова. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1989, ц. 1 р. 90 коп.

В издательстве «Наука» вышла в свет с виду и по объему скромная монография Л. А. Боровковой под сугубо деловым, суховатым названием. Думается, поэт назвал бы исследование это, скажем, так: «Ключ к тайнам Земли, где пересеклись пути Востока и Запада». И не ошибся бы в таком определении содержания этой работы.

Уже не одно столетие исследователи и путешественники из разных стран заняты проблемой определения того, какие государства и народы населяли в античные времена и в раннее средневековье обширный регион Центральной Азии, прости-

рающийся между великой пустыней Гоби и восточными берегами Каспийского моря, в каких именно местах и в какие эпохи располагались те или иные владения. Без выяснения этих, так сказать стартовых, условий всякие попытки выяснить историю отдельных народов, особенно их взаимодействия, неизбежно приводят к искажениям истины. Не будут выяснены стадии исторического развития, этногенез тех или иных образований, не получат достоверной оценки глубина и интенсивность этнокультурных, лингвистических и других взаимовлияний.

Для решения названных задач применяются в основном географические, лингвистические, археологические методы локализаций различных образований. Л. А. Боровкова пошла другим путем. В основе ее подхода — тщательный сравнительный анализ официальных ди-

* См. Г. Д. Сухарчук. Слабый народ — сильное государство. ПДВ.— № 4, 1991.

настийных историй. Впрочем, дадим слово автору.

«Приложенные карты-схемы составлены по данным древнекитайских династических историй. (...) Взятые вместе, они позволяют проследить те изменения, которые произошли с II в. до н. э. по VII в. н. э. в политической ситуации в том регионе, о котором в результате государственных контактов при дворах последовательно сменявших друг друга китайских империй были получены сведения. (...) Настоящее же изучение истории межгосударственных отношений Китая со странами этого края можно начать только после историко-географического определения их местоположения. (...) Географические методы исследования, применяемые в работе, позволили установить местонахождение древних государств не по случайному фонетическому созвучию их названий с более поздними и даже современными, а по географически проверяемым сведениям источников. Предложенные методы могут быть использованы для подобных историко-географических исследований по другим, соседним с Китаем, регионам, описания которых есть в китайских источниках. А это позволит создать научно обоснованные карты этих регионов».

В пользу авторского подхода говорит то, что Л. А. Боровкова начинает исследование с тщательной проверки «трех ключевых проблем» историко-географического исследования западной части Центральной Азии, воспринимавшихся прежде как аксиомы. Сомнения в «аксиомах» прошлых исследований и выяснение их истинности «вынуждали к скрупулезному изучению как многих частных, так и общих проблем» (с. 16—17). Пришлось, например, провести специальное исследование истории Юэчжи по китайским источникам, истории Самоцзянь (Кан, тулукоских владений и т. п.). Так, казалось бы, частный вопрос локализации вырастает в крупную проблему исследования региона в целом.

Автор неоднократно подтверждает свое положение о высокой степени достоверности официальных китайских источников, на которых строится работа. Вообще подход автора утверждает авторитет того направления исследователей древности, которые склонны более доверять древним известиям. Ведь именно доверие к Гомеру привело к открытию Трои!

Тщательный анализ исторического ма-

териала дает веские основания заявить, что во II—I вв. до н. э. китайцы не знали о Памире и в то время не могли идентифицировать Цунлинь именно с Памиром — точка зрения широко распространенная в науке (с. 34). Цепь логических рассуждений на базе данных «Историй» приводит к выводу, имеющему ключевое значение: река Гуйшуй китайских документов — это не Амударья, а Сырдарья. Тем самым намного точнее предшествующих исследователей автор «привязывает» историю региона к всемирной истории. Более того, она вводит ее истинный исторический масштаб (последняя треть II в. до н. э.).

Л. А. Боровкова осуществляет перекрестную проверку для локализации государства Юйми: данные Банью, историка ханьского времени, и современные географические описания региона, сделанные В. М. Синецким, неизвестным с древнекитайскими историческими сочинениями. Сличение этих описаний образует сетку координат, указывающих местоположение искомой территории. Далее уже «совсем просто»: следует цепь территорий, поиск которых определен точно найденной точкой отсчета. Тем самым еще раз подтверждается исключительная плодотворность поиска на стыке наук. Четкий «перекрестный анализ» дает весьма точное местоположение города Ланьши, столицы древнего государства Дася (затем — Юэчжи), «на пути от нынешнего Ленинабада к Душанбе» (с. 58), а не около Термеза или Балхаша в долине Амударьи.

Следует осторожное предположение о том, что древнее Аньси «представляло собой независимое от Тяочжи (Парфии) Согдийское царство» (с. 60). Но это только «предположение, сделанное по ограниченному кругу сведений», — неизвестных истории данного региона, добавим мы, и потому особенно важных.

Анализ текста из «Ханьшу» приводит к заключению о том, что шаньюй хунну Чжичжи смог за столь короткое время совершить подряд несколько походов против усуней и других владений потому, что они были близкие соседи. А это — ключ к локализации еще целого ряда территорий.

Опровергается локализация, принятая А. М. Мандельштамом, Гаофу в районе современного Кабула, определенная Марквартом и до сих пор бывшая общепринятой (с. 96). Автор убедительно опровергает также идентификации Чжэши и Ташкента после тщательного сопоставления исторических и географических сведений

древних китайских сочинений: Чжэши, если принять во внимание еще данные «Ханьшу», — район к северу от Ферганы (с. 135).

Мастерски дается локализация горного прохода в районе Железных Ворот, о котором упоминал Сюань Цзан. Это не тот проход, который лежит на пути от Самарканда к Дербенту. Таким образом, опровергается еще один распространенный исторический миф: это дорога между современным Ленинабадом и Душанбе. То же можно сказать о локализации Далюситеди в Хороге, Шицини в Ванче и Шами в районе Ишикашима (с. 149—150).

Таким образом, в результате данной работы многие локализации придется пересмотреть, а многие территории вообще впервые получили свою «прописку».

Основная особенность монографии — проведение исследования *по всей* совокупности письменных материалов, начиная с ранних упоминаний, например в «Ханьшу» и последующих династических историях, вплоть до «Вэйшу», показ того, как трансформируется (или сохраняется) расстояние между определенными локалиями, как трансформируется (или не трансформируется) наименование их на протяжении столетий, как меняется или сохраняется этнический состав населения, как меняются пути к ним от известных китайских пунктов (Дуньхуан, Чанань и др.). Все это в совокупности делает локализацию Л. А. Боровковой научной и высокодостоверной. Постоянно идет перекрестное сравнение по ряду письменных источников с привлечением свидетельств географов нового и новейшего времени. Это создает впечатление вящей убедительности и обоснованности приводимых аргументов. Беру на себя смелость утверждать, что внима-

тельное рассмотрение обширного нового материала, вводимого в оборот автором, дает в руки археологов ариаднину нить для нового обследования многих районов.

Исключительная добросовестность удерживает автора от соблазна сенсационных выводов из-за недостатка материала там, где иной не сомневался бы в его полноте (см., например, с. 142 по поводу локализации государств, указанных Сюань Цзаном к западу от древней Самоцзянь — Кан).

В то же время замечание о том, что расстояние между государствами Цемо и Цзинцзюэ было 400 ли, а не 2000 ли, как ошибочно указано в «Ханьшу» (с. 41), — без должного пояснения по поводу столь большой ошибки снижает впечатление от безупречности проделанной большой работы. Определенное разъяснение автора сомнения до конца так и не рассеивает. Также, как нам кажется, малоубедительным является опровержение указания в «Ханьшу» на то, что летняя ставка правителя владения Канцзюй «лежала на самой западной границе его владений» (с. 65), на том основании, что правитель вряд ли выбрал такой район для своей ставки (граница). Думается, здесь надо было более основательно аргументировать свою точку зрения.

Можно, конечно, назвать еще несколько таких мест. Однако это лишь незначительные шероховатости в большой, невероятно трудоемкой многолетней работе, являющейся заметным вкладом в раннюю историю Центральной Азии.

Г. СУХАРЧУК

Технический редактор Л. Харчевникя

Сдано в набор 1.10.91 г. Подписано в печать 19.11.91 г. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 33,6. Уч. издат. л. 24,6. Тираж 14590 экз. Заказ 1614. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам печати 119817. ГСП. Москва,
Г-21, Zubovskiy bulvar, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени

Госула

анизаций

Уведомление о проведении конференции

Развитие добывающей промышленности в Советском Союзе:
Проблемы, перспективы и сотрудничество со странами Тихоокеанского бассейна

*Центр Восток — Запад, Гавайский университет (США),
Институт экономических исследований,
Московский геолого-разведочный институт*

Хабаровск, СССР

*Предполагаемое время проведения конференции:
2—5 июня 1992 года*

Конференция состоится 2—5 июня 1992 года в Институте экономических исследований, г. Хабаровск, СССР. Основная проблема обсуждения: «Развитие добывающей промышленности в СССР: проблемы, перспективы и сотрудничество со странами Тихоокеанского бассейна». Предстоящая встреча является частью двух-летнего проекта совместных научных исследований, проводимых Центром Восток — Запад Гавайского Университета, Институтом экономических исследований и Московским геолого-разведочным институтом. На конференции будут обсуждаться следующие темы:

- Рынок полезных ископаемых
- Рынок энергетических ресурсов
- Геология и ресурсный потенциал
- Совместные предприятия
- Передача технологий
- Торговые потоки товаров потребления
- Развитие Дальнего Востока
- Добывающая промышленность в республиках
- Практический опыт компаний
- Сотрудничество между СССР и странами Тихоокеанского бассейна

Участники конференции посетят Хингамское предприятие по добыче олова, расположенное в 200-х километрах к западу от Хабаровска.

В конференции примут участие только те, кто получит приглашение. Труды конференции будут опубликованы как в США, так и в СССР. Материалы, представленные для обсуждения, будут переведены на английский и русский языки.

Для получения дополнительной информации просим связываться со следующими адресатами:

*Д-р Джеймс П. Дориан
Центр Восток — Запад
1777 Ист-Вест Роуд
г. Гонолулу, штат Гавайи 96848
Д-р Вигалий Борисович
Московский геолого-разведочный
институт
ул. Миклухо-Маклая, 23
Москва 117279 ГСП-7
СССР*

*Д-р Павел А. Минакир
Институт экономических исследований АН СССР
г. Хабаровск ул. Тихоокеанская,
153 68042*

Двухлетний проект совместных исследований по теме: «Развитие добывающей промышленности в Советском Союзе: проблемы, перспективы и сотрудничество со странами Тихоокеанского бассейна» финансируется Комитетом совместных исследований Гавайского университета и Центром Запад — Восток.